

АЛИСА ЧЕРНЫШОВА

О
Ю
Ф

Очень
прекрасный
ПРИНЦ

Annotation

“Спешите прочесть! Скандал в Ледяном Дворце!

Наследный принц нашёл свою пару... но потерял в суете маскарада. Ах, какая таинственная история! Кто эта девушка? И почему же она сбежала? Наше издание стало одним из тех, где принц Или опубликовал обращение к ней: “Та, что пленила моё сердце! Приходи сегодня вечером на бал в Посольском Дворце и спой. Я узнаю твой голос из тысячи...”

Ну разве это не романтично!..”

Я отложила газету, борясь с желанием её разорвать. На стене морозным инеем проступила надпись: “Приходи сама. По-хорошему. Иначе найду! И вот тогда будет хуже...”

Нельзя связываться с прекрасными принцами!

-
- [Алиса Чернышова](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть 1. С чего это началось. 1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20. Часть 2. Блюз обездоленных](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25. Часть 3. Новый Год в Вел-Лерии](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41. Часть 4. Маски долой](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [Интерлюдия 1. О разновидностях рыб](#)
 - [Интерлюдия 2. Две правды](#)
 - [Интерлюдия 3, краткая. Зерно граната](#)
 - [Интерлюдия 4. Лепестки, поезда и зеркала](#)
 - [Интерлюдия 5, очень краткая. Разговор на крыше](#)
-

Алиса Чернышова

Очень прекрасный принц

Пролог

Или, Дракон Льда пока-ещё-наследный-принц

— И как ты всё это объяснишь?! — взревел Ледяной Император так, что даже стены мелко задрожали.

Отец в бешенстве, однако...

Наверное. Или, как вариант, отыгрывает перед приближенными очередной обжигающе-ледяной спектакль. Всё же, наш Дворец порою просто до неприличия напоминает театральные подмостки...

— Не знаю, что вам и сказать, мой Император, — верный маске малолетнего избалованного клоуна, я насмешливо развёл руками. — Неловко вышло.

— *Неловко?* — повторил отец. — Тебе не кажется, что ты выбрал неверное слово, наследный принц?

Ха. Как по мне, так отличное слово; очень полно передаёт весь идиотизм ситуации.

— Я в последний раз тебя спрашиваю: где твоя пара?!

Вопрос дня, чтоб его. Сам себе его задаю! С той секунды, как утром посмотрелся в зеркало.

— И я снова вынужден ответить вам правду: я понятия имею, кто она. Ни малейшего.

По рядам немногочисленных присутствующих драконов, приближенных к Императору, прошли лёгкие волнения. Им явно очень-очень хотелось отойти в сторонку и проржаться, но приличия не позволяли.

Ну что сказать? Тоже бы изрядно повеселился, не окажись в этой ситуации я сам.

— Ты поразительно безответственен, наследный принц! — о, мама. У неё даже зрачок преобразился, стал по-кошачьи вытянутым и длинным. Чую, устроит она мне весёлую жизнь...

Тут в общем-то дело понятное: я первый в истории нашего мира дракон, который так отличился. Позор рода! А мать всегда очень заботилась о репутации семьи — статус обязывал.

— Мои господа, заклинаю, не будьте так строги к мальчику, — госпожа Биланна, родительская фаворитка, выступила вперёд и склонила голову. — Вам ли не знать, сколь путанны порой бывают дороги парности! Особенно в наши дни. И какой порывистой может быть юность... Проявите снисхождение к принцу, очень прошу вас!

Злость родителей немного схлынула. Они переглянулись, безмолвно что-то обсуждая.

Биланна улыбнулась мне одними глазами, будто обещая, что всё будет хорошо. Я ощутил привычный прилив благодарности и тепла: она была для меня второй матерью... А в чём-то, пожалуй, даже первой. Для мамы всегда важнее были дела государственные, а вот Биланна дарила мне любовь.

Болезнь, подтачивающая сейчас её слабое человеческое тело, висела над нами, как приговор. Да, она официально считалась членом Императорской семьи, но это не могло изменить её природы. Что ни делай и как ни продлевай человеческий срок, но люди смертны... Даже нам, драконам, этого не исправить.

Вот и сейчас отец пошёл на попятный... или использовал её слова как повод. Это так на него похоже — маска за ещё сотней масок...

То же самое, собственно, всегда ожидалось и от меня.

— Ты права, моя драгоценность, — сказал он Биланне с нежностью, а после повернулся ко мне и нахмурился. — Наследный принц, знаки на щеках и ауре говорят о том, что ты встретил свою пару. Как мы теперь знаем, знак может проявиться либо спустя полгода после того, как дракон разделит с человеческой парой ложе, либо в случае, если его истинная принадлежит к одной из древних рас и ждёт от него ребёнка.

Да уж, я всё утро прокручивал у себя это в голове. И даже не знаю, какая перспектива пугает больше. Тем более что единственный вариант, пришедший мне в голову, я проверил сразу... с отрицательным результатом.

И отец, судя по всему, тоже это понял.

— В любом случае я полагаю, что проверить всех, с кем ты... проводил свой досуг последние полгода, не станет проблемой.

Уй, папа. Тут как сказать...

— Кио! — отец повернулся к своему побратиму и прищурился с неуловимой для посторонних насмешкой. — Думаю, твоё ведомство

справится с этим за раз. Давно я не поручал вам таких лёгких дел! Ваше задание: найти истинную пару нашего наследного принца. Сказано!

— Услышано, — дядя Кио бросил на меня мрачный взгляд. Вот уж кто точно не питал иллюзий насчёт того, какой геморрой ему только что повесили на шею... И ведь наверняка эта прилюдная просьба — маленькая месть отца за последнюю выходку Ртутных. И все, кому нужно, это понимают...

Что сказать? Сочувствую, дядюшка Кио. Но помочь ничем не могу.

Самому бы кто помог!

*

— Итак, — я закинул ногу на ногу и ослепительно улыбнулся хмурым безопасникам, всем своим видом выражая готовность к сотрудничеству. — Мы пойдём в алфавитном порядке? Или в хронологическом? Но я сразу предупреждаю, что не знаю некоторых имён. Но могу описать внешность... более или менее. Опционально. И да, почему бы нам не попробовать разбить список на группы по десять-двадцать существ? Чтобы проще было вести учёт...

Следователи мрачно переглянулись. Дядя прикрыл ладонью глаза.

Ну да, я предупреждал.

— Давайте попробуем начать с начала, мой принц.

— С начала? Мы можем попробовать, но я не уверен насчёт начала. Некоторые говорят, что во Тьме Предвечной тогда зародился Свет Изначальный... Но вот тот иномирный чудак, что попал к нам лет двести назад, утверждал, что в начале было слово. Если так, то, судя по обстоятельствам, в нашем мире это слово точно было матерным...

Моя уважаемая тётушка, присутствующая тут же, быстро отвернулась, пряча ухмылку. Дядя Кио поднял глаза к потолку, явно безмолвно вопрошая у Неба, за что ему такое вот счастье привалило.

Следователи оказались закалёнными морально ребятами (как от них, собственно, и ожидалось) и на подколки не повелись.

— Начнём с самого начала, мой принц. Полгода назад... Вы помните, что было тогда?

— О да, — я криво ухмыльнулся. — Ещё бы я забыл! Тогда мне в очередной раз пытались найти истинную пару...

Часть 1. С чего это началось. 1

Алисия Майлифф, пока-ещё-свободный музыкант. За полгода до...

*

Бывают на свете предложения, от которых крайне сложно отказаться.

Я получила одно такое с утренней почтой.

Оно легло на мой стол рядом с хрустящими круассанами, ягодами черники и ароматным жасминовым чаем. Белый конверт без опознавательных знаков, дорогая бумага... И лишь лёгкий эксклюзивный аромат духов намекал на личность отправителя. И на то, что о спокойной жизни в ближайшие недели придётся забыть: леди Элизавет, бессменная фаворитка премьер-министра и моя патронесса, не стала бы тревожить попусту.

“Сегодня отменная погода, милая Лисси. Почему бы нам с вами не встретиться в “Рояль” и не поговорить о новых фасонах шляпок?”

Шляпки... Значит, город придётся покинуть ещё до завтрашнего рассвета. Как же это всё не вовремя! Нужно отменить несколько выступлений, снова сославшись на больное горло... Хорошо ещё, что Элизавет всегда оплачивает неустойки из своего кармана.

— Лисси, сердце моё, ты не помнишь, куда я положил новые струны? — папа Буджо, рассеянный, как и всегда, вошёл в столовую. Он помахивал чашкой размером с его голову, слегка пританцовывал в такт внутренней мелодии, был облачён в старый поношенный халат и просто потрясаяюще лохмат. Встреть вы такого человека на улице, увы, наверняка приняли бы за городского сумасшедшего.

Это всегда поражало в нём: совершенное равнодушие ко всему, кроме искусства. А я ведь сделала всё возможное, чтобы вытащить немногочисленных близких из нищеты, окружить любыми богатствами, какие только могут прийти в голову! Я хотела, чтобы он никогда не знал бедности и мог купить себе если не всё, то многое... но даже теперь, когда мы можем себе позволить дом в Сиреновом переулке, когда я могу не ограничивать его счета, он... всё ещё считает,

что только музыкальные инструменты и книги стоят того, чтобы тратить на них деньги.

Таков уж он, этот человек.

— Ленна отнесла их в вашу мастерску, папа, — сказала я с улыбкой. — Меня уверили, что они идеальные.

— Ленна отлично готовит, но ничего не может понимать в музыке, — сказал папа Буджо ворчливо. — Я сто раз говорил, что ей не следует трогать мои инструменты! Они от этого нервничают.

Ох уж мне эти их вечные домашние войны...

— Не будьте так сердиты, папа. Лучше выпейте со мной чаю! А Ленна всего лишь забрала и разнесла почту, как привыкла делать всегда. Стоит ли за это на неё сердиться?

— Она не должна этого делать.

— Ей нравится о нас заботиться. И я вполне уверена, что струны простят её наглое вмешательство, — сказала я, протягивая папе чашку с жасминовым чаем.

— Хм-м, — сказал он рассеянно. — Кстати, о письмах и почте... Я чувствую знакомый запах поразительно вульгарных духов. Неужели тебя снова зовёт леди Элизавет? Эти внезапные и таинственные концерты в её особняке...

— Ничего не поделаешь, — прервала я быстро. — Леди Элизавет добра к нам.

— Её сердце не звучит в ритме доброты, милая, — вздохнул он. — Ты доверчива, вся в меня! Но совсем не умеешь слушать чужие сердца...

Я быстро отпила несколько глотков чая, скрывая реакцию.

Нет, папа. Я усвоила твои уроки. Я умею *слушать*. Я знаю, для чего понадобилась леди Элизавет.

Но в этом большом, постоянно растущем городе, живущем в безумном, рваном ритме, недостаточно быть просто талантливым... недостаточно *просто петь*. Как ты - на площадях, у костров, за копейки. Но достойная ли это жизнь для человека вроде тебя? Нет. А наверх можно пробиться лишь тогда, когда имеешь покровителя...

И покровитель, как правило, имеет тебя.

Просто мне, в отличие от многих других представителей нашего мира искусства, удалось избежать постельных этюдов в загородных особняках пузатых чиновников, отвечающих за развитие культуры,

или избалованных женским вниманием промышленников, эту самую культуру спонсирующих.

Но, что закономерно, моя покровительница ожидает от меня совсем другой работы...

— Не волнуйтесь, папа. Как бы там ни было, это всего лишь очередной концерт. Когда это для меня было проблемой — петь?

— Верно, — его лицо посветлело. — Я всегда говорил, Лисси: твой голос — дар небес.

— Думаю, всё же Бездны, — поправила я со смешком. — Природа такая.

— Значит, Бездны. Какая разница? — воскликнул он запальчиво. — Когда речь идёт об искусстве, то уже не важно, милая, кто тебя одарил. Это не имеет значения! *Ничто* не имеет значения. Просто пой. Играй. Слагай стихи. И не останавливайся! Если и есть что-то прекрасное, что-то настоящее на этом свете, то это наверняка — искусство.

— Да, папа, — сказала я. — Тут мы с вами солидарны.

Лица лгут, слова лгут, мысли лгут — мне ли не знать? Но музыка не лжёт никогда.

И я никогда не лгу... пока пою или играю.

Только в эти моменты я настоящая.

*

Мне ужасно не хотелось натягивать на себя парадную маску знаменитой певицы; будь на то моя воля, я предпочла бы примерить одно из ежедневных неприметных лиц. Смазливый мальчишка-водитель, горничная, чьё лицо усыпано веснушками...

Но у леди Элизавет есть свой стиль. Она предпочитает прятать на самом видном месте — и, возможно, в некоторой логике ей не отказать.

Потому-то встречи наши она обычно обставляла с помпой, у всех на виду, чтобы никто не сомневался — смотрите, здесь две праздные дамы обсуждают какие-то женские глупости. Какой с них, право, спрос?

Мало кто подозревал об истинной власти леди Элизавет; мало кто знал её с другой, теневой стороны. Отлично образованная, властная,

хитрая женщина, она предпочитала использовать красоту и женственность, как ширму. Она, казалось, была идеальна в любое время дня и ночи...

И того же ждала от своих протеже.

Потому в “Рояль” я приехала на съёмном мобиле, в облике сверкающей, как новогодняя игрушка, обворожительной блондинки. Эта роль была мне знакома, и я отыгрывала её сотни раз: дожждаться, пока водитель откроет дверь, кивнуть метрдотелю, позволить проводить себя на площадку для особых гостей, мимолётом улыбаясь немногочисленным посетителям...

Быть дамой полусвета — это тоже игра. От неё можно получать удовольствие, да.

Но, на мой вкус, не слишком долго.

— Милая Лисси, рада видеть вас, — Элизавет небрежно махнула рукой в ответ на мои приветствия, приглашая садиться. — Как ваше утро?..

Дальше последовал обмен ничего не значащими любезностями — вечная и неизменно скучная увертюра. Раздражает до зубовного скрежета, но отыграть необходимо; без этого основное представление не начнётся. Так что приходится говорить: о погоде, о последних заголовках газет, о новых местах досуга, о театральной программе... Я едва не сказала “фуф” от облегчения, когда официант принёс нам десерты, а Элизавет едва заметным жестом повернула камень в кольцо, активируя очень хитрые чары от прослушивания. Дорогой, редкий и незаконный артефакт распространял вокруг ментальные волны, искажая восприятие слушателей. Любому слишком любопытному товарищу сейчас показалось бы, что мы продолжаем болтать на милые светские темы. Причём подсознание само бы смоделировало разговор так, чтобы он не показался слушателю подозрительным.

Поразительно удобная штучка.

— Итак, — светски улыбнулась Элизавет. — Как вы понимаете, я позвала вас сейчас не для того, чтобы болтать о шляпках. Я в большом затруднении! Мне нужна ваша помощь, милая Лисси.

— Как всегда, я — к вашим услугам, — потому что не хочу потерять дом и положение. Такая вот замечательная великосветская дружба.

— Ах, благодарю... Знаешь, милая, я — мать взрослой дочери. И, как никто, понимаю, насколько тяжело бывает уследить за юной знатной особой... как сложно не позволить ей попасть в неприятности.

Я нахмурилась.

Насколько мне было известно, единственная дочь Элизавет была довольно давно и крайне выгодно выдана замуж за высокого армейского чина. У неё уже был свой взрослый ребёнок, подающий надежды боевой маг... Так при чём тут “юная знатная особа”?

— Сама я, слава Коше, вырастила свою дочь без затруднений, — продолжила она безмятежно. — Но как мать испытываю неизменное сочувствие к таким же матерям. Так что я приняла очень близко к сердцу беду своей давней приятельницы, леди Гохорд.

Тут я поняла, что ничего не понимаю. По долгу нашего с леди Элизавет сотрудничества я в своё время выучила всех аристократов Тавельни (и чуть с ума не сошла, прорываясь сквозь этот “гинекологический куст”). Так вот, никаких Гохордов там не значилось, это я знала точно. Но это значит...

— Леди Гохорд живёт не в Тавельни?

— Нет, она вышла замуж. И уехала в Драконью Империю.

Я склонила голову набок. Драконы... как любая представительница фоморьего племени, я не любила этих существ. Коль скоро я давным-давно пообещала папа не выражаться на уличный манер, скажу так: видала я этих лысых ящериц в интересных анатомических локациях, где солнце обычно не светит.

— И вот, у неё случилось несчастье: её юная малышка Дайяна попала в сети коварного соблазнителя, — продолжила между тем Элизавет. — И по юности и неопытности была столь неосторожна, что возникли... последствия.

— Неприятная ситуация, — хотя всё ещё непонятно, при чём тут, собственно, я. У Элизавет отличные связи в институтах женской магии. Где, помимо всего прочего, довольно быстро, безболезненно и профессионально избавляют от “последствий”. Или, быть может, “последствие” хотят оставить и после провернуть классический трюк с усыновлением? Но снова, при чём тут я? В подполье существует множество артефактов, способных скрыть интересное положение женщины. Конечно, достать их может не каждый встречный-поперечный, но при наличии определённых связей... Не складывается.

— Вы наверняка задаётесь вопросом, почему я обратилась именно к вам, — улыбнулась Элизавет. — Видите ли, милая Лисси, проблема не ограничилась интересным положением Дайяны. Знатная девица соответствующего воспитания при строгом отце, она побоялась рассказать родителям о своей ситуации. И попыталась воспользоваться, скажем так, непроверенными средствами.

Уй... А вот это не всегда кончается хорошо. Особенно если не знать наверняка, у кого эти непроверенные средства покупаешь. И леди Дайяна, судя по выражению глаз моей патронессы, не знала.

— Всё прошло неудачно, — подтвердила Элизавет моё предположение. — Бедная девочка едва не умерла. Всё осложнилось тем, что её отец не хотел предавать ситуацию огласке в Империи... Леди Гохорд обратилась ко мне, но путешествие забрало у Дайяны остаток сил. Потому в Вел-Лерскую аптеку соответствующего профиля она прибыла в достаточно плачевном состоянии. И, как бы ни хотел лорд Гохорд видеть её здоровой на празднике в честь наследного принца Или, это невозможно. Если сейчас лишить Дайяну лекарского присмотра, она умрёт. Такова жестокая реальность. Но... реален также тот факт, что завтра вечером леди Дайяна должна сиять перед драконьим принцем. Такая вот непростая ситуация деликатного толка.

Я перестала улыбаться и холодно посмотрела на леди Элизавет.

Да, между нами было соглашение о взаимопомощи. Не раз и не два она мне поручала небольшие задания. Прийти вместо неё на какое-то мероприятие, создав тем самым алиби; разузнать, с кем спит видный банкир; превратиться в её соперницу и помелькать во вдовьем квартале, закладывая фундамент будущего скандала; подменить леди в нескольких опасных поездках.

Всё это были, конечно, не самые чистые игры, но сегодняшнее предложение просто за гранью добра и зла.

— Драконья Империя далеко, леди, — сказала я спокойно. — И не слишком дружелюбна к фоморам. И за ложь наследному принцу там вполне могут убить. Особенно фомору-чужестранку. Я ценю вашу доброжелательность, но не больше, чем свою жизнь и будущее близких. Если вы собираетесь настаивать, то я покину особняк до заката.

Она поджала губы.

— Вы не слишком любезны, Лисси. Неужели вам не жалко юную Дайяну?

Нет, как же мне это нравится, а? Умеет же некоторые личности спихивать с барского плеча ответственность на всех мимопобегающих!

— Почему её должно быть жалко *мне*, если родной отец не способен пожалеть её? — вздёрнула я бровь. — С чего я должна рисковать ради неё жизнью? Ей достаточно просто сказать больно, леди Элизавет. Это намного проще, дешевле и безопаснее, чем обманывать монархов иноземного государства. Я не верю, что вы не понимаете этого. Но, какими бы мотивами вы не руководствовались, я не собираюсь так рисковать жизнью. Уверена, в драконьих Дворцах установлены артефакты, улавливающие магию фоморов.

— Вы *своеобразная* фомора, Лисси, — отметила она с лёгкой иронией. — Думаю, среди драконов вы почувствуете себя, как дома. И

сомневаюсь, что их артефакты смогут уловить вашу магию... по известным нам обоим деликатным причинам.

Конечно, она не могла не проехаться по этой теме.

— Вы сомневаетесь, но не знаете наверняка...

— Тем не менее, у меня есть свои основания для уверенности. В конечном итоге, мы обе рискуем, Лисси. Если всё пойдёт совсем не так, я тоже окажусь под ударом.

Что же, не поспоришь. Но почему это так важно, что несчастная Дайяна прямо обязана быть там, живой или полумёртвой? Интересный вопрос. И не знаю, хочу ли знать на него ответ.

— Я вижу, милая, что вам непросто принять решение сейчас, — выдала вдруг леди Элизавет. — Я дам вам ещё немного пищи для раздумий.

На стол легла папка с документами.

— Что это?

— Это магический контракт между нами, — ответила она хладнокровно. — Прочтите. Впрочем, вкратце условия я озвучу. Согласно этому документу, в случае выполнения вами своих обязанностей город передаст вам во владение особняк на Сиреновой улице, где вы сейчас живёте. Также вы получите государственную лицензию певицы и музыканта. Стоит ли мне объяснять, что это значит?

Я с трудом сдержала судорожный вздох. Что это значит? Разумеется, свободу! Гарантированные контракты, право преподавать в Академии Музыки, официальный статус, собственное жильё...

— Если же мы не придём к соглашению, то предыдущие наши договорённости можно будет считать разорванными, Лисси. Вы утратите мою протекцию, а также жильё. И вам придётся снова петь в сомнительных заведениях... и искать другого покровителя. При этом, наверное, будет непросто оплачивать обучение юного Вилни в Элитном Кадетском Корпусе. Да и про достойную жизнь для остальных ваших... подопечных, боюсь, придётся забыть. Конечно, уважаемый Джум в последнее время очень неплохо развил своё дело... Но это мой город, Лисси.

Вот оно что... Она решила зайти и с этой стороны. Что же, стоило предполагать, что этим кончится. Шантаж в целом очень весёлая

штука; один раз покажешь свою слабость, позволишь руководить собой — и с тебя больше не слезут.

Я, папа Буджо, Джум, его жена и сын — когда-то мы жили все вместе в полуразвалившемся, подлежащем сносу доме под свежестроенным мостом. Наше жилище продували все ветра, нам частенько было нечего есть, и в целом это было больше похоже на существование, чем на настоящую жизнь.

Но они стали моей семьёй. И я пообещала, что никогда больше они не будут знать нищеты. И получают то, чего достойны... Что же. Видимо, пришло время отвечать за свои обещания.

— Что же, если вы хотите моего согласия, вам придётся внести в контракт ещё один пункт, — сказала я сухо.

— Какой же?

— Эта просьба станет последней. После вы забудете о моём существовании... и о моих секретах.

Она поджала губы.

— Это ваше последнее слово?

— Да. В другом случае вам придётся искать кого-то другого.

Она прищурилась, постукивая идеально наманикюренными ногтями по столу. Ещё бы, такая дилемма! Мы, фоморы — крайне полезные в быту существа.

Особенно если доходит до грязных дел.

Так что в голове леди наверняка покачивались весы: стоит ли это дело того, чтобы отпускать меня с крючка? Очевидно, что ей этого ой как не хотелось... и так же очевидно, что интрига, в чём бы она ни заключалась, была слишком важной. И дочери Гохорда в ней была уготована центральная роль.

— Хорошо, — бросила в итоге Элизавет. — Вы получите, о чём просите. Но взамен от вас ожидается идеально выполненная работа.

И я согласилась. Хотя и понимала в глубине души, что следовало бы отказаться... но у каждого из нас есть цена.

Везёт тем, кому не приходится её называть.

*

— Вот, возьми, — прогудел дядя Джум.

— Это что? — уточнила я, рассматривая набор из нескольких крайне подозрительных артефактов.

— Это — лучшие друзья современной девушки! — провозгласил он серьёзно. — Через свои каналы достал!

Тётя Ленна у него за спиной показательно закатила глаза в своём характерном жесте, который с мимического на устный переводился бы примерно как “Ах, эти мужчины!”.

— Н-да? — я задумчиво повертела в руках браслетик с висящим на нём крохотным молоточком. — И для чего это? На случай, если надо что-то починить?

— Нет, — глаза дяди Джума удовлетворённо сверкнули. — Вот представь: пристал к тебе в том особняке какой-то любитель искусства. Хочет... приватный концерт, или что там эти толстосумы обычно хотят от молодых красоток вроде тебя. Ты схватилась за браслетик и — хоба!

— Хоба, — пробормотала я, рассматривая огромный шипастый молот.

— Держи, — довольный дядя Джума впихнул мне его в руки. — Видишь? Легонький, как раз для женской ручки!

— Ну да, — согласилась я, в красках представляю, как гоняюсь с этим молотом за драконьим принцем. — А веер тоже делает “хоба”?

— Ну почти, — дядя довольно продемонстрировал мне, как по мановению веера воздушный поток сносит тумбочку. — Видала?

— Ага. А флакончик благовоний?

— Жгучая смесь. Он пристал к тебе такой, а ты в глаза ему —...

— Хоба. Я поняла, — правда даже не знаю, смеяться, плакать или умиляться.

— Джума, старый ты дурак! — возмутилась тётя Ленна. — Ну какое тебе, старому пню, хоба? Там приличное общество будет. Слышишь? Приличное!

— Видал я это приличное общество, жена, знаешь где? — фыркнул Джума. — Это они перед визорами газетчиков да на помпезных приёмах приличные. А в загородных особняках... не при женщинах будет сказано.

Я улыбнулась.

На самом деле, мне с ними двоими повезло. Очень. Они любили меня, как свою дочь... ту самую, что умерла в младенчестве без лечения. Я даже долго носила облик, соответствующий тому, как она

могла бы выглядеть, повзрослев... Пока папа это не прекратил, сказав, что у меня должно быть своё лицо.

Как знать. Тогда меня это не обижало; их любовь казалась *вкусной*...

Так или иначе, тётя с дядей были очень близкими мне людьми. Но иногда их забота приобретала несколько своеобразные формы.

— Ну что вы, — улыбнулась я. — Я же зубастая фомора, помните?

— Помню, — дядя Джума серьёзно посмотрел на меня. — Но, девочка, это жизнь. Всегда найдётся кто-то зубастее.

Я отвела глаза.

Вот с дядей Джумой никогда не знаешь, чего ждать. Он вроде бы по жизни прямой и простой человек, но иногда понимает больше, чем мне хотелось бы.

Да. Это действительно закон жизни, дядя. И некоторым, чтобы быть зубастее, не нужно иметь зубов; им достаточно обладать информацией, деньгами или властью... Ты это знаешь, и я тоже.

Но я сильная. И стану кусаться в ответ.

— Лисси, — он внимательно посмотрел мне в глаза. — Может, это всё нам не так уж и нужно? Я зарабатываю нормальные деньги; Вилни учится и скоро сам начнёт обеспечивать себя. Ты можешь отказаться от этого!

— Ты говоришь так, как будто она занимается чем-то неприличным, — возмутилась тётя Ленна. — Наша девочка — звезда!

— Так-то оно так, — хмыкнул он. — Но эти все дурацкие правила, громоздкие наряды, отъезды, концерты в непонятных загородных особняках, где невеста что происходит...

— Она много раз говорила тебе, что это не какие-то гнёзда разврата! Джума, правда, в кого ты такой подозрительный?

— Тётя Ленна права, дядя Джума, — вздохнула я. — Это не то, о чём ты думаешь.

— Я не знаю, о чём думать, — ответил он серьёзно. — Но мне важно, чтобы ты была в безопасности.

— Я в безопасности, — я улыбнулась самой искренней улыбкой из своего арсенала. — Поверь мне! А если вдруг что, то мне поможет “хоба”!

— Ладно, — вздохнул он. — Береги себя. И мне всё ещё не нравится, что я не могу сам тебя отвезти! Что за дурацкое правило: никто не должен знать, где...

— Джума! — тётя Ленна упёрла руки в бока и пошла в решительное наступление. — Ну хватит гудеть, правда! Отстать от ребёнка!.. Так, Лисси, держи вот!

Я послушно перехватила плетёную корзинку. И исполнилась самых неприятных предчувствий.

— Это что?

— Как — что? — возмутилась тётя моей недогадливости. — Перекус!

Я взвесила в руке корзинку, отметив, что она так-то в разы тяжелее молота.

— Тётя Ленна, я еду в богатый особняк. Меня там покормят!

— Знаю я, как тебя там покормят! Вечно ты после этих гастролей голодная и холодная. Я ещё помню, как тебе на праздновании Дня Боевых Магов даже ужин не принесли!

— Ну вы сравнили! Это был заштатный военный МУЗ, и я там пела с мужским хором! Конечно нас кормили отвратно. Чего ждать от казарм?

— Ничего не знаю! Эти все аристократки чокнутые, как на подбор, худеющие. Едят солнечный свет... или что им там мода нынче предписывает есть. А тебе силы нужны! И превращаться, и петь, и вообще!..

Как вы уже поняли, у меня хорошая семья. Но своеобразная. Благодаря им, навстречу прекрасному принцу я отправлялась не только с багажом “сценических костюмов”, но ещё с корзинкой еды и шипастым молотом.

Несколько необычная экипировка, пожалуй. Но что-то в ней было.

*

Неприметный мобиль с молчаливым водителем домчал до лекарни быстро и тихо. От заднего входа меня проводили в богато обставленную палату.

Что сказать? Не знаю, что на самом деле произошло с леди Дайяной, и знать не хочу. Но ясно одно: ни в каких светских мероприятиях она действительно участвовать не способна. Много можно подделать, но чёрные пульсирующие вены, выдающие

серьёзнейшее отравление магией, никто в здравом уме подделывать не станет.

— Вы от леди Элизавет, — сказала она тихо.

— Да, леди, — я присела в быстром реверансе. — К вашим услугам.

— Что я... что я должна делать?

— Всё, что потребуется от вас — вспоминать, как вы выглядите, когда нравитесь себе.

Она блекло улыбнулась.

— Это тяжело... сейчас.

— Бросьте эти глупости! — фыркнула я. — Вы красивы, леди. Это всего лишь болезнь. Но местные девочки поставят вас на ноги, не сомневайтесь. Вы станете ещё краше, чем были!

Она покачала головой.

— Моя жизнь не станет прежней... Но это не имеет значения. Давайте же начнём!

А я что? Я ничего. Сделала, как попросили: шагнула вперёд, представляя себя зеркалом. Очень льстивым, надо сказать, зеркалом. Показывающим точно такую же внешность — но с лёгкой, едва уловимой щепоткой того, что человек хотел бы в себе видеть...

Мой рабочий костюм, скроенный специально для таких вещей, послушно подстроился под новую фигуру.

— Это такая... я? — она склонила голову набок. Я автоматически впитала положительные эмоции и с лёгкой улыбкой кивнула.

— Поправляйтесь, леди. И ваша красота к вам вернётся! — сказала ей и откланялась. Хотя я и контролирую себя, а всё равно для болеющей девушки компания пожирающей эмоции фоморы — не лучшая идея. Даже если я неплохо контролирую себя, всё равно остаюсь энерговампиром — со всеми вытекающими.

Так что я, как страшный и ужасный монстр, украла лицо леди Дайяны и уже полчаса спустя грузилась в вечерний маголёт.

Не самый удобный и безопасный транспорт, что есть, то есть. Но быстрый — а мне, по сути, только то и было нужно. Получив на руки багаж и инструкции, я устроилась у окна своей каюты и стала наблюдать, как отдаляется Вел-Лерский небопорт, и внизу простирается бесконечное море...

И тут я вспомнила о корзинке. И подумала, что, возможно, тётушка Ленна — очень мудрый человек.

Путешествовать вообще хорошо. Путешествовать, когда у тебя много вкусной еды?

Идеально!

— Рад видеть, что вы одумались, — сухо сказал мне лорд Гохорд, сухощавый человек с цепким взглядом и перманентно поджатыми губами. — И изволили разобраться со своими женскими недоразумениями в срок. Как я и думал, все проблемы были преувеличением.

— Простите, — склонила я голову.

— Оставьте свой жалкий лепет! И извольте выслушать инструкции внимательно. Чтоб хотя бы в этот раз вы вашим женским умишком ничего не перепутали!

У, какой тяжёлый случай... А ведь самое поразительное в этой ситуации то, что он, кажется, действительно не знал о подмене. И считал, что разговаривает с собственной дочерью. Да... вот уж ничего не скажешь — высокие семейные отношения.

На самом деле, когда леди Гохорд заявила: “Только учтите, что мой супруг не знает о нашей маленькой женской шалости” — я чуть не упала со стула.

— Вы с ума сошли?!

Она поморщилась, как обычно делал папа, услышав неверную тональность.

— Извольте следить за языком, милочка! Я понимаю, что там, откуда вы вылезли, это допустимо. Но здесь у нас приличное общество! Род моего мужа ведёт своё начало от старой, додраконьей аристократии. Постарайтесь не опозорить его хамскими выходками, пока изображаете мою дочь!

— Прошу простить, — я быстро склонила голову, борясь с желанием расплавить её аристократичный мозг до состояния желе. — Но леди, я — не ваша дочь, не знаю всего, что знает она. Я взяла её тень, голос, основу запаха, красоту. Я могу обмануть постороннего человека — или того, кто мало её знает. Но родного отца? Как вы это себе представляете?

— Милочка, помалкивайте, будьте послушной и держите осанку. И следите за акцентом, ради Неба! Тогда у вас не будет никаких проблем, — поморщилась леди. — Мой супруг — занятой человек и

аристократ. У него предостаточно забот и помимо разговоров обо всяких женских глупостях! Сомневаюсь, что он заметит подмену.

Очень непрофессионально с моей стороны, но, кажется, у меня на лице отразилось... что-то.

— Мой супруг — хороший отец! — отрезала она. — Он вовремя подписывает для дочери чеки, оплачивает ей лучших учителей и заботится о её будущем. Вам такое и не светит!

Да, с этим не поспорить... И да, лорд Гохорд действительно не заметил ничего странного, пока мы ехали с ним в очень помпезном и старомодном мобиле с непрозрачными стёклами.

Всё же, техника в стране драконов развита куда хуже, чем у нас, в Тавельни. Сколько бы старшие расы ни морщили носы при виде людей, до человеческой изобретательности и приспособляемости им расти и расти...

— Надеюсь, вы помните, что должны будете сделать? — голос “папочки” вырвал меня из раздумий. — Возьмите. Наденьте!

Я подозрительно уставилась на кольцо, за версту фонащее фоморьей магией.

— Что это?

— То, что поможет даже невнятной недотёпе вроде вас понравиться принцу!

Ух ты. Вот теперь, как говорится, мы приплыли.

— Но...

— О, ради Небес! Замолчите и наденьте украшение, не задавая глупых вопросов!

Дурацкая ситуация. Но ладно, предположим.

— Вот и хорошо, — буркнул он, проследив, как я послушно натягиваю на палец тяжелый перстень и тот подстраивается под “мою” руку. — Я вижу, слова отскакивают от вас, как горох от стены, потому повторю ещё раз: в этих обстоятельствах, когда старая аристократия всячески ущемляется в правах, пришло ваше время потрудиться на благо семьи.

Угу... я уже даже начинаю догадываться, какого рода “труд” подразумевается. И немного не по себе становится. Как-то не так я раньше представляла себе жизнь юных аристократок... Снизу это всё виделось в намного более весёлом свете. Хотя тут, наверное, справедливо было бы сказать, что по обе стороны социальной

вертикали встречаются очень разные люди... Просто вот леди Дайяне не очень-то повезло.

— Я не слишком рассчитываю, что вы можете оказаться драконьей парой, — брюзгливо вещал между тем Гохорд. — Но ожидаю, что сумеете добиться статуса фаворитки. Я очень большие деньги вложил в ваши дурацкие наряды, и не меньше — в игрушку на вашем пальчике. Позаботьтесь, чтобы эти траты окупили себя.

Что-то чем дальше в сказку, тем забористее девиации у сказочника...

— Превзойдите других аристократок, добейтесь одобрения принца Или — и тогда я выйду с вами на связь, чтобы передать дальнейшие инструкции. А если не справитесь даже с таким простым заданием... считайте, что у меня нет дочери.

Угу... да я бы на месте твоей дочери сама в закат умчалась с котомкой наперевес! И на каждом встречном столбе нарисовала, что отца у меня нет, не было и не будет. А как я появилась? Ветром надуло, не иначе...

Впрочем, это всё лирика. Леди Дайяну, конечно, жаль безо всяких шуток. С другой стороны, видимо, так уж этот мир устроен, что богатую жизнь нужно отрабатывать. Тем или иным способом.

В чём-то, можно сказать, закономерное открытие.

— Я поняла вас, — сказала я максимально вежливо и уверенно. Хотя в глубине души, по правде, такой уверенности не испытывала. Неужели же лорд Гохорд — первый, кому пришла в голову мысль протащить фоморьи игрушки драконам под нос? Что-то слабо верится...

— Идите, — сказал этот отец столетия, когда мобиль остановился и услужливый лакей распахнул передо мной дверь. — И не вздумайте меня опозорить!

Отличное напутствие, ничего не скажешь.

*

Я не сразу поняла объём той пятой точки, в которую угодила. Сначала всё шло весело и задорно: парадный вход Ледяного Дворца, стайка девушек вроде меня, пришедших на охоту за ценным призом, несколько старших сопровождающих из местной знати... Мне встретилось даже несколько леди, фонящих, как и я, фоморьей магией.

Этот факт слегка приободрил: значит, это тут принято... хотя бы в теории.

Проблемы начались, когда нас подвели к одной из неприметных на вид цветочных арок.

— Леди, пожалуйста, пройдите здесь по одной, чтобы мы убедились в чистоте ваших намерений.

Ух ты. Что бы ни подразумевалось под чистотой намерений, это вряд ли можно сказать обо мне — на этот счёт глупо было бы питать иллюзии. Я шустро юркнула в самый конец очереди, чтобы понаблюдать, как будет происходить определение чистоты намерений.

Хорошая новость — сомневаюсь, что это было хоть как-то связано с физиологией. Плохая новость — на первую же деву, фонящую фоморьей магией, оплетающие арку растения отреагировали недовольным шелестом. Леди тут же отвели в сторонку, за непрозрачную ширму — вестимо, для беседы. И моё настроение начало стремительно стремиться куда-то к мраморному полу.

Ещё больше ситуация усугубилась, когда я почувствовала чьё-то направленное на себя злорадство, липкое, невкусное и предвкушающее. Оно опалило моё сознание, ударив по расшалившимся нервам. В сердце зрела убеждённость: кто бы ни продал лорду Гохорду колечко, сделал он это отнюдь не из добрых побуждений...

Много времени на раздумья у меня не было, потому решения пришлось принимать быстро.

И я пошла нюхать цветочки.

Надо сказать, местная флора действительно отличалась красотой и разнообразием. Так что походя мне не составило труда удобрить одно из растений колечком с фоморьей магией. Права ли была я в своих подозрениях, или двигала мной исключительно непомерно расшалившаяся паранойя — в любом случае оказываться в неприятностях из-за подарочка Гохорда я не хотела.

То есть... не то чтобы я и так не была по уши в нечистотах со всей этой историей. Но леди Элизавет была права в одном: моя наследственность в какой-то степени остаётся гарантом того, что местная магия не посчитает меня угрозой... А вот колечко, боюсь, выдало бы мгновенно.

С такими мыслями я дождалась своей очереди, ступила под свод арки и — была встречена недовольным шелестом.

Гадство. Кажется, я всё же попалась.

Распорядитель тут же попросил меня пройти за ним. Я послушно поплелась следом, прикидывая, как буду выпутываться и...

— Ну и? — на меня посмотрели сияющие смехом искристые глаза. Самые красивые, какие мне доводилось видеть. — И каким же оружием вы собрались меня убивать? М?

— Я... что? — все слова где-то просто потерялись. Я смотрела на изящество породистых черт, грацию и отблески льда в глазах и волосах...

— Ваше высочество, — возмутился кто-то. Только тут я вспомнила, что мы не одни, а ситуация пахнет государственной изменой.

— Я не собиралась вас убивать! — кстати, ни слова лжи. Что я, сумасшедшая, что ли?

— Да ладно, не притворяйтесь, — вкрадчиво пропел он. — Меня никто не приходил убивать уже сто лет! Всякие скучные привороты на фоморьей крови... Я чувствую себя обделённым! А вот теперь я доволен — мне интересно. Покажите, что это там у вас на запястье?

Бездна. Чтоб его! Я забыла снять дядин подарок! Ну не идиотка ли?!

И что теперь делать, спрашивается? Вздохнув, я сказала:

— С вашего позволения, я покажу.

— Давайте! — вроде как обрадовался принц.

Серьёзные дяди и тёти, которые были с принцем тут же, за ширмой, обрадовались не слишком. И явно приготовились меня останавливать.

Это же надо было ухитриться...

Показательно медленно, не делая резких движений, я материализовала злосчастный молот.

Все присутствующие, включая принца, изумлённо уставились на него.

— Позволите?

Я послушно протянула принцу шипастую жуть.

— Эм... Этим вас невозможно убить, поверьте! — добавила на всякий случай.

— Это да, — вздохнул он почти разочарованно. — Ну что же вы так плохо подготовились, леди? Стыд вам и позор!

Серьёзно?!

— Да не собиралась я этим вас убивать!

— Хм, — принц показательно взвесил молот в руках и вкрадчиво, с намёком так уточнил: — А что собирались в таком случае? Мне уже стало интересно! Признаться, я считал, что у меня богатая фантазия, но пока что даже она подбрасывает совершенно неприличные и анатомически нереалистичные картинки...

Да он просто *невозможен*! Одна радость — возмущение вытеснило страх, и ответ сложился в голове сам собой.

— Это не для того, чтобы вас убить! И не для чего-то... анатомического. Это Хоба! Новый модный аксессуар среди дам в этом сезоне.

— Н-да? Занятно. И как он работает? — принц выглядел неподдельно заинтригованным.

Ну до чего же дурацкая ситуация, а!

— Всё просто, — вздохнула я. — Вот идёте вы по улице, никого не трогаете, и вдруг к вам пристал какой-то излишне назойливый тип. Вы говорите ему, чтобы он оставил вас в покое, но он не слушается. И вы тогда — хоба!

Присутствующие тут же специалисты очень выразительно переглянулись. Принц радостно улыбнулся.

— Обычно мне, чтобы сделать “хоба”, достаточно превратиться в дракона, — заявил он. — Но суть я уловил, да-да... И даже допускаю, что человеческой девушке такой аксессуар нужен. И часто к вам пристают на улицах, леди... Дайяна?

— Всякое случается, — ответила я обтекаемо. — В любом случае, искренне прошу простить за недоразумение. Я просто забыла снять этот артефакт. И, разумеется, не считаю Ледяной Дворец опасным местом...

— Зря, — фыркнул принц. — Поверьте мне на слово, это *очень* опасное место. И как же вы тут без хобы?.. Проходите, леди!

— Но, мой принц, — вмешался сид, видимо, всем тут руководивший, — сюда нельзя проносить оружие!

— А это и не оружие, — безмятежно ответил ледяной дракон, не отводя от меня сверкающих глаз. — Это — модный аксессуар, вам же

было сказано. И вообще, леди имеет право защищаться от назойливых кавалеров... Например, от меня.

Судя по взгляду несчастного сидхе, он готов был за голову схватиться.

— Никому не придёт в голову от вас защищаться!

— Н-да? — принц демонстративно повертел в руках дядин подарок. — А я вот не уверен. Чего только в жизни не бывает, правда? А “нет” — слово очень многозадачное, особенно в женском исполнении. Может значить “нет”, “да”, “не вот прямо сейчас, на мне некрасивое бельё”.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Ну вот, — безмятежно улыбнулся принц. — А Хоба — аргумент безотказный. Если девушка его достала — значит, точно не в настроении... Правильно я говорю, леди Дайяна?

— В ваших рассуждениях есть зерно истины, ваше высочество.

Он улыбнулся — как будто солнце вышло в зимний морозный день, сделав мир сияющим и блестящим. А я... совершенно глупым образом залюбовалась.

Слышала, конечно, что драконы красивы, но этот... ему было свойственно какое-то совершенно особенное, манящее и весёлое обаяние, опасное, как тонкий лёд по весне, острое, как зазубренные пики заснеженных гор, таинственное, как айсберг, очаровательное и лукавое, как солнечный блик. Его внутренняя мелодия завораживала, манила, она была совсем не такой, как следовало бы ожидать, и я...

Я очень хорошо поняла девушек, которые влюбляются в этого конкретного принца.

— Возьмите, — не отпуская моего взгляда, он торжественно протянул шипастый молот, как иной кавалер подарил бы цветы. — Официально разрешаю носить его при себе, леди.

— Спасибо... — и почему у меня такой хриплый голос?..

— Прошу вас, — вмешался сид, — следуйте за мной!

Я взяла в руки то, что осталось от меня и не растеклось в желе. И пошла.

Что это было, а?..

*

По счастью, сходу охмурять принца нас не послали. Тут нужно отдать драконам должное: нас развели по комнатам, где уже ждал

багаж, представили служанок и оставили отдыхать, сообщив, что вечерний променад с его высочеством состоится через три часа.

Это было очень, очень кстати: я собиралась потратить свободное время, выбивая из своей головы глупые мысли.

Потому что это, если честно, никуда не годилось. Ну, симпатичный принц; ну, обаятельный. Бывает. Вернусь на родину — песню о нём напишу. Но откуда, спрашивается, это восторженное состояние? Кто из нас двоих вообще селенити?

Покачив головой, я встала напротив зеркала и внимательно посмотрела себе... леди Дайяне в глаза.

— У тебя нет лица, нет тени, нет отражения, — одними губами шепнула я девушке в зеркале. — Нет права тут быть и нет права остаться. У тебя не было даже имени — первые десять лет жизни, и здесь ты снова, воровка, пользуешься чужим. Не тебе думать о принцах. Не тебе. Пусть о принцах думают настоящие леди. Ты — делай свою работу.

Отражение криво улыбнулось в ответ и пошло рябью, как вода. На мгновение в зеркале отразилась пустота... но потом всё вернулось на место.

Я мысленно пообещала себе не делать глупостей.

И, разумеется, вскоре нарушила это обещание.

Или, дракон Льда

*

Она понравилась мне.

Не сказать, чтобы это было что-то такое уж сверхъестественное: я — парень вполне любвеобильный. До Роя с его гаремом мне далеко, конечно, но всё же. Ещё одна интересная девчонка? Почему бы и не да, собственно?

Но проблема в том, что леди Дайяна Гохорд должна была выбыть из этой игры ещё до её начала.

— И куда она спрятала кольцо? — уточнил я у любимого тётушкиного красавчика, сида Мука.

— В цветочный горшок, — вздохнул он.

— Умная девочка, — почти с гордостью пропел я.

А ведь это *может* быть интересно. Правда, может! Умная, язвительная, привлекательная — чем не причины для второго взгляда? Правда, есть проблема...

— Ваш отец просил отсеять самых одиозных представительниц старой аристократии, — сказал Мук. — Включая леди Гохорд.

— А ещё он просил меня выбирать на свой вкус, — улыбнулся я очаровательно. — Поиски пары, вопросы добровольности и всё в таком роде.

— Но...

— *Я хочу её*. Она останется.

— Но...

— Под мою ответственность.

— Хорошо, — сдался Мук.

Временно сдался, конечно. Этого зануду ушастого надо знать, он кого угодно переупрямит — жучиная порода. Но перед папочкой я как-нибудь отчитаюсь. Не в первый раз.

Вообще, конечно, это и правда некстати. Девушка из старой аристократии, да ещё и из северных проблемных провинций — плохой выбор. Отец просил на этой серии мероприятий присмотреть

фаворитку... или фавориток, в первую очередь исходя из политических интересов.

Тут надо сказать, что папа у меня — дракон хитросделанный. В отличие от больного на голову садиста-дедули (которого я не застал, и слава за то Небу) отец старается не истребить другие расы, а по возможности с ними ужиться... не потеряв и собственных интересов, понятное дело.

Так уж сложилось, что, помимо собратьев-оборотней, с которыми у нас общая культура и полное взаимопонимание, основные наши соседи — люди. Причём они не просто где-то там на полях чего-то там выращивают или добывают, нет: многие деятели культуры, науки, политики и экономики принадлежат к этой недолговечной, но отлично умеющей приспосабливаться расе. Сейчас, когда погас огонь войны и мы соседствуем друг с другом, люди всё больше влияния оказывают на драконье общество.

И всё больше прав в нём имеют.

По сути, ничего плохого в этом нет. Что уж там, на поверку человечки оказались поразительно изобретательными ребятами, которые способны незаметно для нас замутить магически-технический прогресс... Молодцы они, в общем.

Жаль, умирают быстро.

Но, наверное, именно это даёт им возможность так быстро эволюционировать — приспосабливаться, меняться, вырывать у неприветливого на первый взгляд мира всё больше побед... Старшие расы, заостенелые в своей вечности, едва ли способны на такие подвиги. Мы для другого созданы.

Так или иначе, но с каждым столетием наше соседство с людьми углублялось. И требовало, помимо всего прочего, всё больших компромиссов.

Одним из множества камней, о которые всегда спотыкались наши взаимоотношения, было так называемое брачное законодательство. Люди привыкли сливать посредством брака капиталы, создавать коалиции и подкреплять договорённости. Для драконов же, у которых института брака не было в принципе, а дети могли рождаться только от истинной пары, подобная опция была недоступна... и это весьма основательно бесило моего папочку, который всеми силами пытался найти на этом поприще компромиссы.

Одним из итогов его поисков и стал так называемый “Закон о старших”, который фактически приравнивал фаворитов и фавориток к временным, но вполне официальным жёнам и мужьям.

Люди выдохнули с облегчением: это соблюдало их любимые приличия, позволяло составлять “брачные контракты” и продавать детей на вполне законных основаниях — как они и делали, собственно, многие века до того. Мы по сути тоже от этого скорее выиграли, чем проиграли: это стало вполне легитимным способом взять кого-то под опеку на совершенно законных основаниях, заключить сделку, совершить слияние... и так далее. Да и регламентировало наши отношения с постоянными партнёрами-людьми. Как ни крути, а многие из них проводили рядом с нами всю жизнь; истинную пару можно и тысячу лет искать. Далеко не каждый захочет всё это время перебиваться случайными связями без тени эмоциональной привязанности.

Мы же не железные.

Даже если *хотим* такими казаться...

Конечно, “главного предназначения дракона” — поиска и оплодотворения истинной пары — это всё не отменяет. Потому первое время леди Дайяну отец точно позволит оставить. Для проверки. А вот потом...

— О чём мой юный принц так напряжённо думает? — Биланна всё ещё умела ступать неслышно. Даже несмотря на то, как тяжело ей это давалось.

— О предстоящем выборе фавориток, — честно сказал я. — Присядешь?

— Я не настолько стара, мальчик, — фыркнула она. Но я-то слышал, как отрывисто, резко, неровно бьётся сердце в её груди... сколько раз мы обновляли его различными чарами? В любом случае, вердикт врачей однозначен: оно не выдержит больше ни одного обновления.

“Ты настолько стара. Ты болееешь”, — хотелось мне сказать. Но я ещё не потерял голову окончательно и умел уважать чужое достоинство... достоинство тех немногих, кто мне дорог.

Биланна не хотела выглядеть больной и слабой. Не хотела, чтобы её такой запомнили. И мне ли не понимать это? Мне ли не уважать это желание?..

— Всего лишь думал, что мы могли бы выпить вместе чаю, — фыркнул я беззаботно. — Когда и кто считал тебя старой, помилуй! Придут же в голову всякие глупости... Не хочешь, кстати, сопроводить меня на этот дурацкий променад? Вообще-то выбирать мне фавориток — и твоя обязанность тоже. В первую очередь твоя обязанность, если уж на то пошло!

Она прищурилась, отчего вокруг её глаз собрались милые морщинки:

— Не лукавь со мной, наследный принц. Я вижу по твоим глазам, что ты уже выбрал. Не пытайся обманывать женщину, которая мыла тебе крылышки, пока ты был мал!

Я хмыкнул.

— Твоя проницательность, как всегда... Но я ещё не выбрал. Мне просто понравилась одна. Это может ничего пока не значить...

— Но ты о ней думаешь.

— Да. Но в фаворитки она не годится...

Биланна рассмеялась.

— Ох, наследный принц! Знал бы ты, насколько я в своё время *не годилась* в фаворитки твоему отцу. Но вот мы здесь! И потом, всегда есть шанс, что ты встретил ту самую.

— Угу, — фыркнул я. — Вот затащу её в постель — и узнаем.

— На самом деле, драконы и без постели ощущают такие вещи, — она чуть грустно улыбнулась. — Твой отец, например, почти сразу понял... Ещё даже до того, как твоя мать ощутила его запах.

— Странно, — прищурился я. — Так чего же он тянул так долго? Слышал, родители лет десять общались, не проверяя парность...

Я спросил — и прочёл ответ по её глазам.

— Из-за меня, — сказала она с грустью. — Ты всё верно понял. Мне пришлось лично встать на колени перед Императором и взмолиться о том, чтобы он сделал шаг к своей паре. Только тогда он смирил сердце и сделал то, что должен был.

Да. Вот почему драконам не стоит влюбляться в не-пару; вот почему драконам не стоит любить людей.

— Страсти рассказываешь, — прищурился я. — И увиливаешь от ответа. Так будешь сопровождать меня на вечернем мероприятии или нет?

Она лукаво склонила голову набок:

— А ты покажешь ту девушку, что обратила на себя такое твоё внимание?

— Да, — улыбнулся я. — Интересно, что ты скажешь.

— С той же целью, полагаю, ты пригласил на праздник своих друзей-обормотов? — Биланна покачала головой. — Обойдётся без выставления оценок, надеюсь?

— Как можно, — я сделал большие и невинные глаза. — Мне просто нужна моральная поддержка. Этих девушек вон как много! А я один. Бедный, одинокий, никем не понятый... Так, где тут был мой плащ для таинственно-драматического образа?! Сейчас сяду и буду писать стихи!

Она всё же рассмеялась. Наконец! Ну разве я не молодец?

— Придётся сегодня обойтись без стихов, — сказала она. — Готовься, малыш! Коль уж мы представляем сегодня Императорскую семью, то должны сиять.

Да. Мы всегда должны сиять...

Алисия Майлифф

*

Они сияли.

Я наблюдала, как принц в сопровождении первой фаворитки Ледяного Дома спускается по ступенькам. И... любовалась. Величием, отсветами льда на гранях украшений, необычайным преломлением света... их личной мелодией, которая бывает между любящими родителями и любимыми детьми.

Это было прекрасно. Я даже улыбнулась, хотя и отметила с сожалением: женщина стара. Куда старше, чем выглядит.

И времени у неё осталось куда меньше, чем кажется. Это отчётливо звучало в её ритме.

За членами Императорской семьи следовали побратимы принца. Во время изучения “домашнего задания”, предоставленного леди Гохорд, я видела их изображения - драконы Ртути и Радуги.

Я постаралась не встречаться с ними взглядом... особенно с Радужным.

— Мой принц, — Распорядитель склонился в уважительном поклоне. — Лорды твоей земли послали своих дочерей, чтобы поприветствовать тебя!

Угу, поприветствовать... Сказала бы я, что думаю насчёт таких вот приветствий! Так-то путём осторожных расспросов и хождения вокруг да около удалось выжать из леди Гохорд, что мероприятие это — эдакий смотр потенциальных фавориток. Дочерей своих сюда присылали те добрые родители, что рассчитывали с симпатии принца что-то поиметь для себя и своей семьи. Обычно расчёт был на должности, продвижение по карьерной лестнице либо просто более тесное знакомство с правящим семейством (ибо во все времена связи решают если не всё, то многое).

Как несложно догадаться, сюда редко попадают по-настоящему любимые дочери. Хотя всякие, конечно, бывают семьи. И обстоятельства. Но, как на мой вкус, пример Дайяны Гохорд вполне показателен и наглядно демонстрирует среднюю температуру по этой конкретной палате.

— Леди Элианна Бринна!

— Леди Идила Эйфорд!

— Леди Дайяна Гохорд!..

Я немного помедлила, прежде чем сделать приветственный реверанс. Не специально: просто забылась, любуясь принцем. И он смотрел в ответ...

На леди Дайяну, разумеется. Надо помнить: на неё, не на меня. Надо помнить, да... только вот под этим сияющим взглядом — не получается.

*

— Ваш аксессуар при вас, леди? — именно так начался наш второй разговор с принцем.

— Да.

— Это хорошо! — он лукаво прищурился. — Значит, у нас точно не возникнет проблем с коммуникацией! Можете достать Хоба, когда вас окончательно утомят мои шуточки.

Я вернула ему улыбку, хотя на деле испытывала очень смешанные чувства. Его внутренний ритм говорил о том, что я ему нравлюсь, да. Но ещё он сигнализировал о тревоге и раздражении. И я, если честно, догадывалась о причине.

Суть променада сводилась к тому, что все присутствующие прогуливались по довольно большому саду, любовались видами (как и большинство драконьих внутренних садов, этот располагался на

укреплённом магией горном склоне), дегустировали изысканные напитки и упражнялись в словоблудии. При этом принц и его побратимы время от времени звали прогуляться (как ни странно, действительно прогуляться, без скрытых подтекстов) прибывших леди.

На мой вкус, это было похоже скорее на собеседование при приёме на работу, чем на романтическое развлечение. Но, собственно, что бы я понимала? Чем дольше остаюсь здесь, тем больше убеждаюсь, что раньше как-то совсем превратно представляла будни принцев и принцесс.

Например, он не мог оставаться рядом со своей матерью, которой стало плохо. Нет, не поймите неверно, первая фаворитка Ледяного дома блистала... но я вполне отчётливо слышала, как дорого ей это давалось.

И принц слышал тоже.

— Ваше высочество, — сказала я, когда мы свернули на уединённую садовую дорожку, утопающую в свете магических фонарей, — у меня есть идея.

— Звучит интригующе, — хмыкнул он. — Ваша идея включает в себя ещё какие-то аксессуары?

— Она включает в себя вывихнутую лодыжку, — сказала я честно. — Или нечто в этом роде.

— Простите? — он удивлённо прищурился, явно сбитый с толку. — Вы поранились?

— Нет, — пожала я плечами. — Но могу. Знаете, какая я неловкая?

Он склонил голову набок.

— У вас определённо есть талант сбивать меня с толку, леди. Вы можете собой гордиться — это не каждому по силам.

Я вздохнула. Может, и правда глупость сейчас предлагаю?

— Просто мы могли бы вернуться к госпоже, — сказала я честно. — Мне показалось, вы волнуетесь за неё. С каждой девушкой вы в среднем проводите около пятнадцати минут; это время мы могли бы провести рядом с ней. Вы хоть так, хоть так исполните своё обязательство — пообщаетесь со мной. Так что...

Я замолчала, заподозрив по его взгляду, что сдуру наговорила бестактностей на всю жизнь вперёд. Определённо, петъ у меня получается намного лучше!

Он помедлил, как-то по-новому, внимательно глядя мне в глаза.

— И что же заставило вас думать, что я волнуюсь? — уточнил он вкрадчиво.

— Возможно, я ошиблась, — даже наверняка. — Просто у меня тоже есть родители, о судьбе которых я волнуюсь. Простите, если сказала лишнего. Я...

— Всё в порядке, — он вскинул ладонь, — просто вы удивили меня. Госпожа, как вы знаете — не родная моя мать. Людям обычно свойственно понимать наши с ней отношения несколько... превратно.

— Людям многие вещи свойственно понимать несколько превратно, — заметила я. — Особенно те, что идут вразрез с их культурными нормами. Но... любовь не всегда принимает очевидные формы, а родители — это не только те, кто зачал и родил... Мне так кажется.

— Да, — прищурился он. — Мне тоже... Так что, леди Дайяна. Вы достаточно в настроении, чтобы разыграть перед почтенной публикой небольшой спектакль?..

— О Небо, что произошло?! — воскликнула старшая фаворитка.
— Леди Дайяна, вы в порядке?!

Юные леди, окружившие женщину пёстрой стайкой, смотрели на меня, восседавшую у принца на руках, без особенного восторга. Впрочем, мне до их неприязненных взглядов никакого дела не было: я скроила максимально несчастное выражение лица и всем своим видом демонстрировала страдания какой-нибудь драматической героини из третьесортной пьесы.

Стыд мне и позор, конечно, но остальные девчонки изображали “сочувствие” ещё бездарнее. Такие уж тут правила игры.

— Не стоит волноваться, моя госпожа, — принц ухитрился элегантно поклониться, удерживая меня на руках; вот это я понимаю — высокий класс! — Просто леди Дайяна запнулась о декоративный камень и поранила ногу.

— Ах, какой ужас! — в глубине умных глаз старшей фаворитки засияли знакомые весёлые искорки. — Вам стоит сказать своим подданным, чтобы, коль скоро приходит время, не разбрасывали камни с таким энтузиазмом... Но что же делать? Ты не можешь показаться негостеприимным, старший принц. Если гостя поранилась по твоей вине, то твой долг — позаботиться о её комфорте. Думаю, тебе следует проследить, чтобы её устроили со всеми удобствами. Не так ли?

У присутствующих девушек вытянулись лица.

Я, честно признаться, немного опешила от такого поворота. Это, получается, фаворитка решила, что мы хотим побыть наедине? И таким образом... подыгрывает принцу?..

Ладно, в какой-то степени это даже мило.

— Как я могу уйти сейчас, оставив без своего общества этих прекрасных дам?.. — принц очаровательно улыбнулся присутствующим красавицам, отчего они, кажется, передумали убивать меня вот-прямо-сейчас. — Госпожа! Быть может вы, как представитель семьи, удостоверитесь, что о госте позаботятся?

Первая фаворитка внимательно посмотрела на него, а потом склонила голову, будто бы пряча реакцию.

Думаю, для девчонок всё должно выглядеть так, будто принц отослал её, чтобы более свободно проводить время с претендентками... но она, разумеется, прекрасно понимала настоящее положение вещей.

— Разумеется, мой принц, — сказала она. — Если вы желаете того.

Меня передали, как ценный приз, одному из распорядителей.

— Я тотчас же вызову лекаря, госпожа, — сказал он фаворитке почтительно.

Я, мысленно вздохнув, приготовилась и дальше отыгрывать безвинно пострадавшую.

— Леди Гохорд, верно? — старшая фаворитка внимательно посмотрела мне в глаза. — Как вы чувствуете себя? Считаете, вам нужен лекарь, или достаточно будет отдыха и охлаждающего компресса?

Отличная женщина. Понимаю, почему Император так её возвысил.

— Компресса будет вполне достаточно, — сказала я быстро.

— Почему-то я так и думала, — в её усталых глазах промелькнула тень улыбки, но быстро пропала. Я отметила, как сильно госпожа сжала губы — должно быть, переживала приступ боли.

— Была бы рада пригласить вас на чай, — сказала она. — Полагаю, у нас отыщется несколько общих тем... Но — не вот прямо сейчас. Вы ещё слабы.

— Спасибо за понимание, — ответила я грустным голосом, печально опустив глаза. — Мне действительно всё ещё нездоровится.

Она благосклонно кивнула и обернулась, чтобы уйти, но внезапно остановилась.

— Ах да, — бросила она, будто только вспомнила. — Впредь будьте осмотрительней, показывая окружающим свою слабость или неловкость. Это позволительно юной леди, разумеется — но непозволительно драконьей госпоже, которой вы, вполне вероятно, вскоре станете.

И она ушла, оставив меня хлопать глазами на такое наставление.

*

У себя в комнате я развалилась на кровати, ощущая тяжесть поистине бесконечных суток, и размышляла. По всему выходило, что с

продвижением интересов четы Гохорд я не особенно справлялась; по крайней мере, с заданием лорда так точно.

С другой стороны, я изначально не давала согласия на то, что буду бегать по дворцу не просто под чужим именем, но ещё и с потенциально опасными приворотными артефактами. Первое само по себе опасно, второе — глупо и опасно вдвойне. Опять же, я и сама себе при желании вполне себе приворотный артефакт, чудо в перьях как оно есть... только вот какие-никакие мозги у меня ещё остались, потому использовать фоморий приворот на наследном принце я не планировала. Как и спать с принцем вместо Дайяны, в общем-то.

Не то чтобы я не хотела, но чужое имя, чужое лицо...

— Лежишь? А я отрабатывать пришёл!

Я распахнула глаза и изумлённо уставилась на склонившегося надо мной принца.

— Отрабатывать?..

— Ну ты же не получила положенные пятнадцать минут общения со мной, прекрасным принцем. Вот лежишь теперь, страдаешь... Потому я компенсировать пришёл. Надо же тебе потом будет перед семьёй отчитаться, что сделала для моего соблазнения всё необходимое?

С этими словами принц совершенно бесцеремонно уселся на кровать рядом со мной и уже другим тоном спросил:

— Что, устала?

— Немного, — признала я честно. — Скажите, а нельзя ли каким-то образом сохранить минуты с вами на будущее? По накопительной схеме. Как кредит в магазине... Что скажете?

— Хм, — он выгнул бровь и как-то иронично усмехнулся. — С такой точки зрения на это, кажется, ещё никто не смотрел. Так и хочется сказать, что я не такая... тьху, не такой!

Я мысленно отругала себя последними словами. Что на меня находит, когда он оказывается рядом? Какие-то чары? Никогда не претендовала на ума палату, но таких глупостей за собой всё же не припомню раньше!

— Ну, просто пятнадцать минут — это так мало, — постаралась сгладить ситуацию я. — А удовольствие от общения с вами хочется растянуть...

— Точно, — улыбочка Или стала откровенно порочной. — Для удовольствия пятнадцать минут, действительно, маловато. Хотя... возможны варианты, конечно. Но мы с тобой для них всё же недостаточно хорошо друг друга знаем. Так что ладно, согласен не ограничивать нас по времени... Для обоюдного и обстоятельного удовольствия.

Совершенно невозможен.

Но оправдываться и дальше — значит, ещё больше загнать себя в угол. Потому я сделала то, что по-хорошему следовало сделать с самого начала. То есть, заткнулась.

Принц некоторое время подождал моей реакции. Не дождался — и тут же решил обескуражить меня новым внезапным вопросом.

— Ладно, леди Дайяна, — он подался вперёд и склонился надо мной, опираясь на руки. От этого мое сердце застучало чаще, как будто мир вокруг отодвинулся подальше, оставив только нас двоих. — Вы пришли сюда, чтобы быть моей фавориткой?

Вопросик, однако. И что отвечать прикажете?

— Я пришла сюда, чтобы быть вам представленной.

— О, брось, — он хмыкнул. — Ну ты же до этого вела себя довольно честно. Зачем здесь эти реверансы? Но, если уж на то пошло, задам этот вопрос иначе: ты хочешь быть моей фавориткой?

Что, правда?

— Вы ждёте, что я стану рассказывать, насколько жажду этого?

— Я жду правду.

Я покачала головой.

— Непохоже. Потому что вы должны и сами прекрасно понимать: девушки, которые пришли сюда, не хотят быть вашими фаворитками.

Он картинно прицокнул языком:

— Как можно! Ты разбиваешь мне сердце!

Вот ведь...

— Говорю лишь то, что вы и без меня прекрасно знаете. Или вы хотите какую-то другую правду?

— И почему же ты считаешь, что никто из них не хочет быть моей фавориткой?

— Может это из-за того, что вы знакомы пятнадцать минут? — я вздохнула. — Максимум, что любая из нас может желать, это стать фавориткой прекрасного принца. Не вашей.

— Обижает и обижает, — покачал он головой. — Совершенно непонятно, почему я ещё не бросил тебя в темницу... Это ты мне сейчас намекаешь, что я не принц? Или не прекрасен?

Я вздохнула и устроилась удобнее. Пожалуй, уже поздновато быть разумной или сдержанной; теперь остаётся только быть честной.

— Вы несомненно прекрасны. И, разумеется, принц. Но это скорее перечень регалий, чем, собственно, вы. Я имею в виду только это. Некоторые из нас пришли сюда, чтобы помочь своим семьям, или построить придворную карьеру, или заполучить влиятельного покровителя. Другие хотели бы стать фавориткой принца... возможно, кто-то из них хорошо знаком с вами, не берусь обобщать. Но для большинства вы — принц прекрасный, идеальный образчик...

— Да, — хмыкнул он. — И неповторимый охотничий трофей. Всё верно. Мне нравится, когда ты не притворяешься. Продолжай. Итак, власть, придворная должность, прекрасный принц, влиятельный покровитель... За чем из этого сюда пришла ты?

Офомореть. Ну и вопросы у него. И что на них должна отвечать Дайяна? И... что могу ответить я сама?

— Я пришла, чтобы исполнить долг перед семьёй, — сказала я в итоге. — И не планировала задерживаться.

— Вам не интересны прекрасные принцы? — улыбка за улыбкой, маска за маской... У тебя своё лицо, вроде бы. Но каким же образом тогда получается, что я ощущаю сходство между нами? Как будто твоё лицо тоже — не твоё вовсе?..

— Интересны, — улыбнулась я. — Очень люблю книги о принцах! А ещё пьесы. И песни. И оперетты. Но... боюсь, с реальными прекрасными принцами всё несколько сложнее.

Он вдруг улыбнулся — криво, жёстко, иронично.

И я с некоторым изумлением ощутила, что это была едва ли не первая настоящая улыбка за весь вечер.

— Хорошо, — сказал он, отстранившись от меня. — Даже очень. Я доволен вашими ответами, миледи; не знаю, в какой мере они — часть хитрой и продуманной игры. С этим мы разберёмся. В любом случае, если это игра, то она красива. Мне нравится.

Немного обидное предположение. Но, что уж там, логичное. Я и сама точно знаю, что веду себя неправильно; проблема в том, что вот с этим, конкретным драконом *правильно* почему-то не получается.

— Вы понравились мне, — выдал он.

Я удивлённо моргнула. И что же, дальше мне прямо на этой кровати продемонстрируют, насколько я, собственно, понравилась?..

Принцам не отказывают. Ну, вроде бы. С другой стороны, этому конкретному принцу я уже наговорила столько, что хоть за голову хватайся — и всё ещё здесь. Он кажется кем угодно, но не мелочным придурком.

Другой вопрос: а хочу ли я отказать? Но ответ зависит от того, кто в данном случае — я... Мне ведь придётся уйти. И место это займёт другая. То-то она мне спасибо скажет за такую выходку, да-да...

— У меня всё ещё есть Хоба, — напомнила я. — И ваше разрешение на его использование.

— Ты мне отказываешь? — он иронично выгнул бровь.

— Вы сами разрешили. И я всё ещё знаю вас всего ничего.

— Логично. А хотели бы, в таком случае, узнать меня получше?

— Да, — ответила я быстро.

— Вот и хорошо, — с этими словами принц встал с кровати и направился к приоткрытому окну. — Спокойной ночи, Дайяна.

И невозмутимо вышел через то самое окно, обернувшись снежно-ледяным вихрем и бросив мне в лицо горсть снежинок.

Я проморгалась, закрыла окно и растерянно уставилась в стену. Как так получилось, что за один-единственный день всё *настолько* запуталось?

Или, дракон Льда

*

— И что ты думаешь о ней? — спросил я.

Биланна полулежала на кушетке, бледная и измученная. Приступ выпил её силы, но стараниями врачей сошёл на нет.

Только вот они становились всё чаще, эти приступы.

Уже скоро ей предстояло отойти от дел двора и передать управление Ледяным Дворцом. Но гордость и упрямство... их всегда было у этой женщины в избытке. Она не желала уходить — и отец с матерью шли навстречу. Пока что.

— Сложно сказать, — Биланна подняла на меня утомлённые, но довольно ясные глаза. — Странная девочка... С одной стороны, она кажется яркой и открытой. Возможно, даже слишком — для этого Дворца... С другой стороны, мы оба понимаем, что это не может быть правдой. Всё, что мы знаем о старой аристократии в принципе и Гохордах в частности, противоречит этому. Да и ощущается в ней какое-то... двойное дно.

Я поморщился и кивнул.

Старая аристократия... Правда в том, что драконы не всегда правили на этом материке. Ещё каких-то две тысячи лет назад нас не было в этом мире. На землях, называемых теперь Драконьей Империей, находилось множество различных государств, преимущественно человеческих. Со своими королями и князьями, знатю и прочими дармоедами.

Хотя, пожалуй, найдутся и те, кто назовут дармоедами нас. Так уж работает эта риторика.

В общем, нет смысла вникать, кто был прав, а кто крив. История не затем придумана; она про факты, а не про оценочные суждения. А факты у нас таковы, что большие и страшные мы пришли, грозно всех тут завоевали и навели свои порядки.

Конечно, в процессе этого большая часть местечковых правителей почилла вечным сном в сырой земельке. Но не все. Даже моему припадочному дедуле было ясно: вырезать всех под корень — значит,

остаться на руинах страны, без единого специалиста. У них же тут раньше было как? Учиться магии может только знать. Да что там! В принципе учиться может только знать. Остальные? А на что им образование? Ну, вы поняли. Потому, уничтожь мы весь местный аристократический сброд, ситуация с людьми скатилась бы в полный кошмар. Нет, мы бы разобрались, пожалуй — через каких-то лет четыреста... Но это для нас эти годы “какие-то”. А для человечков, на минуточку — вся жизнь. Так что мой дедуля великодушно оставил некоторых приспособленцев из старых аристократических родов жить — в обмен на активные вращательные движения их языков пониже его спины.

Впрочем, предок и сам понимал, что оставляет для потомков большую и жирную головную боль. Ясное дело, что представители старой аристократии обожают восклицать: “Раньше было лучше”. Правда, благоразумно не уточняют, кому именно... но особенно впечатлительные люди, которых мы якобы тираним, время от времени такими воплями проникаются.

Понимая всё это, дедуля сам же заложил основы для возникновения новой человеческой аристократии, магической и военной. Уже отец позаботился о том, чтобы расширить этот список, спонсируя техническую, промышленно-экономическую и культурную элиту. На данный момент наша политика направлена на уравнивание в правах прирождённых аристократов и просто выдающихся людей. И нелюдей. Работы ещё много, мы пока что не достигли уровня более либеральной и технически развитой Тавельни, но подвижки в лучшую сторону налицо. Собственно, отец хотел, чтобы я сделал шаг в этом направлении, выбрав фаворитку из заранее оговорённых дочерей новой аристократии. Я и сам, собственно, не хотел связываться ни с кем из представительниц старой. Они, конечно, хорошо воспитаны, но на этом их достоинства заканчиваются, и начинаются недостатки. Эти девицы поголовно помешаны на приличиях, загнаны добрыми родителями в ежовые рукавицы и воспитаны при этом в духе “Мы заслуживаем большего” и “Вернуть наше славное прошлое”. Подобными идеями в принципе часто бравируют, когда “славным настоящим” хвастаться не особенно получается.

Ничего приятного, в общем. В жизни не думал, что свяжусь с кем-то из этих чванливых селёдок. Но Дайяна...

— Может же и в такой семье родиться исключение, верно? — сказал я вслух.

Биланна покачала головой.

— Понимаю твоё желание оправдать её, наследный принц. И да, в разных семьях рождаются разные дети, порой совершенно непохожие на родителей. Это — неоспоримый факт. Но есть ещё факт, не менее неоспоримый: воспитание играет роль. Накладывает отпечаток. Природа решает, какие черты вложить в человека — но именно воспитание определяет, как он их будет использовать и развивать их.

— Ты права, как всегда, — я отвернулся, пряча реакцию. — Думаешь, мне стоит отказаться от неё?

— Разве я говорила такое? — в её голосе зазвенел смех. — Нет, мальчик. Я вижу, как ты на неё смотришь; и, что важнее, я заметила, как она смотрит на тебя. Какая бы правда или ложь ни привела её сюда — я хочу, чтобы на моего принца так смотрели.

Я улыбнулся. Почти помимо воли, только потому, что Биланне *она* понравилась... но потом опомнился и замаскировал свою гримасу под обычную циничную ухмылку. Впрочем, можно не сомневаться: старшая фаворитка заметила. Она единственная на свете, кто читал меня, будто открытую книгу.

— Твоя реакция на неё, — протянула она. — Столь яркая; столь быстро... Ты не думал, что она может оказаться *той самой*?..

— Моей истинной парой? — думал. Эта мысль пришла мне в голову в спальне, когда я склонился над ней и смотрел в глаза. — Вот пересплю с ней — и узнаю! Другие способы определения, как ты знаешь, не работают.

— Верно, — она мягко улыбнулась. — Но всегда остаются косвенные признаки...

— Которые могут оказаться просто симпатией, — пожал я плечами. — Не зря у людей тоже существует понятие “любви с первого взгляда”. И вот не знаю, как насчёт прямо любви, но увлечение с первого взгляда вполне себе существует. И работает безо всякой парности. Вообще, эти истинные пары...

Я демонстративно скривился, позволяя ей додумать красочные эпитеты самостоятельно.

Биланна вздохнула.

— Потрудись не ляпнуть нечто подобное в обществе, наследный принц, — строго сказала она.

— Ну не совсем же идиота ты воспитала! — фыркнул я.

Она тихо рассмеялась, а после, посерьёзнев, сказала:

— Истинные пары — проклятие драконов, — проговорила она. — Но в то же время — благо. Гарантия того, что драконы, вечные и почти всесильные, не станут размножаться бесконтрольно; гарантия того, что не сойдут с ума в одиночестве перед лицом вечности...

— Дедушке вон не очень помогло, — заметил я. — Хоть с парой, хоть нет, а как был психом, так и остался. До того момента, как сдох. Некоторых исправляет только могила... И нет, это, разумеется, я тоже никогда бы не произнёс в обществе.

Биланна покачала головой.

— Первый Император... Я застала лишь конец его правления. И видит Небо над нами, был он великим военачальником и отличным стратегом, с этим никто бы не поспорил. И я бы не назвала его таким уж безумцем. Безумцы живут в мире мечтаний и заблуждений; Ими Ледяной мыслил всегда очень практично и хладнокровно. Он был жесток, но не больше, чем иные правители тех времён. Тогда... мир был другим. Менее добрым. Жизнь и сейчас стоит мало, но в те времена она вовсе ничего не стоила.

— Да уж, читал статистику на уроках становления государственности.

— Верно... Так что я не назвала бы твоего деда откровенным безумцем. Но... было в нём что-то неправильное, будто его сердце было из камня, и даже паре не удалось этот камень заставить биться. Одна сида, которую он после приказал запытать до смерти на площади, сказала: “Ты совершил преступление. Ты уничтожил чужое сердце. Но у всего есть цена, и теперь ты лишился своего”.

Я выразительно поднял бровь:

— Извини, но это звучит, как недострадания влюблённой малолетки. Если позвать всех, кому я якобы “разбил сердце”, можно собрать массовку для какого-нибудь знаменательного события. Но меня всё ещё не потянуло издеваться над родственниками, насиловать собственную пару или устраивать локальные геноциды. Так что, как по мне, та сида просто несла пафосную чушь.

— Не знаю, — прикрыла глаза Биланна. — Было нечто такое в глазах Первого Императора... Думаю, тут всё сложнее, глубже и серьезнее, чем неудавшийся роман. И, что бы оно ни было, оно отравляло его жизнь, как разлагающийся на дне труп отравляет колодец. Первый Император был несчастлив... и делал несчастливыми своих близких. Но... это не отменяет того, что после встречи с истинной парой драконы в большинстве своём становятся более цельными и психологически устойчивыми, чем были до того.

Я презрительно хмыкнул, не желая спорить лишний раз, и спешно стал придумывать, на какую бы тему перевести разговор. По правде, мне хотелось ещё говорить о Дайяне... но это смотрелось бы подозрительно. И жалко.

К счастью (или нет), смена темы пришла к нам сама.

— Их Императорские Величества желают видеть наследного принца!

Угу, а вот и он самый... песец.

То есть, действительно песец — Вэннин, бессменный секретарь отца и белобрысая скотина. Он, правда, не особенно полный, но зато ловкий, хитрый и зубастый. Когда он приходит, каждый во дворце знает: скоро придётся вспоминать много созвучных песцу слов. Хотя бы мысленно.

Мы с Биланной быстро переглянулись.

— Идите же, наследный принц, — сказала она. — Позже я встречусь с Императорской четой и переговорю... о нынешних претендентках на место вашей фаворитки. Но сейчас, полагаю, вам нужно встретиться с отцом и обосновать своё решение.

Да, куда уж без этого... Но Биланна поддержит, а это уже что-то. Сейчас родители изо всех сил стараются не огорчать её; значит, больше шансов, что Дайяна останется.

— Высокая госпожа, — песец поклонился Биланне. — Мне поручено справиться о вашем самочувствии.

— Благодарю вас, Вэн, — она мило улыбнулась. — Всё хорошо.

— Я передам. Госпожа... Моей Императрице также доложили, что некая леди из старшей знати огорчила вас. И этим спровоцировала приступ. Возможно, вам стоит знать: Императрица зла и хочет принять меры для того, чтобы эта особа тут же покинула Дворец.

Вон оно что... Это кто же у нас такой добрый и бдительный, интересно? Поймаю доброхота — от души поблагодарю!

Хотя, если быть честным, нет ничего удивительного в том, что Дайяну постарались убрать. Все увидели, что она произвела на меня впечатление. А уж претенденток на мой... кхм... половой орган (и на сладкое место при дворе заодно) целая толпа. И стоят за ними не какие-то ребята с улицы, а вполне могущественные придворные силы, ведущие незаметную со стороны, но вполне ожесточённую борьбу.

Обвинить Дайяну в приступе Биланны, да ещё и принести это маме — изящный ход. Так-то мамочка у меня — снежный барс, со всеми вытекающими. И за аристократическим лоском скрывается хищница, которая скалит зубы при малейшей угрозе для своих.

А Вэн предупредил, за что ему надо отдать должное. Впрочем, это не значит, что он всегда делится с Биланной секретами. Сейчас песец скорее прощупывает почву и собирают для мамы информацию — её ставленник, как ни крути. Выходцы из союзных кланов, друзья детства... Мама возвысила Вэна, когда стала Императрицей, и он ей за это платит не слепой, но разумной преданностью. То есть, он вникает, если считает, что его покровительницей пытаются манипулировать.

Как вот сейчас.

— О, Вэн, не говори глупостей, — Биланна бросила на меня быстрый взгляд. — Юная леди Гохорд была очаровательна и мила. какому фантазёру могло прийти в голову обратное?

Глаза лиса сверкнули.

— Юная леди Гохорд — событие этого дня, — сказал он вкрадчиво. — О ней много говорят. Быть может — слишком.

— Дворец всегда болтает, — бросила Биланна. — Так уж он устроен. Особенно громко обычно говорят, когда чувствуют угрозу. Разве нет?

Песец холодно улыбнулся и склонил голову, показывая, что слова услышаны.

— Позвольте проводить вас, мой принц.

Натянув на лицо маску очень величественного засранца, я наметил подбородком кивок.

Встреча с родителями обещала быть жаркой, но точно я знал одно: Дайяна должна остаться.

На вопрос “Зачем?” предпочёл бы пока не отвечать. Даже себе самому.

*

Родители ждали меня в большом кабинете: не вполне официальная встреча, но и не семейные посиделки.

Впрочем, у нас не так уж часто случаются семейные посиделки. Я вот могу вспомнить, пожалуй... раза четыре максимум, когда мы всей семьёй выбирались на пару дней в загородную резиденцию. В остальное время семейные посиделки у меня случались преимущественно с Биланной и сестрой... ну и ещё с тётей Син иногда. От случая к случаю.

У матери с отцом всегда были дела поважнее.

Тут, пожалуй, может показаться, что я — несчастный недолюбленный придурок из тех, что ездят к Тавельнским менталистам и вещают, хлюпая носом, что-то в стиле: “Родители обижали меня! Они не подарили мне плюшевого слоника в пять лет, а в пятнадцать запретили самовыражаться посредством танцев голышом на крыше мэрии! Они жестокие!”.

Так вот, это не мой случай. У меня хорошие родители, получше многих. Они заботятся обо мне, как умеют. И любят... если это удаётся вписать в список дел на сегодня.

Но последнее как бы закономерно. Даже в наш век, когда многие вопросы решаются на уровне Советов и не требуют вовлечённости правителя, императорская власть остаётся предприятием крайне хлопотным. И не предполагает наличия у облечённых ею особ свободного времени. Нет, мы часто изображаем отдых любящей семьи на публике, разумеется... но это не то.

Совсем не то. Одна маска из ещё множества. Право, как этот Дворец ещё не переименовали в театр?..

Многие, глядя на нас со стороны, считают, что власть — это здорово. Я скажу вам: власть — это изматывающая, ментально иссушающая работа, у которой не бывает праздников и выходных.

Вот и сейчас родители сидят за своими столами, разделёнными тонкой полупрозрачной ширмой. В случае нужды эта невесомая перегородка превращается в настоящую, полностью непроницаемую стену, разделяя один огромный кабинет на два просто больших. Но сейчас и Император, и Императрица настроены меня выслушать.

Какой же чудесный день, а?

— Наследный принц, — отец оторвался от бумаг, которые просматривал, и поднял на меня мерцающие льдом глаза. — Слышал, во Дворец уже прибыли претендентки на статус твоей фаворитки.

— О да, — я растянул губы в ухмылке. — Да начнётся битва за ценный приз! Может, мне перевязать его для пущей торжественности бантиком?..

— При этом, — отец проигнорировал мою шутку и продолжил холодно говорить, — ты не уделил внимания ни дочери промышленника Линсона, ни юной леди из магического рода Девальт. Юные девы огорчены.

— Сочувствую им, но даже меня не хватит на всех...

— Тем не менее, ты возвысил юную леди Гохорд, — а вот тут мы и ступили на *очень* тонкий лёд.

— Да, — ответил я невозмутимо. — Она понравилась мне.

— Гохорды ведут свой род от древних королей Этниры, — Император говорил безэмоционально, просто констатируя факт. — И были в своё время замечены в связях с моей сестрой.

Да уж, очень поганое сочетание.

— Мне это известно. Но также мне известно, что вы просили всегда выбирать по сердцу. В этом я беру с вас пример.

Глаза отца замерцали краеугольными льдинками.

— А ещё мне известно, что нынче Гохорды утратили своё бывшее влияние и едва ли представляют опасность, добавил я быстро. — Едва ли они могут представлять собой реальную угрозу для трона.

— Порой слабая, загнанная в угол крыса способна вырвать хищнику глаза, — не поднимая взгляда от бумаг, бросила мама. — Вам следует знать: я против того, чтобы эта девчонка находилась во Дворце. Категорически.

Н-да... Если моя мать не хочет видеть кого-то во Дворце, она добьётся того, чтобы не видеть. Всеми правдами и неправдами. Потому, собственно, Императрицу опасались злить больше даже, чем Императора: знали её злопамятный и категоричный нрав.

Что же, придётся идти с другой карты.

— Я сам не ожидал этого, но леди Гохорд нравится мне. То есть, действительно нравится. Я думаю, не исключено, что она может быть моей парой.

Родители быстро переглянулись.

— Так проверь же! — возмутилась мать. — Что, право, за ерунда?!

— Я мог бы, но отец сам ввёл закон, по которому за насилие может быть осуждён даже член Императорской семьи.

— О, брось, — мать наконец-то подняла голову и посмотрела прямо на меня. — Сын, любая из этих девушек прекрасно знает, зачем пришла сюда! К чему эти детские ужимки? Принцам не отказывают!

— Времена меняются, мама, — холодно улыбнулся я. — Сегодня мы сами строим правовое общество. И сами хотим, чтобы женщина имела право отказать. Даже принцу.

Мать презрительно фыркнула.

— Эта маленькая девица успела запудрить тебе мозг? Ловко! Как же, Хоба... Мне доложили. Но уж не думала, что мой умный сын клюнет на такую очевидную женскую уловку!

Самое обидное в этой ситуации то, что мама в чём-то права. И я сам это прекрасно осознаю. Но...

— Леди всего лишь поступила так, как будет лучше для её семьи. Она не слишком хочет быть здесь...

— Любая, кто не хочет быть здесь, имеет право в любой момент уйти, — отрезала Императрица холодно. — В наше время это не несёт за собой ровным счётом никаких негативных последствий. Более того, твой отец старается, чтобы жизнь таких девушек не закончилась в борделе: они всегда могут получить образование под нашим патронажем. В самом престижном учебном заведении страны. Так что песня про несчастную сиротку тут неуместна, наследный принц.

— Возможно, вы правы, мама, — склонил я голову. — Возможно, судите излишне категорично. Мне нужно время, чтобы разобраться. И в течение этого времени леди Гохорд останется.

Мать демонстративно постучала по столешнице удлинившимся когтем.

Ремарка: стараться, чтобы Дайяна и мама не сталкивались. Может плохо кончиться... Дайяна кажется очень хрупкой. Ей далеко до маминых клыков и когтей.

Во всех смыслах.

— Мы тебя слышали, принц, — равнодушно протянул отец, возвращая внимание документам. — Твои аргументы имеют смысл.

Мы не имеем права допустить, чтобы в среде старой аристократии говорили о неуважении к их дочерям. Это стало бы шагом назад.

Я склонил голову, внутренне ликуя. Спасибо, пап!

— Проведи с юной леди столько, сколько понадобится, — сказал отец. — Проверь, является она твоей парой или нет. Но старайся хладнокровно оценивать свои симпатии. Это — твоя обязанность, как принца и дракона. Я доверяю твоей интуиции; постарайся оправдать моё доверие.

— Да, отец.

Император махнул рукой, показывая, что аудиенция окончена. Мать смолчала, но по тому, как хищно раздулись её ноздри, я понял: ситуацию она не приняла.

Что же, возможно, Биланна сумеет успокоить её; ей это всегда неплохо удавалось.

Я закрыл за собой дверь, отошёл от стоящих на страже гвардейцев и выдохнул. Получилось! Хотелось бы пойти и на радостях снова навестить Дайяну. Но совесть у меня ещё есть, да и голову терять окончательно не хотелось бы. А значит — стоит встретиться с теми, кто поможет эту самую голову поставить на место!

— А не слишком ли это всё быстро? — Дин Ртутный, мой побратим, недоверчиво хмыкнул. — Никогда не подозревал в тебе излишней влюбчивости.

— Я не влюбился, — ещё не хватало. — Просто она не похожа на других.

— У... — Дин закатил глаза. — Она точно тебя чем-то накачала. К провидцу не ходи.

— Не будь таким недоверчивым, — обманчиво-мягко улыбнулся мой второй побратим, Рой Радужный. — Мне птички нащебетали, что она — весьма яркая девочка. С творческим подходом. И интересными аксессуарами...

— Об этом знает уже весь Дворец? — скривился я.

— Официально об этом не знает *никто*, — прищурился Рой лукаво. — Но неофициально — знают все, кому надо. А мои птички из тех, кому *всегда* надо.

— Угу, — фыркнул Дин. — Отрабатывают денежки на новые украшения для пёстрых пёрышек?

— Обижаешь, — проворковал Рой. — Я никогда не скуплюсь на украшения для своих птичек. А свежие сплетни они мне приносят так, по доброте душевной. И из любви ко мне.

— Ну конечно, — Дин вздёрнул бровь. — Вот прям сейчас возьму и поверю.

— Подозрительный ты, — назидательно поднял указательный палец Рой. — Даже параноидальный. Вот что бывает, когда растёшь в семье главного безопасника страны!.. А мои птички — это для души, вот. Для щебета тоже, конечно... Но больше таки для души.

И, довольный формулировкой, Рой утопил улыбку в бокале.

Хитрый засранец! Умудряется с совершенно невинной рожей и широко распахнутыми наивными глазами откалывать такие вещи, за которые кого другого уже прибили бы. Но Рой ничего: жив, здоров, всё так же очаровывает девушек пачками. Владелец самого большого

количества фавориток, как-никак! Сто пятьдесят девушек — этот рекорд ещё нескоро кто-то сумеет побить.

Самое интересное, что далеко не с каждой из них Рой спал. Взять ту же Акису, оборотницу-медведицу, обожающую зооцелительство и изучение редких видов (например, горных коз, будь они неладны — как вспомню, так хочется нецензурно выразаться). Они с Роем были близкими друзьями, а статус фаворитки позволял ей распрощаться с семьёй и спокойно работать в лабораториях Ртутного Дома, под его покровительством.

Отношения у Роя с Акисой были своеобразные. Они с удовольствием дрались на тренировочном полигоне, рассказывали друг другу завиральные истории, например, о непроходимости кишечника у кита (Акиса) или совершенно секретном пиар-проекте (Рой), выпивали на пару и обсуждали девочек, мальчиков и жизнь.

Было ещё несколько “фавориток”, которых Рой банально... пожалел. Сложно в это поверить, конечно (особенно зная, какой хладнокровной манипулятивной сволочью он порой может быть), но с Роем такое действительно случалось. То ли дело в том, что мать у него человек, то ли в наличии двух сестёр, но “человеческих слабеньких девочек, которых обижают” нашему Радужному частенько было жаль. Одну из своих первых фавориток (которая нынче уже успела стать почтенной замужней дамой и владелицей элитной сети кофеен) Рой увидел случайно и забрал у садистов-родственников. Другую, которая нынче служит у самой Радужной Госпожи в штате компаньонов, он выкупил из борделя. И примеров таких привести можно предостаточно.

Впрочем, это не значит, что Роюшка у нас такой бедненький и недолюбленный; с его смазливой внешностью, щедростью и обходительностью очередь в спальню к нему выстраивается та ещё. Девицы драться готовы, чтобы там оказаться — притом, даже не фигурально выражаясь.

Но есть у всех этих чудных девушек одна общая черта: все они с удовольствием поставляют Рою информацию. Некоторые — на вполне постоянной и профессиональной основе. Именно их Рой называет “птичками” — и получает благодаря им информацию едва ли не быстрее дядюшки Кио, нашего главного безопасника.

Радужные. Что с них взять-то? Они всегда умели крайне своеобразно подходить к таким вещам.

— Недавно познакомился с отличными девушками, — прервал Дин мои мысли. — Близняшки, танцовщицы. Пригласил их с подружками устроить нам небольшой частный концерт. Что думаете?

— Я — за, — просиял Рой довольно. — Очень люблю частные концерты!

Ну кто бы сомневался, собственно.

— Ладно, господа, — я отсалютовал бокалом и поднялся. — Мне надо проветриться — исключительно длинный был день.

— Вот и проветришься с девочками-танцовщицами, — хмыкнул Рой. — Что тебе хоть не нравится?

— Не то настроение.

Сегодня я слишком увлечён мыслями о Дайяне, чтобы смотреть... пусть будет частный концерт, если им так угодно это называть.

— О, как всё сложно, — Дин даже слегка нахмурился. — Не хочешь навестить тренировочный полигон?

— Нет, — я тонко улыбнулся. — Сегодня мне нужна моя *особая* комната.

— Ого, — Рой округлил глаза. — Всё настолько серьёзно?

— Более чем, — я подмигнул. — Ну а вы оставайтесь! Прикрывайте мои тылы, чтобы никто не заподозрил в порочащих наследника увлечениях.

— Императорские тылы — наше всё! — оскалился Дин. — Думаем о них денно и нощно! Особенно дядюшка Кид.

Рой фыркнул:

— Всё бы вам шутить о чужой личной жизни.

— А что нам делать, если сами мы одинокие и несчастные? — возмутился Дин. — Вся надежда — на частные концерты!

Я закатил глаза и оставил этих придурков развлекаться.

Это был очень длинный, эмоционально сложный день.

Мне жизненно необходима моя тайная комната.

*

Драконы не занимаются искусством.

Не то чтобы это было запретом, разумеется: нравы у нас достаточно либеральные, и настучать по кумполу могут только за совсем уж кровавые или травмирующие других увлечения. Но, как и у

любого называющего себя обществом сброда, у нас есть свои негласные табу, которые принято соблюдать. И да, творчество входит в запретный список.

Тут, правда, не поймите меня неверно: мы *любим* творчество. Чужое. Смотреть, восхищаться, обсуждать, оценивать, спонсировать, поддерживать, коллекционировать. Но у самих драконов при этом склонность к творчеству проявляется крайне редко. Стихосложение, танцы с оружием, создание артефактов и ювелирное дело как дополнение — вот те сферы, в которых драконы частенько преуспевают. Порой и со скрипом в список можно добавить ещё зодчество. И всё.

Самым же несвойственным драконам искусством считается музыка.

Она от Рогатого. Она им придумана и дарована сидхе. Значит, она не для драконов...

Наверное.

Проблема в том, что в нашем Ледяном семействе пять поколений назад отметилась самая настоящая эльфийская принцесса.

И вроде бы в союзе с истинной парой всегда рождаются чистокровные драконы, не полукровки, и никакие качества матери в теории не передаются — но всё равно потомкам нечто эдакое, слегка фейское, до сих пор аукается.

Есть в этом списке наследие полезное, вроде ментальной и природной магии или врождённой способности к чарам обольщения и очарования. Есть не совсем удобное, вроде своеобразных личных пристрастий (привет, дядя Ирю и тётя Син) или острых ушей (у папы и сестры). Мне же достался вариант наследственности совершенно неожиданный — музыкальная магия.

Всё бы хорошо, но мой дедуля, не то словив приход после чего-то особенно забористого, не то очередную галлюцинацию, объявил сидхе и всю их культуру вражеским злостным элементом. Определённая закономерность, конечно, присутствовала: сиды, во-первых, активно препятствовали нашим завоеваниям, во-вторых, наряду с фоморами претендовали на исконно драконью вотчину — небо.

То бишь, со скрипом я дедулину логику всё же уловить могу. Но такая степень лицемерия даже у меня вызывает желание презрительно скривиться.

Так или иначе, дедушка отличился тем, что купировал себе и своим деткам предательски торчащие острые уши. А после на волне прогрессирующего маразма объявил для драконов презренными любые занятия, способные поставить их в один ряд с сидхе. По счастью, в чужие постели ему хватило ума не слишком лезть (с нашим народом это могло бы очень быстро привести к бунту), но вот на искусстве Первый Император отыгрался: для драконов оно оказалось под запретом. Особенно досталось музыке и театру. Смотреть, слушать — сколько угодно; увлекаться самим — значит, навлечь на себя гнев Императора и прослыть недодраконом, сомнительным элементом, сочувствующим врагу и вообще потенциальным предателем.

Годы прошли.

Дедушку, если верить официальной версии, утопили в море глубоководные фоморы. Что там произошло на самом деле, старшее поколение, может, и знает — но нам не расскажет. И, думаю, есть на то весомые причины. Так или иначе, мама с папой взошли на трон и даже худо-бедно разгребли тот кошмар, что успел образоваться в социальной сфере. Но... куда же без “но”?

Но драконы успели принять правила Ими, привыкнуть к ним. Два поколения выросло под его правлением, на минуточку! Так стоит ли удивляться, что некоторые пережитки тех времён намертво закрепились в головах? И нет, обычному дракону, разумеется, слова никто не скажет, если он начнёт петь или играть на барабанах (хотя посмотрят косо, тут да). Но наследный принц...

Быть принцем в этом смысле намного сложнее.

Я не имею права проявлять такие увлечения прилюдно — дурной тон. Вот и приходится обустраивать... тайные комнаты.

Для своей я выделил помещение в самом низу оборонительных катакомб, тёмное, полузатопленное и поистине огромное. Туда никому просто не пришло бы в голову сунуться... а я дополнительно позаботился о том, чтобы никто не забрёл сюда по чистой случайности.

Мы, драконы Льда, любим это: холодные подземелья, много воды и сырости, темноту... Конечно, обычным инструментам было бы плохо в таких условиях. Но помилуйте, кто тут говорит об *обычных* инструментах?..

*

Чёрная гладь воды, достигающей обычному человеку примерно по горло, заблестела приветственно, когда я спустился по старой винтовой лестнице. Я пошёл дальше по воде, оставляя на поверхности маленькие островки льда.

Для всех членов моей семьи не проблема — ходить по воде. Как и, в общем-то, договариваться с ней... Усмехнувшись, я встал посреди огромного помещения и вскинул голову.

— Пришло время играть! — в голосе моём прозвучала музыкой та самая мелодика, что свойственна только сидхе королевских родов.

И пещера откликнулась.

Это произошло не сразу; я сам так захотел. Это ведь моё любимое крещендо — так пусть и мелодия, и зрелище нарастают, как буря.

Сначала наверху вспыхнули призрачные огни, едва уловимые обычному глазу. Но они разгорались с каждой секундой, высвечивая огромные сталактиты причудливой формы, ледяные маски на стенах, вззирающие на меня пустыми глазами, и тёмную, застывшую воду.

Красиво.

Но сейчас будет ещё лучше.

— Самое время, — пропел я, раскинув руки.

И мир обезумел.

Вода под моими ногами взорвалась, забурлила котлом Бездны, разлетелась ледяным крошевом. Я же просто прикрыл глаза, наслаждаясь и предвкушая...

А когда всё стихло, вокруг не было воды — только мой собственный Ледяной Дворец. С застывшими скульптурами, и креслом, и моей личной библиотекой, и рабочим столом, и скрипкой, и виолончелью...

И ещё, разумеется, роялем. Ледяным, декорированным драконьей атрибутикой, наполненным магией Льда и Музыки.

Моё лучшее творение.

Довольно улыбнувшись, я присел на банкетку и ласкающе провёл по крышке. За рукой моей потянулся иней, украшая ровный лёд причудливым дивным узором.

Это был длинный день. Из тех, что хочется сыграть...

Я откинул крышку и прикоснулся к клавишам.

Первые звуки были неуверенными, будто руки и клавиши заново познакомились друг с другом. Я ласкал их пальцами, как любовницу, как дикого непокорного зверя, капризного и прекрасного. Тихое, неуверенное звучание росло и ширилось, обретая глубину и акцент. Музыка нарастала с каждым аккордом, становилась всё гуще, и воздух звенел от магии — снаружи и внутри.

Вот уже и пришли в движение ледяные скульптуры, кружа; вот и ожили, зашептались на стенах маски. И тогда я прикрыл глаза, просто играя, просто выплёскивая в музыку всё, что скопилось во мне за этот день.

Эти дурацкие девицы, претендующие на место фавориток — как не вовремя.

Наставления отца.

Болезнь Биланны.

Дайяна.

Не знаю, в какой момент, но мысли мои заняла она одна. Понравилось бы ей? Хотелось ли бы ей быть рядом? У аристократок старой школы музыка в чести. Пусть формальная, классическая, но всё же... Я откинул голову — и представил, как играю для Дайяны. Вообразил это всё очень чётко: как она стоит рядом, изящная, будто статуэтка, прекрасная; как улыбается мне; как...

Что-то лишнее, неожиданное прикоснулось к моей щеке. Я распахнул глаза — и ошеломлённо проследил, как кружат вокруг белые, розоватые и сероватые перья.

А рядом, у самого рояля, стоит леди Дайяна Гохорд.

Алисия Майлифф

*

Я знала, что это сон.

Странный, но очень красивый сон.

В этом сне я летела по коридорам огромного Дворца, который никогда не спит. Вокруг меня кружились мелодии. У всего есть музыка, вы знаете это?

Совсем у всего.

Этот мир состоит из множества мелодий... для музыканта. Как для актёра, наверное, из множества ролей, а для писателя — из тысячи историй... потому что если ты живёшь искусством, то оно окружает тебя. Иначе это не работает.

Вокруг меня звучал Дворец. Шёпотом сплетен, ритмом шагов, грохотом суеты на огромной кухне, шелестом дорогих тканей, патокой интриг, что вплетается в мелодию исподволь и между строк... Но меня интересовала одна-единственная музыка. Она звучала где-то там, впереди, завораживала, манила... Она обещала мне что-то невиданное раньше, что-то необычное и неназываемое. И я летела вперёд по коридорам в облике пернатой змеи, раскрыв радужные гребни, навстречу этому зову. Я не боялась быть замеченной: сновидения тем и хороши, что способны уносить нас, незримых, куда угодно.

Моё “куда угодно” оказалось совершенно фантасмагоричной ледяной музыкальной комнатой. А моим музыкантом — прекрасный Ледяной Принц.

Он играл увлечённо, потерянно, чуть приоткрыв красиво очерченные губы (как хочется к ним прикоснуться!) и прикрыв глаза. Я видела иней, что подрагивал на кончиках его ресниц — как будто сама Мора в обличье Зимней Королевы поцеловала его глаза.

Всё казалось таким реальным, что я могла бы поверить, что не сплю — не будь при этом всё настолько нереалистичным. Ледяной рояль, скрипка из льда, виолончель? Да полно! Я перетекла в человеческую форму, вспомнила, что ложилась спать в одной сорочке,

и привычно сотворила наряд из собственных перьев. Выбрала лицо леди Гохорд в последний момент — сама даже не знаю, почему.

Наверное, просто не хотелось являться пред принцем чудом-чудным, настоящий он или нет. У меня нет человеческого лица; чем лицо Дайяны — не вариант?

Я встала и осторожно положила руку на рояль.

И в этот момент принц открыл глаза.

Наши взгляды столкнулись, и меня будто ударили пыльным мешком; его глаза были оглушающе прекрасны. Его пальцы замерли над клавишами, не касаясь, и мне стало почти больно — потому что смолкла музыка.

— Играйте же, прошу, — шепнула я, склонившись к его лицу. — Я вам всего лишь снюсь.

Он выгнул бровь. Его губы дрогнули в ироничной, немного порочной улыбке.

— На вас слишком много одежды, леди, чтобы быть моим сновидением.

Нет, ну какой же он...

— А вы ухитряетесь быть совершенно несносным, даже когда мне снится.

Он улыбнулся ещё шире. Я ласково погладила рояль.

— Играйте, пожалуйста, — попросила я. — Мне очень хочется знать, чем же закончится эта мелодия. Хотела бы я написать под неё стихи...

— Правда? — он лукаво прищурился. — Тогда спойте. Пока что без стихов и слов; или не сможете?

Неужели он думает, что я откажусь?

— Играйте — а там посмотрим, — я вздёрнула подбородок.

Это сон, а значит, можно и не привязываться к возможности человеческого диапазона. Можно просто — петь.

Мелодия взлетела вверх, взвилась, расширилась. Вокруг закружили перья со снегом вперемешку, его мелодия переплеталась с моим голосом, создавая идеальную гармонию... Станный сон. Смешной и немного горький. Как моему подсознанию могло только привидеться, что принц драконов может быть наделён музыкальной магией? Она же считается для них презренной!

Как глупо... как заманчиво.

А за спиной принца снег пускается в пляс, собирается в картину — ту, которую я забыла (ту, которую я никогда не забуду, конечно, но всегда буду делать вид, будто не помню).

Я снова вижу трущобы Вел-Лерии, которые кажутся не такими уж грязными и страшными под выпавшим предновогодним снегом. Но это иллюзия, увы: они всё ещё холодны, зловонны и опасны. Голод ходит по этим улицам, словно пёс, брошенный уехавшими хозяевами и на пороге безумия сорвавшийся с цепи.

В той части города ты или охотник, или дичь. И тем вечером дичью был странноватый оборванец, что сидел на крыше и играл на потёртой, но всё ещё хорошо звучащей скрипке. А хищником была огромная пернатая змея, заволакивающая, как радуга, способная принимать разные формы, как ртуть, голодная, как любой низший фомор.

Эта змея подлетела к чудаку со скрипкой. Она хотела съесть его сразу, но... ей понравилось слушать музыку. И петь свои заволакивающие трели, подражая мелодии.

А потом, когда музыка кончилась, чудака со скрипкой посмотрел спокойно и даже с симпатией в её оскаленную пасть. Глаза его были ясными, в них не было и следа дурмана, который навеивал голос селенити на добычу; он не был заморожен.

Просто искренне восхищался.

— Вы очень хорошо поёте, ма шери, — сказал он. — Мне нравится. Правда, ваш вибрато звучит грязновато... но это, наверное, из-за другого строения диафрагмы. Как вы думаете?

Та змея ничего не думала. Ей было десять лет от роду, она едва понимала половину человеческих слов (а та половина, которую всё же понимала, преимущественно состояла из нецензурицины и грубостей). Она совсем не умела говорить.

Но в тот момент её жизнь изменилась. Потому что она не стала есть скрипача. Потому что она вернулась к нему.

Потому что даже ужасным монстрам, выброшенным ещё яйцом в канализацию, хочется тепла. Иногда... им просто хочется, чтобы кто-то смотрел на них и видел нечто большее.

Усилиями воли я оторвала взгляд от разворачивающейся позади картины и перевела внимание на принца.

Он же смотрел куда-то мне за спину. Пальцы его порхали по клавишам, дыхание сбилось, как от большого волнения, а глаза затуманились памятью.

Интересно, что видит он? То же самое, что я? Нечто иное?

Я повернулась, но успела рассмотреть только роскошный сад, роняющий вниз вишнёвые лепестки, и одинокого мальчика, влюблённо наблюдающего, как играет на рояле роскошно одетая женщина. Больше увидеть не успела: музыка стала затихать, и картинка рассеялась.

— Странно это, — сказал принц.

Я повернулась к нему и ощутила вдруг непреодолимое, сжигающее изнутри желание прикоснуться. Как будто прикосновение здесь, сейчас что-то изменит; как будто без него потеряется нечто очень, очень важное. И кажется, принц почувствовал то же самое, потому что потянулись друг к другу мы одновременно. Когда кончики наших пальцев соприкоснулись, в воздухе, прямо между нами, расцвели роскошные, розовато-белые вишнёвые цветы.

— Ты... — выдохнул он.

И тут я проснулась.

В комнате было темно и тихо. Музыка, иллюзии, лёд, снежинки и цветы — всё это осталось там, за гранью воспоминаний.

— Что за ерунда с тобой творится, Лисси? — пробормотала я себе под нос.

По правде, мне нравилось это всё меньше. Когда это я настолько увлекалась кем-то? Почему так резко? Что со мной, во имя Моры?!

Краем глаза я заметила, как на стекле расцветает иней. И трусливо прикрыла глаза, выравнивая дыхание и притворяясь, что сплю.

Это всё чересчур быстро и нелепо; у меня чужое лицо и чужая жизнь; я...

Я чувствовала, что он там, за стеклом. Ощущала это каждой клеточкой своего тела. Застыла, дышала тихонько, равномерно и гадала: войдёт или нет?

Не вошёл. Улетел, хотя и далеко не сразу.

А я так и осталась лежать без сна до утра, глядя в темноту комнаты, постепенно вытесняемую туманным холодным рассветом.

Утро началось вяло и неохотно. Как говаривал один мой знакомый танцовщик, спать хотелось чуть больше, чем жить.

Мои сонные тела приставленная компаньонка кое-как отскребла от кровати и даже привела в относительный порядок, причитая нечто о том, что леди стоило бы знать о полезности целебного сна. Спорить я не стала, но благами драконьей цивилизации, которые позволяли даже всклокоченное чудище превратить в красотку, порадовалась.

Как сообщила мне компаньонка, весь день нам предстояло разгуливать в традиционной драконьей одежде. Мол, киото больше не принято носить повседневно, Императорская семья уважает прогресс и признаёт удобство и демократичность человеческой моды магпромышленного века. Но и мы должны проявить почтение, если хотим, пусть и временно, войти в самое могущественное семейство страны.

Я не возражала, в общем-то. Мне доводилось пару раз выступать на костюмированных балах в драконьем стиле, и проблем на этом фронте быть не должно было... по крайней мере, мне так казалось.

— Наряды приказала подготовить сама Императрица, — вещала компаньонка, спешно упикивая меня в нижнее платье. — Так что это её личный подарок...

Она открыла свёрток, в котором хранился мой наряд на сегодня. Дальше последовала своеобразная пантомима: компаньонка подняла брови, вытаращила глаза и странно покосилась на меня.

Уже догадываясь, что меня ожидает очередной — на сей раз не самый приятный — сюрприз, я подозрительно заглянула в свёрток.

Ну, что сказать? Дивное сочетание фиолетового, нежно-салатового и ядовито-розового сражало наповал. Потрясающую картину сию разбавляло совершенно невозможное количество камней. Я ни секунды не сомневаюсь, что стоит это богатство просто сказочных денег, но вот проблема: смотрелось оно так, будто очень-очень неряшливый костюмер выбрал бросовые дешёвые стекляшки и пришил побольше из расчёта на то, чтобы даже с самых дальних рядов зрители певицу всё же рассмотрели.

И меня, не сомневаюсь, рассмотрят.

Я чувствовала на себе взгляд компаньонки. И вполне могла догадаться, о чём она думает. Что уж там! Её фирменный наряд, выполненный в сдержанных кофейных тонах, смотрелся куда дороже и элегантнее моего, хотя и стоил в разы дешевле.

Если и существует более красноречивый способ сказать “Тебе тут не рады”, то мне сложно его и представить.

Я удержала на лице спокойную улыбку, мысленно прикидывая, что делать. И по всему получалось, что, собственно — а что тут сделаешь? Отказаться от столь... великодушного подарка Императрицы? Оскорбить тем самым правящее семейство?

Нет уж. Во-первых, это опрометчиво. Во-вторых, потом именно Дайяне Гохорд придётся оказаться лицом к лицу с последствиями такого поступка. Да-да, сразу после лекарни. Принимать такие решения за кого-то — на мой вкус, всё же чересчур.

Да и, опять же, это не самый худший сценический костюм, в котором мне приходилось выступать. И, пожалуй, самый дорогой.

— Что же, — сказала я с улыбкой. — Это очень щедрый подарок. Поможете мне одеться?

*

Разумеется, вслед мне летели смешки. Неочевидные, неявные, те, что обычно звучат за спиной; они скользили за мной шлейфом.

Остальные девочки, подобные стайке прекрасных видений, искоса смотрели на меня и понимающе переглядывались. Я отметила, что больше всех выделялись две девушки. Вот вроде бы и ничего особенного, но их наряды были чуть элегантнее, сочетание цветов — благороднее, а крой лучше подчёркивал статью. Если я хоть что-нибудь понимала в жизни, подарки Императрицы были очень наглядной демонстрацией отношения... И, кажется, всем вокруг это было прекрасно известно.

Думаю, для юной аристократки это был бы очень болезненный удар. Для меня? Всё ещё не худшее, что со мной случилось в жизни. Да, неприятно, но, во-первых, лицо Дайяны Гохорд для меня всё же преимущественно чужое, во-вторых — я привыкла вздёргивать нос повыше и идти вперёд, наплевав на чужие насмешки. Однажды папа Буджо поделился со мной мудрыми словами, услышанными от какого-

то иномирца: “Сначала они тебя не замечают. Потом смеются над тобой. Потом борются с тобой. Потом ты побеждаешь”.

— Позволь им смеяться, — говорил он. — И иди к победе, не оглядываясь.

Я и шла, собственно. Высоко подняв голову, улыбаясь, всем своим видом выражая удовольствие от жизни. И видела, как в некоторых глазах мелькает не только насмешка, но и хорошо узнаваемое сомнение.

Что она задумала? Почему так весела? Что знает, чего не знаем мы?

Я улыбнулась ещё шире. И позволила им гадать дальше.

Беда одна: это была далеко не единственная неприятность, которую припасло для меня это безумное утро.

Новый виток моих проблем начался с того, что меня выдернули из общего потока девушек, затолкали в какой-то потайной коридор и прижали к стене. Мужчина, который сделал это, ещё и впечатал руки по бокам от меня — вестимо, для надёжности.

Первым моим порывом было превратиться, вторым — начать вырываться. И тот, и другой я подавила. Сомневаюсь, что господин Дин, дракон Ртути, один из побратимов принца, всерьёз станет мне вредить: в наши дни драконов очень жестоко карают за насилие к слабым, это все знают.

Если же мне не повезло, то даже в облике пернатой змеи не сумею с ним справиться.

— Господин? — я демонстративно повела плечами. — Не могли бы вы отойти?

— Нет, не мог бы, — неприятно усмехнулся он. — Начнём с самого интересного. Итак, чем именно вы околдовали принца?

Чем дальше, тем веселее.

— Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Правда? — деланно удивился он. — Кто бы сомневался, что вы ответите иначе! Даже странно: почему это я вам не верю?

— Действительно странно, — согласилась я сухо.

Ртутный холодно улыбнулся:

— Хватит игр, леди. Если вам интересно, я только вчера говорил с лордом Эрином. Или хотите сказать, что не были с ним близко знакомы?

Вот ведь... потрясающая ситуация. Да кто вообще этот лорд Эрин?! О нём добрые родители Дайяны ни словом ни обмолвились. А мне теперь что отвечать?

— Он утверждал, что вы ненавидите драконов, — порадовал меня Ртутный. — И хотели сбежать с мальчишкой из прислуги. Ну не забавно ли получается?

Какой чудесный день.

— Впервые об этом слышу, — что, в общем-то, даже не ложь.

— Полно, леди, — его голос стал ещё более вкрадчивым. — Я знаю, что вы лжёте. Знаю, что с вами что-то не так. У вас было с собой нечто помимо того кольца, которым вы столь поспешно удобрили цветочный горшок...

Я сглотнула. Вот ведь удружил лорд Гохорд с той дурацкой игрушкой!

— ...У вас было нечто другое, и я всё равно это найду, — Дин склонился ко мне ещё ближе. — И вот тогда, миледи, вас будут судить. Понимаете это?

— Понимаю.

Ещё как понимаю. Проблема в том, что у меня из запретного можно найти только... меня. Вот такой вот парадокс. Интересно, что сказал бы дракон напротив, увидев меня в облике пернатой змеи или рассмотрев настоящую ауру? Я подавила нервный смешок. Интересно, прикончили бы меня сразу или для начала запихнули в лабораторию? Интересный вопрос.

— Я вижу, что вы нацелились на принца, — шепнул Дин почти интимно. — Вижу, что заморочили ему каким-то образом голову и успешно пожинаете плоды. Но это — вопрос времени, леди Гохорд. И когда я пойму, что с вами не так, то превращу вашу жизнь в аналог Бездны...

— *Отойди от неё. Сейчас.*

Я даже не вздрогнула: каким-то образом ощутила его приближение за несколько секунд раньше. Но чувства, охватившие меня при звуках этого голоса, были очень смешанными: радость с одной стороны и трепет с другой. Или был в ярости. И не скрывал этого.

Дин Ртутный, нахмурившись, сделал от меня шаг назад.

— Мой принц...

— Ещё раз, — Или шагнул вперёд, оказавшись с побратимом нос к носу, — *ещё раз* приблизишься к ней ближе положенного или не окажешь почтения, и дело кончится вызовом.

Даже у меня мурашки поползли по коже от его тона.

— Об этом я и говорю, — заметил Дин. — Вы не в себе, мой принц. И ещё скажете мне, что я был прав. Моё почтение.

И, круто развернувшись, он пошёл прочь.

Или хмыкнул.

— Ну что же, он прав, надо признать. Что скажете, Дайяна? Вы околдовали меня?

Да уж. Понять бы ещё, кто меня околдовал! Тогда вообще бы хорошо стало.

— Да, — фыркнула я. — Сразила наповал своим убийственным Хоба. А вы как думали?

Принц склонил голову набок:

— У Дина чутьё, — заметил он. — Почти профессиональное. Если он говорит, что что-то с вами не так — значит, что-то не так. Но знаете что? Прямо сейчас мне наплевать. Я точно знаю, что не заколдован. А с остальным мы с вами разберёмся. Позже... И да, о неотразимости. Выглядите вы сегодня и впрямь очень... эпатажно. Подарок матери, я полагаю?

— Да, — я выдала вежливую улыбку. — Императрица была очень любезна.

— О да, это она умеет... — Или неопределённо хмыкнул. — Хочешь переодеться? Я возьму удар на себя, скажу, что приказал.

— И как это будет выглядеть? — возмутилась я. — Не хватало, чтобы вы из-за меня ссорились с Императрицей. Поверьте, это далеко не самое худшее, в чём мне доводилось представлять перед людьми.

— Правда? — заинтересовался он. — И что же было самое? Мне даже немного страшно, если честно.

Я вздохнула, вспомнив начало своей карьеры и огромную ростовую куклу в форме коровы, в которой я пела гимн мясокомбината на годовщине открытия. Вот где был ужас! Только нечеловеческие гены позволили мне не задохнуться в том пыточном устройстве и не рухнуть со сцены прямо на директора и прочих любителей самодеятельности. Куда уж там подарку Императрицы до той невероятной прелести!

— Извините, — сказала я, скромно потупив глаза. — Боюсь, мы недостаточно тесно знакомы для того, чтобы я могла поведать вам о том эпизоде.

— Хм? — принц поиграл бровями. — Что, *настолько* неприлично? Я же теперь не буду спокойно спать, пока не узнаю!

— Ничем не могу помочь, — развела руками. — Приличные девушки в таком не признаются. Нас где-то ждут, или как?

— Хм, — он задумчиво окинул меня взглядом. — Ждут. Но для начала заскочим кое-куда? Думаю, мне нужно переодеться...

*

— Не чересчур ли это?

— В самый раз, — принц, облачённый в наряд совершенно диких расцветок, обезоруживающе мне улыбнулся. — Я не помню, по какому случаю приготовил этот кошмар, но даже рад, что представился повод его надеть. Мать будет в ярости!

— Так, может, не стоит её злить?

Он передёрнул плечами.

— А ей не стоит так открыто лезть в мои дела... Хотя, что это я. Вот вы, похоже, очень послушная дочь? Отец сказал прийти сюда — вы пришли.

— Да, я действительно послушная дочь, — сказала я честно. — По крайней мере, в том, что считаю разумным и объяснимым. Хотя больше это, конечно, про уважение перед теми, кто поднял меня и воспитал.

Добавлять, что не считаю лорда Гохорда достойным подобного уважения, я не стала. Для своей семьи, несмотря на их недостатки, я была послушной, любящей дочерью. И полагала это нормой жизни. Но не уверена, что смогла бы с тем же тёплым уважением относиться к родителям на месте Дайяны Гохорд.

Глупо любить кого-то по умолчанию, просто за то, что он тебя родил. Любовь должна быть игрой в обе стороны, иначе — никак.

— Понимаю, — сверкнул улыбкой он. — Но кольцо вы всё же выбросили.

Чтоб лорду Гохорду с этим дурацким кольцом икалось!

— Не *настолько* послушная, — улыбнулась я. — Любое послушание должно быть ограничено старым добрым здравым

смыслом.

— Во-от, — улыбнулся принц. — Отличная мысль! В том-то и дело. Матери пора смириться с вашим присутствием. Чем быстрее это произойдёт, тем лучше.

А это ещё откуда?

— Это ваш способ сказать, что вы принимаете меня в фаворитки? — уточнила я.

— Не думаю, что это понадобится, — легко ответил он. — Вчера я видел кое-что... Скажем, очень интересный сон. И, думаю, вы вполне можете оказаться моей парой.

Я сбилась с шага, но принц ненавязчиво поддержал меня под локоток и буквально затащил в обеденный зал. Кажется, наше пёстрое, сверкающее камнями явление произвело самый настоящий фурор. Но я, каюсь, пропустила почти всё, шокированная его словами.

Сон? Пара?.. Было бы замечательно, на самом деле. Но я точно знала, что не его пара; мне подобные не бывают парами драконов.

Только улучшают за их счёт генофонд.

Или, дракон Льда

*

Мамины глаза того стоили.

Когда она меня увидела, у неё зрачки вытянулись в тонюсенькую линию, а ноздри хищно раздулись. Будь мы с ней наедине, она уже наверняка бы превратилась и меня покусала (притом, даже не фигурально выражаясь). А так только посмотрела немного обиженно. И многообещающе. Ещё бы! Я, такой-сякой, испортил ей любимую игру кошки с мышкой.

Понимаю. Сочувствую. Сам люблю развлекаться — как-никак, именно в неё пошёл характером. Но тут ничего поделать не могу: моя Дайяна не должна чувствовать себя плохо в первый день здесь. Ведь весьма вероятно, что она станет хозяйкой этого Дворца... Однажды.

В конечном итоге, не зря же музыкальная магия показала мне именно такую иллюзию? А ведь она исходит от Лесного Царя. Так что я почти уверен: мы с Дайяной Гохорд — пара. Это объясняет моё странное внезапное притяжение к ней получше любых конспиративных теорий. Вон и Биланна так считает — а она, на минуточку, была в своё время той, кто вычислил дядюшку Кио и тётушку Лил.

К слову об этом. Биланна, сидевшая по правую руку от матери, быстро скрыла лицо за расшитым драконьим узором веером, пряча улыбку. Она, похоже, поняла ситуацию. И оценила её.

Дальнейший завтрак прошёл ни шатко, ни валко. Мать злилась, девицы упражнялись в остроумии, Дайяна преимущественно молчала. Время от времени она выдавала нечто вроде “Да, это очень интересно” или “Спасибо”. В крайнем случае она говорила: “Ах, как я могу что-либо в этом понимать?”

Умная девочка, в общем. Только умненькие девочки умеют вовремя притвориться непроходимо тупыми. Я, конечно, тоже внёс свой вклад: шокировал её фразой о парности, чтобы посмотреть на реакцию...

И реакция меня устроила, в общем-то. Потому что Дайяна явно была растеряна, шокирована и озадачена. Ну... либо она гениальная лицедейка. Способная достоверно имитировать микромимику, пульс и дыхание, доводя всё это до гармонии. Возможно такое? Да, вполне.

Но очень, *очень* маловероятно.

А значит, прав скорее я, чем Дин. Нет, интуиция у моего побратима отменная, тут ни разу не поспорить; если он говорит, что с Дайяной Гохорд что-то не так — значит, *что-то* не так. Но тут весь вопрос в том, какого рода это “что-то”. Потому что ну какой Бездны? Это же Дворец, тут со всеми что-то не так! У одного страшная тайна, у другого скелет любовника в шкафу (и любовницы под кроватью), у третьего интрига припасена в подоле... И у наследницы славного рода Гохорд наверняка отыщется целый набор тайн, если не страшных, то по крайней мере мешающих спать по ночам. С другой стороны, если мы всё же окажемся парой, то её проблемы станут и моими тоже. И уж я-то быстро разберусь со всеми её секретами.

С удовольствием.

Всё время наблюдая за Дайяной краем глаза, я отметил, что она практически не ест. Ещё бы, поешь тут, когда на тебя смотрят такими глазами! Да и с драконьими приборами для еды она, кажется, была знакома очень и очень посредственно... Странно, кстати. Обычно представители старой аристократии буквально помешаны на застольных манерах. Впрочем, возможно, она просто нервничает и боится ошибиться...

Но что бы там ни было, это скорее хорошая новость — для меня.

Отличный повод заманить девушку на свидание. И чем дворцовая кухня — не место для романтики? Заодно посмотрим на реакцию...

*

— И куда вы меня тащите? — спросила Дайяна.

— О, это такое очень-очень секретное место, — сообщил я. — Мало кто из гостей Дворца был допущен в эту святую святых!

— Это не ваша спальня, надеюсь?

Так-то уж и надеешься? А вот твой пульс думает иначе...

— Не-а, — ухмыльнулся я нахально. — Туда мы тоже когда-нибудь дойдём, конечно. Но не вот прямо сейчас. Тем более будем честны: ну какая из моей спальни святая святых? Там только вот совсем ленивые не бывали.

— Или некрасивые? — лукаво прищурилась она.

— Или так. Хотя я серьёзно отношусь к миссии проверки парности. Проверяю, так сказать, денно и нощно...

Дайяна тихонько рассмеялась. Ну прелесть что за девочка! Будто и не росла среди старой аристократии с её дурацкими чопорными замашками.

— Тогда я сдаюсь, — развела руками она. — Ну не в сокровищницу же вы собрались меня вести, право слово!

— А ты хотела бы? — интересно, соврёт?

— Да, — легко согласилась она. — Но не при таких обстоятельствах, пожалуй. Верю, что вам не обязательно размахивать перед носом девушки сокровищницей, чтобы заинтересовать её. Или ошибаюсь?

— Правильно, — развеселился я. — Мне достаточно будет помахать перед девушкой чем-нибудь другим.

— О, я вас прошу...

— Харизмой, например.

— Это так в наши дни называется?..

Вот таким вот образом, перешучиваясь и подкалывая друг друга, мы добрались до дворцовой кухни.

— А теперь тихо! — шепнул я. — Тут главное — не спугнуть.

Дайяна посмотрела на меня большими глазами, но кивнула и осторожно подобрала платье. Я наложил на нас обоих лёгкий отведиглаз и осторожно, вдоль стены, стал красться в святая святых.

Громогласный голос Олуша, старшего повара, зазвучал сразу, как только мы преодолели невидимый барьер.

— Вы, косорукие лупоглазые детёныши укуренного единорога! — орал он. — Я вам что сказал сделать? Шевелить своими задницами! А вы чем тут занимаетесь? Фоморней страдаете? А гостей принца кто кормить будет?!

— Они один ляд все поголовно на диетах! — пробухтел ещё кто-то. — И не жрут ничего!

— Ты что вякнул? Самый умный тут? Так я тебя тоже на диету посажу, новомодную и продвинутую. “Две недели до зарплаты” называется. Слыхал? А если и от этого не похудеешь, то я себя на диету посажу. “Бедрышки говорливых поварят под соусом пашо”, например. Как тебе блюдо?

Я ухмыльнулся. Старый Олуш просто милашка, как всегда. Хотя, собственно, что с него взять? Домовой — он и на дворцовой кухне домовой. Со всеми вытекающими.

— Ох, — выдохнула Дайяна ошеломлённо, увидев главного повара.

Ну да, он — мохнатый и зубастый шар на тонких длиннющих ногах. Целых восьми. Но зато как готовит!

— Шевелитесь, русалочьи потроха! — ворчал Олуш. — Куда ты к тарту намылился? В сторону отойди! Знаю я, откуда у тебя руки растут!

Усмехнувшись, я двинулся напрямик к нашему бессменному повару. Дайяна явно не хотела идти ближе, но я её тащил за собой. Боится фоморов? Наверное — как любая типичная аристократка. Но ничего, это пройдёт. Пусть привыкает! У нас нынче потепление и всеобщее равенство, а годы истребления фоморов признаны трагедией и ужасным заблуждением военного времени. Отдельные доморощенные расисты ещё встречаются, но в целом политика направлена на мир между всеми расами. Отец планирует постепенно привлекать в страну как можно больше фоморов. Хотя бы в качестве источника знаний о древней магии. Тут, конечно, фокус ещё в том, чтобы не привлечь *слишком* много фоморов... и воспитать их в лояльности к императорской семье и драконьим национальным идеям... но это уже тонкости, о которых пока что голова должна болеть не у меня: весь этот ужас тянет сестрёнка под чутким папиным руководством.

Однажды, конечно, мне придётся заменить отца на этом поприще. Но я искренне и ото всей души надеюсь, что момент этот наступит через пару тысячелетий, не раньше. В этом я никогда не был похож на многих принцев, которые зачастую мечтали, чтобы их венценосные родители подавились чем-нибудь (и ускоряли этот процесс, добавляя в кубки всякие убийственно-пикантные приправы).

Не знаю, дело ли в том, что меня никто особенно не ограничивает, или в том, что я вижу, как загружены родители. Но факт остаётся фактом: я из тех, кто желает “Долгие лета Императору” совершенно искренне и ото всей души. Причём не только из сыновних чувств (которые, впрочем, тоже имеют место), но и из практических соображений. Я-то совершенно ясно понимаю, какая ноша однажды

рухнет мне на голову. И фоморий вопрос — только один из великого множества примеров...

Но Олуш — кадр отдельный. Этого фомора, истощённого и едва живого, нашли в полузаваленном поселении матушки Роя и Дина, близкие подруги и большие любительницы паломничеств во всякие святилища древних (читай: заброшенные задницы мира, кишасшие неведомой зубастой фоморенью, голодной и неразумной). Но Олуш оказался разумным и показался почтенным господам милым. И я их даже, в общем-то, понимаю.

Олуш забавный. Но я его больше всего ценю за очень правильное ко мне отношение...

— А что это вы тут делаете?! — спросил я грозно.

Все работники кухни бросились врассыпную, слышались невнятные возгласы. Мех Олуша сердито заколыхался.

— Итить фоморить, твоё, грёб его в печку, высочество! Сколько раз я буду тебя просить: не сучись! Не видишь, все заняты! Иди и ты чем полезным займи свою венценосную задницу! И не только её. Сходи вон пару поищи! Трудись на благо страны, не покладая инструмента. Но оставь в покое мою несчастную кухню!

Я краем уха слышал грохот: кто-то из новеньких, кажется, всё же упал в обморок.

О да, у Олуша сложно с субординацией. Но мне, в общем-то, нравится.

— И вот не надо шуметь, Олуш, — хмыкнул я высокомерно. — И вообще, я, может, как раз в процессе поиска пары! Но как её вот так сразу проверять? Привёл к тебе, чтобы ты откормил.

— Хм. Так вроде ж только-только завтрак конкурсанткам отправили?

— Так это торжественное принятие пищи. Кто же там на самом деле ест? Все больше интриги плетут. А теперь-то и поесть можно. Накормишь?

Олуш задумчиво встопорщил шерсть и наклонился над Дайяной, уставившись на неё всеми двенадцатью глазами.

— Какая милашечка, — сказал он. — А что ты любишь, чудо пернатое?

Я посмотрел на Дайяну и подумал, что всё же переборщил с шоковой терапией: девушка была напугана. Это ясно читалось по её дрожащим губам, разом побледневшему лицу, сжатым в кулаки рукам... фоморы, всё же, те ещё красавцы. То есть, насколько я могу судить по тому же Олушу, они просто потрясающие ребята! Но специфические. И внешний вид их зачастую весьма далёк от человеческих представлений о нормальном.

— Не бойтесь, Дайяна, — сказал я, ненавязчиво оттесняя её от Олуша. — Этот здоровяк — милейшей души существо... Когда не гоняется за мной с ножом, конечно же. И не грозит хвост узлом завязать.

— А кто бы не грозился — на моём-то месте?! — возмутился Олуш. — Мой первый год на работе. Торт для приёма в честь юбилея Императрицы. Сто сорок два слоя. Пятнадцать уровней! Изображение первой встречи Императрицы и Императора. Горы, Император, первая фаворитка на его спине, Императрица в зверином обличье, встретившаяся им на пути... Всё это лепилось вручную двадцать часов. Двадцать! И вот я дал торту настояться, вернулся, чтобы внести последние штрихи... и тут башни дворца осыпаются, и на их месте возникает драконья ледяная башка вот этого... высочества. И оно заявляет: “Я победил! Меня никто не нашёл! И, кстати. Очень вкусно! Примите мои комплименты!”

— Мы с побратимами играли в прятки, — усмехнулся я. — Поспорили, кто дольше всего сможет оставаться незамеченным в верхней части дворца. В драконьем обличье. Хотя потом выяснилось, что победил всё же Дин: он попросту заменил себя ртутным двойником, так что его никто и не искал. Правда, самым умным из нас, как показала практика, оказался Рой. Пока мы прятались, он свинтил из Дворца изучать мир. Его потом месяц ловили... Детство-детство.

Краем глаза наблюдая за Дайяной, я отметил, что она вроде бы немного успокоилась. По крайней мере, мертвенная бледность сошла с её лица, сменившись лихорадочным румянцем.

Не идеально, но лучше, чем вообще ничего.

— Так что ты хотела бы съесть? Олуш отлично готовит, поверь мне. Любой каприз!

— Я... не голодна. Простите. И, если честно, не слишком хорошо себя чувствую... Можете меня извинить? Я действительно хотела бы

вернуться к себе.

Вот так я понял, что провалил наше первое свидание.

Обидное и непривычное чувство. Но так даже веселее, верно? Скучно, если всё получается чересчур легко.

— И чего это ты моего принца обижаешь, чудо? — возмутился Олуш. — Он старается, а ты нос воротишь? Будешь хвостом вертеть — укушу!

— Олуш! — приходится признать, что идея была не очень. — Вот нашёл, кому угрожать!

— Не угрожаю, а обещаю, — буркнул он. — Идите уж! Попрошу принести вам корзинку с моими фирменными блюдами.

— Спасибо! — Дайяна вежливо улыбнулась, но глаз улыбка её больше не касалась. Она ушла в себя, отвечала чуть невпопад и скомкано попрощалась со мной на пороге своей комнаты.

Отличная работа, Или. Однорукие аплодисменты. Можешь признавать себя мастером в категории: “Как напугать девушку в первую же встречу”.

С чего я вообще взял, что она оценит?!

Удостоверившись, что Дайяне принесут еду, я решил, что самое время прочистить мозги. И в этот раз спарринг с побратимом будет в самый раз...

Наверное.

— Знаю, что тебя не переубедить, — протянул Дин. — Просто в качестве общей информации. Смотри, эти визогаммы сделаны за неделю до того, как Дайяна Гохорд появилась здесь. Хочешь посмотреть?

Я не очень хотел, если честно. Но Дин не отстанет, это ясно; так что мне придётся смотреть, как Дайяна влюблённо таращится на какого-то человека в дешёвой одежде.

Как она целует его.

Как она улыбается для него и смеётся. Как они дурачатся, сидя на крыше.

— Это выглядит неискренним на твой вкус? — спросил Дин.

Нет. Как бы мне ни хотелось.

Это выглядело так, как будто с этим человеком Дайяна была счастлива.

Алисия Майлифф

*

Что со мной сделают, когда узнают?!

Именно этот вопрос я задавала себе раз за разом, сидя на кровати и глядя в стену.

Закон, позволяющий убивать фоморов без суда и следствия, в Драконьей Империи отменили четыре столетия назад. Это хорошая новость. Дальше начинаются плохие.

Я обманом пробралась во Дворец. Лгала монаршим особам. Скрыла потенциально опасные способности. И это я уже молчу о своей смешанной крови, о которой в теории вообще никто не должен знать...

Хотелось метаться по комнате туда-сюда, встопорщить гребни и вылететь в окно. Но... самообладания, что пока ещё было у меня, хватало на то, чтобы не делать подобных глупостей. Фомор! Здесь, в сердце Драконьей Империи! Это же надо было встретиться! Да ещё не какой-нибудь полукровка, а чистокровный Старший! Пусть не Древний, но...

Я в отчаянье закусила губу.

Это всё меняло. Я могла обмануть людей, драконов и даже сидов... но не чистокровного фомора, увы.

Тут нужно пояснить: наш мир стар. Говорят, что однажды, давным-давно, он был колыбелью человеческой цивилизации. Тут жили великие артефакторы, которым покорились сами звёзды. Якобы они летали ввысь в железных кораблях и обуздали само время. Якобы... но потом они предсказуемо не сумели совладать с собственным небывалым могуществом. И Тени Предвечной, голодные и неумолимые призраки войны, раскинули над этим миром свои крылья, превратив всё в пепел и тлен.

Говорят, долгое время после той войны этот мир был похож на жуткую отравленную пустыню, где светилась вода, земля источала яд и была покрыта пеплом. Но... колесо жизни крутится до нас и после нас. Оно не останавливается ни на миг. Постепенно, шаг за шагом, но

жизнь возвращалась на эту планету; растворялась отравя, сквозь пепел пробивались ростки, животные приспособлялись к новым условиям обитания. И богиня Мора, которая лично пришла сюда искать свою пропавшую Тень, внезапно увидела потрясающий мир. Прекрасный мир, полный жизни и силы. В нём было всё, кроме одного — разума... И это огорчило Её. Но Она никогда не была Творцом, потому не смогла бы сотворить жизнь. Лишь вести её по кругу рождений и смертей, лишь открывать двери (и быть дверью) — такова всегда была Её суть. Потому Она решила даровать разум той красоте, которую видела: силам природы, и теням, и тёмным глубинам океана. Не создать жизнь, но даровать уже существующей наивысшее благо: разум и волю.

Так появились первые фоморы. Древние.

Мора щедро одарила их своей силой и ушла, оставив им целый мир. Но в какой-то мере Она была излишне щедра: Её магия пронзила этот мир, наполнила его до краёв, сделала изменчивым и зыбким, поставила на грань между сновидением и реальностью.

Так магия стала в этом мире обыденностью. Так фоморы начали появляться сами по себе: из лунного света, птичьего крика, болотной трясины или плотной тени... Это были Старшие.

А потом в этот мир пришли люди. Они принесли с собой желания, мечты, страхи и суеверия. И здесь, в этом полном магии мире, это всё потаённое, человеческое, начало оживать. Так появились Новые. В их числе были и селениты, пернатые змеи. Эротические сновидения, воплощённые в жизнь, способные очаровывать и принимать обличье самого желанного существа.

Таковы были мои дальние предки.

Первые же из тех, что подобны Олушу, зародились из огня костров и очагов. Им поклонялись Жрицы Пепла. И...

— Что, боишься?

Разумеется, он явился.

Причём не стал утруждать себя церемониями: просто просочился сквозь декоративный камин, не дожидаясь приглашения и не скрывая подлинной зыбкости своей природы. Да и зачем устраивать шоу — перед себе подобной?..

— Что, расскажешь обо мне? — ответила я вопросом на вопрос, сжав руки в кулаки.

Олуш тихо фыркнул и раздулся, занимая собой едва ли не половину комнаты. Его шерсть удлинилась, запутываясь причудливо, бросая на стены пляшущие тени.

А ведь он отнюдь не безобиден. Безобидных фоморов вообще не бывает в природе. Этот же... смогу ли я победить его — даже с учётом улучшенных генов?

— *Даже не думай*, — из-под меха проступила широченная клыкастая улыбка. — Это *мой* дом. *Мой* очаг. Жрица пепла привела меня сюда... а вот ты, пернатая хищница и воровка чужих лиц, тут незваная гостья.

А то я сама этого не понимаю. Но... один фомор не может так просто передать другого иномирным ящерицам; это одна из немногих действительно ценных тайн, которые остались мне после встречи с биологическим отцом.

— Ты выдашь меня драконам? — повторила я. — Невзирая на Болотный Договор?

— Умная, — его оскал стал ещё шире. — Слишком... Но ты пришла в мой дом...

— В *драконий* дом.

Мы уставились друг на друга. Я позволила истинному облику проглянуть сквозь лицо Дайяны и инстинктивно расправила гребни, чтобы казаться больше.

— Ты не смеешь выдавать фоморьи секреты просто так, — прошипела я. — *Не смеешь!*

Он наклонился ко мне.

— Слушай сюда, хищница мелкая, — оскалился он. — Зубы не доросли мне указывать! Думаешь, я позволю тебе вредить моим подопечным? И не лучше ли мне прямо сейчас оторвать тебе, нахальной мелочи, голову?

Я сжала руки в кулаки.

Положим, я не настолько беспомощна, как он себе представляет. Далеко не настолько беспомощна. Но... вот что-то мне подсказывает, что местная служба безопасности просто так не пропустит разборки двух фоморов. Но как с ним договориться? Если только...

— Я не могу просто уйти, — сказала я честно, глядя ему в глаза. — Просто не могу. Это будет дорого стоить мне и моим близким. Но есть возможность поступить иначе. Я могу дать клятву, что не

причину вреда никому во Дворце — исключая случаи, подразумевающие самооборону.

Он слегка отодвинулся.

— Значит, поклянёшься именем Моры?

— Да, — ответила я без сомнений. Тут правда была на моей стороне, потому что никаким образом вредить хозяевам Дворца я не собиралась. Я же не сумасшедшая.

— Значит, шпионка?

— Мне не нужны секреты Дворца. В этом тоже могу поклясться.

Олуш немного сдулся, но смотрел теперь ещё подозрительнее.

— Тогда что ты тут делаешь вообще?

— Это не твоё дело, — ответила я сухо. — Достаточно будет моих клятв. Но взамен них ты промолчишь обо мне. Что скажешь?

Он застыл на некоторое время, размышляя.

— Хорошо, — сказал он в итоге. — Хорошо. Но смотри и запомни: я этого мальчишку вырастил. И, вдруг что, набью себе подушку твоими перьями. Поняла?

— Разумеется.

Что же тут непонятного?

В итоге, клятвы мне принести всё же пришлось. Что не являюсь шпионкой, ничего не злоумышляю, не причиню вреда, ничего не украду... Длинный вышел список. Но и от Олуша я получила ответную любезность. Не клятву, лишь обещание, но — от фомора фомору. А значит, он не нарушит его просто так, без очень веской причины.

Когда он всё же ушёл, я упала на кровать и прикрыла глаза. Как же тяжело мне даётся эта роль... Усталость навалилась, как пыльный мешок. Несколько бессонных ночей, бешеная гонка меж двух континентов и внезапные прелести жизни знатных дам не прошли бесследно: я рухнула в сон без сновидений, будто в колодец. И растворилась в нём...

*

Когда я проснулась, в окно уже заглядывал закат. Ветер трепал занавески, первые звёзды расцвели на чернильном небе, а комнату наполняли ароматы вечерних цветов и горных трав. Я улыбнулась, нежась на роскошных простынях, и...

Минуточку. Почему это мне дали проспать весь день? А как же мероприятия? И почему открыто окно?

— С пробуждением, — знакомый голос окутал, как шёлк. — Думал, ты так и проспичь целые сутки. Ничего такого, на самом деле. Но как бы я в таком случае реабилитировался за испорченное первое свидание?

Принц, будто призрак, выступил из тени. Отблески заката заплесали на его ледяных волосах.

Я ощутила неловкость и некоторое опасение. Он что, наблюдал за мной, спящей? Звучит вроде бы романтично — в книге или пьесе. Но на деле кажется несколько... нездоровым.

— Вам не кажется, что это всё немного невежливо с вашей стороны? — уточнила я. — Вот так вот вламываться ко мне, когда я сплю?

— Вообще-то я принц, — хмыкнул он. — И в теории могу вломиться к любой девушке. Принцам не отказывают, и всё такое... Древние традиции надо чтить!

— Только конструктивные, как мне кажется, — фыркнула я. — Многим вещам, которые происходили в древности, нет места в прогрессивном мире. Глупо цепляться за нечто из серии “Так делали наши предки”; я всегда закатываю глаза, когда это слышу. Предкам уровень развития не позволял делать иначе. А у вас-то какие проблемы?

Он рассмеялся.

— Слова, достойные будущей Императрицы, — сказал он. — Рад, что ты не разделяешь взгляды подавляющего большинства старых аристократов. Думаю, отец будет доволен. И да, я тоже думаю, что все эти старые глупости вроде “принцам не отказывают” давно пора считать сомнительными и опасными. Гарантирую, что никаких ужасов я не задумал: просто хотел удостовериться, спишь ли ты. Но официальные визиты в нашем случае отпадают. Просто поверь: войди я через дверь, об этом знала бы каждая собака во Дворце. И каждая придворная дама матери. Они засекли бы время, сколько я тут пробыл, и уже спрашивали, как прошла проверка парности. Нам оно надо?

Я нахмурилась. За всей этой канителью я забыла, что принц с какого-то перепугу посчитал нас парой. А ведь это может быть самой настоящей проблемой.

— Ваше высочество, почему бы нам не обсудить...

— Обсуждать? Опять? Пока ты тут спала, я весь день только и делал, что обсуждал всякие глупости. Гостьям нужно было уделить внимание, знаешь? Иначе их родители могли бы посчитать это оскорблением... скука и рутина. Так что давай так. Во-первых, обойдёмся без высочеств — а то мне уже начинает казаться, что у меня размножение личности. Давай на “ты”. И да, моё имя Или. Будем знакомы!

“Моё имя Лисси”, — хотела бы я это сказать. Безумно хотела.

Но при этом отчаянно боялась того, что могло бы последовать за подобным признанием.

— Дайяна. Будем знакомы!

— Вот и хорошо, — он обезоруживающе улыбнулся. — Теперь о разговорах. Что насчёт того, чтобы совместить приятное с полезным? Небольшой пикник на крыше Дворца — и игра в вопрос-ответ. Как тебе сделка? Ты ведь любишь крыши, Дайяна?

В последнем его вопросе мне послышался намёк, но на что именно, я так и не поняла.

— Да, — улыбнулась я.

Особенно, правда, я люблю летать над крышами. Но это всё равно считается, верно?

*

— Потрясающе, — выдохнула я.

— Нравится? — в голосе Или зазвенело лукавство пополам с гордостью. Вполне оправданной, на мой вкус: таким домом я тоже гордилась бы.

— Как это может не нравиться? Нужно быть слепым, чтобы не оценить...

Тут я не лукавила. Принц привёл меня в одну из самых высоких точек Дворца, откуда открывался захватывающий дух вид и на вытесанные в скалах здания, и на раскинувшийся внизу город, утопающий в свете. В драконьей столице было меньше мобильных, чем в моей родной Вел-Лерии; и заводов было заметно меньше. Зато драконы очень многое вкладывали в развитие архитектуры. А также железной дороги, большой и малой. Поезда носились над городом, сияя огнями, улетали вдаль, петляя на горных серпантинах. Я подумала, что они сами похожи на клубок сияющих змей. Мне

хотелось бы следовать за этими поездами. Может быть, сидеть у окна с элегантною чашечкой. А может — лететь над ними, как ещё одна змея среди множества змей... В моём детстве, когда я ещё не встретила папу, это было чуть ли не единственное моё развлечение — летать за товарными поездами.

Я представляла, что они — мои друзья... хотя, конечно, тогда я не знала слова “друзья”. Но слова ничего не значат, когда дело доходит до тоски по несбывшемуся. На свете есть множество неназываемых вещей, которых нам не хватает. Даже если человечество так и не удосужилось (или не осмелилось) придумать им название.

— Драконья столица, — сказал Или. — Вся она — у твоих ног.

— Захватывает дух, — ответила я честно. — Чувство, что ты на вершине мира. От такого легко может закружиться голова...

— Привыкай, — полушутливо протянул он. — Придёт время, когда всё это действительно будет лежать у твоих ног. Удел Императрицы. Видишь вон тот балкон? Именно туда однажды нам с тобой предстоит выйти. И взвалить себе на плечи тяжёлую ношу, не без того. Но... всё это — действительно у твоих ног, Дайяна.

Да что же это за напасть?!

— Или, — начала я осторожно, — это всё, конечно, хорошо. Но с чего ты вообще взял, что я стану Императрицей? Мне казалось, что парность становится очевидна после совместной ночи. А у нас, в общем-то, не было подобного опыта...

— Я заметил, представляешь? — он фыркнул. — Но тут вот какое дело: я почти уверен.

— Но почему?

— Ну... прозвучит, как дешёвые откровения обычного городского сумасшедшего, но... В общем, в ходе одного... запретного для драконов ритуала у меня было видение.

Я ошеломлённо застыла. Может ли быть, что дракон действительно владеет музыкальной магией? Это ведь невозможно. С другой стороны, во внешности Или и его манерах есть нечто такое... наводящее на мысли о сидхе. Может ли быть такое, что в его жилах течёт эльфийская кровь?

— И там, в этом видении, между нами расцвели иллюзорные цветы, — продолжал он. — Сакура, если тебе интересно. Привет с нашей далёкой родины... я раньше видел её лишь на картинках.

— И что? — я всё ещё отказывалась осознавать весь ужас того недоразумения, которое тут произошло.

Или улыбнулся:

— Что ты знаешь о драконьем исходе? О том, как мой народ пришёл в этот мир?

— Не слишком много, — честно сказала я. — Якобы в вашем родном мире разразилась война. И Первый Император решил спасти своих сторонников, так что провёл их в межмировой коридор. Сюда. И здесь уже принялся строить Великую Драконью Империю.

Слова “попутно истребляя всех возможных конкурентов” я тактично оставила при себе.

Или тонко улыбнулся:

— Ты забыла сказать: попутно истребляя всех возможных конкурентов.

Я вздрогнула. Не читает же он мои мысли, правда?

— Да брось, не смотри на меня так, — он подмигнул. — Мы оба знаем, как обстояли дела. То был период завоеваний и становления Империи. Вполне закономерно, крови пролилось много. Потому, собственно, на нас и пало проклятие Лесного Царя. Ты слышала о нём, верно? Уверен, этому обучает своих дочерей аристократия.

Я в ответ только улыбнулась и похлопала глазами:

— Честно признаться, я была нерадивой ученицей.

Или фыркнул, но вроде бы спокойно воспринял такой ответ.

В некоторых вопросах бывает очень удобно быть девушкой.

— Но, надеюсь, ты знаешь, как драконы находят истинную пару?

— Им нужно с ней провести ночь? — на это, слава Море, моих познаний хватало.

— Ну, не то чтобы обязательно ночь, — лукаво прищурился прекрасный принц. — Даже скорее вот совсем не обязательно. И наоборот, если ограничиться ночью только ласками без проникновения, то проверка не будет считаться состоявшейся...

Совершенно невыносим!

— Не уверена, что нуждаюсь в таких подробностях.

— Как скажешь, — довольно улыбнулся Или. — Я тоже предпочту показывать, а не рассказывать... Но суть вот в чём: далеко не всегда драконьи поиски пары сводились к ритмическим движениям

в преимущественно горизонтальной плоскости. Находить свою пару через условную “постель” — одно из условий нашего проклятья. Раньше, на драконьей прародине, всё было совсем не так. Пару определяли прикосновением... Строго говоря, иногда даже намного раньше: хищные оборотни, наши союзники и дальние сородичи, содействовали в этом. Их знать могла учуять парность между двумя существами по запаху. Но, даже если такого не происходило, драконам раньше достаточно было прикосновения, чтобы определить истинную пару. Взять за руку, провести по щеке, ударить — не суть. Достаточно едва ощутимого касания. Кожа к коже. И тогда между предназначенными друг другу существами расцветут чудесные магические цветы...

Он взял мою ладонь в свою — исключительно в целях демонстрации прикосновений, вестимо, — и стал словно бы невзначай перебирать пальцы.

Я почувствовала, как внутри распространяется обжигающий жар. Должна ли я отстраниться? Убрать руку? Очевидно, что всё это — одна большая ошибка. Как на моём месте должна была бы поступить Дайяна Гохорд? И... как должна поступить я сама? Могу ли я поднять сейчас на него глаза, чтобы он увидел, насколько я в него влюблена? И... как со мной это произошло — настолько быстро?! Никогда, даже в наивной юности, со мной не случилось такого...

— И, как я уже сказал, в том моём видении между нами расцвели цветы.

Вот как... О да, теперь я окончательно поняла, какая глупая, дурацкая ситуация произошла. Не знаю, откуда взялись эти проклятые цветы, но могу предположить: магия селенити, ожившего желания, воплощённого сновидения, просто показала принцу то, что он хотел увидеть. То, что могло его очаровать больше всего.

— Мой принц, — сказала я тихо. — Не стоит так безоговорочно верить видениям и снам. Они очень... обманчивы. И всегда исчезают с рассветом.

— Так ты — мой сон, Дайяна? — спросил он вроде бы в шутку. Только вот глаза смотрели серьёзно, оценивающе, испытывающе, будто хотели открыть разом все мои секреты. В них плясали отражения городских огней, что делало дракона во много раз прекраснее, чем обычно. — Иллюзия, которая развеется при свете дня?

И что мне сказать тебе?

— Никогда нельзя исключать этого, мой прекрасный принц. Особенно... драконам.

— Сомневаешься, что мы пара?

Наверняка знаю, что нет. Разве что... разве что каким-то чудом ты окажешься парой настоящей Дайяны. И почему одна мысль об этом вызывает столько отвращения и горечи?!

— Сомневаюсь. Как я уже сказала, я не верю видениям.

— Забавно, — он сжал мою ладонь. — До сего дня я считал, что любая на твоём месте будет счастлива услышать от меня все эти откровения.

— Прости, но я не верю, что действительно — любая, — ответила я мягко, стараясь взвесить каждое слово. — Это лестно, разумеется. И ты правда прекрасный принц, в лучшем смысле этого слова. Но всё же у всех разные сердечные пристрастия, мечты и обстоятельства. Разве нет? Хотя... знаю точно: мой отец был бы счастлив. Твоё отношение ко мне помогло бы ему в делах.

— Отец, но не ты... — протянул Или, глядя на звёзды. — Твоё сердце занято, Дайяна? Это тот самый слуга, Бэннард Финн, бывший раб с островов? Его ты предпочтёшь такому прекрасному мне? А крыша сарая с пряностями тебе милее крыши Императорского Дворца?

И что мне отвечать? Гадство! Знать бы ещё, что испытывает по этому поводу настоящая Дайяна. Нет, вроде бы очевидно, что роман её закончился не слишком хорошо — учитывая состояние, в котором она пребывала. С другой стороны, одной Бездне Безмолвной ведомо, что там могло случиться на самом деле. Бывший раб с островов, наверняка даже внешне не похожий на “правильного” имперца... Снобы-

родители... Вряд ли что такого рода история хотя бы в теории могла хорошо кончиться.

И вот тут дилемма. Как я могу говорить о таких вещах от лица Дайяны? Ведь дальше ей жить этой жизнью.

И отвечать за эти слова.

— Сердце — не общественный сортир, — сказала я в итоге. — Занято оно или свободно — на нём не висит такой таблички. И, сдаётся мне, крыша сарая с пряностями и крыша Дворца хороши по-своему. На разный манер.

— Это стоит трактовать так, что тебе нравимся мы оба? Одинаково?

Как же сложно.

— Это стоит трактовать так, что у каждого есть прошлое, — ответила я спокойно. — Порой оно может быть печальным, а порой его непросто отпустить. Я знакома с тобой два дня и ещё не пережила историю, случившуюся в прошлом. Я не могу сейчас измерять, кто нравится мне больше или меньше. Но... ты нравишься мне. И этого, я думаю, достаточно сегодня.

— Да уж, — Или вздохнул. — Никогда не представлял, что у меня будет такой соперник...

— Он тут ни при чём, — быстро ответила я. — Это прошлое. Не стоит его впутывать.

Не хватало ещё, чтобы с тем парнем что-то случилось. Не знаю, был ли он “коварным соблазнителем”, как утверждала Элизавет. И знать не хочу. Но...

— Ещё не хватало, — поморщился Или. — Сотри испуг со своего лица. Я что, дал повод считать себя невменяемым психом?

Я физически почувствовала: ему действительно обидно.

— Прости. Я просто...

— Ты *просто* считаешь меня истеричным ревнивцем? Не особенно лестно. Хотя, если учесть, какими драконов обычно представляют люди — объяснимо... Но на деле я сказал тебе правду: я не ожидал, что когда-то попаду в такую ситуацию. Тут нет других подтекстов.

Честно говоря, после этих его слов я вздохнула с облегчением. Как бы красиво ни смотрелись ревнивые властные драконы на страницах книг и театральных подмостках, но жизнь вносит свои

коррективы. И в реальности это зачастую принимает скорее страшные и уродливые формы.

— Ладно, — Или отвернулся и снова посмотрел на город. — Но ты называешь Бэннарда прошлым.

— Да, — ответила я коротко. Уж тут, как мне кажется, я могу быть почти уверена. — Иначе я бы не пришла сюда. Что бы там родители не говорили.

— Дин утверждал, что вы с Бэннардом хотели сбежать вместе... Всё так?

Если бы я ещё знала!

— Не получилось.

— А где он сейчас?

— Это допрос?

— Нет, — вздохнул Или. — Просто ребята Дина так и не смогли его найти. И это весьма... загадочно. Уехал, не забрав вещей; взял билет до Райоли, но так и не сел на поезд...

— Я не знаю, где он, если честно. После нашей ссоры... я просто отпустила его. А к чему все эти вопросы?

Или оценивающе на меня смотрел.

— Видишь ли, мой друг Дин считает, что с Бэннардом что-то случилось. И едва ли он жив.

— Что ты такое говоришь?! — гадство.

Какое же гадство.

Но, если совсем честно, то в глубине души я тоже подозреваю что-то подобное.

— Уверяю тебя, тут какая-то ошибка, — что ещё я могла сказать?

— Ну да, — Или посмотрел на город. — Прости, что поднимаю этот вопрос на свидании, но... Дин спросил у меня, стоит ли искать Бэннарда. Я же спрашиваю об этом у тебя, Дайяна.

— У меня?!

— Да, — Или всё так же старательно не смотрел на меня. — Я догадываюсь, что между вами произошло что-то очень неприятное. Потом он пропал. Потому я и спрашиваю у тебя: стоит ли нам копаться в этом?

— И если я скажу “нет”...

— То я воспользуюсь своим положением, чтобы приказать Дину остановиться.

Ох, как же велик соблазн... Бывает на свете мутная водица, которую лучше не ворошить. И, конечно, расследование может угрожать мне, пока я изображаю Дайяну Гохорд. Но...

Если с Бэннардом действительно что-то случилось, то с большой долей вероятности это сделали Гохорды. И, попросив принца не проводить расследование, я тем самым похороню этот секрет. Казалось бы, удобно для всех. Но...

Я сама была бедной. Я сама видела, как богатые люди относятся к беднякам, как к грязи. Я знаю, что такое безнаказанность.

Покрывать подобные вещи я не готова.

— Я действительно не знаю, что с ним случилось, — ответила я спокойно. — Но не думаю, что твоего друга действительно стоит останавливать. Если с Бэннардом что-то произошло... в чём я сомневаюсь, но всё же... то он заслуживает справедливости.

Или повернулся и посмотрел на меня. На его лице ничего особенно и не отразилось, но по блеску в глубине глаз я поняла: это было испытание. И, кажется, только что я дала правильный ответ.

— Хорошо. Но показания ты давать не хочешь, я верно понимаю?

— Нет, — выдавила я, проклиная свою правильность, — это пока что слишком тяжело.

— Хорошо, — Или моргнул, и я своими глазами могла созерцать, как снова возникает на его лице дурашливая маска. — Значит, не будем больше говорить о грустном и тяжёлом. Хочешь полетать на драконе?

— Предлагаешь себя в качестве транспортного средства?

— Предлагаю меня оседлать, — он поиграл бровями. — Ради такого дела даже разрешу тебе побыть сверху. Что скажешь?

— Ну ты и...

— Прекрасный принц? Да, такой! Восторженные восклицания, так и быть, побережем для спальни. Так что скажешь по существу вопроса?

Что скажу?

Честно говоря, я предпочла бы полетать с драконом, а не *на* нём. Даже представила, как это интересно могло быть — отплясывать в воздухе вместе, переплетаясь, наперегонки устремляясь за поездами... В тот момент соблазн всё рассказать стал просто невыносимым. Он ведь не так уж и плох, верно? Не какой-то чванливый и высокомерный королевский отпрыск, ошавевший от вседозволенности. Да, я знаю

Или совсем недолго, но... В его личном ритме, в той ночной музыке, в решениях и реакциях... он несносен, верно. Порой просто невыносим. Но не производит впечатления того, кто не поймёт...

Только вот есть ещё Императорская семья, которую я обманула. И леди Элизавет, у которой в Тавельни длинные руки. И моя семья. И родной отец, которому я дала совершенно определённые клятвы.

А ещё есть особняк на Сиреновой улице, и платья в гардеробной, и эксклюзивные сорта чая, и лучшие инструменты для папы Буджо, и машина для всей семьи. И моя жизнь, богатая, стабильная. Я так долго её строила... столько в неё вложила... но она рухнет, как карточный дом, стоит мне сейчас открыть рот. И, что важнее, какой смысл? Я не смогу быть его парой, только фавориткой. И то... совсем не факт, что после моего признания он будет в этом хоть сколько-нибудь заинтересован. Зато его точно заинтересует моя природа, и вот это уже можно полноценно считать катастрофой...

— Дайяна? — позвал Или мягко. — Хотел бы я знать, о чём ты думаешь с таким серьёзным лицом. Поделишься?

— О, — я мысленно отвесила самой себе увесистый подзатыльник. — Просто пытаюсь решиться. Боюсь летать, знаешь ли.

Он прищурился недоверчиво, а потом вдруг шагнул вперёд и обнял. Это было и неожиданно, и приятно, и пугающе. Моё сердце забилося от растерянности и предвкушения, я слабо дёрнулась, как пойманная бабочка, а потом замерла.

На удивление, принц, любитель пошлых шуток и циничных комментариев, обнимал меня осторожно и деликатно, без намёков на продолжение. И в его объятиях мне было на удивление тепло.

— Не знаю, о чём ты думаешь, — сказал он тихо, — не знаю, что за тени прошлого терзают тебя, через что довелось пройти. Но запомни: я смогу тебя защитить, что бы ни случилось. Я позабочусь, чтобы ты не боялась высоты, а просто любовалась красотой неба. Какими бы ни были твои секреты, что бы ни пугало тебя, помни: у тебя для этого теперь есть я. Ты — маленький хрупкий человек. А я — твой большой дракон. Который не позволит навредить тебе, никому и никогда. И вытащит, как бы серьёзно ты ни влипла. Просто доверься мне, хорошо?

Я судорожно вздохнула и обняла его в ответ.

Если бы всё было так просто, Или...

— Давай полетим, — сказала я вслух. — Хочу увидеть поезда с высоты.

— Хорошо, — он едва ощутимо прикоснулся губами к моим волосам. — Мы вернёмся к этому разговору, когда ты будешь готова.

Я только улыбнулась в ответ, пряча грусть и сомнения.

Никогда не считала себя склонной к противоречиям, но сейчас слишком запуталась в собственных эмоциях и чувствах, как рыба в сети. И от этого на сердце становилось больно и пусто.

Дракон был прекрасен.

Мне раньше приходилось видеть мельком селенити, получившегося от скрещения с Ледяным драконом. Так что, некоторое представление о них у меня было. Но всё же мои сородичи, как бы ни разбавляли свою кровь драконьей, оставались пернатыми змеями — правда, с разными вариациями способностей и степенями пернатости. Например, мой кровный родитель мог похвастаться длинными перьями только вокруг головы и на хвосте. Зато что это были за перья! Огромные, цвета ртути и киновари, с радужным отблеском... не зря он считался одним из лучших экспериментов по скрещиванию, не зря.

Только вот, несмотря на всю свою красоту и могущество, он оставался низшим фомором. А значит — немного сновидением.

Природа же драконов совершенно иная. Они были созданы воплощениями стихий, этим всё сказано. Так что там, на крыше Дворца, передо мной предстал оживший лик Льда: сверкающий переливами граней, завораживающий пленённой мощью стремительной воды, звучащий в совершенно неподражаемом, прелестном ритме.

Он был самым прекрасным, что я видела в своей жизни. От этой красоты хотелось задохнуться. Мне в буквальном смысле стало тяжело дышать, сердце зашло в шальном, неправильном ритме, и дракон обеспокоенно посмотрел на меня своими сияющими глазами, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Я ободряюще улыбнулась в ответ.

— Ты просто слишком красивый, — сказала я. — Это вообще законно?

Морда у дракона приобрела одновременно смущённое и ехидное выражение. Он тихо фыркнул, встряхнулся, как мокрый пёс, и приглашающе подставил мне крыло.

Разумеется, отказываться я не стала.

Он взлетел плавно, осторожно, явно оберегая такую пугливую меня. Вокруг замерцали защитные сферы, притом немного даже чересчур плотные. Зачем летать, если не чувствуешь обжигающих

порывов ветра? Это же как растворимый кофе или детское шампанское: на вид то же самое, но по сути совсем, совсем не то...

Я ничего не сказала, но он как-то понял. И в следующее мгновение заложил крутой, совершенно сумасшедший вираж, параллельно опуская все щиты, оставляя лишь колдовство, не позволяющее мне упасть.

И ветер ударил в лицо, разметав опостылевшую причёску Дайяны, выбив дыхание, вернув ощущение настоящего полёта, а не жалкой подделки.

— Давай за поездами! — крикнула я. — Это же самое интересное!

Или послушался. Он больше не сдерживался, не старался под меня подстроиться, а просто летел — свободно и радостно, так, как положено крылатому. Мы неслись сквозь чернильную ночь, догоняя и обгоняя поезда, ныряя сквозь воздушные потоки, упиваясь светом магических огней и подмигивающих с неба звёзд. И я ощущала себя просто непозволительно, неуместно счастливой. Кажется, хохотала; кажется, кричала радостно, стараясь перекрычать ветер... Я потерялась во времени. И в реальности. Не знаю, сколько это всё продолжалось, прежде чем мы снова опустились на крышу Дворца.

Или снова обернулся в человеческую форму; глаза его сияли. Мы шагнули друг ко другу, будто привязанные.

“Нельзя! — отчаянно кричала разумная моя часть. — Ты не должна позволять себе такие вещи. Ты — не Дайяна! Это запутает всё во много раз сильнее!”

Но я положила ладонь ему на грудь, слушая биение сердца, и поняла, что ничего не могу сделать с самой собой. Что сойду с ума, если не поцелую его вот-прямо-сейчас... Я...

— Мой принц! — этот знакомый голос прозвучал очень кстати.

Либо очень некстати. Тут как посмотреть. В любом случае, появление Дина Ртутного уберегло меня от очень, очень больших глупостей. Только вот, увы, ощущать благодарность в тот момент у меня не слишком-то получалось.

Или застонал и рывком отодвинулся от меня.

— Если только это не что-то *действительно* важное, — рыкнул он, — то можешь считать, что на самом деле допрыгался! Ты...

Или запнулся. Я обернулась, предчувствуя неладное, и ощутила, как опускается сердце: выражение лица Дина не предвещало ничего

хорошего.

Может, он докопался до правды обо мне? Но с чего бы ему тогда быть настолько подавленным?

— Мой принц, — Дин сделал шаг вперёд и с сожалением посмотрел на Или. — Я действительно не хотел тебя прерывать. Но вести нехорошие. Первая Императорская Фаворитка во время очередного приступа оступилась на лестнице и упала.

— Что?..

— Бедро сломано, повреждён позвоночник. И... лекари сомневаются, что смогут запустить процесс регенерации.

Или застыл. Я потянулась и осторожно сжала его руку в ободряющем жесте. Хотя что тут может быть утешительного, право слово? Моё сердце дрогнуло, когда он судорожно сжал мою руку в ответ, будто нуждался в опоре. Лицо его превратилось в ледяную маску.

— Как это могло произойти? — хрипло спросил он, помедлив. — На ней же защитных чар больше, чем украшений!

— Отец разбирается, — ответил Дин. — Выводы делать очень рано. Но пока очень похоже на то, что мы имеем дело с халатностью и несчастным случаем.

Или резко выдохнул.

— Понял. Дайяна, прости, но...

— Иди к матери, — сказала я быстро. — И не вздумай даже заикаться об извинениях!

Он улыбнулся, но гримаса эта не коснулась усталых, испуганных глаз. Я сжала руку в кулак, чтобы подавить желание погладить его по щеке: едва ли при Ртутном такие жесты были уместны.

— Дин, — Или посмотрел на побратима, — я пойду туда. Пожалуйста, отведи Дайяну обратно в комнату. Сможешь сделать это, воздержавшись от угроз, обвинений и лишних вопросов? Могу я на тебя рассчитывать?

Вот уж что-что, а оставаться наедине с драконом Ртути я вовсе не горю желанием.

— Я могла бы добраться одна...

— Нет. Ты не будешь ходить тут одна. Дин?

— Да, мой принц.

— Хорошо.

И, обернувшись ледяным вихрем, Или умчался прочь. Ветер хлестнул меня по лицу, бросив охапку краугольного крошева. Я ощутила, как тают на губах и ресницах крошечные льдинки. Почти что поцелуй... самое то для нас двоих.

— Леди? — я вздрогнула и обернулась на голос Дина. Ртутный внимательно смотрел на меня, будто пытался решить какую-то очень сложную головоломку.

— Да? — интересно, начнёт он меня допрашивать прямо здесь или повременит.

— Следуйте за мной.

*

На удивление, мои самые мрачные прогнозы не сбылись. То ли Дин Ртутный оказался хорошим другом, то ли — преданным подданным, то ли и то и другое разом. Но факт остаётся фактом: он не стал выпытывать мои тайны, давить или угрожать. Впрочем, светской беседой тоже не стал утруждаться. Возможно, настоящей Дайяне подобное молчание даже могло бы показаться неправильным или оскорбительным. Как знать? Я же была тишине только рада.

Условной тишине, разумеется. Так-то Дворец стоял на ушах, во всех возможных смыслах этого слова. Хлопали двери, носились по этажам слуги, растеряв всё своё достоинство, а в воздухе витало напряжение, терпким привкусом оседая на языке. Стоило нам войти в крыло, где поселили девушек, как навстречу сразу же бросилось несколько моих конкуренток, также претендующих на тёплое место фаворитки принца.

— Ах, господин Дин, — заговорила одна из них, — мы слышали о Первой Фаворитке. Неужели это правда?

— Не могу пока разглашать подробности, к сожалению, — спокойно ответил мой спутник. — Могу лишь сказать, что всё непросто.

— Ах, какой ужас!

— Но как подобное могло случиться? — вступила ещё одна. — Не может ли быть, что во Дворце орудует убийца?

— Вы читаете слишком много детективов, леди, — обманчиво-мягко улыбнулся Дин. — Завтра утром Императорская семья и Палата Советов выступят с официальными объявлениями. А теперь прошу простить. Дела.

Девушки вроде бы расступились, но я рано обрадовалась.

— А почему это вы сопровождаете леди Дайяну? Она что, подозреваемая? — быстро спросил кто-то.

По рядам девчонок пронёсся шепоток.

— Она была рядом со старшей фавориткой...

— Учитывая историю семейства Гохорд..

— О Небо, какой ужас!

— Достаточно, — отрезал Дин. — Я проводил леди Гохорд до её покоев, ничего более. Если у вас есть другие теории, я могу устроить вам встречу с ведущим следователем. Желающие?

Как ни странно, таковых не нашлось. Но я не обманывалась: слух уже рождён. И не так-то просто будет обрезать ему крылья.

Кажется, Дин и сам это понимал. Войдя со мной в небольшую прихожую, отделяющую покои от коридора, он окликнул меня:

— Леди Гохорд.

— Да?

— Если возникнут проблемы из-за этих слухов, свяжитесь со мной. Я постараюсь разобраться по мере сил.

— Спасибо. Уже не обвиняете меня во всех грехах? — последнего говорить не стоило, конечно. Но я просто не удержалась.

Дин Ртутный криво улыбнулся.

— Я не собираюсь обвинять вас в том, чего вы не делали, леди, — спокойно ответил он. — Я всё ещё думаю, что с вами что-то не так. И почти уверен, что вы с семейкой убили Бэннарда Финна — либо как минимум удерживаете его незаконно. Но вы не имеете отношения к этой ситуации. И прямо сейчас... я предпочту, чтобы вы просто были рядом с принцем. И оказывали свою поддержку. Только и всего. Ах да... ваша семья прислала запрос на встречу. Он на столе. Я его предварительно одобрил, так что завтра в полдень вы можете до вечера покинуть Дворец. Всего хорошего, леди Гохорд.

С этими словами он, стремительно развернувшись, пошёл прочь.

Или, дракон Льда

*

— Как вы могли допустить подобное? — голос матери был холодным и жёстким. — Где были ваши глаза?!

Многочисленные служанки и компаньонки, приставленные к Биланне, стояли, склонив головы, и не смели поднять взгляд от пола.

В других обстоятельствах я бы пожалел того, с кем мама разговаривает в таком тоне, но не теперь. Как вообще можно было допустить нечто подобное?! Им ещё стоит радоваться, что мы сейчас в прогрессивном мире живём, где казни запрещены. А то ведь лет эдак двести-триста назад могли бы и без голов остаться.

И за дело, между прочим.

Но сейчас подобное недопустимо. Даже для матери. Потому, чуть приподняв губу, она всё же подавила и рычание, и подступающую трансформацию.

— Молитесь, — бросила она. — Молитесь всем богам, которых знаете, чтобы в ваших действиях не нашли ни тени злого умысла. А пока — приятной ночи в компании дознавателей! Учтите: они не будут снисходительны. Увести!

Я отступил, пропуская скорбную процессию, и взмахом руки прикрыл за ними дверь. В гостиной Биланны мы остались наедине. В тот же миг на холодном, надменном лице матери проступили усталость и грусть.

— Сынок, — позвала она.

И у меня внутри всё оборвалось.

Моя мать, Ледяная Императрица, была подобна пикам холодных гор в своём величии. Я помнил лишь четыре случая, когда она звала меня так ласково.

Когда я был маленьким и вместе с побратимами провалился в межмировой карман, застряв на полгода в диком, населённом неразумными драконами мире.

Когда Иэ, моя старшая сестрёнка, попала под обстрел орудий над островами повстанцев.

Когда Рой оказался между жизнью и смертью, сунувшись в мясорубку за очередной “девой в беде”.

И сейчас.

— Всё настолько плохо? — спросил я тихо.

— Похоже на то, — мать встала у окна, хмуро глядя на алеющее предрассветным заревом небо. — Лекари сейчас с ней, пытаются что-то сделать. Отец там же. Я... кто-то должен был отдать распоряжения.

Я услышал, как её голос дрогнул, и перевёл для себя: “Я не смогла на это смотреть”. Неудивительно, в общем-то: инстинкты теплокровных хищников — не шутка. Нередки случаи, когда оборотни нападали на лекарей, осматривающих раненых детёнышей или более слабых членов семьи. Разумом они могли сто раз понимать, что манипуляции лекаря необходимы, но звериной половине доказать подобное намного сложнее.

— Как именно это произошло?

Мать прикрыла глаза.

— Сегодня мы спали отдельно, — я с грустью различил тень вины в её голосе. — Точнее, мы с твоим отцом вовсе не собирались спать: Иэ прислала на рассмотрение новый договор с Сидхе-данан. Матриархи предварительно согласились открыть границы своих островов для торговых кораблей Драконьей Империи.

Я потрясённо выдохнул. Если бы не обстоятельства, такой прорыв можно было бы считать поводом для большого праздника.

— Да, твоя сестра в очередной раз проявила недюжинный дипломатический талант. Разумеется, тот факт, что она женщина, и её кровное наследие тоже сыграли свою роль... Матриархи сидхе, можешь вообразить, даже подарили ей рабов. То ли пять, то ли семь. Малышка буквально бурлила от возмущения, когда рассказывала об этом. Ты знаешь её отношение к рабству...

— О да, — при других обстоятельствах я бы посмеялся. И непременно послал сестре письмо с поздравлениями и текстом на манер “Самой богатой рабовладелице Драконьей Империи”.

— Вот-вот... Разумеется, это большая дипломатическая победа. Торговая Палата в восторге, Министерство Внешних Связей стоит на ушах, и мы не можем оставаться в стороне. Так что я отправила Биланне записку с пожеланием отдохнуть. Для неё, в отличие от нас, бессонные ночи вовсе недопустимы...

Мать склонила голову, но после справилась с собой и заговорила спокойно, размеренно:

— Она рано легла — полагаю, один из приступов тому виной, — но посреди ночи проснулась, потому что захотела выпить своего любимого пряного молока. И встретиться с Олушем. Она не стала надевать все защитные артефакты. Думаю, просто поленилась. Прихватила только тот, что защищал от магического нападения. И кольцо, определяющее яды. Как ты помнишь, стационарную защиту лекари попросили с неё снять, чтобы не перегружать организм магией...

О да, я помнил. И уже вполне ясно понимал, что произошло.

— А где были её компаньонки? — с невольной яростью спросил я. — Всё понимаю, но как же те двое, что дежурят в её покоях постоянно? Они разом ослепли и оглохли?

— Одна из них спала, другая убежала на свидание. С позволения Биланны, как я понимаю.

Я тихо рыкнул.

— К слову. Могу ли я узнать, где был ты?

Не самый приятный вопрос. Особенно — в таком контексте.

— Я был с Дайяной.

Мать сжала губы.

— Понятно. Парность не подтвердилась?

— Не знаю. Мы просто... летали.

Мать ничего не сказала, и эта тишина горечью осела у меня на языке. Пожалуй, я предпочёл бы, чтобы она ругалась или рычала.

Тишину, повисшую между нами, разорвал звук открывающейся двери.

— Моя Императрица, мой принц. Осмотр закончен.

Мы с матерью переглянулись и вошли в комнату. Я чуть не вздрогнул, увидев восковое, застывшее лицо Биланны с запавшими щеками и внезапно проступившими морщинами. Встретив мой взгляд, она постаралась улыбнуться, но движение губ получилось жалким и неуверенным.

Я взял себя в руки и широко улыбнулся в ответ. Можно ли подводить её в такой момент?

Лицо отца было холодным и ничего не выражало. На первый взгляд. Но я научился считывать разновидности этого самого “ничего”

и непроизвольно сжал руки в кулаки. Лекари, окружившие Биланну, судя по виду, тоже не были настроены оптимистично.

— Ну и что вы все скроили такие лица, будто кого-то хороните? — хрипло сказала она. — Подобного стоило ожидать, верно? Рано или поздно... Огласите свой вердикт, господин лекарь.

— Для начала мы с лекарями поговорим наедине...

— Мой Император, — прервала Биланна твёрдо. — Ты знаешь, что я всегда и во всём готова повиноваться тебе. Но оставь мне немного гордости и не говори за моей спиной.

В этом была вся Биланна.

Отец на миг сжал губы, а после сделал лекарю знак рукой, позволяя говорить.

— Боюсь, мой Император, у меня нет для вас утешительных слов, — сказал лекарь. — Госпожа больше не поднимется на ноги. Я изучил все реакции на магическую стимуляцию, взял анализы и попросил коллег воздействовать разными типами целительской магии. Но... организм слишком... утомлён...

— Изношен, — прохрипела Биланна, — к чему тут эвфемизмы? Это тело слишком старое, и его чересчур часто штопали. Люди непригодны для такой долгой эксплуатации... И сколько же мне осталось по вашим прикидкам, уважаемый?

— Пять лет.

— Ещё недавно мы говорили о пятнадцати! — взвилась мать.

Лекарь только развёл руками.

— Боюсь, травмы заставят ткани разлагаться ещё быстрее. На самом деле, пять лет — это самый оптимистичский прогноз. И не факт, что разум удастся сохранить... Мы, разумеется, будем замедлять процесс, снимать боль...

— Но мне предстоит пять лет в роли ни на что ни годной, дряхлой развалины-овоща, — усмехнулась Биланна криво. — Без права на лечение. Так?

— Нам удастся облегчить ваше состояние, — сказал лекарь. — Но лишь немного. Без прямого магического воздействия, но с помощью зелий и механизмов...

— Понятное дело. Мне мучиться, а вам — смотреть на мои мучения. Вот уж мечта всей моей жизни!.. Нет уж. Случилось то, что

рано или поздно должно было случиться. И я приготовила специальное зелье на такой случай.

Ноздри отца раздулись.

— Не знаю, на что ты намекаешь, — резко сказал он, — но подумай дважды, прежде чем продолжать!

Я краем глаза заметил, что у него подрагивают руки. Удивляться нечему: для отца эта тема очень болезненная. Смерть его матери тому виной.

— Все, оставьте нас, — отрезала мама, бросив на отца быстрый взгляд.

Лекари, не будь дураки, испарились почти что мгновенно.

— Изволь объясниться, — мать сжала руку отца в своей, успокаивая. — О каком зелье идёт речь?

— Я говорю о зелье, которое предложила мне юная госпожа Радужная, — сказала Биланна. — Ведьминское зелье, дарующее силу, молодость и здоровье. Может подействовать даже на меня.

Я вытаращил глаза. Отец выругался, что ему вовсе несвойственно. Мать рыкнула:

— Ты издеваешься? Почему это зелье ещё не готово?!

— Потому что оно называется "Прощальный поцелуй", — объяснила Биланна. — И действует ровно год. А потом тело умирает во сне и превращается в цветы... Старый ведьминский ритуал проводов. Большая честь, между прочим!

Я сглотнул вязкую слюну.

— Нет, — хрипло сказал отец. — Я не дам разрешения.

Я, признаюсь честно, моргал растерянно и не знал, что сказать. Первым порывом было поддержать отца. С другой стороны...

Для человека вроде Биланны заточение в неспособном передвигаться, медленно умирающем теле, отторгающем целебную магию, станет настоящей пыткой. Пять лет неполноценной жизни или год полноценной... медленное угасание или спокойный уход... можем ли мы принимать за неё это решение? Имеем ли право отнимать такой шанс? И где тут вообще пролегает граница между правильным и неправильным?

— Лии, — Биланна тихо вздохнула. — Я люблю тебя. Ты знаешь. Но в подобных обстоятельствах это должно быть *моё* решение. И не ты ли официально поддержал инициативу Совета Лекарей насчёт

внесения изменений в кодекс лекаря, если дело касается безнадежных случаев? Каждый пациент может сам выбрать себе способ лечения. Его мнение приоритетно. Чем же мой случай так отличается?

— Я не...

Голос отца прервался. Я порадовался, что его сейчас не видит никто из посторонних: боюсь, образ Ледяного Владыки был бы мигом разрушен.

— Лии. Я прожила тысячу лет, на что обычно способны только наимогущественнейшие из человеческих магов. С первого дня, когда твой отец повелел бросить меня тебе в ноги, я — твоя. И мне повезло несказанно, что это оказался именно ты... в итоге — именно вы. Моя семья, и я никогда не хотела другую. Я отказалась делить постель с посторонним мужчиной, чтобы завести детей, потому что у меня уже *есть* дети. И ничего больше мне не нужно. Но теперь... не отказывай мне, прошу. Моя жизнь идёт к закату... позволь же мне решать самой, каким будет этот закат. Моё право, разве нет?

Плечи отца дрогнули.

— Я не похожа на твою мать, Лии, — сказала Биланна мягко. — Ничем. Она жила во мраке и ужасе и пожертвовала собой ради гибели кровавого безумца. Я жила полной жизнью, свободной, счастливой. И хочу сама сделать последний выбор. Я всё обдумала заранее, задолго. Я поговорила с лекарями и убедилась, что после всех обновлений никакая магия не может меня спасти — организм просто отторгнет колдовство. Я в какой-то момент начну просто гнить изнутри, и это — лишь вопрос времени. Хочу ли я, чтобы вы видели меня такой? Чтобы дети запомнили меня такой?... Нет. Я нашла в старых книгах упоминание “Прощального поцелуя”, обсудила с госпожой Дорлиной... обдумала. И решила.

— Но почему сейчас? — спросила мать. — Тогда имеет смысл выпить зелье через несколько лет, чтобы максимально...

— Чем больше внутренних повреждений — тем меньше шансов на благополучный исход, — ответила Биланна спокойно. — Даже у этого зелья есть пределы возможностей. Если принять его, когда степень внутренних повреждений станет критической, то я просто обращусь цветами. Не худший финал, если вы спросите меня. Но, если есть такая возможность, я лучше выберу год здоровья. С вами. Правда

в том, что я очень хочу жить полноценной жизнью. Станете винить меня за это?

Мать задумчиво нахмурилась. Отец молчал.

— Пожалуйста, Лии, — добавила Биланна. — *Пожалуйста*. Понимаю, как тебе тяжело, но пойми и меня. Я так редко прошу у тебя о чём-то... позволь мне сделать выбор самой.

Он прикрыл глаза на миг. И кивнул.

— Алаи, — тихо позвал он. — Закончи здесь все дела. Я...

— Хорошо, — мама сжала его руку. — Иди.

Он обернулся ледяным вихрем и умчался прочь.

Я сделал вид, что не замечаю слёз в глазах отца. Императоры ведь не плачут, верно?

— Задала ты мне задачку, Лана, — мама присела на кровать и укоризненно посмотрела на Биланну. — Потом же весь высший свет будет говорить, что я таки сжила тебя со свету своими интригами. А то и лично убила. Из ревности.

Биланна тихо рассмеялась.

— Можешь не разубеждать их, если хочешь, — сказала она. — Чтобы тебя сильнее боялись... Большинству людей всё равно не понять то, что связывает нас троих, Алаи. Слишком отличаются социальные и моральные нормы у вечных и не-вечных.

Мать тихо фыркнула и покачала головой.

— Понимаю, что ты долго это обдумывала, — сказала она, нежно коснувшись кончиками пальцев щеки Биланны. — Понимаю, почему именно такое решение. Но всё равно хочу, чтобы у тебя была возможность передумать.

— Зелье готовится довольно долго, — отметила Биланна. — Так что у меня будет время. И стоит это варево дорого... Как ни крути, изначально оно — дар Моры своим Жрицам.

— Цена не имеет значения, ты ведь знаешь.

— Для его приготовления три ведьмы должны на пять лет отказаться от своих сил; госпожа Дорлина сказала, что, если я останусь тверда в своём намерении, то она и трое её ближайших учениц пойдут на такое.

— Понимаю... — мама нахмурилась. — Я всё улажу. Что-то ещё?

— Зелье готовится три луны, — добавила Биланна. — И в него нужно добавить слёзы тех, кто любит меня.

Мама криво улыбнулась:

— За этим дело не станет. Есть много тех, кто любит тебя. И у нас предостаточно слёз... Или! Пошли, будь так добр, за госпожой Дорлиной. Нам нужно всё обсудить дополнительно.

*

Обсуждение затянулось почти до полудня и вылилось в самый настоящий совет: госпожа Йиа, матриарх Радужных, была против того, чтобы зелье готовила невестка. Она считала, что для неё недопустимо лишаться сил на пять лет. И аргументы она приводила весьма здравые.

Тётушка Дорлина, матушка Роя, была очень могущественной ведьмой — и основательницей Круга Ведьм в Драконьей Империи. Это было едва ли не единственное объединение примитивных магов в нашей стране. Отец планировал изменить сей прискорбный факт, со временем приманив побольше специалистов извне, но пока не преуспел. Увы, ведьмы, Жрецы, просветлённые и прочие адепты изначальной магии этого мира не спешили ехать в Драконью Империю, где ещё четыреста лет назад их могли казнить без суда и следствия. Собственно, по сей день во многих заведениях и госучреждениях использование примитивной магии запрещено. В свою очередь, сильные человеческие государства, особенно Тавельни и республика Зороа, вовсю развивали примитивную магию и за специалистов держались крепко.

Таким образом, тётушка Дорлина была самым могущественным примитивным магом в Империи. И оставить её на пять лет без магии было не слишком разумно. Однако... Мама считала, что такое зелье нельзя доверить ученицам. И я был с ней согласен.

В итоге старая Радужная согласилась — выбив для своего Дома кучу преференций, разумеется. Умеет же, а? В другое время я бы только восхитился несомненным талантом, но в тот миг у меня не было на это моральных сил. Улыбнувшись Биланне на прощание, со скрипом натянув на лицо безмятежное выражение, я шёл по Дворцу, ощущая, как прозрачная хрустальная бутылочка оттягивает карман. Туда я должен был собрать свои слёзы. И...

— Мой принц! Или. Постой!

Дайяна? Я повернулся к ней, ощущая одновременно радость и раздражение.

Мне не хотелось видеть никого. Даже пару.

— Я хотела поговорить с тобой... — в её глазах плескалось множество эмоций. Неуверенность? Сочувствие? Страх? Что бы ни было, я не хотел иметь с этим дело прямо сейчас. У меня не было сил.

— Извини, — сказал я, — не сейчас.

— Я...

— Мне неудобно сейчас, Дайяна. Я зайду к тебе вечером, — с этими словами я пошёл прочь, ощущая спиной её взгляд.

Вечером извинюсь. Сейчас... я просто не хочу, чтобы мою истерику видели посторонние.

О чём бы ни хотела поговорить Дайяна, это подождёт до вечера.

Алисия Майлифф

*

Я бодрствовала всю ночь. Я металась по своим роскошным покоем... по роскошным покоем Дайяны, как зверь в клетке.

Я не знала, на что решиться.

Не надо было обладать даром предвидения, чтобы догадаться, для чего семейство Гохорд ищет встречи. Была, конечно, небольшая вероятность, что папаша Гохорд решил передать-таки мне обещанные инструкции... Но в глубине души я знала, что это не так. Несколько суток — достаточный срок, чтобы умелицы вел-лерского женского центра смогли поднять на ноги Дайяну. Конечно, для этого им понадобилось бы израсходовать огромное количество магии и наплевать на возможные долговременные риски... Но ради того, чтобы угодить Элизавет, они и не такое могли сотворить.

Скорее всего, нас снова поменяют местами. Скорее всего, я больше никогда не увижу Или...

Сердце сжалось от боли.

Если честно, я не понимала своих реакций. В моей жизни раньше были мужчины, не без того. Но в объятия их меня больше толкало любопытство, чем что-либо ещё. Мне случалось увлекаться, бегать вечерами на свидание и с нетерпением ждать писем... Бывало. Но проходило легко, без сожалений, серьёзных страданий или обид.

Моя пирамида потребностей всегда выглядела так: благосостояние меня и семьи, цель, еда, музыка. Эти пункты могли заменять друг друга в зависимости от ситуации. Одно было постоянно: любовь никогда не входила в список моих приоритетов.

Но то раньше. Раньше меня и не корёжило вот так, почти что выворачивая. Раньше я не встречала... своего прекрасного принца. Откуда взялась такая реакция? Почему? У меня не было ответов. Только сильное, разрывающее изнутри желание всё рассказать. Остаться с ним подольше. И уже неважно в каком качестве.

Любовницы. Фаворитки. Да хоть друга... Лишь бы получить шанс летать с ним над ночным городом.

Лишь бы видеть его лицо.

Это не было нормально. Это не было здраво. Это пугало. Но я не могла с собой ничего поделать: смотрела на солнце, всё выше поднимающееся над драконьей столицей, и медленно распадалась на части.

Подумалось: а ведь у нас могли бы быть дети. Не драконы, но мне-то какая разница? В моих жилах уже текла кровь двух знатных драконьих семейств. Если бы мой ребёнок получил ещё и гены Ледяных, он стал бы первым в своём роде... Но дело даже не в этом. В конечном итоге, первая селенити, которая зачала ребёнка от дракона, не думала ни о какой селекции. Она просто влюбилась, и всё. Это потом мои сородичи, осознав потенциальные возможности, начали охоту за драконьими... кхм... наследственными чертами.

Но с самого начала это всё же было про любовь.

Каким он мог бы быть, наш ребёнок? От кого он унаследовал бы глаза? А перья и гребни?..

Я тихо рассмеялась над собой. Право, я как та самая девушка в анекдоте, которая придумывает имена детей от мужчины, с которым даже поцеловаться не успела!

— Ты жалкая, — пробормотала я. — И смешная.

Никто не ответил мне, разумеется. Только солнце поднималось всё выше. Ему было наплевать на мои сомнения: оно провозглашало миру начало нового дня.

Время, которое ночью напоминало скорее вязкую смолу, при свете дня вдруг понеслось вперёд, как безнадёжно опаздывающий поезд. Вот уже и компаньонка принесла мне наряд на сегодня; вот я отослала её, дабы не мучиться с созданием фальшивого отражения — не в том я была состоянии, чтобы создавать ртутного двойника. Даже одномерного.

— Хорошей встречи с родителями, леди, — компаньонка поклонилась и пошла на выход.

Я прикусила губу. Руки поспешно затягивали лёгкий корсет и застёгивали многочисленные пуговицы. Мысли же мои витали далеко.

Что будет с моей жизнью, если я сейчас откроюсь Или? Сможет ли он защитить меня от гнева Элизавет и Гохордов... а главное — станет ли? Я не Дайяна. Я не его пара. Музыкальная магия и моя природа с привкусом сновидения заставили его обмануться. Но что он

почувствует, если осознает это? И... как такое осознание отразится на мне? Всё же, я — и близко не принцесса.

Моя семья живёт в доме, который нам вовсе не принадлежит.

Моя карьера зависит от власти имущих и может рухнуть в любой момент.

Мои тайны такого сорта, за которые вполне могут убить, причём все заинтересованные стороны.

Моя жизнь... Как же тяжело я строила её, выбираясь из трущоб. Или этого не поймёт никогда, наверное. Он сказал: “Я смогу тебя защитить”. Но... Сможет? Правда? Только вот *захочет* ли? У меня ведь столько всего стоит на кону. А он... вдруг он, этот очаровательный принц, всем девушкам говорит нечто подобное?

Стрелки бежали по кругу, безжалостно приближая полдень. Я кусала губы, неспособная ни на что решиться.

От лёгкого стука в дверь я вздрогнула, как от удара колокола.

— Леди? Ваш мобиль подъехал!

Я быстро кивнула, но потом неожиданно даже для себя самой выпалила:

— Могу ли я увидаться с его высочеством?

Компаньонка замаялась:

— Леди, боюсь, сейчас не самое удобное время...

— Пожалуйста! Это очень важно.

Она пару мгновений с сомнением смотрела на меня, а потом неожиданно кивнула.

— Хорошо. Я отведу вас туда, где вы можете его встретить. Большого у меня не просите.

— Спасибо! — я ещё не знала, что скажу. Но можно попробовать выпросить у Или клятву, правильно? В конечном итоге, хоть что-то можно придумать... И всё рассказать ему.

Либо хотя бы увидеть его снова.

*

И когда я увидела его — расстроенного, потерянного, прячущего усталость и боль за маской безразличия, — у меня упало сердце.

Как я могу начать сейчас такой разговор? И всё же... если не сейчас — то когда?

— Мой принц... — Бездна, слишком официально. — Или! Я хотела поговорить с тобой...

— Извини, — бросило он сухо. — Не сейчас.

Он посмотрел на меня с дикой смесью эмоций. Я кожей почувствовала, что он не рад — просто потому что никому не был бы рад прямо сейчас.

— Не сейчас, Дайяна.

— Я... — что ему сказать? Как объясниться?

— Мне *неудобно* сейчас, Дайяна, — отрезал он. — Я зайду к тебе вечером.

И я сдалась. Если сама судьба предостерегает меня от ошибки, то зачем противиться дальше?

Я посмотрела Или вслед, стараясь сделать так, чтобы фигура его отпечаталась на самом дне моих зрачков. Я знала, что ещё спою много песен об этом худошавом драконе, с гордо поднятой головой шагающем прочь. Но это потом. А пока... меня ждёт мобиль.

*

— Смею верить, вы неплохо справились, милочка, — леди Гохорд поджала губы, наблюдая, как проносятся за окном мобиля улицы драконьей столицы. — Впрочем, как и ожидалось от существа вроде вас. Полагаю, вы умеете нравиться мужчинам. Вы смотрите на много выигрышнее моей дочери, и это нельзя не признать.

Дайяна, сидевшая напротив, бросила на меня странный взгляд. Что там было? Зависть? Затаённая грусть? Усталость? Она казалась равнодушной, но — только казалась. Я чувствовала личный ритм настоящей Дайяны Гохорд, и снова, как и в больнице, он не вызывал у меня отторжения.

Она звучала совершенно не так, как родители. Она казалась потерянной и почти сломавшейся. И даже ударная доза целебной магии не могла это полностью скрыть.

— Да, мужчинам я умею нравиться, — ответила я холодно. — Вы правы, работа такая. И, принимая чей-то облик, я всегда выгляжу привлекательнее оригинала. Но это всего лишь льстивое зеркало, леди. Оно не имеет отношения к достоинствам и недостаткам вашей дочери.

— Моя дочь совершенно не умеет выбирать мужчин, — отрезала леди Гохорд. — Снова проблемы с этим мальчишкой... Впрочем, не о том речь. Элизавет упоминала, что вы можете поделиться своей привлекательностью с другим человеком. Это верно?

Я нахмурилась:

— Да, но...

— Никаких “но”, милочка. По контракту вы обязаны содействовать нам во всех начинаниях ради благополучного завершения общего дела. Смею верить, награда вас ждёт весьма и весьма достойная.

Мора, ниспошли мне терпения. А этой больной на голову садистке — мозгов.

— Я действительно делала нечто подобное для леди Элизавет. Но вы должны понимать: это небезопасно для вашей дочери. Я — селенити, причём провела почти что неделю без подпитки. А она только оправилась от болезни, — о том, что мне самой тоже придётся нелегко, упоминать я не стала: и так ясно, что леди Гохорд плевать с самой высокой башни на мои проблемы. Но вот на материнский инстинкт этой замечательной женщины я немного надеялась.

Как показала практика, зря.

— Дайяна — леди от рождения, — ответила мамаша Гохорд сухо. — Она умеет справляться с трудностями. Быть спокойной, достойной и прекрасной всегда и везде, любой ценой — такова её обязанность от рождения.

Непрошибаемые аргументы, да-да.

— Хорошо, — ответила я, сдаваясь. — Тогда мне понадобится отдельное помещение и некоторое время с вашей дочерью наедине.

— Я осведомлена об этом, — сухо ответила леди Гохорд.

После разговор увял, и я отвернулась, рассматривая проносящиеся за окном улицы.

На душе было муторно.

Признаюсь честно: я всегда мечтала быть леди... по крайней мере с тех пор, как начала принимать человеческую форму и в полной мере осознавать себя.

По сути, в этом нет даже ничего странного и загадочного. Как ни крути, а жизнь потомственных аристократок всегда является своего рода примером, недостижимым идеалом для девушек. “Прекрасная леди, моя принцесса” — наивысший комплимент для девочки. И это логично: “ледам” не нужно искать пропитание, они одеваются в самые дорогие наряды, их лица смотрят на нас с портретов, исторических хроник и разворотов газет, про них пишут сказки и ставят пьесы... Кто станет изображать в исторической хронике, например, крестьянку на

поле? Или девушку в доме терпимости? Или служанку с истёртыми коленками и изуродованными работой руками? Есть ещё, разумеется, колдуньи и Жрицы, но их тоже редко ставят в пример... Да и было их до последнего времени исчезающе мало.

Нет, мы всегда смотрим на леди в роскошных платьях, пусть даже в реальности роскошь этих самых платьев была доступна от силы трём процентам женщин, и шили их за счёт тяжкой работы остальных девяноста семи. И я... да, я тоже всегда смотрела на леди.

И старалась подражать им.

Особняк в роскошном районе. Духи. Украшения. Манера одеваться. Это придавало мне уверенности.

Но теперь передо мной сидела Дайяна Гохорд, истинная леди, за спиной остался Дворец со всеми его неоднозначностями, и я вдруг задумалась...

А так ли я хочу быть леди, как думала раньше?..

Было очень странно остаться с Дайяной наедине.

Мелодия, что звучала между нами, оказалась совершенно непонятной, натянутой, звенящей. В ней пряталось много чего, от жалости до зависти и ненависти. В слишком уж сложной, спорной ситуации мы оказались.

Я ненавидела её, да. И ревновала. И злилась. Потому что она оставалась с Или, а я — нет. Такое вот мелочно-женское, низменное и непреодолимое чувство.

Но вместе с тем Дайяну Гохорд мне стало отчаянно жаль. Мне, любимой дочери, пусть и приёмной, сложно понять и представить, насколько юной леди Гохорд тяжело.

— Леди, — склонила голову я. — В других обстоятельствах я бы показала вам часть моих воспоминаний, но не хочу перегружать вас лишним магическим и ментальным воздействием. Потому слушайте...

Дальше я, стараясь ничего не упустить, пересказала все события минувших дней.

— ... Или сейчас тяжело, — добавила я, сама не знаю, зачем. — Пожалуйста... будьте добрее к нему.

Впервые за всё время в усталых глазах Дайяны Гохорд промелькнуло нечто сродни удивлению.

— Я учту это, — сказала она медленно.

— Хорошо. И ещё... Леди Дайяна, вы знаете, что случилось с Бэннардом Финном?

Её губы дрогнули.

— Не знаю, — было заметно, что равнодушие даётся ей очень тяжело.

— Ну нет так нет, — что я тут ещё сделаю? — Подойдите, пожалуйста, ко мне. И приготовьтесь: будет больно.

Она кивнула и шагнула вперёд с бесстрашием человека, которому на всё уже наплевать. Я зеркально повторила за нею это движение — и взяла её за руки.

Слияние аур — сложная процедура, она требует большой точности и энергетических затрат... особенно в случае, когда одна из

сторон была под завязку накачана целебной магией, но так и не восстановила ментальный баланс. Главное, что нужно сделать в таком случае селенити — попытаться не убить человека.

Если, конечно, не в этом заключается смысл...

Я не хотела убивать Дайяну. Совершенно. Потому приходилось действовать осторожно, позволяя нашим теням и сущностям ненадолго слиться.

А потом я безжалостно сожрала часть Дайяниной тени, заменяя её своей.

Это должно было быть больно. Но мне, судя по всему, удалось удержаться в рамках, потому что Дайяна даже не закричала — только выдохнула судорожно и сжала зубы.

— Ты — прекрасна, — шепнула я, и часть моей сущности внутри неё отозвалась тихим звоном. Закружились перья.

— Вот и всё, — я отступила, позволяя наследнице Гохордов прийти в себя. — Но учтите, леди: через несколько дней моя сущность начнёт растворяться. Вам придётся иметь дело с откатом. Так что, пожалуйста, нормально питайтесь, скажитесь больной и проведите этот период подальше от потрясений и нагрузок. Если это не поможет, обратитесь к лекарю. Заранее продумайте убедительную легенду, объясняющую своё состояние. Например, вы недавно имели дело с проклятым предметом. Или ещё нечто в этом роде. Вы поняли меня?

— Да, благодарю, — она обаятельно улыбнулась. Не знай я, что и улыбка, и лёгкий румянец у неё на щеках, и блеск в глазах — подделка, то даже залюбовалась бы.

— Ещё кое-что... старайтесь первое время не раздеваться перед зеркалом.

— Разумеется... А почему?

Потому что в зеркале отразятся кровоточащие следы от моих зубов и окровавленные перья в ране.

— Я провела некоторые манипуляции с вашей тенью и вашим отражением. Перед зеркалом это может быть заметно.

— Хорошо.

Дайяна Гохорд бросила на меня странный взгляд, помедлила, но после продолжила неуверенно:

— Лисси, послушайте...

— Вы закончили? — леди Гохорд бесцеремонно распахнула дверь, оборвав Дайяну на полуслове. Та вздрогнула и отвела взгляд.

— Да, матушка...

— Вот и отлично. Милочка, не помню как вас там... на этом мы должны попрощаться: у нас с Дайяной ещё множество дел. Сейчас занесут ваши вещи. Будьте добры переодеться — вы едва ли представляете, сколько стоит это платье... После вас отвезут на воздушный вокзал и посадят в маголёт. Надеюсь больше вас не увидеть. А да! Не забудьте вернуть все украшения. Фамильные подвески, серёжки, браслет чистоты. Ах да, ещё кольцо! Я доподлинно знаю, что мой супруг дал вам одно. А то знаю я вашу породу...

— Простите, леди Гохорд, но кольца у меня больше нет, — ответила я сухо.

— Что?! Вы его потеряли, неряшливая девица?!

— Его конфисковали, потому что в нём была фоморья магия. Вы наверняка можете забрать его у тайной службы, — ответила я спокойно, стараясь скрыть пренебрежение.

Вот уж... леди...

Мамаша Гохорд поджала губы, но скандалить резко передумала.

— Я спрошу, — бросила она. — И для вашего же блага надеюсь, что вы не лжёте.

— Мне нет нужды воровать ваши побрякушки, леди. У меня предостаточно своих.

— О да, — она насмешливо улыбнулась. — Не сомневаюсь, что вам их часто дарят... Дайяна, идём.

Оставив таким образом “последнее слово” за собой, мамаша Гохорд вымелась прочь со своей дочуркой. Я вздохнула было с облегчением, но вместо неё в комнату вошли двое: здоровенный громила и парнишка с неприметным лицом. В руках бугай держал мой дорожный чемодан, но всё равно ситуация резко перестала мне нравиться.

Они опасны. Это звучало в них.

Я прищурилась, прикидывая, не пришло ли мне время превращаться в селенити и вырываться в окно. “За” такой исход говорил тот факт, что у мальчиков сияли амулеты “ока солнца” на шее. Дорогие игрушки, не позволяющие селенити подпитаться от человека или повлиять на него. Ну то есть как... люди верят, что амулеты

спасают. Реальность выглядит несколько иначе, более пессимистично для людей: отогнать “око” способно только чистокровного селенити. Полукровке вроде меня оно могло максимум причинить дискомфорт... но всё равно для меня, ослабленной, сияющий светом взгляд Великого Колеснического чреват неприятностями.

С другой стороны, агрессия мужчин пассивная, подавленная. Не похоже, что они собираются причинить мне вред вот-прямо-сейчас... А селенити, вылетающий из окна одного из городских домов моды — не самое тривиальное и безопасное для меня зрелище.

— Ваши вещи, мисси, — пробасил увалень.

— Можете проверить: всё на месте! — добавил бесцветный.

— Спасибо, мальчики! — широко улыбнулась я. — Оставьте теперь меня одну? Мне нужно сменить одежду... и лицо. Если вы понимаете, о чём я.

Они отреагировали совершенно спокойно.

— Понятное дело, — кивнул увалень. — Но вы поспешите. Леди приказала посадить вас на ближайший маголёт. До отправления всего-ничего осталось.

— Спасибо.

И они действительно оставили меня одну.

Переодеваясь, я обдумывала ситуацию, вертела её в голове так и эдак.

То был удобный момент для побега; конечно, под окном оживлённая улица, да и один из моих “сопровождающих” топчется, раскуривая трубку. Но отвести глаза людям и сбежать над крышами я бы при желании всё же сумела. Наверное. Вопрос в другом — а надо ли? Ведь, судя по всему, моим сопровождающим приказано просто посадить меня в маголёт. А если нет, то я почувствую их намерение напасть ещё до того, как они сделают первое движение. И успею отреагировать. Так что я решила рискнуть.

— Всё готово.

— Отлично! Следуйте за нами, мисси.

И я подчинилась. Замешкалась только возле мобиля. Поездка в компании двух незнакомых мужчин — не с этого ли начинается много страшных историй?

— Оставляю окно открытым, с вашего позволения, — сказала я.

— Хочу дышать свежим воздухом.

“И иметь возможность вылететь в окно, если понадобится,” — добавила мысленно.

— Хорошо, — весьма равнодушно согласился бесцветный. — Но не высовывайтесь особо: нежелательно, чтобы вас запомнили.

Сев в салон, некоторое время помедлила, сканируя окружающее пространство на наличие ловушек. Но предвкушение охотников, заманивших в ловушку дичь, не витало в воздухе, солнечной магией отовсюду не фонило, ничего подозрительного не наблюдалось. Так что я села. И... ничего не произошло. Мы просто спокойно себе поехали по городу. Да, избегали людных мест, но направлялись при этом определённо в сторону воздушного порта: его высоченное здание высилось впереди, задевая тучи, и не оставляло простора для сомнений и страхов.

По логике, в воздушном порте мне стоило бы успокоиться, но на сердце было тяжело. Вроде бы и сопровождающие мои испытывали предвкушение, нормальное для тех, чья работа скоро будет сделана, и немногочисленные в этот час пассажиры грузились в маголёты, но всё равно было мне как-то... странно. Я одёрнула себя. Право, вот что за ерунда? Они ничего не посмеют мне сделать здесь, в настолько людном месте. А после взлёта я в самом крайнем случае могу превратиться и преодолеть всё расстояние вплавь. Гребни-то у меня не для красоты!

В общем, я всячески успокаивала себя, усаживаясь в своей каюте. Леди Гохорд поскупилась на первый класс: у меня обнаружился сосед. Но, по счастью, всего один. Человек, кажется, разнорабочий, казался серьёзно больным и дремал, закрыв лицо шляпой. Никакой опасности от него не исходило, человеческая зараза к селенити не липла, так что я не обратила на него особенного внимания. Проводила взглядом сопровождающих, убеждаясь, что они действительно ушли, и откинулась на спинку сидения.

Спокойно, Лисси. Эта история окончена. *Окончена...*

Пузырь маголёта раздувался, наполняясь воздухом, а я всё старалась подавить неуместные эмоции и навязчивые идеи.

Всё кончено. Никто на меня не нападёт.

Всё кончено. Дворец, прекрасный принц, лицо Дайяны Гохорд — всё это осталось позади. К принцу вернётся настоящая леди, а я —

вернусь домой. У меня будут независимость, сиреневый коттедж и будущее... и я даже научусь этому радоваться. Но не вот прямо сейчас.

*

Мы поднимались всё выше, а я наблюдала, как теряются в тумане очертания величественного Ледяного Дворца. *Прощай, Или...*

Не дождѣшься.

Я вздрогнула. Мне показалось, что он сказал это, будто бы стоял рядом со мной — но это, разумеется, было всего лишь игрой воображения.

— Привидится тоже, — пробормотала я.

Кабину тряхнуло.

Мой сосед продолжал спать, хотя мотнуло его очень сильно. Его внутренний ритм ни на йоту не ускорился, скорее даже стал замедляться.

По нервам моим ударило дурным предчувствием. Но прежде чем я успела понять, что происходит, нас тряхнуло ещё раз — маголёт встал в воздушный коридор. От этого толчка шляпа, прикрывавшая лицо соседа, слетела. Каюсь, я не сдержала визга: лицо, представшее внезапно передо мной, оказалось больше похоже на кровавое месиво.

Дайяна-Элиза, сиятельная леди Гохорд

*

— Возьми себя в руки, — сказала мать, — сегодня вечером тебе предстоит встретиться с принцем. Это ответственное событие! Ты же, как ни прискорбно говорить такое о родной крови, совершенно жалкая особа. И в кого только такая?.. Так или иначе, придётся постараться, чтобы удержать интерес принца. И энергии, позаимствованной у этой мерзкой рептилии, тут недостаточно! Мы должны продумать стратегию.

“Нет! Это моя жизнь! Я ненавижу тебя!

— Да, мама.

Я жалкая. Я не могу им отказать. Никогда не умела.

Просто моя мать никогда не лжёт мне. Она говорит правду, пусть и в своей собственной манере: я действительно такова, как она описывает. Слабая. Ни на что не годная.

Жалкая.

Неудивительно, что Вэнни, моя единственная подруга, отказалась от меня. Неудивительно, что Бэн предпочёл начать новую жизнь в другой стране, а не сражаться за меня. Какой смысл, если я не могу постоять за себя сама? Вэнни так и сказала перед уходом: “В наш век у женщин есть все права. Никто не держит тебя! Если ты остаёшься в этом доме — значит, ты это выбираешь. И я тут бессильна”.

Я подумала о Бэне и его отъезде на Тавельнские острова. Мне хочется желать ему счастья, но всё равно горечь и обида ворочаются в груди.

— Бэн уже уехал?

Мать влепила мне пощёчину.

— Никогда! Никогда больше не упоминай при мне этого мальчишку!

В любом другом случае я бы отступила, видит Пресветлый. Но Бэн...

— Я не так часто у вас о чём-то спрашиваю, — сказала я. — И клянусь, что больше никогда не спрошу. Но хочу знать: он уже уехал?

Вы... заплатили ему сполна?

Мать поджала губы, но всё же ответила:

— Он получил всё, что ему причитается, и можешь верить: твоему отцу это стоило недёшево. Прямо сейчас мальчишка летит в сторону Тавельни. Первым классом со всеми удобствами. И хватит о нём! Этот отброс уже доставил нашей семье предостаточно горя. Достаточно уже и того, что мне пришлось напоить тебя этим ужасным зельем.

— Вы могли предупредить меня, — в душе все ещё поднималась горькая, болезненная муть. Я понимала, что мать в конечном итоге приняла правильное решение. Но всё равно, всё равно...

— И терпеть твоё нытьё? Оставь эту тему, Дайяна. Ты бы сомневалась до скончания дней, а у нас этого времени нет. Эта ошибка могла бы отравить тебе всю жизнь, если бы я не вмешалась. Или ты воображаешь, что отец стерпел бы ублюдка в семье? Или думаешь, что выжила бы потом, в одиночестве? Ты даже яйцо вскипятить не в состоянии!

Это правда. *Правда.* И всё же...

Мать вздохнула и взяла мои слабые руки в свои, такие холёные и идеальные.

— Моя девочка, — сказала она, — я понимаю, что это тяжело. Но я прожила жизнь. Я знаю, что будет лучше для тебя и для семьи. Ошибки молодости случаются с любой из нас, понимаешь? Но сейчас это уже осталось в прошлом. Тебе надо сконцентрироваться на самой важной для любой юной леди встрече: свидании с принцем. Что может быть важнее этого?

Наивысшее достижение любой леди — понравиться принцу и тем самым упрочить власть своей семьи. Об этом все романы и сказки. Но...

— Ничего, мама. Ничего не может быть важнее, — я опустила голову, якобы выражая свою покорность. На самом же деле я прятала глаза. Это был мой способ кричать “Нет!”. Беззвучно, но... только так я умела.

До знакомства с Бэном (нет, не вспоминай!) единственными настоящими друзьями моими были книги. Мы с ними были похожи: прятались в темноте и тишине пыльной семейной библиотеки, как призраки давно минувшего славного прошлого. Времени, когда моя

семья действительно была великой, а не пыталась цепляться за традиции и устои, надеясь таким образом удержать утекающую сквозь пальцы силу...

Однажды в одной старой книге я нашла заметки и письма Улиты Деаркарской, одной из моих дальних родственниц. Во времена драконьих завоевательных войн она была убеждённым борцом за независимость, стала одной из немногих женщин, сражавшихся в частях регулярной армии, организовывала подпольное сопротивление. Если взглянуть на фамильный портрет, то мы похожи.

Но, конечно, только внешне. На деле же мне далеко до мужества Улиты. Она была невестой короля и не дрогнула перед лицом самого Первого Императора, принимая смерть от его руки... Я боюсь смерти. Боюсь боли. Всего боюсь, если честно.

Моей смелостью всегда был Бэн. С тех самых пор, как я в свои десять застала его за воровством пирожных, он всегда был смелым за нас двоих. Я же просто верила ему. И в него. Была готова убежать с ним и жить жизнью обычных людей. “Мы — маги, — говорил он, — и везде сможем устроиться”. И смелость, что светила в его глазах, вдохновляла и меня.

Возможно, наш побег и удался бы, если бы о нём не узнал ещё один человек. Тот, кого я раньше считала другом. Но... он рассказал всё родителям. И папа уговорил Бэна от меня отказаться, а мама занялась мной. Она не лгала, но объяснила, что эта затея — просто ерунда. Что я умею? Что могу? Не способная самостоятельно одеться, трусливая, болезненная, ничего не умеющая. Та, за кого готовят, убирают и стирают слуги. Та, за кого платят родители. Та, у которой нет ничего своего.

Жалкая.

Так что мне очень подошли слова Улиты из её переписки: “Я буду драться до конца, до последней капли крови. Это моя страна, и я умру вместе с ней на этих стенах. А вам, сестра, в ответ на все советы я скажу лишь одно: опускать глаза вниз — это протест жалких и никчемных, протест беспомощных. Те, кто опускает глаза, ничего никогда не меняют”.

Тогда я подумала, что мне, жалкой и никчемной, такой протест подойдёт. Опустить глаза, чтобы моё осталось только моим. Чтобы

мои чувства, закрытые на сотни замков, не отразились во взгляде.

— Ты слушаешь меня, Дайяна?

Это снова случилось: я ушла в себя настолько глубоко, что не заметила её слов. Вздрогнула.

— Простите, матушка. Я задумалась.

— Какая ты поразительная недотёпа, Дайяна! — рывкнула она.

Я сжалась. Меня всегда пугали громкие звуки, от криков я становилась ещё более глупой и беспомощной. Мать всегда пользовалась этим, если нужно было меня наказать.

— Итак, ещё раз, — она немного сбавила тон, очевидно, удовлетворённая моей реакцией. — Сейчас мы заедем ненадолго в городское имение, где ты получишь инструкции от отца. Потом необходимо посетить салон косметической магии, и модистку, и лавку ароматов, и магазин всяких женских хитростей. Так больше шансов, что принц отринет разговоры и сразу потащит тебя в постель.

— Я должна буду...

— Разумеется! — закатила глаза она. — Благодаря змее ты — его фаворитка. Такую возможность нельзя упускать! Переспишь с ним, и у нас будет повод просить о маленьких одолжениях... Жаль, конечно, что нет времени на то, чтобы восстановить твою девственность. Но имеем, что имеем; поистине хорошо, что в этом смысле драконы непереборчивы.

Я прикусила губу, вспоминая рассказ Лисси.

— Но ведь мать принца заболела, — заметила я тихо. — Едва ли он захочет...

— Мать? — матушка коротко хохотнула. — Не смей меня, милая. Вот ты бы считала матерью любовницу отца?

Я могла бы сказать, что в умных книгах пишут: у драконов и оборотней порой встречается полиамория. Но я не стала. Мать не признаёт таких вещей; для неё преступно всё, что не традиционно.

— Что бы там ни было, сориентируйся по ситуации, — продолжила она. — Пожалей его, если надо: мужчины это любят. Погладь, обними, и вы всё равно окажетесь в одной постели. У мужчин всегда всё к этому сводится, они так устроены. Наш же удел — терпеть и уметь этим пользоваться.

Я снова опустила глаза.

С Бэном мне не приходилось терпеть. Мне было просто хорошо с ним. Да и до... интимного у нас дошло вот совсем не сразу. Мы очень долго были тайными друзьями, без намёка на личное. И мне не казалось, что для Бэна важно только это... Но что я знаю о жизни? О том, как это с кем-то другим? Может, мама права. В конечном итоге, у неё опыт. Она многие вещи знает лучше.

*

— Ты вернулась, — тёплое дыхание коснулось кожи. Приятный мужской голос обернулся вокруг нежным шёлком.

Я подавила дрожь, вспомнив, что Лисси предупреждала о подобном: принц может появляться в моих покоях, когда ему заблагорассудится. Это верх неприличия, конечно... но о каких приличиях тут можно, право, говорить?

— Да, — я обернулась. Меня так и тянуло присесть в реверансе, но инструкция гласила: “Смотри прямо. Обращайся на ты”. Я старалась ей следовать. И смотрела на принца-дракона, не опуская глаз.

Было в этом что-то сладко запретное: притворяться Лисси, такой смелой и уверенной. Забавно это, верно? Сначала она играла мою роль, а теперь мы поменялись местами. Полагаю, философы древности углядели бы в этом иронию... А ещё назвали бы мою завистливую ненависть по отношению к ней слабостью. Но что я могу сделать, если эта змея — та, кем я хотела бы быть? Смелая, самостоятельная, красивая, решительная, хищная. Такую бы никто не счёл жалкой.

Даже моя мать.

Я знала, что родители собираются через работодателя Лисси позаботиться о том, что она не скажет ни слова. Слышала их разговор. Возможно, они планируют угрожать ей или даже шантажировать, не знаю. Был даже миг, когда я хотела предупредить змею о надвигающихся проблемах, но не успела. Не смертельно же это, правда? Она притворяется другими людьми и должна допускать, что подобная работа сопряжена с проблемами. Она разберётся. Такие, как она, это умеют.

В отличие от таких, как я...

Но важно другое: она исчезнет. Она никому ничего не расскажет. А я здесь, смотрю на принца, который успел увлечься прекрасной хитрой змеей, но получил в итоге — меня... Нечестно и неравноценно,

если подумать. Я не заслужила ни этого взгляда, полного тепла, ни ласкового, очень нежного прикосновения его пальцев к щеке. Но это завораживает. Читая старые книги и слушая рассказы родителей, я не представляла, что у дракона могут быть такие добрые глаза. И даже то, что они совсем не человеческие, не пугает...

Он смотрит на меня, как смотрел когда-то Бэн. И я смогу просто представить, что это и есть Бэн. Что сложного? Разве только то, что я теперь чувствую себя воровкой.

Так не смотрят на одноразовых любовниц. Хотя, откуда мне знать? Я никогда не умела хорошо понимать мужчин.

— Я уже собирался идти тебя искать, — сказал принц тихо. — Подумал, ты слишком обижена и не вернёшься. У меня несколько минут назад возникло... странное чувство. Будто ты попрощалась со мной.

— Как я могла бы на тебя обижаться? — не думаю, что у одной из кандидаток в фаворитки есть такое право.

Принц хмыкнул.

— Ты-то можешь... — и вдруг обнял меня, спрятав своё лицо в моих волосах. — У меня был такой длинный день, Дайяна... почти бесконечный. Прости меня за утреннюю грубость. Я просто...

— Всё хорошо, — шепнула я, чувствуя одновременно зависть и горечь.

Эти слова предназначались Лисси, не мне. Против правды не попрёшь: я не только жалкая, но ещё и воровка. Ведь принц, кажется, действительно успел её полюбить... Но это уже не имеет значения.

— Ты тоже выглядишь... — он замялся, — как после не слишком приятного дня. Встреча с родственниками прошла не особенно удачно?

— Всё хорошо, — повторила я, слегка прикоснувшись губами к его шее. — Семья — это всегда сложно.

— Ну-ну... Твой родитель уже решил, какую плату требует с меня за тебя?

У меня ком встал в горле. Неужели они это всё вот так вот запросто обсуждали?

— Да, — тихо признала я. — Но я не хочу сейчас говорить об этом.

— Понимаю, тема не из приятных. А о чём хочешь? Мы могли бы ещё полетать. Или покататься на крыше одного из поездов. Что

скажешь? Ещё можно устроить...

Я поцеловала его. Я сделала это. Просто представила, что рядом Бэн, и всё оказалось очень легко.

Он явно удивился, но быстро начал отвечать, прижимая к себе покрепче. Я послушно потянулась навстречу, приникла к нему, намекая, что не против дальнейшего, потянулась руками к его поясу...

Но он отстранился.

— Не думаю, что сегодня лучшее время для этого, — он шагнул назад, тяжело дыша. — Ты... я не хочу, чтобы с тобой это было *так*. Мы устали, пережили не самый приятный день, и...

“Мужчины всегда хотят только этого”, да, мама? Но, быть может, ты встречала в жизни каких-то совсем не таких мужчин?

И я сказала то, что сказала однажды Бэну. Бэну, который далеко. Который там наверняка поступит в Академию магии, как мы мечтали. И найдёт себе хорошую, достойную магичку.

Раньше эти слова принадлежали только нам. Но я могу теперь сказать их другому, чужому, нелюбимому.

Это будет мой способ предать.

— Я не хочу ждать особых моментов, если всё может кончиться в любой момент. Я хочу быть с тобой. Только с тобой. Сейчас.

Тогда принц поцеловал меня снова...

И больше не стал отстраняться.

Алисия Майлифф

*

Каюта оказалась закрыта.

То есть запечатана наглухо, без возможности хоть как-то открыть дверь.

Я металась по узкому пространству, пытаюсь добраться хотя бы до аварийного рычага, но его намертво заклинило. Таким образом, даже позвать в нашу каюту управляющего маголётом не получалось. И скажу честно: вся эта ситуация пугала, особенно учитывая моего соседа. Это очень напоминало сюжет одной из тех страшных историй, что в великом множестве можно найти на полках книжных магазинов. Сама я, признаться, тоже уважала сказки о восставших мертвецах да страшных тайнах... и вот, как говорится, познала на своей шкуре.

Мой попутчик, правда, не пытался восстать из мёртвых (благо он всё ещё был жив), покусать меня или нечто в этом роде. Но он явно пребывал на грани между жизнью и смертью. Я же, будучи хищной фоморой с ртутными перьями, успехами в лекарском деле похвастаться не могла. Одни мои прикосновения могли бы отправить бедолагу на тот свет: всё же, после randevu в драконьей столице я успела основательно проголодаться.

Надев плотные перчатки и стараясь не прикасаться к ранам, я кое-как влила в рот несчастному заживляющее зелье из собственного походного арсенала. Разумеется, этого было недостаточно, но больше я ничего ему предложить не могла.

Потом я буквально рухнула на своё сидение, ощущая предательскую дрожь в ногах. В груди зудело дурное предчувствие: ярко-алые жёсткие волосы соседа в сочетании с оранжевым оттенком кожи намекали на то, что передо мной уроженец островов Йока. Тех самых, где ещё разрешено рабство.

А Бэннард Финн был рабом. С островов.

Такое совпадение навело на очень, очень нехорошие мысли.

Я хмуро смотрела на него. Молод ли он? Красив ли? Это сложно было сказать с учётом того, насколько сильно это тело было изломано.

Но я бы поставила, что спутнику моему не больше тридцати... И вот тут назревал вопрос: а к чему это всё, собственно?

Первой мыслью было, что меня хотят подставить. Но это, если честно, как-то... глупо? Парня отделали явно или кулаками, или дубинками, его связывали, ломали пальцы... при этом, крови в салоне нет, а почерк подобный нетипичен как для прекрасных девушек, так и для ужасных хищных селенити (нам подобные издевательства над едой просто ни к чему). То есть, любой следователь, пребывая в здравом уме, увидит несовпадения.

Разумеется, правосудие можно купить. Не без того. Но у нас нынче не век разгула преступных Гильдий, и система кое-как работает. Потому проворачивать такие дела нужно аккуратно, чтобы хотя бы внешне всё казалось пристойным. А я ведь Морой поклясться могу, что не трогала парня — если уж совсем прижмёт. И даже сдать совершенно обнаглевших Гохордов. И это всё значит...

Я молча смотрела, как суша под нами сменяется водой. В глубине души я уже догадывалась, что должно случиться, но упорно не хотелось верить. Всё время казалось, что это происходит не со мной.

Может, мой попутчик просто подрался в дороге, связался не с теми людьми, которые и посадили его в маголёт. Может, я всё это надумала. Не могут ведь аристократы оказаться циничными убийцами? Не могли же они задумать...

Когда пузырь нашего маголёта на очередном повороте начал стремительно терять воздух, я поняла: могли. Гохорды действительно решили похоронить во Впадине Древних все свои секреты. И мы с несчастным, который, как я уже почти уверилась, всё же является Бэннардом Финном, по их приговору должны остаться на самом дне. Именно потому нас теперь болтает над синей бездной, а крепления охватило пламя, рискуя перекинуться на соседние пузыри.

Тут нужно сказать: маголёты — транспорт очень быстрый, сравнительно дешёвый, относительно удобный, но крайне ненадёжный. Именно потому по-настоящему состоятельные люди им пользуются редко, предпочитая скоростные корабли с ветряными парусами, надёжные и представительные. Со всеми удобствами.

Маголёты же постоянно попадают в аварии. Но... это никого особенно не останавливает. Маги, способные выжить в случае аварии, представители среднего класса, которым главное — оказаться на

другом берегу быстро и дёшево, отчаянные разнорабочие, возвращающиеся с заработков и плюющие на возможную опасность... Клиентов у маголётных компаний хватает. Даже если часть из этих клиентов не добирается до другого берега... Будущее пришло, со всеми его технологиями, муравейниками-городами и бешеным ритмом жизни. И скорость с дешевизной важнее безопасности. Для многих.

К чести маголётных компаний надо сказать: они делают, что могут, лишь бы сделать маголёты более безопасными. Сотни лучших техномагических умов бьются над этой задачей в надежде заменить легко воспламеняющийся наполнитель пузырей на нечто менее опасное. Но пока что до этого ещё далеко, и производители сделали то, что могли: они отказались от одного большого пузыря (после взрыва которого зачастую гибло больше половины пассажиров) и заменили его на индивидуальный для каждой каюты. Это оказалось чуть дороже, но на выходе даже экономнее: любую каюту можно отцепить от общей цепочки, тем самым минимизировав потери.

И нашу с избитым парнем каюту, разумеется, отцепили. Пылая огнём, мы полетели в бездну.

Тут уже никакая конспирация не имела значения. Выругавшись сквозь зубы, я обратилась пернатой змеей и кинулась на стекло. Думала, выбью его и доберусь до дому вплавь... но отлетела, воя от ожогов, отброшенная силовым полем.

Ловушка захлопнулась.

Я заметалась, бросилась на остальные стёкла, попыталась воспользоваться своими перьями — увы, ровно с тем же результатом. Аварийные рычаги, которые должны были выбросить нас со спутником в море, тоже ожидаемо не работали.

Между тем, защитная система маголёта окончательно сдалась под напором пламени, и наше относительно медленное скольжение вниз сменилось всеми прелестями свободного падения. Издав яростную трель, я успела свернуться вокруг раненого и зафиксировать нас в пространстве вращающейся, переворачивающейся, стремительно летящей вниз кабины. Прикосновение к селенити не особо полезно для больного? Факт неоспоримый. Но тут вот какое дело: падение убьёт его с куда большей гарантией. Одна из тех неприятных ситуаций, когда из двух смертей выбирать приходится чуть менее вероятную.

Удар о воду был безумно сильным. Трещали сидения, летели во все стороны щепки; я так приложила своей змеиной башкой, что чуть было не откусила язык. Раненого тоже здорово мотнуло, но от критических повреждений спасли мои кольца. Так что он, спасибо удаче и ударной дозе исцеляющего зелья, ещё дышал.

Ненадолго, конечно.

Я смотрела со злостью, как вода заполняет кабину. Что я могу? У меня есть зелье воздушного пузыря, но оно действует от силы минут десять. Потом парень утонет в первые несколько минут. Сколько там нужно людям для таких вещей? Точно знаю — немного. Я могу дольше, спасибо большое Радужному дедушке. Но в итоге всё равно голод доконает... Мы медленно, но неотвратно опускались вниз. Мимо окон кабины мелькали стайки рыб, шокированных нашим внезапным вторжением.

Я снова несколько раз бросилась на стекло, но оно даже не пошевелилось. Теперь на выбор осталось только два варианта: попытаться вынести стекло звуком, либо использовать какие-то подручные материалы.

Звук — недурная идея. Диапазон, в котором способны петь селенити, может быть по-настоящему разрушителен. И совсем не факт, что они додумались установить защиту от нашего голоса... Одна проблема: человека *такое* пение убьёт. Без вариантов.

Потому я вырвала крепление сидений и принялась бить им в стекло. Защита искрила, не позволяя разбить окно, но не отбрасывала назад; очевидно, была настроена только на селенити. Эх, сюда бы артефакт совершенно другой направленности...

Минуточку. Артефакт! Им не убьёшь дракона, это да. Но, может быть...

Материализовав хобу, я обхватила её покрепче хвостом и со всей дури врезала по стеклу.

И оно треснуло.

Давление воды, что всё время повышалось вокруг нашей кабины, доделало остальное: стекло вылетело, впуская мощный порыв воды. Я обхватила хвостом парня и рванулась вверх. На поверхность! Я ещё могу успеть...

Но огромное щупальце, намертво сжавшее меня в тисках, непрозрачно намекнуло: рано радуюсь. Я задёргалась, пытаюсь

разрезать щупальце плавниками. Из непроглядного мрака вокруг вдруг возник глаз. Маленький такой, скромный глазик размером с двухэтажный дом.

Глубоководный Древний... Мора, спаси мою сущность.

“Ну приплыли, — от ментального голоса у меня встали дыбом все перья. — Эти драконы вконец одраконели!.. Слышишь, ты? Я тебя съем!”

Упс, что говорится.

“Не надо! — заорала я в ответ что было сил. — Я не дракон! Я — фомор!”

“Это я — фомор. А ты — глиста пернатая!”

“Но всё ещё — фомор. Вы же не едите себе подобных, правда?” — я постаралась мерцать плавниками в самом дружелюбном, завораживающем ритме.

“Мне подобных, говоришь? — расхохотался Глубоководный. — Нахальный пернатый глист... Узри же меня!”

И он тоже заставил узоры на своём теле засветиться.

Я икнула. Слышала, что они огромные, но *настолько*... Казалось, тонкие щупальца его расползаются всюду, куда хватает видимости.

“И что, пернатый глист. Скажешь, мы подобны?”

“Ну... мы в теории принадлежим к одному виду. Теоретически.”

“Зачем ты лжёшь, дракон?”

“Я — нет! В смысле, не дракон и не лгу.”

“Не дракон, говоришь?”

“У меня просто затесался в роду дракон... Давно.”

Глубоководный раздражённо завопил.

“Сухопутные фоморы спят с драконами? Какой позор! Как вообще можно ложиться в постель с этими непонятными мутантами? Крылатые ящерицы! Они же уродливые!”

“Ну... есть такое, — икнула я, наблюдая за комком разномастных щупалец. — Но в жизни, знаете ли, всякое бывает.”

“Это да. Что такого хорошего в этих драконах, что они так всем нравятся? Почему не фоморы? Мы же красивее! Сильнее! И форма у нас более логичная.”

“Верно, — закивала я. — Хотя, у драконов есть золото.”

“У меня тоже есть, — заметил Глубоководный. — Я могу пропускать сквозь свой организм морскую воду и выпускать с другого

конца чистое золото! Но всё равно никому не нравлюсь.”

Внезапно, однако.

“Они полюбили бы вас, если бы успели узнать получше”, — я скосила глаза на предполагаемого Бэна, вокруг которого воздушная прослойка неумолимо сокращалась. Судя по всему, мне его не спасти... Времени просто не хватит.

“Думаешь, меня нужно узнать получше?... Эй, пернатый глист, я с тобой разговариваю! На что это ты смотришь? — Глубоководный приблизил свой исполинский глаз и уставился на раненого парня. — О! Это твоя еда?”

“Нет! — возмутилась я. — Не еда. Я его спасаю!”

Глубоководный расхохотался:

“Ну ты и недотёпа! Кто ж так спасает? Он же у тебя сдох почти!.. Не умеешь, ой не умеешь ты обращаться с домашними животными. Это ж человек! С ними надо нежно. А ты вон его всего сломала!”

“Это не я сломала, — огрызнулась я. — Мне его... подбросили. Вот таким вот сломанным. Если позволишь мне всплыть, то попробую починить.”

“Тупенькая ты, — сообщил Глубоководный снисходительно. — Он же сдохнет, пока всплывёшь. Это ж человек, я тебе точно говорю! Я очень хорошо в этом вопросе разбираюсь”.

Угу, оно очень заметно. Но вслух я этого не скажу, разумеется.

“Так, может, вы знаете, как его починить? — уточнила я. — Вы ведь такой умный! И намного дольше живёте. Явно разбираетесь в вопросе намного лучше, чем я.”

Глубоководный слегка раздулся.

“Да, — сказал он серьёзно, — я — великий эксперт по человечкам! Сейчас починю его тебе. Смотри и учись!”

Одно из щупалец ловко вырвало у меня парня и...

Ох.

Прости, случайный попутчик! Я сделала всё, что могла.

“Вы съели его!” — констатировала я очевидное.

“Поглотил, — поправил Глубоководный. — Втянул в себя. Как ещё прикажешь чинить человечков?”

Мне захотелось побиться головой о какой-нибудь камень.

“Людей невозможно починить таким образом!”

“Вот ещё поучи меня! Сказано тебе: я — эксперт!”

Я с сожалением посмотрела на контур парня, который угадывался внутри щупальца. Повезло же нарваться на спятившего сородича! Или он так надо мной издевается?

Стоп. Что?!

“Он шевельнулся!” — ахнула я.

“Ну да, — отозвался Глубоководный буднично. — Скоро уже можно вытаскивать.”

Распахнув рот и вытаращив глаза (в змеиной ипостаси наверняка выглядело уморительно), я наблюдала, как Глубоководный выдувает воздушный пузырь, помещает туда своё щупальце и вытряхивает парня.

Совершенно здорового, лишь с парой шрамов на молодом и достаточно симпатичном лице.

“Ну вот, — сказала Глубоководный ворчливо. — Так человечков надо чинить! Но куда тебе, конечно: мала ещё!”

Приходится признать: кажется, из нас двоих идиот тут всё же я.

“Спасибо! Вы его спасли!”

“Ну так, — готова поклясться, что Глубоководный смутился. — Нашла достижение! Так любой завалящий кракен может!”

Ответить я не успела. С мысли сбил вопль дикого ужаса: это парень проснулся. И увидел, *что* его окружает.

“Чего это он? — удивился Глубоководный. — Может, бешеный?”

Да уж...

“Это у него нервное. Люди. Что с них взять?”

“И то правда!”

— Меня здесь нет, — пробормотал предполагаемый Бэн, дико озираясь. — Это всё нереально!

“А, так он из этих, — вздохнул Глубоководный. — Которые не верят в объективность существования материи... Тяжко с ними. Понятно, почему его тебе подкинули. Наверное, бывшие хозяева устали от философских концепций.”

Бэн замолчал, уставившись на нас во все глаза.

“Вы... настоящие?”

“Насколько нечто может быть настоящим в твоей системе координат”, — ответил Глубоководный.

— Я... — голос парня сорвался. — Я умер и попал в Бездну?

“Чего сразу в Бездну-то? Тут есть дно. Оно просто очень глубоко. Впадина Древних, как-никак”.

Бэн ошеломлённо осмотрелся по сторонам. Надо сказать, для таких обстоятельств парень держался молодцом. Строго говоря, тот факт, что его сердечный приступ не хватил — уже хорошая новость... Но пришло время мне вмешаться, пока Глубоководный в его очаровательной манере окончательно не запутал беднягу.

“Вы не умерли, — сказала я, стараясь сделать мысленный голос как можно мягче. — Кто-то, предположительно лорды Гохорды, посадил вас в маголёт и подстроил аварию. Я летела с вами.”

— В-вы? — Бэн явно изо всех сил пытался взять себя в руки. — А... как бы... вас в таком виде пустили в маголёт?

Уже хорошо — он начал думать конструктивно.

“Нет, конечно! — ответила я. — В маголёт я садилась в человеческой форме. Но показать её сейчас не могу — задохнусь под водой.”

— Ага, — он потряс головой. — Но почему я жив?

“Потому что мы тебя спасли, — встрял неугомонный Глубоководный. — Она вот подобрала, а я починил. За что тебя так поломали-то?”

Парень на мгновение сжал губы:

— За то, что я полюбил женщину. Похоже, совсем не ту, какую следовало бы.

“О! — Глубоководный оживился. — Все проблемы — от женщин! А она какого вида? Человечек, как и ты?”

— Она... человек, — Бэннард (теперь уже наверняка он) грустно улыбнулся. — Но леди.

“Это какой-то особый подвид человечков?”

— Да, — горько сказал Бэн. — Особый вид. Селективный.

“У-у, — Глубоководный задумался. — А на вкус они отличаются?”

— Наверное. Не пробовал... но, говорят, у них другая кровь. Не важно. Моя леди отказалась от меня. Сейчас она с драконом.

Эти слова произвели потрясающий эффект: щупальца вокруг буквально затряслись, ходуном заходили.

“Она ушла к дракону!? — возмутился Глубоководный. — Вот скажи, что хорошего в этих драконах?!”

— Не знаю, — зло ответил Бэн. — Мерзкие ящерицы!

“Именно!”

Мне только и оставалось, что порадоваться взаимопониманию этих двоих.

“Мы с тобой товарищи по несчастью, — сказал Глубоководный важно. — Меня тоже женщина-человечек из-за драконов бросила!”

Мы с Бэном в ответ на это претенциозное заявление синхронно выпучили глаза. Моё воображение попыталось нарисовать в голове картинку, но отчаянно забуксовало, не желая всё это представлять.

— Извините, — позвал Бэн тихо, — но разве вы можете... ну... с человеческими женщинами?

“А почему не могу? — обиделся Глубоководный. — Я хуже драконов, что ли?”

Вот ни разу не поспорить, конечно. Не хуже, но немного (раз в двадцать как минимум) больше. И есть один ма-аленький нюанс...

— У вас тоже есть человеческая ипостась? — спросил Бэн.

В точку.

Насколько я знала, у Глубоководных человеческой ипостаси не бывает: слишком они велики, слишком сильна связь с морем. У некоторых, правда, есть условно антропоморфный облик. Но откуда ему взяться у этого гиганта?

“Не совсем ипостась, — пробормотал Глубоководный. — Нашу сущность трамбуй, не трамбуй, а в такое крошечное обличье не упихаешь. Но! У меня был аватар! Только это длинная история.”

Мысленно вздохнув, я сказала то, что это одинокое существо явно хотело услышать:

“Расскажете нам?”

“Почему нет? — оживился Глубоководный. — Если уж вы так просите, то расскажу, конечно!”

С этими словами он удобно переплёл щупальца (и устроил удобнее меня, за что ему отдельное спасибо).

“В общем, — начал он, — она была прекрасна.”

Я подумала, что примерно так должны начинаться истории обо всех мужских романтических проблемах.

“У неё была идеальная форма! Она была похожа на рыбу-луну.”

— В смысле — круглая? — озадачился Бэн.

“Ну да, — ответил Глубоководный немного раздражённо. — Я же сказал — идеальная форма!”

— Э... понятно. А...

“Как вы встретились?” — встряла я, не позволив разразиться обсуждению возможных женских форм.

“Она приплывала на окраину впадины, где коралловый риф. И собирала жемчужины. Я заметил её случайно, когда из скуки отправил одну из своих частей самостоятельно поплавать на мелководье. А там она, перебирает улов. Она была такая миленькая и маленькая! Наблюдать за ней было — одно удовольствие. И я стал наблюдать. И приносить ей побольше жемчуга, чтобы она возвращалась ещё. А потом увидел, как над ней насмеются другие человечки. Другого пола. Я не очень много понял, но, кажется, им не нравилась её форма. Но больше, мне кажется, они завидовали тому количеству жемчуга, которое она добывает... Но она плакала из-за них. И, судя по запаху, хотела спариться с одним из них. Тогда я решил познакомиться. Но подумал, ей будет проще и привычнее смотреть на что-то, что выглядит, как человек. Вот я и создал аватара — поймал того самого, который вызывал у неё отклик, и скопировал его пропорции. Ну и своего эстетического представления добавил немного, понятное дело. Аватар получился отличный! Я его внутри своего тела вырастил. А потом уснул, перенёс в аватар сознание и приплыл на риф. И знаете

что? Я понравился ей! Она сказала, что я странный, но очень милый. Мы начали общаться. Я был так счастлив! Ждал её на рифе, приносил самый лучший жемчуг, золото и всякий блестящий хлам с затонувший кораблей (спрессованный уголь, но люди от него почему-то в восторге). Иногда она спрашивала, кто я такой. Я говорил, что у меня есть другое обличье, большое и могущественное. И только потом узнал: она решила, что я — дракон!”

— И что случилось потом? Она узнала, кто вы такой?

“Да. И ведь она сама попросила! Она начала говорить о том, что хотела бы увидеть мою другую ипостась. И я подумал — почему нет? Мы уже довольно давно общались, я подумывал прожить в аватаре полную человеческую жизнь. Даже обдумывал, как улучшить его, чтобы мы могли иметь потомство. Антропоморфное, конечно! Но могущественное и бессмертное. Почему низшим фоморам и драконам можно, а нам — нет?”

В принципе, резонный вопрос.

“Она всё чаще просила показать ей своё настоящее обличье. И я сдался, дурак! Отбуксировал её лодку к самой Впадине, готовился. Заставил своё тело сиять полностью, переливаться множеством огней, чтобы она увидела, какой я большой и красивый. А она спросила: “Ты что, не дракон?” Увидела меня и упала в обморок.”

Ну что сказать? Где-то несчастную девушку я понимаю. В её фантазиях она наверняка представляла себя парой дракона из сказки, а не огромного, уродливого по меркам человека существа.

“Когда она пришла в себя, спросила, что я такое. Я объяснил, и она вроде бы успокоилась. Сказала, что всё это неожиданно. А потом спросила, не хотел бы я жить на суше, в новом доме...”

— Подождите, — прищурился Бэн. — Дайте угадаю: она попросила у вас денег на этот дом?

“Да, — сказал Глубоководный грустно. — Сказала, дома стоят очень дорого. Но разве мне жалко? Я собрал из морской воды золота в два её веса и дал ей. Она ушла покупать дом... и больше не пришла.”

Повисла тишина.

Честно говоря, Глубоководного мне стало чисто по-фоморьи жаль. Драконы с их ореолом властности и способностью создать вокруг себя правильный образ давно стали героями девичьих грёз. Они в пьесах, на страницах книг и одни боги знают, где ещё. Несмотря на всю свою

опасность, хищную сущность и тёмное прошлое драконы умеют быть в моде... О нас, простых и страшных магических созданиях, такого не скажешь. Несмотря на послабления и официальный статус, фоморов всё ещё опасались. Сторонились. Обвиняли во всех смертных грехах. И вот казалось бы: понятно, почему девчонка так отреагировала. Но деньги “на дом”...

— Мне жаль, — сказал Бэн тихо. — Это, наверное, даже хуже, чем у меня. Знаете... будь я существом вроде вас, с таким количеством золота, я смог бы быть с Дайяной. И плевать, кто я на самом деле. Мне кажется, им всё равно, кому отдать дочь — лишь бы у этого “кого-то” было золото.

“Я мог бы дать тебе золото, — оживился Глубоководный. — Сколько нужно?”

Бэннард — теперь уже точно он — медленно покачал головой.

— Она уже сделала свой выбор, — сказал он спокойно. — Она отказалась от меня и добровольно пошла к дракону. Я пережил кошмар наяву, когда трое громил ломали мне пальцы и рёбра, а она просто отказалась. Потому что родители так сказали. Каково, а?

Любопытно. Похоже, Гохорды манипулировали обоими юными влюблёнными — очень уж эмоции и трактовки отличаются. Впрочем, мне-то что? Кричать: Не будь так уверен!”? Глупо. Особенно учитывая, что из парня практически сделали мясную отбивную. Если Бэн вернётся туда, он мёртв в любом случае. Деньги там или нет, он слишком много лишнего может рассказать. Если Гохорды в принципе узнают, что он жив, то, подозреваю, тут же попытаются исправить упущение. У парня один-единственный шанс на спасение: двигаться только вперёд и не вспоминать.

То же самое, собственно, тут можно сказать обо мне.

“Мы очень сочувствуем вам, — сказала я глубоководному чистую правду. — Но нам нужно плыть.”

“Уже? — расстроилось жуткое хтоническое чудовище. — Может, останетесь? Так приятно пообщаться с понимающими собеседниками! Мои сородичи другие. Кто-то спит у себя в чертогах, кто-то разводит питомцев. А единственный мой друг считает, что я сам виноват и стоило её сразу съесть.”

Я про себя ото всей души порадовалась, что мы угодили к этому последнему романтику, а не его практичному другу, который

любовным переживаниям предпочёл бы питательный завтрак.

“Извините, но не получится. Нам очень хотелось бы остаться с вами и узнать побольше о трагической истории любви и предательства, но нас ждут дела, — я старалась говорить как можно убедительней. — У меня семья в Вел-Лерии, и они уже наверняка грустят обо мне. К тому же, они — люди. Их должен кто-то защищать, вы же понимаете?”

Глубоководный крепко задумался.

“Это да, — сказал он в итоге, — эти человечки ужасно хрупкие. Зря ты их себе завела.”

“Они милые и дарят ласку, — решила оправдать я свою вопиющую ошибку в выборе семьи. — И заботятся обо мне. Было бы подло бросить их, разве нет?”

“Да, — Глубоководный пригорюнился, но тут же оживился. — А давай я этого человечка заберу? Если у тебя их и так много. А что? Я буду о нём заботиться, плавники ему выращу со временем. И жабры. Будем с ним сидеть, коварных человечков обсуждать...”

Бэну идея явно не пришлась по вкусу, но следует отдать парню должное: ему хватило ума не возбухать и не кричать сходу о правах разумных и прочих замечательных вещах. То есть как... не поймите меня неправильно, права и свободы — штука очень хорошая. Но в случаях, когда речь идёт о столкновении с кем-то вроде Глубоководных, осторожность в словах никогда не повредит. Слишком уж масштабы разные.

— Во-первых, я хочу учиться магии, — сказал Бэн. — Очень многое прошёл ради этого, и обидно было бы отказаться теперь. А во-вторых я не понимаю: что, вот так вот сидеть на дне и обсуждать их? А стоит ли? Должна же быть жизнь и после неудачной любви, верно? Кроме сожалений?

“О чём ты?” — удивился Глубоководный.

— Просто... Ведь нет смысла сидеть и страдать из-за чужого предательства, правда? — Бэн заговорил страстно и очень эмоционально. Он в целом звучал так, как будто убеждал отнюдь не кракена. И так оно, кажется, и было. — Ты ведь... у тебя есть все возможности. Ты богат. У тебя есть этот твой аватар. Так что изменилось после её предательства? Ты всё ещё можешь выйти на

поверхность, купить дом, исполнить мечты. Ты можешь встретить кого-то ещё! Неужели мечты потеряют смысл без неё?!

Глубоководный озадаченно молчал. Я спросила себя: “А так ли привлекательны мечты о богатстве и Сиреневом коттедже, если в них нет Или?” — но тут же потрясла головой.

Это не та тема, на которую стоит размышлять сейчас.

— Так что? — спросил Бэн. — Неужели вы так и будете сидеть на дне и жаловаться?

“Ну, не знаю, — пробормотал Глубоководный. — Я уничтожил аватар. Какой смысл в аватаре — без неё?”

— Должен быть смысл! — воскликнул Бэн запальчиво. — Должен быть, если она отказалась от вашей любви... в смысле, использовала вас. Должен быть смысл и без неё! Посмотреть на мир, научиться новому, увидеть других людей... Может, вы встретите лучше! А может, решите обойтись без этого. Но главное, что должен быть способ прогнать её из своей головы!

О как.

“Никого не будет лучше. Она была особенной.”

— Это вам сейчас так кажется! Но, может, не такая уж необычная она была, если предала? Но вы даже не пробовали искать кого-то ещё, верно?

Глубоководный глубоко задумался, и я поняла, что пора петь, пока мелодия играет.

“Отличная идея! — сказала я. — Бэн прав: создайте новый аватар и повидайте мир! Наверху и встретимся. Меня вы всегда можете найти в Вел-Лерии, на Сиреновой улице. Особняк с зелёной крышей. Он там один такой. Будем вам рады!”

“Правда? — Глубоководный засомневался, но потом решился. — Хорошо! Но может, вы подождёте?”

“Мы правда очень спешим, к сожалению.”

“Ладно уж, — вздохнул Глубоководный. — Вечно они спешат... Хорошо, оттащу вас к краю Впадины. Оттуда плыть удобней!”

Я от облегчения прикрыла глаза. И поняла: мы действительно выжили.

*

— Куда мы плывём? — спросил Бэн, когда Глубоководный оставил нас. — Откуда ты меня знаешь?

“В Вел-Лерию, — ответила я устало. — Будешь моим гостем. Там всё и обсудим, хорошо? Я устала. И голодна.”

— А что ты ешь?

“Этого тут нет. Просто не касайся меня голыми руками, договорились? Сядь удобней, не уроню. И давай помолчим. Нам обоим есть о чём подумать.”

Против этого возражений у парня не нашлось. Мы молча поплыли вперёд — навстречу тавельнским рассветам. Нам, видимо, предстояло узнать, есть ли жизнь после неудачной любви.

20. Часть 2. Блюз обездоленных

*

Мне давным-давно не приходилось охотиться.

Просто причин не было: с головой хватало эмоций, которые можно было съесть на концертах. Удовольствие мне, никакого вреда для окружающих — не сказка ли? Достаточно пары выступлений в месяц, чтобы всегда чувствовать себя сытой.

Увы, в тот вечер, когда мы с Бэном буквально рухнули на грязный песок в Нижнем порту, у меня не было с собой сценического костюма. Равно как и возможности превратиться в человека: несколько попыток привели лишь к тому, что я перестала быть змеей, но осталась в своём облике пернатой девушки с сероватой кожей, волосами цвета киновари и радужными огромными глазами с вертикальным зрачком. На человека я в таком чудном обличье была похожа чуть менее чем никак. С другой стороны, учитывая обстоятельства, уже чудо, что я смогла принять антропоморфный облик: обычно на такой стадии истощения я могу быть только змеей.

— Ох, — сказал Бэн, осмотрев меня и уделив особенное внимание платью из перьев. — Ты уверена, что ходить в таком виде по городу — хорошая идея? Может, тебе нужен плащ?

— Нет, — ответила я, слыша в своём голосе мелодично-хищные переливы. — Сейчас мне нужна только свора отморозков. Самых отвратительных, какие только найдутся.

Парень подозрительно покосился на меня:

— Зачем это?

— А сам не чувствуешь? — я оскалила свои острые, как иглы, зубы в улыбке. — Есть хочу!

Бэн сглотнул.

Разумеется, он не мог не ощущать рядом со мной неладное: я дошла до той стадии голода, когда уже начала понемногу высасывать из окружающих силы с положительными эмоциями пополам.

— Ты... ешь людей? — уточнил он, явно прикидывая пути к бегству.

Я фыркнула.

— Не людей, а их эмоции. И да, они даже выживут, если повезёт... Убегать бы не советовала, кстати. По крайней мере пока что. Мы в Нижнем Порту, что хорошо для меня и плохо для тебя. Хорошо для меня, потому что тут предостаточно потенциальной еды, которой не хватятся и которую не слишком жаль. Плохо для тебя, потому что одинокого полуголодного симпатичного юношу с магическим даром здесь украдут быстрее, чем ты скажешь “Ух”. Так что держись рядом, хорошо? Сейчас пойдём искать сытный ужин.

Я медленно встала с песка и пошла, чувствуя, как стелются следом перепачканные в ртути перья. Как же хочется есть... И что-то внутри шепчет: “Там, сзади тебя, идеальная жертва! Молодая, влюблённая, сильная, полная сомнений и страстей. Ты можешь стать для него Дайяной прямо сейчас... Ты можешь прижаться к его губам, выпивая жизнь... Это будет так *сладко*...”

Этого не будет. Я не скачусь снова до примитивной хищной твари, для которой окружающие — лишь еда.

Повторить мысленно ноты сложнейшей интерлюдии к опере “Полёт дракона”, несколько раз вдохнуть и выдохнуть... Я научилась справляться с голодом, даже в таком состоянии.

Я помню, кто я такая.

Но вопрос нужно было решать, не откладывая в долгий ящик. Повезло, что это Нижний Порт; повернул в ближайшую подворотню — нашёл неприятности...

Если неприятности — это не ты сам, конечно же.

Я шагнула в подворотню, откуда звучали голоса и звуки ударов. К моей искренней радости, дерущихся было достаточно много — видимо, уличные банды что-то основательно не поделили.

Я переливчато свистнула, привлекая их внимание и спуская голод с цепи.

— Чем занимаетесь, мальчики? Скучаете?

Они тут же забыли друг о друге и повернулись за мной, как подсолнухи за солнцем. Кого они видели? Сложно сказать. Свои идеальные половинки из мечтаний, эротические сновидения, тайные желания.... Мне было всё равно, в общем-то. Достаточно и того, что они шагнули ко мне, как привязанные.

Будь здесь чистокровная селенити, она бы выбрала нескольких самых вкусных, отвела в сторонку и ласкала их, параллельно выпивая

до дна. Уж не знаю, к сожалению или счастью, но я, как полукровка и осторожная личность, предпочитаю обходиться без прикосновений. Потому, никого особенно не выделяя, я потянула энергию у всех подряд.

— Спать, мальчики...

И они попадали в уличную грязь, как подкошенные. Не замертво, к счастью: очнутся. С головной болью, истощением, провалами в памяти... Но это намного лучше, чем могло бы быть.

Я встряхнулась, принимая облик умеренно чумазого уличного парнишки.

— Бэн?

— Д-да? — бедняга, к такому его жизнь не готовила.

— Помоги мне раздеть их.

— Что?..

О Мора, ну зачем же делать такое испуганное лицо?! Я сама себя начинаю страшной и ужасной считать, правда!

— Нам нужно в приличные кварталы. В том виде, в котором мы сейчас, нас там арестуют. Сразу. Так что не стой столбом, помоги мне выбрать что-то, что сойдёт за одежду посыльных!

Бэн ошеломлённо покачал головой.

— Не так я представлял себе путешествие в Вел-Лерию, — пробормотал он.

— То ли ещё будет, — улыбнулась я. — То ли ещё будет...

И оказалась права в большей степени, чем могла себе представить.

*

— Это тот самый особняк, о котором ты говорила? — спросил Бэн. — С зелёной крышей? Мне кажется, там что-то происходит...

— Мне тоже, — сказала я сквозь зубы, наблюдая за странной толпой у ворот. — Подожди здесь!

Дурное предчувствие сжимало моё сердце, пока я кралась по знакомой неприметной тропинке вдоль разлапистой живой изгороди. Уже довольно скоро я смогла различить слова, и мне показалось, что небо упало на меня.

— ... мы никуда не уйдём, пока не встретимся с леди Элизавет! — дядя Джума говорил уверенно и сердито.

— Уйдёте, — отвечал ему холодный насмешливый голос. — Либо вас вышвырнут вон. Этот дом вам не принадлежит, как и всё, что в нём! А у сиятельной леди есть дела поважнее, чем ваши претензии...

— Плевать на дом! — крикнул Джума. — Лисси, наша дочь! Куда твоя упыриха дела её?!

— Хотите сесть в тюрьму за оскорбление леди? — уточнил его собеседник. — Или за клевету? Ваша единственная дочь умерла после рождения — очевидно потому, что вы отличные родители. Кто такая Лисси, я лично не имею понятия. Какая-то вопиющая ерунда!

— Леди Элизавет прекрасно знает, кто она такая!

— Ты всё же напрашиваешься, да? — прошипел собеседник Джумы. — Ещё одно слово — и в тюрьму ты сядешь надолго. За препятствование закону!

Мир закачался у меня перед глазами. Как же так?!

Первым моим порывом было выйти к этому скользкому мужику и устроить трёпку. По правде, не знаю даже, как я сдержалась. Подумала: не буду портить Элизавет сюрприз. Сначала припугну эту стерву контрактом, а потом уже заставлю её подручного извиниться.

Осторожно, очень тихо я сделала несколько шагов вперёд так, чтобы была возможность их видеть: и тётю Ленну с маленьким потрёпанным чемоданчиком, и папу Буджо, прижимающего к себе один-единственный футляр со скрипкой, и дядю Джуму, явно настроенного очень решительно, и соседей, собравшихся, будто на светское мероприятие... и чиновника в форме городского управления, которого сопровождало несколько стражей порядка.

От этого зрелища мне окончательно стало не по себе. Что, если дядю действительно арестуют? И ему придётся сидеть в тюрьме всё то время, что мы с Элизавет будем разбираться? Нет уж, пора заканчивать этот цирк! Я вышла вперёд так, чтобы дядя Джума заметил меня, поймала его взгляд и позволила радужным бликам засиять в глазах.

На миг на дядином лице отразилось искреннее облегчение, тотчас сменившееся нейтральным выражением.

— Ну? — выдал чиновник. — Долго это будет продолжаться?.. Моё терпение лопнуло! Арестуйте его!

— Нет-нет, господин, — заюлил дядя Джума, отступая. — Бездна попутала! Уже ухожу!

— То-то же, — пробормотал управленец, глядя моей семье вслед.
— Ох уж мне эти островные голодранцы... Живут у какой-то певички на птичьих правах, а потом ещё и ложь придумывают, чтобы себя обелить. Возмутительно!

Соседи начали переглядываться.

— А я всегда знала, что они неблагонадёжные! — выдала вдруг почтенная матрона из дома напротив, с которой мне довелось несколько раз выпить чаю. — Подозрительная семейка!

— Точно! — поддержал сосед справа. — Та певичка называла скрипача папой — хотя всем очевидно, что за отношения их связывают!

Я сжала кулаки. Серьёзно?! Да как они...

— А эти двое краснорожих? Чего им на островах не сидится, спрашивается? Нет же, лезут и лезут, будто Вел-Лерия им резиновая!

— Ещё и селятся рядом с приличными людьми!

— Как хорошо, господин чиновник, что вы нас от них бережёте!..

Я почувствовала, как кружатся в воздухе вокруг меня ядовитые перья.

Было бы так просто убить их. Выпить до дна. Всех...

Меня резко схватили за локоть. Я обернулась, готовая отражать нападение, и встретила взглядом с дядей.

— Идём отсюда, — сказал он тихо. — В мою мастерскую.

— Но мне нужно...

— Сначала — моя мастерская, Лисси. Потом — всё остальное. Не обсуждается.

Я прикусила губу.

Вообще-то дядя Джума был очень спокойным, добродушным человеком. Несмотря на патриархальную культуру, его взрастившую, в нём не было ни на йоту грубости по отношению к женщинам или самодурства. Иногда гиперопека, может быть.

Однако он ощущал себя главой нашей странноватой семьи. И порой, когда он говорил вот-именно-таким тоном, его следовало послушаться. Не из страха, но просто из уважения. А в данном случае... я навлекла на семью неприятности, подвела. Конечно, он имеет право злиться.

— Хорошо, — сдалась я. — Только захватим кое-кого по дороге.

*

— Лисси, я жду объяснений, — сказал дядя, когда мы расселись за столом в тесном помещении над мастерской. — Где ты была, кто этот юноша, что приехал с тобой, и, главное — что произошло? И учти, никаких недомолвок. Всё слишком серьёзно для шуток!

— Буджо! — возмутилась тётя Ленна. — Дети даже не поели с дороги, а ты всё туда же!

— Я не мешаю им есть, — отрезал дядя. — Но это тот случай, когда можно плюнуть на манеры и не только есть, но и рассказывать.

Я вздохнула и мысленно позавидовала Бэну: того взял в оборот папа Буджо, и обсуждали они ритм любовных переживаний. А вот дядя Джума возвышенными материями мало интересовался. Ему нужны были ответы. Прямо сейчас. И, учитывая случившееся, он имел на них право.

— На самом деле, мне нужно увидеться с леди Элизавет... — всё же попыталась я.

— *Лисси.*

Я поняла по взгляду — не отступится. И не простит, если солгу.

Потому, мысленно пожелав себе удачи, я выложила всё, как есть, с грустью наблюдая, как мрачнеет лицо дяди. Но я же ничего такого не делала, верно?

— ... Вот так, — закончила я. — Прости, что подвела вас. Но я всё исправлю! Активирую магию контракта прямо сейчас, и...

— Нет, — твёрдо сказал дядя. — Ты не будешь этого делать.

Я недоверчиво покачала головой.

— Что? Но, я честно заработала...

— Лисси, — он медленно покачал головой, — давай начнём с того, что обман и подлог, равно как и игра с чужими чувствами — это не честный заработок. Но речь даже не об этом. Девочка моя, ты что, действительно не понимаешь, с кем и во что ввязалась?

Я даже опешила. Он же не серьёзно?!

— Дядя, у меня с Элизавет контракт, — принялась втолковывать я. — Магический! Я рисковала жизнью, я... я многое отдала, чтобы его выполнить. Она не посмеет мне отказать!

— Не посмеет, это да... Контракт составили её стряпчие, верно? — уточнил дядя Джума спокойно.

— Да, — признала я вынужденно. — Но он составлен корректно, и некоторые пункты внесла я сама. Элизавет обязана мне! И никак от этого не отвертится.

Дядя Джума поджал губы.

— Предположим, — ответил он спокойно. — Я верю, что контракт действительный. Верю, что, если ты его внимательно прочла и дом теперь полностью принадлежит тебе. Но ты должна понять: мы не можем этим воспользоваться. Тебе нельзя идти к этой женщине.

— Но...

— Лисси, ты связалась с очень опасными людьми, — не позволил мне возразить дядя. — Людьми, в руках которых большие деньги. И, что даже хуже, большая власть. Лорды Драконьей Империи; бессменная фаворитка премьер-министра; да во имя Великого, императорская драконья семья!.. Мы не будем разбирать, какую ошибку ты совершила. Ты — добрый и великодушный ребёнок, всегда была. Ты хотела как лучше. Всё в прошлом; счастье, что ты вернулась. Но скажи мне: неужели история с маголётом ничему тебя не научила? Или то состояние, в котором ты нашла этого Бэна, ни о чём тебе не сказало?.. Это не просто могущественные люди, Лисси. Это люди, которым не нужны живые свидетели, люди, у которых есть власть и безнаказанность. И лучшее сейчас — это позволить им считать, что они добились успеха.

Я замолчала, не зная, что сказать. Во мне бурлила злость на леди Элизавет, и гнев, и горечь. Я соврала Или ради этого особняка, ради свободной и состоятельной жизни! Неужели теперь всё обернётся... так?!

— Я всё же фомор, — сказала больше для того, чтобы хоть что-то возразить. — Я могу постоять за себя, могу быть убедительной и просто запугать эту лживую...

— Лисси, — дядя Джума прикрыл глаза. — Ты ведь не глупа. Отринь злость. Подумай о том, что говоришь. Вспомни, против кого собираешься идти. Да, один на один ты сильнее её. Но потом...

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как пересохло горло.

— Милая, — тётя Ленна осторожно взяла мою руку в свою. — Прости, но Джума прав. Дом всегда можно купить. А вот ты у нас одна. Пойми, мы с Джумой многое видели в своей жизни и знаем, как могут закончиться такие вещи.

— Верно, — Джума поджал губы. — Ты знаешь, мы бежали в Тавельни от режима последователей Всеблагого Бога и едва выжили. Знаешь, что лавка наша была разрушена, а всё богатство отнято. Чего я никогда не говорил: этого можно было бы избежать, если бы мы уехали раньше. Но я был тогда, как ты сейчас. Думал, что, раз я честный торговец, исправно выплачивающий мзду чиновникам, меня не тронут. Верил, что удастся защитить себя в суде, откупиться, договориться по-человечески... Но ничего из этого не удалось. Потому что поверь мне, девочка: с теми, кто ощущает свою полную безнаказанность, невозможно договориться. Они возьмут своё. И ведь пойми, что в случае со мной дело было только в деньгах. А вот ты... ты знаешь теперь секреты сильных мира сего. Очень опасные секреты.

Я сжала руки в кулаки. Мне хотелось плакать.

Неужели действительно всё обернётся теперь вот так? Неужели всё, всё было зря?! Злость душила, но голос разума тихо нашёптывал: дядя прав. Совершенно прав. И дело ведь не только во мне одной; они тоже могут пострадать от моей глупости.

Просто по касательной.

— Вижу, ты всё понимаешь, — сказал дядя Джума серьёзно. — Я рад. Нам нужно многое продумать, прикинуть варианты переезда в пригород, встретиться с Вилни и всё ему рассказать. А ещё непременно решить, как быть с твоей карьерой певицы — лучше было бы отсидеться, но ты не можешь совсем не петь... Возможно, нам стоит подумать о переезде в другой город. Но Лисси?

— Да? — я внутренне сжалась, приготовившись услышать вполне закономерное “Это твоя вина”.

— Я рад, что ты вернулась живой.

Я сжала губы. В горле встал ком.

— Спасибо, — шепнула я. И имела в виду, разумеется, вообще всё.

— Ладно, — дядя Джума устало потёр лицо. — Давай теперь разбираться с той ходячей проблемой, которой ты спасла жизнь.

— Ты о Бэне? Не волнуйся, он не останется у нас надолго. Он планирует поступать в Академию Магии...

— Вот об этом я и хочу поговорить с ним. Ты отдохни, а нам предстоит мужской разговор.

Честно скажу: словосочетание “мужской разговор” вызывало у меня крайне неоднозначные ассоциации. Все так называемые “мужские разговоры”, которые мне доводилось видеть в своей жизни, заканчивались вариативно либо пьянкой, либо дракой, либо тем и другим одновременно. И я знала, конечно, что дядя у меня не пьёт и не склонен к агрессии, но всё равно решила держаться поблизости — на случай, если диалог завернёт куда-то совсем не туда. Грозный вид дяди Джумы в этом смысле не внушал мне оптимизма: он порой бывал неоправданно суров к юношам там, где девушке мог сделать поблажку.

— Ну здравствуй, — сказал он. — Бэн, верно?

— Да, — возлюбленный Дайяны приветливо склонил голову. — Спасибо большое за ваше гостеприимство! Не волнуйтесь, я не стану стеснять вас и завтра же пойду...

— Куда? — уточнил дядя Джума сухо.

Бэну явно не пришёлся по нраву тон. Мне самой, собственно, не вполне понравилось то, как дядя давит на бедного парня. С другой стороны, с учётом неприятностей, из которых я вытащила Бэна, я вполне уверена, что уж невежливое обращение он как-то стерпит.

— Я хочу поступать в Академию Магии, — сказал Бэн. — Насколько я знаю, одарённых там предоставляют место, так что я не буду вас стеснять.

— Ну да, точно, — дядя побарабанил пальцами по столу. — А как ты представиться собрался? Какие документы предоставить?

— ... что?

— Как ты планируешь выживать в незнакомом городе, без денег и документов? Почему думаешь, что все столичные Академии Магии ждут тебя одного?

— Я читал объявления. Тавельни нужны маги! На любых условиях.

— Ага. То есть ты, когда собрался сюда бежать, задумал именно так и сделать? Просто прийти и поступить? Без связей, без базовых знаний?..

— В пригласительной листовке сказано, что берут учиться всех магов!

Дядя Джума выгнул бровь.

— То есть, оправь меня, если я тут слегка ошибаюсь. Ты собираешься просто прийти в МУЗ... куда именно ты собрался поступать, кстати?

— В Высокую Академию Вел-Лерии...

— Ага. То есть, ты собрался прийти в один из двух самых престижных столичных МУЗов с улицы, без документов, без легенды. И поступить на бюджет.

— Да, — Бэн явно начал злиться. — Скажу, что потерял их в дороге!

Мне стало не по себе. Слушая Бэна, я понемногу начала осознавать, какую огромную проблему взвалила себе на плечи.

— Послушай меня, мальчишка, — сказал дядя резко. — Видит Великий, глупость должна наказываться. Мне хочется вышвырнуть тебя вон и забыть вовсе о твоём существовании. Но вот ведь незадача: ты наверняка попадёшься на глаза не тем людям, или сдуру назовёшься своим именем, или сделаешь ещё что-то подозрительное. И тогда те, кто роняет маголёты в море, узнают: ты жив. А если жив ты, то и Лисси тоже. Вот такая неудобная ситуация.

— Значит, если я пообещаю не называть своего имени, вы избавите меня от своих нотаций? — не стал молчать Бэн.

— Ты глянь какой нахальный, — восхитился Джума. — Неужели твои родители совсем не научили тебя почтению к старшим? Или не вдолбили правила гостеприимства? Если так, то стыд им и позор!

— Меня продали, когда мне было пять, и больше я своих родителей не видел, — сверкнул глазами Бэн. — Потом я жил без них. И если чему и научился, то тому, что иногда нужно рискнуть. Вопреки занудам, которые стелют всюду соломку, просто шагнуть будущему навстречу — и будь что будет.

— Будь что будет? И с той девушкой, которой ты заморочил голову, тоже — будь что будет? Может, её отец правильно сделал, что выбил из тебя весь хлам?

— Дядя!.. — возмутилась я, но Джума только рукой на меня махнул.

— Покушай пойдёшь, Лисси! Я же сказал, мне надо поговорить с твоим найдёнышем. И решить, что с ним делать вообще.

— Я разберусь сам, — отрезал Бэн, окончательно разозлившись. — А как — не вашего ума дело! При всём уважении, невозможно всё предсказать заранее. Но у меня есть руки, и они растут из нужного места! А ещё у меня есть магия...

— Какая, кстати?

— Артефакторская! Не боги весть что, но востребовано в Тавельни. Не примут меня в эту Академию? Пойду в другую! Как-то выкручусь, и хватит меня тут стращать.

— Угу... А девочка твоя как бы выкручивалась, если бы поехала с тобой? А если бы у вас родилось дитячко? Оно, думаешь, ждало бы, пока ты выкрутишься?

— Не напоминайте мне о ней!..

— Ну хватит! — возмутилась окончательно разозлённая тётя Ленна, замахнувшись на Джуму полотенцем. — Совсем застрашал малышку! Вот можно подумать сам когда-то не был таким! Сколько раз срывался в поисках лучшей жизни, напомнить?

Дядя Джума криво улыбнулся.

— Был, — буркнул он. — Порой везло, а порой и не очень. Потому и знаю, чем за такую придурь обычно платится.

Я понимала, о чём он говорит; они с тётей Ленной потеряли свою дочь после переезда в Вел-Лерию. Малышка умерла, потому что у них не было денег на лекарства — и это то, что Джума, бывший владелец множества лавок, не забудет никогда.

И никогда себе не простит.

— Ладно, — сказал Джума сухо, — хватит петушиться, парень. Молчи теперь и слушай старого, много в жизни повидавшего человека. Перво-наперво, Высокая Академия Вел-Лерии — плохая идея.

— И почему же это? — уточнил Бэн раздражённо.

— Потому что тамошний ректор — большой друг премьер-министра. А ещё потому, что служба безопасности там работает на все

сто, и без документов тебя никто и на порог не пустит. То есть как... пустить-то могут, но копать начнут. Объяснять, чем чревато?

— Нет.

— Вот и хорошо. Значит, соваться туда нельзя, пока не выправим тебе документы. Да и опять же, надо посмотреть сначала, что у тебя за способности и есть ли смысл — всё же, в ВАВЛ берут только лучших... мда... особенно на артефакторику. А почему именно туда, кстати? Не хмурься и объясни толком.

— Мне листовка на глаза попала, — пояснил Бэн и как-то сгорбился, будто сдулся весь. — Что Высокая Академия Вел-Лерии приглашает всех одарённых в свою образовательную программу. Бесплатное жильё и обучение с последующей отработкой...

— Ну да, слышал. Правда, отработка — не меньше пятидесяти лет на благо Тавельни. И далеко не всех оставляют в столице — только самых талантливых. Остальных отправляют в провинциальные Академии, где недобор побольше. В целом, не самые плохие условия... Но это если прыгать с наскака. А вот если подойти с умом, то можно устроиться получше... В общем, так. Перво-наперво надо бы изобрести тебе биографию. Будь у тебя чёрные волосы и не такая яркая кожа, сошёл бы за моего земляка. А так придётся обращаться за помощью... Но это ничего, община островитян в столице сплочённая, своим помогают. Благо сейчас в Тавельни только дурак сбежать не пытается, и далеко не всех пограницы успевают завернуть... Потом запишем тебя на курсы артефакторов в каком-нибудь небольшом МУЗе, желательно на платные. Чтобы к следующему году у тебя на руках были какие-никакие документы, а на ауре стояла хоть одна печать. Это возвысит твою благонадёжность в глазах приёмной комиссии. Как тебе план?

Бэн помолчал.

— Звучит неплохо, — сказал он в итоге тихо.

— Вот и хорошо. Но ты понимаешь, надеюсь, что тебе нужно будет всё это отработать? Я — не добрый верующий у Храма, просто так не подаю!

— Согласен, — сказал Бэн.

Дальше я слушать не стала — тихонько отошла в другую комнату, где папа Буджо увлечённо настраивал свою старую скрипку.

В горле заклокотал гнев.

— Папа, они не позволили тебе забрать новые инструменты? — спросила я с горечью.

— Нет, — вздохнул он, помотав своей косматой головой. — Сказали, что всё куплено за деньги леди Элизавет.

Я сжала руки в кулаки. Тварь... мерзкая тварь. Быть может, мне...

— Лисси, Лисси, — покачал он головой, — ма шери, ну что же ты так агрессивно, низко звучишь?.. Инструментов жаль, конечно. Но разве это важно? На самом деле важно? Они не заберут у нас главное — музыку. Так что же ещё может иметь значение?

У меня в горле встал ком.

— Я хотела для вас самого лучшего, — прошептала я. — Хотела, чтобы у вас было то, чего вы достойны. Не хуже, чем у всех этих аристократов, знаете? А теперь... я не знаю, что делать, папа.

— Хм, — он задумчиво помахал смычком. — Дай подумать. Вот!

Он порылся в своей тощей сумке и достал хорошо знакомую мне изящную игрушку.

— Музыкальная шкатулка, над которой с дядей Джумой работали? — удивилась я. — Вы успели её забрать?

— Да, — рассеянно улыбнулся папа Буджо. — Как мог бы я её оставить? Там спрятано столько мелодий!.. И это я к тому, что ответ прост: если не знаешь, что делать — слушай музыку.

Я улыбнулась и осторожно взяла в руки артефакт.

— Спасибо, — ответила я тихо. — Это действительно лучший рецепт... Я пойду на чердак — музыку слушать нужно в одиночестве.

— Конечно! — улыбнулся папа. — Вот оно — самое правильное решение!

*

Я сидела на чердаке и ревела, слушая, как нежно плачет папина скрипка.

Было ужасно обидно, больно и, что уж там, жаль саму себя. Хотя и понимала при этом прекрасно, что только моя глупость всему виной — и вот, пожалуйста.

Я влезла в эту авантюру, потому что хотела счастливого будущего для себя и своей семьи. Я не решилась сказать Или правду, потому что опасалась всё потерять. И где я теперь? Потеряла действительно всё: и карьеру, и главное из своих лиц, и принца. И было это так горько, так обидно, что вот просто никак не получалось не плакать.

— Лисси? — в крохотную каморку под крышей, с которой я когда-то навсегда попрощалась, просочилась тётушка Ленна. — Так и думала, что найду тебя тут.

— Извините, тётя, я... я хочу побыть одна.

— Ну да, конечно, — улыбнулась она. — Я не против! Просто принесла тебе вкусенького. Вот! Намного удобней страдать в одиночестве, когда есть возможность заесть грусть чем-то таким.

Я невольно улыбнулась сквозь слёзы:

— Спасибо, тётя.

— Ну да... — она присела рядом и осторожно погладила меня по голове, а после и вовсе прижала к себе. — Моя девочка, ты чуть не умерла. Как же хорошо, что ты вернулась живой!

— Тётя, я — страшная фомора, — напомнила я, обнимая её в ответ. — Меня не так уж просто убить.

— На любую фомору найдутся охотники. Тебе ли не знать?.. Но всё в прошлом. Ты с нами. А остальное как-то устроится... Так что не плачь. Расскажи лучше: понравился тебе принц? Каков он?

— О, он прекрасен, — я тепло улыбнулась. — У него потрясающая внутренняя мелодия. Он добрый, благородный, совершенно убойным чувством юмора... А какой он красивый, когда дракон! Это не передать словами. Это...

— Понятно, — Ленна вздохнула и поцеловала меня в лоб. — Я всё ждала, что ты влюбишься. Но жаль, что это оказался кто-то настолько... недостижимый.

Влюблюсь? Я? Хотя, какой смысл отрицать очевидное?

— В него невозможно было не влюбиться, тётя, — сказала я честно. — Мне каким-то образом хватило одного взгляда.

Тётя покачала головой:

— Сложно это всё, милая. Кому другому я бы сказала: думать о нём забудь. Но ты... ты у нас очень сильная девочка. Я помню, как ты училась говорить, превращаться, понимать людей, как строила карьеру, как боролась за своё будущее... Лисси, ты со всем справишься. Так или иначе. Вспомни об этом, когда закончатся слёзы. И кушай рогалики. Твои любимые! А я пойду. Нужно устроить для всех спальные места. И поискать старые вещи Вилни: нельзя же Бэну всё время в обносках ходить...

Она вышла, оставив меня с вкусностями и высыхающими на щеках слезами.

Я несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаиваясь. Взяла сладость с подноса, прожевала, выпила немного чаю... и решительно запретила себе раскисать.

Да, я влипла. Да, ситуация паршивая.

Конечно, хотелось отомстить. И Гохордам, и — особенно — леди Элизавет. Пожалуй, я бы даже решилась на последнее, не будь у меня семьи. Но они есть. И в случае чего почти наверняка попадут под удар первыми.

Потому мне ничего не остаётся, кроме как иметь дело с тем, что есть. Взять себя в руки, затолкать поглубже всякие дурацкие недострадания и жить дальше.

Сменить лицо. Забрать накопления из тайников. Прикинуть, что я смогу продать и сколько есть у дяди, чтобы совместно оплатить последний семестр для Вилни.

Начать карьеру певицы с другим лицом.

И плевать на всё. Я уже прошла этот путь однажды; я выбилась в люди — во всех смыслах этого слова. Значит, сделаю это ещё раз!

А леди Элизавет... как любил говаривать мой биологический папочка: “Земля квадратная. На углу встретимся.”

Непременно встретимся, леди. Позже. И на других условиях.

Я уснула с этими мыслями, слушая голос ветра в вышине.

А приснилась мне ледяная музыкальная комната. И принц, прекрасный и печальный. Он сидел у рояля, опустив голову, и волосы занавесили его лицо.

Я хотела дотронуться до него, дотянуться, но между нами будто бы возникла невидимая преграда. Я знала: она рухнет, едва музыка зазвучит...

Но он так и не прикоснулся к клавишам.

Или Ледяной

*

Я ошибся. И это сводило с ума.

Когда наутро после нашей ночи на руке Дайяны так и не появилось метки, это заставило меня по-настоящему горевать. Стыдно сказать, но я успел влюбиться в эту девушку, *выбрать* её, смириться с мыслью, что моей парой будет именно она, даже распланировать наше будущее. Теперь смешно, вот правда! Я сам словил какой-то магический приход, сам придумал себе сказку и сам же в неё поверил. Ну не идиот ли? Идиот.

И ведь знал, что далеко не всегда симпатия и даже любовь — признак парности. Знал, что с драконьими особенностями всё не так просто, и ты никогда не знаешь, какой подарочек подбросит щедрая судьба — остаётся только мириться с ним, как с приговором. Нравится или нет, хочется или нет... Знал, конечно! Можно подумать, не у меня всё детство история Биланны была перед глазами! И тем не менее всё равно наворотил глупостей. Самообман как он есть...

На самом деле, тревожный звоночек прозвенел ещё до того, как метка не появилась.

Все описывают секс с парой, как нечто потрясающее, принципиально отличающееся, говорят об идеальном совпадении вкусов и притяжении. Нам же вместе было неловко, особенно с самого начала. Но я списал это на строгое воспитание Дайяны; я сделал всё возможное, чтобы окружить её нежностью, чтобы ей было хорошо той ночью — и в итоге она открылась мне навстречу. То, что мне не было так уж хорошо с ней? Так а как по-другому? Она же не профессиональная соблазнительница, да и мне хотелось, чтобы эта ночь была только для неё...

Но утром метка не появилась.

Хуже того, Дайяна как будто бы изменилась... точнее, она осталась прежней. Изменилось моё восприятие её.

Она улыбалась мне несмелой, незнакомой улыбкой. Она желала доброго утра. Она заглядывала в глаза, ненавязчиво и на удивление

робко — но для человеческой девушки смущение после совместной ночи нормально, разве нет? А вот я... я будто не узнавал её. И это сводило с ума.

Я ведь *обещал* её защищать. Я ведь тонул в этих глазах. Что со мной не так — теперь? Неужели меня всё же заколдовали?

Не верю. Не хочу верить. Но...

— Мне жаль, — сказал я ей тихо. — Я действительно думал, что это ты... ты моя пара.

Она несмело улыбнулась и сжала мою руку в своей.

— Я всё ещё могу быть твоей фавориткой, — заметила она. — Это была бы честь для моей семьи.

Горечь царапнула внутри краеугольными льдинками. Ну конечно, *для семьи*...

— Отдыхай, — сказал я ей. — Хорошо проводи время. Я... мне нужно навестить Биланну.

— Конечно, — она послушно склонила голову, принимая моё решение.

И вот снова — в ней будто выключили свет, заменили яркую палитру сдержанной и инертной. Мне казалось, что я смотрю на другую девушку... но это была та же девушка. И запах, и аура, и многое другое. Это была она, Дайяна.

Только у меня больше не получалось её любить.

*

— Ты наконец-то вспомнил, что у тебя есть друзья? — спросил Дин насмешливо, не поднимая глаз от свитков. — Какая радость! А я-то всё гадал: когда ты всё же соизволишь встретиться...

— Дин, достаточно, — Рой, увидев выражение моего лица, резко посерьёзней. Что с ним вообще-то бывает крайне редко.

Дин фыркнул, посмотрел на меня — и удивлённо моргнул. Я сделал для себя вывод, что выгляжу на удивление паршиво; и, что характерно, в тот момент мне было на это наплевать.

— Биланна? — спросил Дин коротко.

— Нет, — хмыкнул я. — Но, мне кажется, ты можешь быть прав... Будь добр, проверь меня на воздействия. Любые. Думаю, меня заколдовали.

*

— Итак, — мой побратим устало потёр лицо, — энергетические, ментальные и один фомор лысый знает какие ещё проверки ничего не дают. Ты чист. Никаких следов применения какой-либо посторонней магии, в том числе примитивной.

Мне не хотелось в это верить.

— Ты сам знаешь, что примитивная магия разнообразна, — протянул я. — И сам утверждал, что меня заколдовали. И что же случилось теперь? Ты передумал? Или всякий раз делаешь прямо противоположный вывод просто так, мне назло?

Дин вздохнул.

— Слушай, мой принц, ты знаешь, что тебе не обязательно быть такой задницей?

— Должны же и у меня в жизни быть маленькие радости? — ухмыльнулся я. — И потом, я серьёзно: моё отношение к Дайяне изменилось за одну ночь. Как такое возможно — без постороннего вмешательства?

— Ну, не знаю. Она — паршивая любовница? Или ты, как принято говорить в таких случаях, добился, чего хотел, и утратил интерес?

— Дин.

— Ну что — Дин? — фыркнул побратим. — Слушай, для протокола: мне тоже кажется странной ситуация. И я, конечно, буду копать. Но Бэннард Финн, якобы убиенный Гохордами, вчера вечером сел на маголёт до Тавельни, чтобы попасть в катастрофу над Впадиной Древних...

— Как удобно, — не сдержался я.

— Не то слово, — оскалился Дин понятиливо. — Самое натуральное исполнение пословицы “концы в воду”, которое мне только приходилось видеть. Я могу и дальше копать в этом направлении, но несколько свидетелей в один голос утверждают: юноша самостоятельно купил билет и сел в маголёт. Дальше, по Дайяне. Я проверил её вещи, артефакты, ауру — и не нашёл ничего. Конечно, буду рыть ещё. Но пока тебе придётся допускать, что искать попросту нечего.

— Есть ещё одна вероятность, — сказал вдруг Рой, отрываясь от каких-то старинных хрупких свитков. — Встречается не слишком

часто, но прецеденты были. Особенно среди менталистов. И мне кажется, тут вполне может быть нечто подобное.

— И? Не томи, я и так понял, что мне не понравится.

Рой вздохнул.

— Исследования особенностей парности описывают случаи, когда дракон испытывал сильную привязанность и даже любовь, но после неудачной проверки на парность (неудачной — в смысле, парность не подтвердилась, а не то, что вы могли подумать) охладевал к объекту страсти. Порой до отвращения. Некоторые менталисты связывают это с защитной реакцией, другие — с инстинктами. Ведь выборка показывает: чаще всего подобное происходит, когда чувства изначально не взаимны.

— Ты намекаешь...

— Возможно, ты не нравишься леди Дайяне на самом деле, — спокойно заметил Рой. — Возможно, есть какая-то другая причина для реакции отторжения. Но такие вещи порой случаются, когда вы — не истинная пара. Так что возможно — заметь, я не утверждаю ничего! — но, *возможно*, вы не находите магии, потому что её там нет. И дело просто в том, что она — не та.

Я сжал руки в кулаки.

— Какой идиот вообще придумал истинные пары?!

— Как сказала бы Акиса: ничего личного. Просто естественная регуляция популяции, — грустно улыбнулся Рой. — Механизмы размножения, на которые потом уже наслаиваются особенности ауры, сексуальные пристрастия и прочее. По сути же всё банально донельзя: если бы мы могли иметь детей ото всех подряд, то давно бы растерзали не один мир в междоусобных войнах. В целом, мы и так преуспеваем на этой ниве, да-да... С другой стороны, если бы драконы могли совмещаться только с себе подобными, то давно бы выродились. Как ты знаешь, даже очень дальние родственники не могут быть парой — на то есть вполне закономерные причины, связанные с особенностями нашей магии. Собственно, в этом мы похожи на людей... хотя у них связи между дальними родственниками не столь критичны. Если не злоупотреблять, конечно. С другой стороны, многие староаристократические семейства — живой пример того, что будет, если всё же злоупотреблять. Так-то в рядах старой аристократии все друг другу родня — в той или иной степени... но некоторые осознанно

сочетаются браком только с родственниками, чтобы удержать деньги и влияние внутри клана. И это приводит к неоднозначным последствиям. Вспомнить хоть фамильную горбатость Эштеров. Или слабоумие Бэхлансов... если спросить меня, то горбатость всё же лучше. Какая разница, кто как выглядит? Хотя леди Эштар, которая вынуждена платить любовникам из-за своего уродства, едва ли со мной согласилась бы в полной мере. К слову, она первая в их семействе, кто категорически отказался от договорного брака. Выдающийся алхимик... но, к сожалению, весьма несчастный человек, не смилившийся с врождённой неполноценностью. Я порой хожу с ней в кофейни, просто для того, чтобы поддержать. Да и сплетни людской аристократии узнать...

Дин фыркнул.

— Спасибо за лекцию, — ответил я холодно, — мне известны особенности аристократической генеалогии. И причины, по которым мы вынуждены иметь дело с истинной парностью. Но это слабое утешение, тебе не кажется?

— Кажется, — покладисто согласился Рой. — Но у меня нет для тебя лучшего.

Я отвернулся и отошёл к окну, наблюдая, как плывут наверху облака.

Может, действительно не было магии? Может, я зря заподозрил Дайяну в обмане?

Ведь, судя по всему, обманщик здесь один, и это — я. Я пообещал ей будущее, которого у нас не может быть. И теперь пытаюсь уйти от ответственности.

Недостойное и жалкое поведение. Самому тошно.

— Что же, — сказал я, — спасибо за помощь. Сейчас я заскочу к Биланне, а потом поговорю с Дайяной.

— И что ты скажешь ей? — нахмурился Дин.

— Правду, — криво улыбнулся я. — Ничего, кроме правды. Если вы правы, то она заслуживает хотя бы этого.

Дайяна, леди Гохорд

*

Принц ушёл утром, оставив меня одну.

Должно быть, очарование, подаренное змеей, понемногу выветривалось: в его глазах я видела всё меньше тепла. Ничего удивительного, да и мать предупреждала об этом. Как могла бы заинтересовать кого-то вроде принца такая жалкая особа, как я?

— Вполне очевидно, что ты едва ли сможешь увлечь принца надолго, — голос матери в воспоминаниях звучал приговором. — По счастью, нам и не нужно — надолго. К чему тратить слишком много времени на бесперспективного кандидата? Молодость и привлекательность не вечны, и мудрая женщина должна успеть выжать из этого ресурса как можно больше выгоды. Будь мила, попроси у принца о должности для отца, а потом сделай так, чтобы он постепенно охладел к тебе. У семьи есть планы на твой брак, между прочим! По счастью, твой жених с пониманием относится к статусу драконьей фаворитки. Он понимает, что ты делаешь это для будущего вашей общей семьи.

Тогда я опешила, чувствуя, как холодеет всё внутри.

— Какой жених, матушка?

Она посмотрела на меня, как смотрела всегда: будто видела перед собой нечто неуместное, невесту как угодившее в этот мир.

Благо тут я с ней была вполне согласна.

— Боги мои, Дайяна, только не говори мне, что ты настолько глупа! Как ты думаешь, в качестве кого мы приглашали лорда Эрина в наш дом?

Я действительно почувствовала себя очень глупой.

— В качестве... друга?

— О, неужели? Девочка, мужчина и женщина не могут дружить, оставь эту ерунду наивным дурачкам и дурочкам. Мы слишком разные, по-разному мыслим и разным интересуемся. Что мужчина может обсуждать с женщиной? Любовников, платья и шпильки? И потом, мужчины созданы так, что женщины для них — трофеи. О

какой дружбе ты говоришь? У женщины вообще не может быть друзей. Дружба с другой женщиной — всегда временная коалиция, дружба с мужчиной — прикрытия для манипуляции. Как иначе?

Я молчала. У меня было множество сомнений на этот счёт, по правде. Неужели у женщин действительно не может быть друзей? Неужели дружба — это очередная мужская привилегия?

Но даже не это волновало меня больше всего в идее свадьбы с Эрином. Потому я попыталась возразить снова.

— Но он — мой кузен!

— Троюродный! — фыркнула матушка. — Так что дурацкие драконьи законы соблюдены хотя бы формально! И вообще, не ты ли утверждала, что тебе нравится Эрин?

Я растерянно заморгала, не зная, что сказать. Он мне нравился, да! Но совершенно не в таком смысле. Он просто был единственным молодым человеком моего круга, с которым мне было позволено общаться. И я наслаждалась этим общением, да. Ровно до того момента, как Эрин предал нас с Бэном.

Наверное, Бэн понимал с самого начала, к чему всё идёт. Наверное, именно потому он ненавидел Эрина. А я вот была слепа, как и всегда... И теперь мне предстоит выйти замуж за этого человека? За того, кто всё рассказал моей родне?

Мама говорит, он хотел как лучше. Мама говорит, он спас меня от разочарования. Но откуда ему было знать? Может, Бэн и не бросил бы меня сразу, как только мы бы продали мои драгоценности; может, я бы поступила в Академию Магии... может, наш ребёнок родился бы. Мама считает, что он умер бы в подворотне, но...

Я прокручивала это в голове всё время. И чем дальше, тем больше в душе расплзалось липкое пятно отвращения. Ко всему происходящему.

А потом была ночь с принцем, и он оказался... совсем не таким, как говорят о драконах. Совсем не таким, как можно было бы подумать. Нежным, бережным, внимательным... и я поняла: он добр.

И, возможно, я смогу попросить его о помощи.

*

Принц вернулся ближе к вечеру.

Он казался спокойным и отстранённым, и лёгкая улыбка неизменно сияла на его губах. Но во мне ещё теплилось достаточно

змеиной сущности, чтобы знать: это лишь поверхность. На самом же деле в нём поровну переплелись решительность и печаль. От этого я сжала руки в кулаки за спиной, ощущая, как расплзается в душе пустота. Что он скажет мне? Прогонит? Он похож сейчас на судью, собирающегося зачитать неприятный, но справедливый приговор...

— Миледи, — начал он, и у меня всё замерло внутри, — я очень виноват перед вами.

Что? О чём это он?

— В оправдание своё хочу сказать, что не только обманул вас, но и обманулся сам, — продолжил он будто через силу. — Я искренне верил в то, что говорил, но сейчас... я больше не испытываю этого к вам. Я не могу дать никаких объяснений... вы вправе считать меня мерзавцем. Я, несомненно, заслужил. Но...

К чему мне объяснение? Я и сама всё прекрасно понимаю. Сравниться ли мне — с хищной змеей?

— Мой принц, — сказала я тихо. — Как сказал один поэт древности, “за любовь и нелюбовь оправдываться негоже”.

— Делайо Баа? — он слегка улыбнулся. — Да, люблю его книги... Что же, Дайяна, я не буду оправдываться. Но хочу от тебя правды: кем я был для тебя? Ты испытывала ко мне... какие-то настоящие чувства? Или дело только в практических соображениях?.. Я приму любой ответ, если он будет честным. Это важно, чтобы понять. Пожалуйста.

И что я должна ответить ему? Настолько откровенно — это неприлично. Но... может, это мой шанс.

— Вы нравитесь мне, — сказала я. — Я хотела бы стать вашей фавориткой. Но в моём сердце всё ещё Бэн. Он предал меня, уехал в новую жизнь, и я... рада, что он уехал. Рада, что он поступит в Академию Магии и будет счастлив. Правда! Но я всё ещё... для меня всё ещё существует только он. Прошло слишком мало времени...

Он посмотрел на меня странно, будто собрался было что-то сказать, но передумал.

— Но вы пришли сюда, — отметил он.

— Да. Я пришла, чтобы помочь моей семье и достойно её представить. А ещё, — сейчас или никогда, верно? — чтобы избежать нежеланного брака.

Его бровь приподнялась:

— Вас собираются выдать замуж?

— Да, — я сжала руки в кулаки. — За человека, за которого я не хочу. Потому я пришла сюда. Я ждала увидеть высокомерного, жестокого дракона, но увидела вас. И... знаете, предполагалось, что я попрошу вас о должности для отца в постели. А потом, когда надоем вам, то стану достойной женой для аристократа. Но...

Я запнулась.

Я говорила ужасные, *неправильные* вещи. Леди не должна такого говорить. Соблазнительница не должна так себя вести.

Мать сказала бы, что я безнадёжна. Что тупа. Может, так оно и есть на самом деле?

— Ты можешь не объяснять, — принц шагнул ко мне и ласково провёл кончиками пальцев по моей щеке. — А чего ты сама хочешь, Дайяна?

Я растерянно заморгала. Чего хочу... я?

— Я не знаю.

— Хорошо, давай отталкиваться от простого. Ты хочешь, чтобы я помог твоему отцу с продвижением при дворе?

— Да! Да, это... мой дочерний долг.

Он презрительно скривился, но быстро справился с собой.

— Хорошо, предположим. Но замуж за своего жениха, выбранного родителями, ты не хочешь?

— Нет... Понимаю, это неправильно с моей стороны, недостойно, но...

— Эй, ну что ты такое говоришь, глупая? — покачал он головой. — Дайяна, у вас, людей, есть непомерная, потрясающая роскошь: право выбора. Осознаёшь ли ты, насколько это много? Представляешь ли хоть примерно, какой это дар, какая милость? Вы не зависите от истинной парности, как мы. Вы можете любить без оглядки! И это великая привилегия: выбирать самой. Не истрать её просто так.

— Просто... родители так много сделали для меня, столько в меня вложили...

Он странно хмыкнул:

— Своим всё к товарно-денежным отношениям? Хорошо. Но подумай вот о чём: если бы не ты, твой отец никогда не был бы допущен во Дворец.

— А он... будет допущен? — я не знала, рада ли этому на самом деле.

— Если ты будешь знать, что теперь с ними в расчёте, что отработала, смешно сказать, своё проживание в их доме.

— Что?..

— Я выбью твоему отцу придворную должность, если ты пообещаешь мне никогда больше не считать себя обязанной им. И никак иначе. Если твои родители хотят по-другому, то пусть твой папочка приходит и предлагает себя сам. Я хоть развлекусь...

— Что вы такое говорите?!

— Даю тебе реальный выбор, — по губам наследника Ледяного Трона скользнула странная улыбка.

— Зачем?..

— Я пообещал, что буду защищать тебя. Значит, выполню — хотя бы так. Какое твоё решение, Дайяна? Согласна подарить своему отцу должность и знать, что больше ничего родителям не должна?

— Совсем... ничего?

— Совсем.

Я задумалась. Отец всегда говорил: в тебя вложено много денег. Напоминал: ты должна это оправдать. Насколько много? И действительно ли должность может быть ценой за меня? С другой стороны, они сами сказали мне, что я должна уговорить принца “любой ценой”. Чем не “любая” цена?

— Я согласна.

— Вот и хорошо, — улыбка Или стала шире. — Теперь вернёмся к твоим желаниям. Замуж ты не хочешь. А сбежать со своим... Бэном и учиться в Академии Магии хотела?

— Да!. Нет... не знаю. Это была идея Бэна.

— Вот почему-то я так и думал, — прищурился он.

— Но я тоже хотела! То есть, я просто... ничего не умею. Совсем ничего.

— Но дар у тебя есть.

— Верно. Целительский. Но я почти не развивала его, да и матушка права: что я могу без слуг? Даже яйца себе не сварю!

— Ну, положим, я тоже не особенно хорошо варю яйца, — подмигнул мне принц. — Скорее, вполне успешно их замораживаю. И неплохо ими трясу. Но это к делу не относится... у меня есть вопрос: а

ты хотела бы научиться? Варить яйца, использовать свою магию, жить вдали от родителей и их контроля?

— Но...

— Ты им больше ничего не должна, помнишь?

Я сжала руки в кулаки.

Было страшно. Ах, как мне было страшно! Я не знала мира там, за пределами родительского поместья. Рядом всегда кто-то был, кто-то, кого можно слушать. И это внушало некоторую уверенность в завтрашнем дне.

Я почти сказала принцу “нет”... Но почему-то подумала о своём нерождённом ребёнке. А ведь он мог бы родиться, не будь я такой жалкой! Мать бы не напоила меня зельем, если бы я не была... ну... *мною*. И то, что предлагает принц — разве это не выход?

— Да, — это прошептал кто-то, а может, даже я. — Да, мне хотелось бы научиться.

— Уверена?

— Да! — получилось громче и решительней.

— Хорошо, — принц тепло улыбнулся. — Значит, станешь моей постоянной фавориткой.

— Что?.. Но я думала, что больше не нравлюсь вам...

— Ай, да я не о том, — отмахнулся он. — Ты будешь значиться моей фавориткой. Хоть пять лет, хоть десять, хоть сорок. При таком раскладе твоя семья просто не сможет даже заикнуться о браке, понимаешь? Между тем, хотя из нас с тобой не получилось возлюбленных, мы можем стать просто друзьями.

— А мужчины и женщины могут дружить?

— А почему нет? — искренне удивился он.

И правда: почему нет?

— Не знаю...

— Вот и я о том же. Странная какая-то идея. А кто с кем тогда вообще может дружить? Или всё сводить к примитивным инстинктам?

Я не знала, что ему ответить, потому поспешила сменить тему:

— Но... я не буду жить во Дворце?

Он криво улыбнулся и покачал головой.

— Нет, извини. Не пойми меня сейчас неправильно, но моя матушка тебя сожрёт. И не подавится.

Я зябко поёжилась. Неужели змея разозлила Императрицу настолько, что та готова меня съесть?!

— Вот-вот, — хмыкнул Или. — И потом, все эти кипячёные яйца — не вполне дворцовый профиль. Но есть у меня одна идея... В общем, собирайся. Сейчас мы поедem в твою новую жизнь.

Или Ледяной

*

Неприятно это — чувствовать себя слепым идиотом.

Но кого тут, спрашивается, винить?

Я наблюдал за Дайяной, пока мы вместе ехали в мобиле по переполненным улицам столицы. Она забилась в самый угол, как бы отгородившись от меня, и смотрела в окно. Как я мог раньше не замечать её притворства? Как?!

Видит Небо, я хотел бы на неё злиться. Ото всей души хотел бы. Но, возвращаясь назад — девочка по сути не сказала мне ни слова лжи. Она просто хотела помочь семье и избежать навязанного брака. Вот и вела себя немного иначе, старалась понравиться мне... или я *внушил* себе, что она вела себя немного иначе.

Проклятая музыкальная магия фейри! И меня ведь предупреждали, что она обманчива, зыбка, неверна, что она дарована сидхе их рогатым богом. Но я всё равно поверил! И вот он, результат.

Теперь я смотрел на Дайяну — и словно бы видел совершенно другую девушку. Это сводило с ума, а ещё порождало глупое, неуместное чувство потери.

Может, к лучшему, что она не будет жить во Дворце. Но по этому поводу я не чувствую за собой вины: как ни крути, отдаю я Дайяну, можно сказать, в лучшие руки из возможных.

— Прошу, леди, — как только мобиль остановился, я галантно распахнул перед Дайяной дверь.

— Где мы? — она удивлённо осматривалась по сторонам. Ничего удивительного: готов поставить свой передний клык, что она никогда не бывала в этом районе.

— Это — Императорская Лекарня Распахнутого Сердца. Мы подошли с чёрного входа, потому что знаешь, мне хочется обойтись без официального визита. Весь этот кошмар с коврами дорожками, репортёрами и визжащими поклонниками...

Я сделал паузу, подспудно ожидая, что она насмешливо поднимет бровь и скажет: “Какой ужас, право! Ах ты бедняжка!”. Но нет, она

отвела взгляд и ничего не сказала.

Это снова было неправильно. С ней всё было не так... или со мной.

Похоже, мне пора вернуться с небес на землю.

— Я понимаю, что лекарня, находящаяся в бедном районе, открытая для всех слоёв населения — не лучшее место, — сказал я, провожая её в сторону кабинета заведующего. Мимо нас то и дело пробегали взмыленные сотрудники, то тут, тот там воздух вспыхивал от лекарской магии. — С другой стороны, тут работает один из самых доверенных лекарей Императорской семьи... и просто женщина, которая, полагаю, сможет тебя понять... А вот и она. Леди Каталина, как ваше здоровье?

— Совершенно не страдает — с тех пор, как я пью свой утренний джин, — усмехнулась пожилая женщина с идеальной осанкой и цепкими, внимательными глазами, которых, казалось, не коснулся возраст. — Чем обязана твоему визиту, наследный принц? Погода для благотворительности не слишком хороша. А светских визитов, признаться, я ожидала от матери Ртутного Дома больше, чем от тебя. Она уже целый месяц у меня не появлялась... Всё мотается с Верховной по затерянным Храмам?

— И это тоже, — улыбнулся я. — Леди Каталина, у меня к вам персональная просьба.

Она остановилась и окинула Дайяну быстрым, оценивающим взглядом.

— Как же, вижу, — сказала она в итоге. — Стоило сразу обратиться сюда, право! Теперь... я не уверена, что убереу все последствия, но, как минимум, постараюсь.

— Я на это рассчитываю, — сказал я. — Вы сами выросли в староаристократической семье и знаете проблемы, с которыми может столкнуться волшебница, там выросшая. Потому я попрошу у вас взять Дайяну в официальные ученицы.

Брови леди Каталины слегка приподнялись.

— Мой принц считает, что у меня недостаточно дел? Либо не помнит, что я вот уже полсотни лет как не беру персональных учениц просто по состоянию здоровья? Со мной работают только аспирантки лучших лекарских МУЗов страны, подготовленные и не нуждающиеся в постоянном присмотре. Здесь — определённо не тот случай. Я могу

позаботиться о девочке на начальном этапе, но потом передам её одной из учениц...

— Я хотел бы, чтобы это были вы, — отрезал я. — Это моя личная просьба, леди.

Каталина медленно покачала головой.

— Как скажешь. Но учти: у меня банально не будет времени на подтирание соплей и аристократические ужимки. И терпеть капризы...

— Миледи, я прошу простить, — Дайяна шагнула вперёд и присела в реверансе. — Я буду выполнять все ваши распоряжения. Я буду послушной. Прошу, примите меня!

— Хм, — Каталина скептически нахмурилась. — Я стара, девочка. Так что учти: любая твоя промашка — и ты отправляешься к кому-то из моих помощниц. Мы здесь понимаем друг друга?

— Да, леди. Вполне.

— Вот и хорошо, — Каталина бросила на меня быстрый взгляд. — И? Что ты стоишь, мой принц? Время не резиновое, дальше мы разберёмся сами. Работы полон рот! И тебе, готова поспорить, тоже есть чем заняться. Или я неправа? У меня на попечении женское отделение, и поверь, тебя там не рады будут видеть.

— Какая женщина не рада будет видеть прекрасного принца? — уточнил я насмешливо. — Обижаете вы меня, леди Каталина...

— О, поверь мне, — усмехнулась она, — у меня полное отделение женщин, которым сейчас наплевать на твои гипотетические — и не очень — прелести. Если так хочется быть полезным, то будь добр, попроси выделить из вашего благотворительного фонда деньги на новинки лекарской артефакторики из Тавельни. Ребята разработали отличные реанимационные сферы. Я их хочу.

— Будет сделано, — улыбнулся я. — Дайяна, дай мне знать, если что-то пойдёт не так.

С этими словами я развернулся и пошёл прочь.

Нужно будет сделать пожертвование в аптеку. И установить Дайяне содержание — имеет на него право, как моя фаворитка. И попросить леди Каталину быть помягче... хотя она на деле не так уж и жестока, если откровенно. Бывает резка в своих высказываниях, но — всегда честна.

А ещё она — лучшая. И, если уж Дайяне действительно хочется стоять на твёрдых ногах и получить хорошее будущее, стать

независимой от родителей (а в перспективе и вовсе послать их в Бездну), то это — идеальный вариант.

Учиться на практике. Увидеть жизнь. Понять своё призвание.

Был у меня, конечно, вариант отправить её в Академию Магии... Но там мою девочку окружали бы ровесники, ничего не понимающие в этой жизни, и разные преподаватели, многим из которых наплевать. Теория магии разжёвывалась бы долго и нудно, а родители получили бы возможность влиять на неё...

Нет. Снова — нет. Может, я и не чувствую больше к ней того же, но я отвечаю за неё и не позволю... больше никому не позволю ей навредить.

Разумеется, ей понадобится аурная печать об образовании, но не вот прямо сейчас. Для начала ей стоит научиться — как там она сказала? — кипятить яйца. Во всех смыслах этого слова.

Будет сложно, пожалуй. Но я считаю, что оно стоит того.

*

— Мне так жаль, наследный принц, — Биланна с усилием покачала головой. — Так жаль... я была уверена, что вы пара, правда. Твои родители в этом сомневались из-за некоторых обстоятельств, но я думала... Старею. Слабеет чутьё.

— Не говори глупостей, — я сжал её руку.

— Никаких глупостей, — вздохнула она. — Только факты. Или ты не видишь сам?

О да, я видел. Видел, как буквально за несколько дней она осунулась, постарела, стала похожа на изломанную куклу. Она лежала тут, беспомощная, неспособная даже самостоятельно поесть...

И это разбивало мне сердце.

— Ничего, — она через силу улыбнулась. — Уже скоро моё зелье будет готово.

Я опустил голову. Раньше я не мог смириться с этим, но теперь, глядя на неё...

— Да, — сказал я. — Ведьмы работают над ним. Скоро ты будешь чувствовать себя хорошо.

— А как ты? — она ласково погладила мою руку. — Как ты, милый?

Я?

Я чувствую себя виноватым, глупым и очень беспомощным. Я предал доверие Дайяны. Я скоро потеряю тебя. Я сомневаюсь в своей магии. Я...

— Я в порядке.

Она покачала головой, но сменила тему, попросив рассказать последние дворцовые сплетни.

Разумеется, я не отказал.

*

Много позже, оставив Биланну, я спустился в свою тайную комнату. Заставил её появиться одним щелчком пальцев, сел за рояль... и просто уставился на крышку.

Играть больше не хотелось. Музыкальная магия предала меня; солгала мне в самом важном; разбила сердце. И я не мог, просто не мог себя заставить выжать из себя ни единой жалкой ноты.

Не знаю, сколько я так просидел — может, пару минут, а может, и несколько часов. Честно говоря, что-то странное случилось со временем. На мгновение мне даже показалось, что я вижу, как кружат в воздухе перья... Но мне хватило прошлого раза.

Я встал. Я развеял всё, что было в комнате, без возможности восстановления.

Хватит.

*

Мои друзья нашлись в одном из тренировочных залов, и я с наслаждением присоединился к ним.

Бить. Кусать. Творить боевые чары.

Это было то, что нужно. То, чего требовал холодный, колющий гнев, поселившийся в моей груди.

Когда мы несколько часов спустя свалились на пол, измождённые, Дин спросил:

— Всё так плохо?

Я не стал отвечать.

— Помнится, ты хвастался новыми танцовщицами, — сказал я вместо того. — И певичками. Так почему бы нам не устроить сегодня музыкальный вечер, м?

— Ладно, — Дин прищурился. — А кого ты хочешь?

— Плевать, — отозвался я равнодушно. — Они все одинаковые, верно? Не бывает особенных, если сам себе не придумаешь... Так что

— без разницы. Я просто хочу развлечься.

25. Часть 3. Новый Год в Вел-Лерии

Несколько месяцев спустя

Алисия Майлифф

*

— Значит так, — сказала тощая, как жердь, дама, небрежно помахивая свитком контракта. — Вы должны спуститься с потолка, и меня не волнует, что там с креплениями. Это понятно? Я плачу вам деньги не для того, чтобы разбираться с такими мелочами.

— Да, мадам.

— Помните, что наряд феи-кренделька очень важен. Вы не должны его испортить!

Я с сомнением покосилась на старый, побитый молью и прожжённый в нескольких местах костюм, пахнувший залежавшимся табаком.

— Я буду бережна, мадам.

— Хорошо! Помните, милочка: за те деньги, что вам платит наше предприятие, вы должны отработать всю ночь. Предновогодний вечер для нашего коллектива — это святое!

Я вежливо улыбнулась в ответ. Заказчица была, прямо скажем, не пределом моих мечтаний, но нужно отдать ей должное: она действительно хорошо платила. А это, если честно, было весьма и весьма принципиально в моих новых обстоятельствах. Потому... Фея-кренделёк, говорите? Да запросто!

Возвращаясь же к моим обстоятельствам, не могу сказать, что всё было так уж плохо. В целом.

Да, пришлось уехать из столицы — леди Элизавет была последовательна и несколько раз дала дяде понять, что не хочет видеть его у себя под носом. Она не являлась сама, конечно, но стали возникать проблемы: то с арендой, то с чиновниками, то с проверками. Дядя не стал дожидаться, пока всё станет ещё хуже, и решил переехать.

С другой стороны, в пригороде нам удалось вполне неплохо устроиться: как показала практика, одинаковые дома на Сиреновой улице и за чертой города стоят очень разных денег. Так что, пусть мы

больше не жили среди сливок общества, но в плане комфорта потеряли не слишком много... И, честно говоря, после всего пережитого я уже не так уж сожалела о том, что мы больше не среди аристократов.

Пожалуй, моё стремление быть на них похожей утонуло где-то во Впадине Древних.

Так или иначе, после пары месяцев проблем дядино дело пошло в гору: они с папой Буджо и Бэном занялись производством музыкальных шкатулок разной степени сложности, и это стало приносить неплохой доход. Вилни сохранил за собой место в своём кадетском корпусе и должен был выпускиться сразу после нового года; Бэн ходил в вечернюю школу техников-артефакторов и почти что выправил себе документы.

А я... Я работала. Все мои сбережения, до которых я смогла дотянуться после “смерти”, пришлось потратить. По очевидным причинам, были мне доступны только тайники на самый-самый чёрный день, о которых Элизавет не могла знать. Там едва хватило на первый взнос для Вилни, новые инструменты для папы Буджо и сценические костюмы для новой меня. И после всё, что мне оставалось — это снова взбираться вверх по шипастой лестнице, в просторечии именуемой карьерой певицы.

Я обивала пороги разных заведений. Я давала уличные концерты. Я улыбалась людям и зачаровывала их без зазрения совести. Я окунулась в работу с головой, полностью, чтобы снова стать опорой для своей семьи.

И чтобы не вспоминать о прекрасном принце.

Благодаря всему этому вышло так, что к сезону новогодних праздников я вышла популярной в рабочих районах певицей. Эдаким юным дарованием с островов, приехавшим вместе с братом (роль которого сыграл Бэн, разумеется) покорять шумную и полную возможностей столицу. Конечно, ни о каком высшем свете не могло быть и речи — кто бы туда пропустил без покровителя? — но, по правде, я и не искала такой возможности.

— Вы слушаете меня, милочка?

— Разумеется, — я натянула на лицо самую сладкую улыбку из возможных.

— Так вот, вы должны будете спуститься в зал и вместе с владельцем нашей фирмы разрезать торт.

— Хорошо. Вы покажете мне, где я могу остановиться?

Она поджала губы:

— Если это обязательно.

— Обязательно, — развела я руками. — И я предупреждала вас об этом ещё на этапе предварительной договорённости. Мне нужно где-то переодеваться, отдыхать...

— Отдыхать? — она насмешливо приподняла бровь. — Милочка, от чего вы отдыхать собрались? Мы платим вам за всю ночь, и я, как деловой человек, рассчитываю, что вы отработаете каждую копейку.

— Разумеется, — Мора, дай мне терпения. — Но мне в любом случае нужно иногда промачивать горло, менять костюмы и мелодии. Да и у вас намечена своя программа, во время которой я не нужна. Награждение лучших сотрудников, например.

Дамочка поджала губы и пристально оглядела меня.

— Хорошо, — бросила она. — Разумеется, мы выделим вам комнату. Но сделайте мне одолжение: не вздумайте рассказывать людям, которые проводят по две смены на фабрике или сутки в кабинете, что вы работаете и устаёте. Поверьте, вы с вашим весёлым прыганьем по сцене и понятия не имеете, что такое *настоящая* работа!

Вот кто бы сомневался, конечно.

— Да, куда уж мне. А теперь — не могли бы вы показать мне, всё же, комнату?..

*

Я — фея-рогалик,

оу-оу,

Я живу, как летаю,

Оу-оу,

Я приношу детям счастье,

Оу-оу...

Исполняю мечты...

Ага, а ещё наверняка приношу ожирение и диатез.

Какой идиот писал их гимн, хотелось бы мне знать? Не знаю и знать не хочу. Радует одно: после десятого тоста весёлая, задорная песня была именно тем самым, что нужно пьяненькой, раззадоренной толпе.

Я прыгала на импровизированной сцене, потрясая дурацкими крылышками в виде крендельков и собранными в хвостики белыми волосами (пришлось изменить их цвет для одного из выступлений; тогда мне очень понравилось, как смотрятся светлые волосы в сочетании со внешностью островитянки, так что я решила оставить всё так). Несколько музыкантов, явно из коллектива завода, весело наяривали на своих инструментах нечто, что с большущей натяжкой можно было назвать мелодиями. Уверена, услышь их папа Буджо, он бы сказал, что это преступление против музыки — но кого это волновало? Заводские работники пили, веселились, эпизодически пытались схватить меня за ноги и облапать. Такое вот веселье.

Тех, кто больше всего распускал руки, я отправляла в страну снов, выпивая их энергию, но не переставала думать: а как бы пришлось обычной человеческой девушка на моём месте? В душном костюме, посреди запаха перегара и дешёвых духов, с ощущением чужих липких рук на коже, боли в ногах, усталости от бессонной ночи и охрипшего от пения горла — примерно так выглядит карьера певицы в самом начале.

Разумеется, у меня, как у селенити, свои преимущества. Я могу защитить себя от пьяных домогательств, моя регенерация в разы выше, чем у человека, каблук не кажутся такой уж проблемой, а усталость можно частично восполнить чужой энергией.

Но это всё равно тяжело.

Хочется тишины, побыть в одиночестве, снять с себя дурацкий костюм, неприятно липнувший к телу... Одно радует — солнце уже почти взошло, осталось спеть ещё песни две, не больше. Только вот я не успею сегодня поспать: уже в обед я должна петь на празднике для дочери одного из торговцев. А вечером — в одном из музыкальных клубов. Что поделать? Новый Год для певцов никогда не будет простым временем.

*... И в этот Новый Год
к вам придёт
Фея-кренделёк,
оу-оу!*

На этом сомнительном обещании издевательство над моим вкусом наконец-то закончилось. Зал утонул в радостных криках.

— Лирическую! Ик!.. Спой лирическую!

— Про прекрасного принца!

Я прикусила губу. Что же, признаю: эта песня — лучшая из написанных мной. И я люблю петь её... примерно так же сильно, как ненавижу.

Я сделала знак моим импровизированным музыкантам, чтобы умолкли: так уж вышло, что для этой песни я всегда играла сама. И выбирала для этих целей бас-гитару.

Конечно, рояль бы был бы уместнее, учитывая обстоятельства. Но, во-первых, его проблемно было бы таскать за собой, а во-вторых...

Рояль — это для Или. И слишком *про него*.

Я подошла к шкатулке и повернула ключ на нужное деление, наполняя воздух шорохом маракасов и ударами основного ритма. Гитара легла в руки, будто ластилась, как огромный кот. Я ласково провела пальцами по струнам, заставляя инструмент мурлыкать вступление, медленно и печально.

Мой голос нынче был под стать внешности — густое, бархатистое контральто. Это было идеально в сочетании с битами и гитарой, пришедшими с островов и считавшимися неправильной музыкой. Музыкой бедняков.

Забавно: раньше я пела лишь классику, стараясь угодить высшему свету. Теперь же мне наплевать на их мнение, и это ощущается... правильной. В разы.

Как та музыка, что вырывалась из-под моих пальцев. Как те слова, что поплыли над полным пьяных парочек залом.

Счастлив ли ты с ней?..

Я думаю об этом каждый день

Не находя ответа.

Помнишь ли меня?...

Я не спрошу, ведь мы с тобой

Останемся секретом...

Я замолчала на миг, позволяя мелодии нарастать и смениться ритму.

*Я променяла тебя на маску,
Я променяла тебя на брэнность дней.
Я так хотела волшебной сказки,
Но я совсем, совсем, совсем
Не была готова к ней.*

*Твой замок пылает огнями,
Мои улицы черны от грязи и тьмы.
Ты стоишь на вершине мира
А я вечно, вечно, вечно
Живу взаимы.*

*Поймёшь ли ты меня,
о прекрасный принц?
Встретишь ли меня,
о прекрасный принц?..*

“Я не была готова, что это будет так больно, — думала я, ударяя по струнам сильнее, позволяя музыке растекаться полноводной рекой припева. — Не думала, что всё так обернётся.”

*И я не знаю как быть, когда мне
Всегда нужно бежать по кругу,
Раня ноги об острые камни,
Не опуская усталые руки.*

*И я не знаю, что остаётся
Делать Золушке после бала,
Если он никогда не вернётся,
Если туфельку не оставить...*

*Что... Что делать ей?
И как забыть его?..*

Я сыграла ещё несколько аккордов и застыла, чувствуя, как подрагивают кончики пальцев. В горле стоял ком.

Почему это так больно до сих пор? Как это может быть *настолько* больно?..

— Эй, чего ты там застыла! Давай что-то задорное!

— Точно! Про весёлых вдовушек!— пьяные голоса ворвались в мир моих чувств и воспоминаний, грубо вырывая в реальность.

Я несколько раз глубоко вздохнула, подавляя боль в груди, и растянула губы в весёлой улыбке.

Что же, теперь поём про весёлых вдовушек, верно? Желание заказчика — закон!

Полчаса спустя я, с наслаждением стянув с себя отвратительный костюм, оставила крохотную каморку, служившую мне раздевалкой, и вышла навстречу вел-лерскому зимнему рассвету.

Прохладный воздух, пахнувший дымом, мусором и морозом, показался мне сладким до невозможности. После запахов перегара, немытых тел и чужой рвоты — уже вполне себе удовольствие. И даже серые очертания заводов имеют своё собственное, томное и притягательное, очарование...

— Долго ты, — голос Бэна вырвал меня из раздумий. Он вышел из тени, пряча руки в глубоких карманах. Кончики его косиц, выглядывавшие из-под кепки, покрылись инеем, что придавало названному братцу вид совершенно фантазмагорического.

— Да как обычно, — пожала я плечами. — Зачем ждал-то?

— Чтобы тебе одной не ходить ночью. Разве не очевидно?

Я насмешливо выгнула бровь:

— Серьёзно? Мы ведь оба знаем, что я — один из пунктов в списке самого страшного, что только может встретиться на этих улицах. Зачем мёрзнуть зря?

“Шутка в том, что с тем, с чем не могу справиться я, ты тоже едва ли поможешь,” — добавила мысленно. Но вслух говорить не стала: ни к чему ранить мужское самолюбие лишний раз.

— Моя сестра не будет возвращаться одна ночью.

— Две технические поправки: во-первых, уже почти утро, во-вторых, я не твоя *настоящая* сестра.

— Ничего не меняет для меня, — ответил Бэн немного резче, чем я привыкла.

За этим что-то определённо крылось.

— Бэн, ты не думай — мне приятно, правда, — отметила я мягко. — Но всё же, у тебя экзамены на носу. Ответственные. И в мастерской ты буквально живёшь. Мы оба знаем, что тебе стоит сейчас, например, спать. А вместо этого ты встречаешь меня после работы... снова. Почему?

— Просто так.

— Бэн, не нарывайся, а? Хуже ведь будет. Я ведь и начать угрожать могу.

— И что ты мне сделаешь? — фыркнул он. — Съешь?

Я сладко улыбнулась и быстро осмотрелась, убеждая, что никого рядом нет.

А потом — превратилась.

Это был нечестный приём, конечно. Признаю. С другой стороны, это эксперимент, который я хотела провести уже давно. Так что, раз уж нашёлся повод...

— Это нечестно, — сказал Бэн, не сводя с меня болезненного, странного взгляда.

— А скрывать от меня что-то — честно? — я мило улыбнулась ему улыбкой Дайяны Гохорд. Его губы болезненно дрогнули. Значит, до сих пор... — Зато теперь я понимаю, почему ты избегаешь любого общения с девушками.

— Может, я просто сосредоточен на работе?

— Ну да, — я легко пожала плечами. — И прячешь фляжку с выпивкой меж стеллажей по той же причине.

Бэн поморщился и будто бы сдулся весь.

— Просто смени этот облик, — сказал он. — Пожалуйста. И да, я жалкий и не могу её забыть. Ясно?

— Куда уж яснее, — я легко стряхнула с себя шкуру Дайяны и ободряюще сжала его руку. — Нас тут таких двое, если что. Но уговор есть уговор: объясни мне, будь добр, с чего ты взялся меня встречать?

Он вздохнул и отвёл глаза.

— Понимаешь, — начал он, — парни в пабе, особенно те, что из консервативных семей, говорят о тебе... разное.

— Вот как? — ничего нового, на самом деле. Издержки моей нынешней внешности и жизни в эмигрантском районе.

— Говорят, что ты роняешь честь имбайских женщин, — заметил Бэн. — Угрожают встретить тебя ночью, когда будешь идти одна. И сделать... всякое.

Я понимающе улыбнулась. Всякое, значит... Всего лишь ещё одна сторона жизни певицы. Как минимум, в нашем обществе.

— Я смогу справиться с ними, Бэн.

Он упрямо тряхнул головой:

— Знаю. Но лучше провожу.

Дальше спорить я не стала.

Мы брели по пустым улицам города. Время было такое, знаете, пограничное, когда ранние птички ещё не встали, а большинство поздних уже вернулись домой. С неба срывался редкий снег, покрывая мостовые ровным белым слоем. Скоро проснутся люди, поспешат на работу или учёбу, и вся эта белизна превратится в грязь. Но это будет потом, а пока...

— Недавно почтенный Аджава пришёл ко мне поговорить, — выдал вдруг Бэн. — Он предложил мне свою дочь в качестве жены.

Я вытаращила глаза.

Ого. Нет, *ого!* Один из самых богатых и уважаемых островитян так выделил Бэна? Это много значит. Нет, понятно, что у почтенного Аджавы дочерей много, можно сказать, девать некуда. Но всё же...

— Тебя поздравить или посочувствовать?

— Не знаю, — отвернулся Бэн. — Такой брак был бы очень удачным для дел. И для моего статуса. Опять же, Акива — красавица, послушная и верная. Она точно не променяет меня на принца.

Я понимающе хмыкнула:

— Мне кажется, или в этом есть какое-то “но”?

Бэн криво улыбнулся:

— Но...

— А куда это вы так спешите, а? — прервал его голос из темноты. — Разговор есть!

Из переулка вышел огромный амбал с широченными плечами, угрожающе наступая на нас.

Я не сдержала насмешливой улыбки. Ну здравствуй, мой милый поздний ужин. Или ранний завтрак?

Я лёгким прикосновением придержала на месте Бэна, собравшегося мужественно меня спасать. Нет-нет! Это моя и только моя удача.

Интересно, кто к нам пожаловал? Крыса из доков, которая выползла предпраздничным утром в надежде на наживу? Или один из тех ребят, которые готовы убивать, унижать и калечить женщин, прикрывая это “защитой чести”? Даже не знаю, какой из вариантов мне нравился больше.

В конечном итоге, надо же мне время от времени ужинать, не сдерживая себя? И, как по мне, самозащита — отличный повод.

— Поговорить — так поговорить, — сказала я этому шкафу, обворожительно улыбнувшись, шагнула вперёд, приготовившись пить энергию, прислушалась к его личному ритму...

Минуточку.

— Теперь ты пытаешься меня съесть?! — возмутился он, наступая. — Ты, коварная пернатая глιστα! Никому, никому на этой поверхности нельзя верить!

Ох, Бездна и порванные струны. Как же я его не узнала-то, а?! Вот что бессонные ночи с мозгом делают!

— Это вы, Глубоководный? — пробормотала я. Бэн вытаращил глаза и приоткрыл рот, как выброшенная на берег рыба — кажется, тоже не ожидал такого поворота событий.

— О, теперь ты притворяешься, что меня вспомнила?! — возмутился громила, окончательно выступая из переулка на свет. — Когда убедилась, что не сможешь меня съесть? Так знаешь что? Я сам тебя съем!

Ну офомореть теперь.

Ничего не скажешь, отличное тело себе Глубоководный вырастил: высоченный, ошеломительно красивый и brutальный парень с бронзовой кожей и белоснежными волосами. Кем бы ни была его идеальной формы бывшая, вкус у неё определённо присутствовал.

И ведь, судя по тем жутким теням, что расползаются позади него, он сейчас и правда съест. Этот может.

Даже в своём человеческом аватаре.

— Глубоководный, — я подняла руки в успокаивающем жесте. — Мы действительно не узнали вас, просим прощения. Подумали, что это кто-то, кто пытается нам навредить.

— Да? — фыркнул он, нависнув надо мной. — И фальшивый дом вы назвали тоже случайно? Забыли, где живёте? И потому же не сказали своих имён? А я ведь искал, как самый глупый дурак. Я ведь правда думал, что понравился вам, что вы хотите увидеться снова. Но мне все всегда лгут! Почему, почему меня все обманывают? Я ведь стараюсь быть честным!

Он казался действительно расстроенным. И, честно, мне стало его жаль.

Фоморам бывает тяжело адаптироваться среди людей. Мне ли не знать, верно? Я сама провела много лет, пытаюсь.

И, если быть хоть немного честной с самой собой, не сказать, что у меня в полной мере получилось.

— Мне жаль, — сказала я. — Мне действительно жаль. Но, если вы позволите всё объяснить, то я постараюсь.

— Что объяснить? — буркнул он. — Что никто не хочет дружить с ужасным монстром? Что все хотят от меня что-нибудь? Это я и так понял!

Я тихо вздохнула.

— Послушайте... клянусь Морой, я не врала насчёт адреса. Просто мы больше там не живём.

— О, — он изумлённо моргнул. — Но почему вы переехали, если знали, что я приду?! Неужели нельзя было просто подождать?

Если честно, то со всем тем разнообразием сюрпризов я попросту забыла о нём. Но, боюсь, скажи я об этом, Глубоководный поймёт несколько неправильно. С другой стороны, для моей забывчивости есть другое хорошее оправдание...

— Нас заставили переехать, — объяснила я. — Даже не позволили собрать вещи, собственно.

— Кто? И почему?

Я вздохнула.

— Это довольно длинная история. Почему бы мне не рассказать её вам по дороге домой?

*

Даже невероятно урезанная, история о моих приключениях заняла некоторое время. Мы были уже недалеко от дома, когда я закончила словами:

— Вот так всё было.

Глубоководный выглядел задумчивым.

— Наземный мир так же опасен, как глубоководный, — сказал он вдруг. — Тут есть хищники и добыча.

— Везде есть, — сказала я понимающе.

— Я здесь всего десять рассветов, — продолжил Глубоководный. — Но у меня уже обманом забрали моё золото, несколько раз попытались убить и ещё несколько — пленить тем или иным способом. И вот ты мне рассказала историю, пернатый глист. Я

ненавижу драконов, но мне немного обидно за того парня. Ты променяла его на дом, знаешь? И мне это что-то очень напоминает.

Я отвернулась.

— Да, и я не горжусь своим поступком. Но я хотела...

— Помочь семье, да. Но тебя обманули. И я вот думаю: а вдруг её тоже?

— Что?..

— Вдруг моя милая рыба-луна тоже попалась обманщикам? Или ворах? Что, если она не предавала меня? Вот что я подумал. Он ведь ужасен, надводный мир! И думаю, что я должен её найти. Вдруг она в опасности, а я и не знал?

Ну что сказать? Неожиданно. И совершенно непонятно, что тут ответить.

— Она предала вас, — вдруг сказал Бэн раздражённо, зло. — Какая разница, почему? Причины не имеют значения. Предательство — это предательство! Почему бы вам просто не пойти дальше?

— Потому что не все тут застряли в подростковом возрасте, чтобы делить мир на чёрное и белое, — отрезала я. — И девушка действительно могла попасть в беду... Хотя то, что она просто сбежала с деньгами, точно так же вероятно. Но в любом случае у неё есть своя правда. Которую он не узнает, пока не поговорит с ней, верно?

Бэн поджал губы и отвернулся.

Я только покачала головой. Может, стоило бы всё же подробно поговорить с ним о Дайяне? Это явно гложет его изнутри, не отпускает ни на миг. Только вот... тема эта у нас запретная. Правило негласное, но строго выполняемое: мы по возможности не касаемся в разговорах ни Дайяны Гохорд, ни Или, ни Драконьей Империи в целом. И да, я допускаю, что притворяться, будто ничего не было — плохой выход для нас обоих. Но иногда он каким-то неведомым образом превращается в единственный из возможных.

Разумеется, история, рассказанная Глубоководным, оставляет не очень много простора для сомнения. Зачем бы этой девушке просить деньги заранее, если не для обмана?

С другой стороны, даже если так. Что должна была почувствовать обычная человеческая девушка, увидев подлинный облик Глубоководного? Честно говоря, боюсь даже представить. Она ведь

даже не оборотница или драконица! А у людей всего один облик, и они придают ему очень много значения...

— Ты теперь позволяешь своей сестре гулять с иноземцами? Сам отдаёшь её? Чего ещё от вас ждать, конечно! И как только почтенный Аджава может думать о том, чтобы отдать свою дочь за тебя? Неужели его подкупает твой мнимый “талант”?

О, а вот и ещё гости. Какой сегодня, однако, богатый на сюрпризы день!

Немало гостей, к слову, человек пятнадцать. И ведь встретили нас практически у самого дома, не побоялись. Впрочем, чего им бояться? Если я правильно понимаю, они в этом районе чувствуют себя хозяевами. И ещё Бэн забыл упомянуть важную вещь: “девичья честь” была лишь предлогом (как это, впрочем, частенько и бывает).

Я с лёгкой улыбкой прищурилась, рассматривая заводилу. Статный, красивый юноша с красновато-коричневой кожей и холодными светлыми глазами убийцы. Интересно, что они на самом деле не поделили с Бэном? Девушку? Или тут просто зависть? Так или иначе...

— Ну здравствуй, — промурлыкала я, делая шаг вперёд. — Как радостно, что ты всё же решил заглянуть на огонёк!

Они растерялись. Ребята, которые активно брали нас в клещи, застыли на миг, подозрительно разглядывая меня. Наверняка решали, нахальная я или просто тупая. Даже в глазах заводилы промелькнуло нечто... как рябь на воде.

Промелькнуло — и пропало бесследно.

— Ты не понимаешь, да? — протянул он с ленцой. — Хотя чего ещё ждать от женщины, которая выставляет себя напоказ, будто кусок мяса!

— У... ох уж эта старая как мир история о “кусках мяса”, — улыбнулась я. — Ты банален, как мелодия из двух нот.

— Ты ещё споришь? — спросил он почти что ласково. — Бедняжка. Никто не научил тебя, как нужно разговаривать с мужчинами. Но ничего, мы с друзьями это исправим...

— Правда? — выгнула бровь я. — И как же...

— Рейдар, хватит, — Бэн шагнул вперёд. — Это уже не смешно. Я знаю, что у нас были разногласия. Но я сказал тебе и говорю ещё раз: моя сестра тут ни при чём.

Ага. То есть, милый Бэн рассказал мне далеко не всю историю... и приходил меня встречать, потому что точно знал, где сам накосовертил... Видимо, нам придётся поговорить. И серьезно. Но это чуть позже, а пока что есть одно дельце...

— Не стоит, братик, — я положила руку ему на плечо и радостно улыбнулась. — Говоря о кусках мяса, давно судьба не подбрасывала мне таких сочных стейков. Не порть удовольствие.

Ноздри заводи́лы опасно раздулись.

— Да как ты...

— А я? — вдруг выдал Глубоководный. — Я тоже хочу поучаствовать в человеческих развлечениях! Почему вы не представляете меня своим друзьям?

Я стёрла улыбку со своего лица и жёстко посмотрела заводи́ле в глаза, позволив ртутного цвета перьям проступить сквозь кожу.

— О, это не друзья, Глубоководный, — протянула я мечтательно. — Это мой поздний и сытный ужин.

*

— А почему ты их только надкусила? — спросил Глубоководный.
— Не съела полностью?

Я вздохнула.

Мы сидели на кухне нашего нового дома и чинно пили чай. И, официально, это было одно из самых странных чаепитий, в которых мне доводилось участвовать. Определённо Глубоководный, сверкающий на меня невинными глазами взрослого ребёнка, и печальный Бэн, погружившийся в свои мысли — та ещё компания.

Да и сама я, будем честны, не намного лучше этих двоих.

— Так почему? — спросил Глубоководный. — Если они — еда. Это было бы в разы питательнее! И ты даже ведь не припрятала их на случай, если вернёшься! А если разбегутся? Не понимаю я такой охоты.

Я вздохнула.

Ох, как же это всё сложно.

— Да, — признала я, помолчав. — Это было бы питательнее. Одной такой охоты хватило бы на пару месяцев привольной жизни при условии, что я буду пользоваться энергией на широкую руку... или на два года экономной жизни. Но тут есть проблема: я не хочу убивать. То есть, пытаюсь по возможности избежать этого.

— Почему? — удивился Глубоководный. — Ты ведь хищница, это — твоя природа.

— Я живу среди людей...

— И что? Я пробыл на поверхности достаточно, чтобы понять: люди тоже постоянно охотятся друг на друга. Как на морском дне. Даже хуже, может быть! Мы, хотя бы, боремся за выживание, так? Опять же, у нас, фоморов, есть иерархия. И пищевая цепочка. Что может быть природнее, чем это?

Я помедлила, заглядывая в чашку. Мне не хотелось бы об этом говорить. Очень. С другой стороны, напротив сидит, возможно, существо, вполне способное меня понять.

— Я жила так первые десять или пятнадцать лет своей жизни, — призналась я в итоге. — Руководствовалась одними только инстинктами. Даже не знала человеческой речи... У меня было всего несколько интересов: охота, полёты наперегонки с поездами и мусор.

— Мусор? — Бэн отвлёкся от своей таинственной внутренней драмы и смотрел на меня в шоке.

Ну да, мы никогда об этом не говорили, и он, кажется, привык считать, что это у него тут было самое трудное детство. Что, впрочем, по-своему всё же правда: быть проданным в рабство в семь лет — не самое лучшее начало жизни.

Я, по крайней мере, была свободна.

— Да, мусор. За доками в Нижнем Городе есть огромная свалка, куда выбрасывают всякое старьё. Я обожала летать там, выискивать всякие интересные вещи. Собственно, я там родилась, и это был мой дом... Не важно. Сам факт: у меня был один только облик пернатой змеи, один только голод с инстинктами, ничего больше. И знаете что? Пусть в той жизни и были свои плюсы (можно было не думать о завтрашнем дне, о последствиях и вообще ни о чём), но я бы не хотела к ней вернуться. А каждое убийство... оно как будто возвращает меня туда, к той безымянной, жалкой и одинокой змее. Той, у которой были только инстинкты — и больше ничего.

— А это так нужно? — склонил голову набок Глубоководный. — Пытаться быть похожими на людей? Мы ведь всё же не люди. И никогда ими не будем, какие бы у нас ни были обличья или аватары.

— Но это и не значит, что мы должны застрять в позапрошлом тысячелетии, — ответила я слегка раздражённо. — Люди развиваются, совершенствуются; мы вместе с ними. В наш просвещённый век фомор вроде меня может легко найти способ питаться, никого не убивая. И даже не причиняя особенного вреда. Взять хотя бы моменты, когда я на сцене... Конечно, это не накормит меня на несколько лет вперёд. И, возможно, мне будут тяжело даваться манипуляции с тенями. Но в общем и целом это отличный способ влиться в человеческую среду...

— Возможно, — сказал Глубоководный. — Но я убил и съел тех, кто хотел продать меня.

— Вас хотели продать?..

— Они посчитали меня, цитата, “бесхозным магом с лёгкой дебильностью”. Пришлось их немного... разочаровать.

— Правильно сделали, — буркнул Бэн. — И, может быть, из Райдара тоже получился бы отличный ужин для вас. Так бы он никому больше не навредил.

— После моего ужина ему и так восстанавливаться несколько месяцев, — ответила я успокаивающе. — Ничего не вспомнит, неделю пролежит с жуткой мигренью, потом будет мучиться слабостью и кошмарами, а также... кхм... в общем, подвиги на любовном фронте тоже будут ему недоступны. Так что, ничего приятного ему не светит.

— Он заслуживает худшего, — заметил Бэн хмуро.

— Я не судья, чтобы решать, кто и чего заслуживает, — заметила я сухо. — С другой стороны, ты всегда можешь меня убедить. Не хочешь рассказать, во что ты влип? И что произошло между вами на самом деле?

Бэн поморщился и немного виновато покосился на меня.

— Лисси, прости, — сказал он. — Меньше всего на свете я хотел, чтобы это отразилось на тебе.

— Бэн, мы оба знаем, что мне обедом больше или обедом меньше — всё едино. Но есть один нюанс: они выбрали меня, потому что считали самым слабым звеном. А что было бы, если бы они обратили внимание на тётю Ленну, например?

— Да а её-то в чём обвинять? То есть... Я не вижу ничего плохого в том, что ты поёшь, — быстро добавил он. — И в том, что ты носишь откровенные наряды. Это — часть работы, в конечном итоге!.. Но это то, за что они смогли зацепиться. А в случае с тётей Ленной, что может быть не так? В их глазах она — почтенная женщина, мать. Им нечего предъявить ей.

Я грустно улыбнулась.

— Ох Бэн... Сразу видно, что ты никогда по-настоящему не жил раньше в такой атмосфере. Можно подумать, ты сам не понимаешь, насколько легко и просто можно найти, к чему придраться — если очень *хочется* придраться, конечно? Они могут решить, что она, например, неправильно на кого-то смотрит. Или не носит традиционную одежду. Или одна Бездна знает, что ещё. Сложно ли придумать, в общем-то?

Я вздохнула и побарабанила пальцами по столешнице.

— Нет, тут спасает то, что они не знают о реальной взаимосвязи между нами, — отметила я. — Думают, что ты просто работаешь с папой Джумой, и потому мы в итоге поселились в соседних апартаментах. Но это вопрос времени, знаешь? Так что давай мы оставим уловки и ты всё же объяснишь, что не поделил с этим Рейдаром? Девушку?

— Скорее, место при почтенном Аджаве, — Бэн передёрнул плечами. — Лисси, для начала: не думай, что я сделал что-то плохое. Это не так. И я благодарен твоей семье. Но в этом-то и проблема, да? Я не могу всё время сидеть у твоего дяди на плечах.

— Мне казалось, что в последнее время ты очень многое вкладываешь в дядино дело, — отметила я. — Собственно, твои способности артефактора вызывают восхищение, без вопросов. Или ты хочешь открыть что-то своё? Но... не рано ли? К тому же, тебя ведь ждёт учёба в Академии.

— Я не хочу открывать своего, — пожал плечами Бэн. — Пока. Но планировал со временем стать партнёрами с твоим дядей и развивать разные направления. А Академия... слушай, я многое понял, пока ходил по этим улицам. Это у Гохордов я чинил мебель с артефактами, бегал на посылках и не видел мира. А здесь — человеческая столица, самый развивающийся город в мире... город *возможностей*. И куча парней вроде меня, которые приезжают сюда, чтобы достичь чего-то стоящего. И вот теперь скажи: разве я могу тратить драгоценное время на Академию, когда передо мной такие перспективы? Создавать и совершенствовать музыкальные артефакты, оборудование для певцов... Ты знаешь, что мою последнюю поделку, переносной мини-артефакт, усиливающий звук, уже пытались перекупить несколько промышленников? Причём они хотели не только технологию создания артефакта, но и... меня.

— Тебя?

— Да. Отличная зарплата, гарантии, квартира в верхнем городе и прочее.

— А в чём подвох?

— В том, что права на все свои разработки я на десять лет передаю им.

— Серьёзно? Оно того не стоит.

— Я тоже так подумал. Но обо всей этой ситуации узнал почтенный Аджав, и он предложил мне вариант.

— Н-да?

— Суть в том, что он вложит деньги в развитие нашего с твоим дядей дела. Но только при условии, что это останется внутри семьи. То есть, если я женюсь на его дочери. Это его способ делать дела.

— Оригинально, — хмыкнула я. — Ну да, я слышала, что дочерей у него приличное коли...

— Тридцать.

— Ну ничего себе!

— Может, они вылупились из икры? — встрял Глубоководный. — Тогда это не так уж много. На деле, средний выводок...

— Нет, они не вылупились из икры, — фыркнул Бэн. — По крайней мере, я на это очень сильно надеюсь. Но правда в том, что Аджав хотел себе сына, потому сменил восемнадцать жён.

— И все они, как и следовало ожидать, рожали только девочек?

— Да. Вроде бы ему повезло с самой последней — у них получился сын. Но потом выяснилось, что она ради этого переспала с его охранником.

— Неловко получилось. А что с ней случилось?

— Не знаю. Пропала. Он её прогнал, наверное. Какая разница?

Я готова была поспорить, что последняя жена Аджавы мертвее всех мёртвых, но возражать не стала.

— В общем, у Аджавы нет сыновей. Но при этом он глава местной общины и очень, очень успешный делец. Так что он решил вложить деньги в зятьев. То есть, женить дочерей на перспективных юношах и создать семейную империю.

Ну офоморить теперь.

— Звучит... интересно, — сказала я осторожно. — Но что об этом думает мой дядя? Ты же не проворачиваешь эту сделку у него за спиной, я надеюсь?

Уже заканчивая говорить, по глазам Бэна я поняла: это были пустые надежды.

— Твой дядя думает, что нам нужны инвесторы, — ответил Бэн.

Я сдавленно простонала.

— А ты так уверен, что дядю устроит в этом смысле Аджав?

— Так это ведь не будет Аджав! Это буду я, понимаешь? В этом вся соль! Потому-то я и задумался, когда Аджав позвал меня к себе и сделал это предложение.

— Так. А Рейдар зол, потому что сам хотел это предложение получить?

Бэн помялся.

— Да он его получил, собственно. Они должны были прийти к окончательной договорённости, но потом Аджав выбрал меня.

— Ага, — хмыкнула я. — То есть, ты увёл из-под носа у этого отморозка невесту и потенциальные инвестиции.

— Ну... да.

— Отлично, — я почувствовала, как в голове начинает пульсировать боль от таких чудных новостей. — Не думаешь, что о таком надо предупреждать заранее, а?

— Я просто ещё ничего не решил...

— Отлично, — усмехнулась я. — Так ты собирался сказать нам по факту? Какая радость. А вообще я, конечно, всё понимаю насчёт браков по расчёту. И нет вопросов, если расчёт правильный. Но тебе не кажется, что немного лицемерно осуждать Дайяну, если сам готов прожить всю жизнь с незнакомой женщиной ради денег её папочки?

— Это разное! — взвился Бэн.

— Правда? Я вот подумала: ты хотя бы любил Дайяну, или тоже рассчитывал на...

— Хватит! — Бэн вскочил, яростно сверкая глазами. — Я любил её, понятно?! Любил эту лживую дрянь, как никого и никогда. И даже сейчас... даже сейчас не могу её забыть! Но она просто стояла и наблюдала, как меня избивали. А потом сказала, что мы были ошибкой. Как ты думаешь, после такого сильно захочется жениться по любви?!

Что же, это было... шокирующе. Кто бы мог подумать, что Дайяна способна на подобное? И ведь я не услышала в её ритме этого.

И оставила её вместе с Или, снабдив своим очарованием...

Но я не буду об этом думать прямо сейчас.

— Бэн, мне жаль, — сказала я мягко. — Но ты ведь должен и сам понимать, что она тоже через многое прошла. И проходит каждый день — с её-то родителями. Её мать на моих глазах унижала её, раздавала пощёчины, как иные матери дают детям конфеты...

— Не надо, Лисси, — он весь сдулся и будто даже съёжился, отвернувшись. — Я не хочу больше попадаться на это. На жалость к ней. Я знаю, что ей приходится нелегко. И не соглашался купить билет и уехать, как они ни давили, что ни делали. А потом пришла она. И спокойно так сказала, что она передумала, и я могу уезжать.

Н-да.

— То есть, они тебя уже на месте...

— Да, — он отвернулся. — Я так понял, в какой-то момент им стало очень важно, чтобы я сел на маголёт. Они даже исцелили меня для этого. Ну, подретушировали фасад, но всё же... Возможно, кто-то начал задавать вопросы. У меня нет родственников или друзей, но мало ли?

Я прикусила губу.

Да, *кое-кто* начал задавать вопросы. И был этим кое-кем Дин Ртутный, выходец из семьи, которая буквально держит в руках безопасность всей Драконьей Империи. Понятное дело, что Гохорды испугались. И стали искать выход. При посадке на маголёт проводят проверку на иллюзии, и вряд ли у них в кармане заваялся ещё один подходящий фомор. Так что...

— Невозможно спасти того, кто не хочет спастись, — сказал Бэн. — Вот и вся история с Дайяной и её родителями.

Тут мне нечего было возразить, так что над нашим столом повисла слегка угрюмая тишина.

— Извините, — встрял Глубоководный. — Я, конечно, не очень хорошо разбираюсь во всех этих ваших наземных вопросах, но хочу понять: а что значит — жениться?

— Ну, — я попыталась вспомнить, как мне самой в своё время тётя с дядей объясняли это явление. — Это значит, что они сделают свои любовные отношения законными. У них будет общий быт, общие дети, они смогут наследовать друг за другом имущество по закону...

— Звучит неудобно, — заметил Глубоководный. — А ты точно уверен, что хочешь жениться?

— Не особенно, — пожал плечами Бэн. — Но рано или поздно всё равно придётся, правда? И я решил: больше никогда. Что бы там ни было, я ни за что не стану снова вляпываться в любовь и тому подобное! Хватит с меня всего этого. В конечном итоге, взять хоть почтенных Джуму и Ленну. Их поженили родители, до свадьбы они даже не знали друг друга. И что теперь?

— Ну да, — хмыкнула я. — Но слушай, ты никогда из популярной менталистики не слышал об ошибке выжившего? То есть, например, мы знаем, что Реку Проклятых можно переплыть, потому что знаменитый путешественник Бождава это сделал. Но знаем ли мы, скольких искателей приключений сожрали мертвецы по пути на другой берег? Так и тут. Я вполне допускаю, что договорной брак может быть очень даже счастливым. В теории. Но это не значит, что он *будет*, понимаешь?

— Понимаю, — фыркнул Бэн. — А ещё понимаю, что нам нужен инвестор. Сейчас, пока мы можем оказаться на гребне волны! Где взять его? И если ради этого нужно жениться...

— Всё ещё звучит не очень удобно, — прервал Глубоководный. — А что вообще такое “инвестор”? И где его обычно ищут?

— Это человек, который вложит деньги в наше дело, — ответил Бэн. — А ищут... ну, на всяких встречах богатеев, куда ребят вроде меня не пускают.

— То есть, инвесторами бывают только люди? — уточнил Глубоководный.

— Да почему? Вон драконы...

Бэн запнулся.

Глубоководный фыркнул.

— Значит, драконы тоже могут. А фоморы нет? Опять, опять расовая дискриминация?!

Я прищурилась. Это ведь не может быть правдой, верно? С другой стороны, выбирая между хищным уродом Аджавой, который держит в кулаке весь квартал, и Глубоководным, который эпизодически жрёт людей, я определённо выберу Глубоководного...

— Фоморы тоже могут, конечно, — сказала я быстро. — Но сейчас нет ни одного известного дельца-фомора, который бы таким занимался. Фоморы редко настолько богаты...

— Возмутительно! — всплеснул руками Глубоководный. — Значит, все думают, что драконы это могут, а мы — нет?.. Ничего не знаю, ясно? Я буду вашим инвестором!

Я задумчиво кивнула и пошла к кухонному шкафчику.

Мне определённо нужно было выпить что-то покрепче чая, прежде чем мы пойдём всё объяснять дяде Джуме.

*

К моему удивлению, всё прошло более чем хорошо.

Когда я обрисовала ситуацию дяде, тот бросил на Бэна о-очень многообещающий взгляд (подозреваю, кое-кому тут будут долго и доступно объяснять, почему не следует проворачивать сделки у начальства за спиной). Потом дядя подошёл к безмятежному Глубоководному и жёстко спросил:

— Так это ты, значит, подводный житель, который хотел съесть этих двоих оболтусов, но потом передумал и оттащил к краю Впадины?

Я насторожилась. Ой, зря я, кажется, об этом эпизоде рассказала...

— Да, я, — пожал плечами Глубоководный. — Это же логично! Какой смысл отпускать их самому? Чтобы сожрали другие жители Впадины? А потом они бы ещё шептались, что я окончательно спятил и законную добычу другим отдаю... Так что конечно, я оттащил! Как же ещё!

— Ясно, — сказал Джума. — Ленна! Накрывай на стол! У нас нынче дорогой гость!

Э?

— А ты проходи, — продолжил дядя невозмутимо, — мой дом — твой дом. Ты спас мою дочь у себя, в воде — мы всегда тебе рады здесь, на суше. Поедим... ты ведь ешь человеческую еду?

— Да, — Глубоководный, явно польщённый, приосанился и в целом выглядел очень довольным. — Мой аватар полностью повторяет человеческое тело! Он может размножаться, питаться, даже постареть, если я захочу — делать всё, как человек!

— Хорошая новость, — сказал дядя. — Значит, к столу. И там обсудим заодно, как нам быть и получится ли у тебя стать инвестором.

— А почему — не получится? — возмутился Глубоководный. — У меня есть деньги! Золото! Много!

— Верю, — вздохнул дядя. — А документы у тебя есть?

— А что такое документы?

— Вот и я о том же. Была бы хоть у фоморов община, позволяющая легализовать новоприбывшего...

— А что, у фоморов нет общины? — насторожился Глубоководный. — А у драконов?

— У драконов посольство есть, — отмахнулся Джума. — Своим они мгновенно любую поддержку оказывают, тут даже вопросов быть не может...

— А у фоморов ничего такого нет? — я прямо видела, как Глубоководный начинает не на шутку злиться.

— Не-а, — вздохнул дядя. — Откуда бы?

— Возмутительно!.. — Глубоководный буквально кипел. Местами даже в прямом смысле: от чайничка, который только поставила на стол тётя Ленна, повалил пар.

Дядя, кажется, тоже это заметил.

— Ладно, — сказал он. — Дети, идите отсюда. Лисси, загляни к тёте, она тебя искала. А потом пойдёшь и отоспишься: Новый Год там или нет, а отдыхать иногда всё же надо. Да, даже страшным фоморам!.. Бэн, ты иди в мастерскую, помоги Буджо с записью нового заказа. Я с тобой позже поговорю... в том числе о моём старом земляке, *почтенном* Аджаве и его методах.

По одному тому, как дядя это сказал, я совершенно ясно поняла: методы эти, мягко говоря, оставляют желать лучшего.

Впрочем, кто бы сомневался.

Конечно, я бы хотела послушать, до чего они с Глубоководным в итоге договорятся. Но спорить с дядей в таком вопросе было немного бессмысленно.

Я бросила быстрый взгляд на ужасное морское чудовище, прикидывая степень его агрессивности. По всему выходило, что Глубоководный очень расстроен отсутствием у фоморов общины, но при этом польщён вниманием дяди. И, пожалуй, лучше будет оставить их наедине.

Махнув на прощание расстроенному Бэну, я послушно пошла, куда послали — то бишь, на кухню.

Там царила тётя Ленна — как владетель, полководец и дирижёр. Она что-то тушила, запекала, резала и взбивала.

— Лисси! — позвала она. — Садись за стол, я там тебе приготовила вкусенького!

— Спасибо, — я подозрительно на неё посмотрела, уловив какое-то напряжение во внутреннем ритме. — А что случилось?

— Ты кушай-кушай! — проворковала тётя. — Я сейчас гостю еду отнесу — и расскажу тебе, что вычитала в газете.

Я проследила, как она шустро выскальзывает из кухни, и со вздохом принялась за еду. Было у тёти такое правило: перед плохими новостями она предпочитала накормливать домашних на убой. Очевидно предполагалось, что на полный желудок любая неприятность кажется не такой уж неприятной.

Что же, возможно, в этом есть доля истины.

Но что такого могла вычитать тётя? Неужели какая-то облава против незарегистрированных фоморов? Вроде бы последние лет десять такого не бывало. С другой стороны, тётя обожала газеты и передачи по визору, а ещё — собирать оттуда сплетни. Наверняка услышала какую-то непроверенную ерунду, вот и...

— Лисси, — голос тёти вырвал меня из раздумий. — Ты знаешь, что драконий принц приехал в Вел-Лерию?

Хорошо, в общем-то, что я к тому времени уже поела. Вдвойне хорошо, что не успела глотнуть чая — дело наверняка могло бы кончиться фонтаном.

А так обошлось: я просто застыла столбом, приоткрыв рот.

— Лисси?

— Н-нет, тётя, я не знала, — говорить стало трудно. Сердце загрохотало в груди.

Неужели он приехал... за мной?!

Глупо. Как глупо! Откуда эти странные мысли? Он не мог явиться сюда за мной! Он понятия не имеет, кто я такая. А вот если бы знал... То, боюсь, за мной бы уже пришли серьёзные люди в форме.

— Говорят, он приехал к какой-то фоморе, — заявила тётя.

Я ошеломлённо выдохнула.

— Ко мне?..

— Нет! Вот, смотри, на снимке с визора! Она сидит у него на спине!

Вы знаете, что такое ревность?

Я раньше слышала о ней много раз, но никогда не знала настоящего. До встречи с прекрасным принцем.

И да, ревность — именно то, что я почувствовала, когда увидела, как Или тянется хвостом к скользящей по его спине темноволосой девушке.

Я знала её. Ну то есть как... заочно.

Правильнее сказать: я слышала о ней. Как ни крути, а Марджана Лофф — довольно заметная личность в фоморском сообществе. Преподаватель ВАВЛ, полукровка с Древней кровью, одна из немногих, кто открыто заявлял о своей природе.

Раньше она меня немного раздражала. Ладно — много раздражала. Потому что именно её обычно приводил в пример дядя Джума, когда говорил, что мне необходимо легализовать себя в качестве фомора. Мне всегда было обидно, потому что — ну неужели он действительно совсем не понимал разницы между нами? Её родители — не преступники, ей не нужно хранить секреты целого теневого клана, ей не нужно питаться чужими эмоциями, чтобы нормально жить... Значимые факторы, не так ли? И это я уж молчу о том, что у неё в покровителях ходит сам премьер-министр. А это, прямо скажем, немало.

В общем, я не любила Марджану Лофф и раньше. Но теперь практически ненавидела.

Интересно, знает ли Или, что она — фомора? Хотя, наверняка знает. Если вспомнить того же Олуша, то можно сделать вывод, что к нашей расе он относится в целом неплохо. Но...

— Лисси? — тётя осторожно погладила меня по голове. — Не расстраивайся, милая. Мало ли тех мальчиков будет в жизни?

Я улыбнулась, чтобы не заплакать.

Мальчиков, конечно, будет много — куда же без них. Но Или... Он был особенным. И дело не в его статусе. Приставка “принц” придавала ему таинственности и заставляла внутренне трепетать, это правда. Если и существуют девушки, способные без самообмана отнестись к подобному совершенно равнодушно, то они — не я.

Только вот шутка в том, что остальные чувства — любовь, привязанность, тепло, тоску — я испытывала не к принцу, а к дракону по имени Или. Мне не хватало его... не хватало так сильно, как если бы из меня вырвали кусок. И со временем это чувство не притуплялось, а только обострялось.

А теперь вот увидеть, как другая фомора сидит на его спине... Это почему-то было совершенно невыносимо. Даже хуже, чем знать, что он спит с другими. Всё же, наверное, из-за своих генов я унаследовала немного больше драконьих заморочек, чем следовало ожидать... Ведь именно у драконов посадить кого-то на спину считается очень интимным жестом.

— Лисси, ты ведь не собираешься выступать в Высокой Академии на новогоднем балу?

Я хотела было возмущённо воскликнуть: “Нет, конечно!”. Но нечто в тоне тёти заставило меня притормозить. Марджана Лофф преподаёт в Высокой Академии, верно? Значит, Или тоже будет на этом празднике...

— Вообще-то собираюсь, — сказала я решительно. — В этом году они не так уж мало платят.

— Лисси, — тётя помялась. — Тогда, я думаю, тебе стоит отказаться. Мы с твоим дядей об этом говорили... Мы не думаем, что тебе стоит видеться с принцем.

Я смотрела на тётю, мысленно оценив иронию. Так, родители Дайяны были готовы на что угодно, чтобы их дочь оказалась в одной постели с принцем. Мои родители готовы на многое, чтобы я там не оказалась. Как по мне, весьма показательно.

— Лисси, — позвала тётя мягко, — пожалуйста, откажись от участия в этом празднике. Отметишь Новый Год с нами, почему нет? Пойми: мы ведь только начали приходить в себя после всей этой истории. Она так дорого стоила нашей семье! Но мы начали новую жизнь. И мы с твоим дядей уверены: милая, тебе не стоит видеться с принцем снова. Слишком высока может быть цена.

— Ты права, тётя, — ответила я тихо. — Если эта вся история всплывёт, если выяснится, что я жива — последствия могут быть очень неприятными. Но ничего плохого не случится, если я просто поучаствую в этом концерте! Ты же не забыла, что у меня теперь совершенно другое лицо?

Просто посмотрю на него. А может, даже подойду. А что тут такого? Он меня всё равно не узнает. А я... я смогу приблизиться к нему ещё хоть раз.

— Лисси, — вздохнула тётя Ленна. — Ты молода. И влюблена. Неужели ты хочешь сказать мне, что будешь просто смотреть со стороны?

Этот разговор начал меня утомлять.

— Даже если нет, то что с того?

— Лисси... Принцы не женятся на певицах.

Новость дня, как говорится.

Хотя тут уместнее было бы сказать: “Драконы не находят пару среди фоморов”. Это утверждение актуальней... хотя они оба правдивы, если разобраться.

— Тётя, не то чтобы я прямо претендовала на брак с принцем. Правда. Поверь, так далеко в своих мечтах я не захожу.

— Даже в самых тайных мечтах? — тётя грустно улыбнулась.

Я фыркнула: тут мне крыть было нечем. Было... Наедине с собой. Ночью. Собственно, я часто представляла Или, когда оставалась одна в своей спальне. Зачастую фантазии были не вполне приличного содержания, сопровождаемые столь же неприличными действиями (я — одинокая девушка, со всеми вытекающими нюансами). Но иногда мои фантазии уносились намного дальше горизонтальной плоскости. Пару раз я даже позволила себе помечтать на тему “А что, если?..”

Знала, разумеется, как это глупо. Но когда и кого влюблённого это останавливало?

— Девочка моя, — тётя осторожно взяла меня за руку. — Мы с твоим дядей понимаем, что живём в большом городе, где всё намного... свободней, чем мы у себя на родине привыкли. К тому же, твоя природа... предполагает общение с юношами. Так что я не говорю, что всякие отношения должны заканчиваться свадьбой. Конечно, нет! Тем более, когда речь идёт о принцах. Кто же на самом деле выходит замуж за принцев, если не принцессы?.. Но, Лисси,

именно в этом случае — стоит ли тебе с ним встречаться? Ведь ты влюблена в него, это и слепому очевидно. И он — часть неприятной тайны, которая едва не стоила тебе жизни... Прекрасные принцы опасны, Лисси. Они манят юных девушек, как бабочек — огонь.

— Я буду осторожна, тётя, — сказала я с мягкой улыбкой. — Но не стану отказываться от неплохого заработка из-за того, кто меня даже не узнает.

— Лисси...

— Я не стану подходить к нему. Обещаю! И хватит об этом. Ты знаешь, я устала. Пойду спать.

... А ещё — думать, где мне за столь короткий срок взять приглашение на бал в Академию Магии.

Я хочу ещё раз посмотреть на него. Я окажусь на этом балу... во что бы то ни стало!

Или, дракон Льда

*

— Здравствуй, Вел-Лерия — город множества девиц, влюблённых в драконов! Я иду!! — пропел я, раскинув руки навстречу вспышкам визора. — Кто хотел проверить парность с прекрасным принцем, м? В очередь!

Рой тихонько фыркнул, а вот Дин закатил глаза и дёрнул меня прочь от окна.

— Мой принц, будь добр — заткнись, — прорычал он. — Не хватало, чтобы это дошло до Марджаны. Да ещё и после истории с раскрытием нашего инкогнито! Она любит серьёзных мужчин...

— Этот вывод ты сделал, наблюдая, как она воркует со своим начальником? — уточнил я вкрадчиво, совершенно осознанно подливая масла в огонь.

Было бы неплохо подражаться с Дином. Он в последнее время такой послушный и пушистый, что даже бесит.

Так и хочется дать в морду.

Ртутный бросил на меня крайне многообещающий взгляд.

— Я знаю, что ты делаешь, — заметил он. — Но не собираюсь тебя развлекать. По крайней мере, пока что.

— Ты и так меня развлекаешь, — фыркнул я. — Забавно наблюдать, как ты пытаешься наступить на те же грабли.

— А мне забавно наблюдать, как ты проецируешь на других собственные психологические проблемы, — отрезал Дин. — И жрёшь себя поедом, потому что один-единственный раз влюбился и обманулся.

— Ха-ха, — хмыкнул я. — Очень смешно. Но я повторяю тебе ещё раз: переспи с ней до того, как вы оба влюбитесь, Дин. Я серьёзно. Так будет проще всем.

— То есть, в твоей картине мира я должен прийти к ней и сказать нечто вроде: “Слушай, судя по всему, ты вполне можешь быть моей истинной парой, самым важным существом в моей жизни. Давай это проверим по-быстрому, а? Чтобы потом не расстраиваться.”

— Но именно так это и *должно* прозвучать! — возмутился я. — Кажется циничным? Может, я не спец в таких вопросах и не понимаю этих ваших человеческих условностей. Но поверь, это чуть ли не единственный способ сделать это правильно! И относительно безболезненно... для всех!

— Ребята, — встрял Рой. — Почему бы нам... как бы так выразиться... не сбавить немного градус обсуждения? Драконьи студенты впервые за много лет прибыли в Вел-Лерию. Теперь все знают, что принц с приближенными тоже прибыл. Нам нужно продумать, как себя поставить...

— Я люблю все позы, — заметил я. — Или почти все.

Глаза Дина засверкали.

Не знаю, как он сдерживался, на самом деле. Я бы самого себя уже прибил.

— Почему бы нам ради разнообразия не побыть серьезными? — спросил Рой мягко. — Вы не хуже меня знаете, что это не смешно.

Бедняга. Ему, по правде, приходилось сложнее всего: допускаю, что нянчиться с парочкой кретинов, в которых внезапно на почве любовных переживаний превратились его побратимы — то ещё сомнительное удовольствие.

Тут надо пояснить: Дин Ртутный нашёл свою пару.

Ну, это он так считает.

Мнение это основано на нескольких условно божественных знамениях, встречах в осознанных сновидениях и том, что девушка Дину понравилась.

Тут я Дина понимал, собственно: Марджана Лофф была на удивление приятным существом. И привлекательной женщиной — это я тоже не мог не признать. Что бы там ни говорили, а фоморов не перепутать с людьми: остаётся нечто эдакое в глубокой зелени глаз, напоминающей болотную тину, в древесного оттенка волосах, в движениях. Смотришь — и сразу видно, что это существо потустороннее. Не лучше и не хуже, просто — другое...

В общем, я прекрасно понимаю, на что купился Дин.

Проблема в том, что я сам через подобное недавно проходил. И знаю получше прочих: никакие знамения, никакие чувства не гарантируют парности. Мало ли, что там просемафорил рогатый божок в припадке своего божественного чувства юмора? Я вон тоже

был совершенно уверен, что магия указывает мне на Дайяну. А что в итоге? Обманулся сам и невольно обманул её.

Паршивый итог, будем честны.

Нет, я готов был согласиться, что Марджана Лофф была бы отличной драконьей парой. Умная, образованная, могущественная, обладающая интересными (и полезными для Империи) талантами — базовый список был куда лучше, чем у той же Дайяны. Правда, Марджана была фоморой, что вроде как противоречило древним представлениям о парности. С другой стороны, этот закон, где “ни сид, ни фомор не могут быть парой дракону” писал мой буйнопомешанный дедуля. И существование матери Дина, чистокровной сиды, между прочим, полностью опровергало это правило.

Так что да, я признавал Марджану и готов был даже симпатизировать ей. А ещё защищать её, разумеется, несмотря ни на что — как предполагаемую пару своего побратима, как симпатичную мне женщину. У меня даже не было особых терзаний из-за распространившегося в местной прессе виз-изображения, на котором она будто бы сидит у меня на спине (на самом деле я ловил её, чтобы не позволить упасть, но у кого-то из репортёров получился особенно удачный кадр). Наоборот, мне нравилось наблюдать, как каждый раз вытягивается лицо Дина при взгляде на газеты. Песня же!

В общем, всё это было очень хорошо, даже замечательно: и поездка в Тавельни, помогающая вырваться из непроглядного болота, в которое превратился мой дом, и возможность счастья для близкого друга (я изо всех сил старался не завидовать, честно), и множество симпатичных человеческих студенток, пускающих на меня слюни. Всё было хорошо, кроме одного: я опасался, что Дин обманется, как я недавно. И изо всех сил старался образумить его, пока ситуация не вышла из-под контроля.

Во имя продолжения собственного рода Дин обязан отыскать свою пару.

Как, собственно, и я сам.

— Хорошо, — сказал я, сбрасывая на время такую удобную, уютную маску шута. — Что именно ты хотел обсудить, Рой?

— Нашу линию поведения — с учётом того, что теперь каждая собака в Тавельни знает о нашем визите.

Я лениво усмехнулся.

— А какая у нас может тут быть линия поведения? Я вас прошу. Вы видели, что о нас уже пишут в газетах? Вот, так держать. Всё очевидно: не светить ни один из наших истинных мотивов. Для всех мы — богатые наследники на отдыхе, вкрай оборзевшие от собственной вседозволенности. Не слишком умные, не слишком опасные венценосные детки с золотой ложкой во рту.

— Те, кто поумнее, не купятся на этот спектакль, — заметил Дин.

— Тех, кто поумнее, не так много, как принято считать, — отбрил я. — И вообще, пойдём знакомиться с новым куратором? Это будет Марджана Лофф, и я уже *предвкушаю* нашу следующую встречу!

Дина, бедняжку, снова перевернуло. Любо-дорого смотреть! Но я, если честно, спешил встретиться с Марджаной не только... не столько ради того, чтобы полюбоваться на сердитого побратима. Хотя и это, конечно, приятно.

На самом деле я посчитал, что, если уж Дин не хочет слушать голос разума в моём лице, то я могу обратиться, так сказать, к другой стороне.

Более вменяемой... как минимум, на вид.

*

Марджана Лофф оказалась той ещё штучкой. Она очень ловко, изящно требовала с нас обещание, цитирую, “позаботиться о нравственности человеческих студентов в Новую Годнюю Ночь”. В переводе с дипломатического на обычный это значило, что на развлечения с восторженными юными особами было наложено строжайшее вето.

Не буду врать, что сильно стал из-за этого страдать. Благо проблем с поиском партнёров для секса у меня отродясь не наблюдалось, а моё предвкушение “разгульной Вел-Лерской жизни” было больше игрой на публику, чем реальным положением вещей. Вообще, говоря о положении: сколько бы тел я в итоге ни положил за последнее время себе в кровать, это не помогало заполнить внутреннюю пустоту.

Быть может, становилось даже хуже. Но в этом я не собирался признаваться никому, включая самого себя.

Так или иначе, мне по большому счёту было наплевать на прелести местных студенток — хотя роль обделённого и обиженного я

по этому поводу собирался отыграть от и до. Но вот кое-что в словах профессора Лофф меня царапнуло.

“Если вы хотите проверить их на парность, то почему бы для начала не попытаться узнать их получше?” — спросила она, когда кто-то из студентов-драконов попытался заикнуться о поиске пары.

И вот по этому поводу мне таки было, что сказать.

По счастью, профессору Лофф тоже хотелось пообщаться со мной наедине (интригуяюще, да-да). Так что я, исподволь бросив на Дина торжествующий взгляд (ну любо-дорого же наблюдать, как его кроет!), наконец-то остался с нашим милым человеческим куратором наедине.

И сразу взял дракона за хвост.

— Ты ведь знаешь, что не права?

— Простите? — она приподняла брови, явно удивлённая.

— Вся эта ерунда с "узнать друг друга поближе", — пояснил я. — Ты не права. Никогда нельзя знать наверняка, ты ведь понимаешь? Симпатия, даже самая жгучая, парности не гарантирует. Так зачем узнавать друг друга получше? Чтобы в итоге обеим сторонам было больнее, потому что - не судьба? Пустая трата времени, нервов и душевных сил. Я надеюсь, ты окажешься умнее и не заставишь моего названного брата страдать от неизвестности.

Она явно не знала, как на это реагировать. Я буквально видел, как она примеряет и отбрасывает один ответ за другим, подыскивая нужный.

В итоге выбор пал на непонимание.

— Что? — спросила она. — Понятия не имею, о чём вы, ваше высочество.

Ну вот, а так хорошо всё начиналось...

Впрочем, с этой конкретной — почему бы не сыграть напрямую?

— Можешь называть меня на "ты" и в личной беседе, — усмехнулся я. — Но не надо притворяться, будто не понимаешь. Хочешь сказать, это не ты подглядывала за нами в бане? Потому что магический оттиск прямо-таки поразительно похож, да и божественное вмешательство заставляет провести параллель.

Она смутилась. Бедная девочка! Неужели всерьёз думает, что я буду на подобное злиться?

Да, с Дином забавно получилось: развесёлое божество подбрасывало их с Марджаной друг другу, как новогодние подарки.

Но, если честно, со стороны наблюдать за этим процессом было вполне себе весело.

— Это было случайно...

— Не сомневаюсь, - сказал я мягко. - Всё в порядке. Но фактов это не меняет: ты всё слышала. И понимаешь ситуацию.

— На самом деле — нет, не понимаю, — вздохнула она. — С чего вы вообще решили, что я могу быть парой Дина? Я настолько ему понравилась?

Интересный вопрос, на самом деле. И, положив руку на сердце, я тоже считаю, что родственники уж очень спешат с выводами. Конечно, я без вопросов поехал вместе с побратимом искать его пару. Но на самом деле...

— Резонный вопрос, — ответил я в итоге. — Видишь ли, тут совпало вот каким интересным образом: матушка Дина решила навестить отстроенный на деньги её семьи Храм Лесного Царя. Там же она загадала новогоднее желание. Наша жизнь была бы проще, попроси она новую шубку или, например, особняк у моря. Увы, за такими вещами ей к богам идти не нужно, благо дядюшка Кио всегда готов порадовать пару. С другой стороны, как раз перед тем случился один... инцидент... связанный как раз с парностью. И неслабо так взбудоражил драконье сообщество. Все тут же начали волноваться: а отыщут ли их дети свои половинки? Вот госпожа Дайлила, наслушавшись таких разговоров, и пожелала, чтобы её младший не остался в одиночестве. Нас с Роем она тоже упомянула в этом контексте, но, как я понимаю, пронесло. А вот Дин следующим же утром проснулся не у себя в кровати, а у тебя под ёлкой.

— Но вы не знаете точно...

Вот именно! Об этом я и твержу всякому, у кого есть уши: мы *не знаем точно*, что спятивший рогатый божок имел в виду на этот раз. Я вон тоже однажды поверил “неопровержимым знакам судьбы”. И что теперь?

— Это Межмировое Божество. Что с ним можно знать наверняка? — сказал я честно. — Даже в самых дружелюбных своих ипостасях Морозный Дед — не любитель болтать со смертными, а уж тем более объяснять им причины своих поступков. Мы предполагаем, даём достаточно большую вероятность того, что поняли знамения верно. Не более того.

Она призадумалась.

— А если вдруг выяснится, что мы действительно пара, я смогу отказаться?

Ну прелесть же, что за девица! Чем-то напоминает мне Дайяну... ту, какой я её видел в самом начале.

— Забавно, — сказал я. — Правда, забавно.

— Что именно? — уточнила она сухо. — Закономерный вопрос, как по мне.

— Закономерный. Но обычно девчонки в этих обстоятельствах его не задают.

— И всё же, я хотела бы получить ответ.

Я ласково улыбнулся этой замечательной девочке.

— Ответ — нет, конечно. Никто и никуда тебя не отпустит.

— Отличные дела, — бросила она зло. — Что-то мне всё меньше хочется устраивать какие-либо проверки.

А вот этого не нужно; я вообще надеюсь, что у вас с Дином всё сложится. Ото всей души надеюсь. И затеял этот разговор для того, чтобы всё упростить, а не наоборот.

— Только не говори мне, что ты ещё не выросла из возраста, когда можно принимать судьбоносные решения назло, — протянул я подначивающе.

— А ты сам-то уверен, что вырос из этого возраста? — лукаво спросила она.

Отличный удар. Прямо в точку, если честно.

— Туше, — улыбнулся я. — Если всё так, как нам кажется, то Дину повезло. Сказочно. Я, смеха ради, почти что завидую.

Да, вот до чего я дожил. Признавать грустно, но факты — налицо.

Я не хотел, чтобы Дин повторил мою судьбу. Настолько, что даже, пересилив себя, обрисовал в общих чертах нашу с Дайяной ситуацию.

Кажется, эти мои слова пробили-таки её броню: она нахмурилась и опустила голову, явно переваривая услышанное.

— Спасибо за откровенность, — сказала Марджана. — Ничего не обещаю, но обдумаю твои слова. А теперь предлагаю вернуться к насущным проблемам.

— А что с ними, с проблемами? — я с искренним облегчением снова натянул на себя маску балаганного шута. — Так и быть, сегодня

вечером не покушусь ни на чью, прости Лёд чтоб не заржать, нравственность.

— Не думаю, что тобой этим вечером кто-то заинтересуется.

Не заинтересуются? Мной-то? Ну-ну, как же...

— Что, правда? — фыркнул я. — Открою секрет: мною *всегда* все интересуются. И дело, как ни парадоксально, даже не в моей блистательной внешности. Кто же не хочет стать подставкой для короны, а?

— Думаю, не в этот раз, — она явно пыталась скрыть язвительную ухмылку, но получалось очень неубедительно. — И об этом я хотела с тобой поговорить...

*

— Нет, — сказал я возмущённо. — Это категорически исключено! Даже не обсуждается!

— Извини, — развела руками Марджана, даже не пытаясь спрятать весёлый блеск глаз. — Это действительно не обсуждается. Мы, как принимающая сторона, не готовы защищать наследника Ледяных Пиков от любой возможной угрозы.

— Я сам вполне могу себя защитить! — нет, это просто за гранью добра и зла!

— Верю, — профессор Лофф оставалась совершенно спокойной и явно не собиралась сдаваться. — Но и ты пойми: наша сторона не готовилась к прибытию драконьего принца. Мы верим, что ты сможешь себя защитить, но в таких вопросах на веру не полагаются. Так что тут без вариантов: если ты идёшь на бал, то под человеческой личиной.

— Мой куратор будет против...

— Твой куратор дал нам добро, — сбила она меня на подлёте. — Его тоже беспокоит ажиотаж в газетах и огласка, которую получило твоё присутствие на будущем балу.

Ну, господин Иро! Припомню я тебе эту подставу!

— Ну брось, — Марджана, почувствовав моё раздражение, явно решила подсластить пилюлю. — Неужели тебе не хочется примерить на себя роль обычного человеческого паренька? Посмотреть на человеческий бал в человеческом же обличье? Узнать, каково это — перестать быть прекрасным принцем? Это ведь новый, интересный

опыт. И... забавная игра. А менталисты ведь любят игры разума, верно?

Я хмыкнул.

Мне не нравилась вся эта ситуация, но в чём-то Марджана была права: поставить вместо себя двойника, примерить личину простого парня — это действительно может быть забавно.

В конечном итоге, возможно, это именно то, что мне нужно прямо сейчас; пожалуй, в последнее время образ прекрасного принца натирает мне даже больше, чем обычно.

— Хорошо, — сказал я с показательным страдальческим вздохом. — Договорились! Но выберите мне какое-нибудь лицо посимпатичнее, ладно?..

Алисия Майлифф

*

— Признаться, я считал, что ты умерла, — заметил мой биологический отец задумчиво.

— Эти слухи были несколько преувеличены, — вежливо улыбнулась я.

— Да, — кивнул он рассеянно, листая какую-то смету. — Я рад. Хотя и подозревал, что какая-то там катастрофа тебя не сможет убить. Да и чувствовал нечто эдакое. Всё же, видимо, мы взяли от драконов больше, чем нам нравится признавать. Но эта сучка Лиз была уж очень уверена в своей правоте...

— Пожалуйста, пусть она и дальше будет уверена, что я умерла, — попросила я мягко.

— Даже так? — хмыкнул отец. — Небось, спёрла что-то у неё? Моя девочка.

Я только улыбнулась в ответ.

По правде, изначально раскрывать родному отцу правду о своём счастливом спасении я не собиралась: он был из тех персонажей, кого по здравом размышлении лучше бы оставить в прошлом.

Увы, последние сутки наглядно продемонстрировали мне одно: новогодний бал в Академии Магии, который раньше не был интересен никому в этом городе, теперь превратился в событие номер один.

Студенткам ВАВЛа завидовали. За право стать сопровождающей одного из студентов столичные девицы отваливали поистине огромные деньги. Певицы выстроились в очередь, чтобы там выступить. Служба безопасности кружила вокруг, как коршуны над добычей... или как вороны над тушей. Не суть. Сам факт: даже мои фоморские способности не могли мне помочь туда пробраться.

По-хорошему, конечно, стоило отказаться от этой затеи. Стоило, правда. Но... это было просто выше моих сил.

Мне нужно было попасть на этот бал и увидеть Или. Это превратилось в какую-то одержимость, с которой я не могла — а может быть, просто не хотела — бороться.

Я была неправильной Золушкой и не собиралась ждать Фею. Я готова была на всё, чтобы попасть на этот бал... Ладно, может, не совсем на *всё*.

Наплевать на запреты родителей и явиться к опасному преступнику, чтобы снова просить его об услуге — вполне.

— Ну, садись, — биологический отец махнул рукой, указывая на комфортное кресло. — Рассказывай. Я и не чаял тебя увидеть, если честно.

— И что, совсем не рад?

— Зависит от тех проблем, которые ты принесла на хвосте, — ухмыльнулся он. — Как ни крути, в прошлый раз мы расстались на совершенно однозначной ноте.

Ох, вот с этим спорить трудно.

Тут надо пояснить: был у меня в процессе взросления и осознания себя такой замечательный период, когда я очень хотела отыскать своих родителей. Биологических.

Моя настоящая семья к такой вот инициативе отнеслась немного скептически. Тем не менее, мешать мне родные не стали, только предостерегли, что я могу в итоге весьма сильно разочароваться.

Что сказать? Они были одновременно и правы, и не очень.

Моя матушка, как выяснилось, в прошлом работала особой вполне определённого поведения. Но к тому моменту, как я отыскала её, она уже отошла от дел, остепенилась и стала счастливой женой пожилого лавочника, матерью двоих сыновей.

— Сгинь, мерзкое отродье! — сказала она, как только поняла, кто перед ней.

Я послушно сгинула.

На самом деле, матери моей повезло. Если бы к ней явилась прошлая я, полудикая и хищная, то встречу с “отродьем” родительница бы не пережила. Но папа Буджо, а также дядя с тётёй проделали тяжёлую, почти невозможную работу: они научили полудикое хищное существо человечности. Которая, как ни крути, во многом заключается в способности поставить себя на место другого.

Очевидно, что для матери своей я не была желанным ребёнком. Это у фоморов дети рождаются только тогда, когда желанны... и то случаются накладки; мой биологический отец признался, что ему понравились глаза одной из девиц в подконтрольном их Гильдии

борделе. Он был не слишком трезв, когда был с ней, и подумал нечто вроде: “Хотел бы, чтобы у будущей матери моих детей были такие глаза — это разнообразит генофонд.”

Так, собственно, зародилась я.

Впрочем, отец мой в этом вопросе хоть что-то решал. А вот мать... её шок и ужас мне сложно даже представить.

Во-первых, защитить её от моего появления не могли никакие контрацептивы, даже магические — такая вот милая особенность селенити. Во-вторых... даже не знаю, как сказать... в общем, мы не рождаемся, как нормальные дети. Мы вылупляемся из энергетического яйца, как бы дико это ни звучало. На самом деле, это на благо: если бы плод-селенити развивался всё время в организме человеческой женщины, то просто убил бы её, выпил до дна. А так энергия требуется только для создания стенок яйца, а дальше будущий пернатый змей растёт себе за сияющей скорлупой, высасывая энергию из окружающего мира... В общем, по сути это не так уж глупо задумано с учётом нашей природы. Но... можете представить шок малообразованной женщины, у которой родилось яйцо? Я представить не могла, но догадывалась, что никаких положительных эмоций по этому поводу мать моя не испытала. И выбросить меня на мусорку было вполне закономерным с её стороны решением... Наверное.

По правде, я никогда не смогу простить ей этого в полной мере. Но понять... понять я смогла. И оставила её в покое: жить счастливой жизнью и воспитывать нормальных, *правильных*, человеческих детей.

Сколько слёз это мне стоило потом, пусть останется за строчками.

С отцом всё вышло несколько сложнее. Он при моём появлении немного ошалел, конечно, но в целом отнёсся благожелательно. Выслушал, сам ответил на некоторые вопросы о селенити и нашей природе, угостил ужином. Потом, правда, у нас состоялся разговор менее приятный.

— Есть два варианта развития наших дальнейших взаимоотношений, — сказал он. — Первый: я признаю тебя своей дочерью. И ты получишь все обязательные преференции, включая право на наследство, мою поддержку и покровительство Гильдии. Но тут советую тебе хорошенько всё обдумать, потому что вместе с покровительством ты получишь обязанности. Если наш Глава узнает о

твоём существовании, ты должна будешь жить по нашим законам, принять наши правила. То есть, работать — и размножаться — во имя Гильдии.

Честно говоря, в тот момент я едва не согласилась. Думаю, от поспешного решения уберегла меня сама Мора — и фраза о “размножении во имя Гильдии”, конечно.

К тому моменту я уже осознавала себя достаточно, чтобы с отвращением отнестись к подобной “блестящей” перспективе.

— А какой другой вариант?

— Мы продолжаем жить, как жили, — ответил мой биологический отец безмятежно. — Каждый своей жизнью. В этом случае тебе не следует рассчитывать ни на спонсорство с моей стороны, ни на семейное общение. Поддержка... опционально, в исключительных случаях и без злоупотребления. И не деньгами. Таковы варианты.

Тогда я была возмущена: хватала ртом воздух, не зная, что тут сказать. По счастью, у меня хватило мозгов не наговорить лишнего, а вернуться домой и посоветоваться с семьёй. И они посоветовали мне посмотреть внимательнее на работу Гильдии Змей.

Мой биологический отец счёл просьбу вполне закономерной, и уже на следующий день я, дав клятву неразглашения и натянув личину его новой помощницы, стала следовать за родителем.

Меня хватило на три дня. Неполных.

Я сломалась, когда мы поехали проверять новую партию “живого товара”.

После я сказала биологическому отцу, что не хочу иметь с Гильдией и её работой ничего общего. Он, как мне показалось, решением моим остался доволен; я же всегда буду ему благодарна хотя бы за то, что он дал мне сделать этот выбор. В моих глазах уже это делало его по-настоящему хорошим отцом.

После мы не общались лично. Но именно с его подачи я встретила с леди Элизавет — если я поняла верно, любовница премьера была должна моему отцу, и он воспользовался этим долгом.

С тех пор, собственно, мы с биологическим родителем не виделись. К обоюдному удовлетворению.

Я бы, может, с удовольствием не встречала его и впредь. Но теперь...

— Ну так, что там у тебя? — прервал мои размышления отец. — Ты поссорилась с сучкой Лиз и теперь хочешь, чтобы я подыскал тебе нового покровителя? Если так, то извини, я не могу тратить на тебя связи такого уровня раз за разом. Я дал тебе шанс, ты им распорядилась на своё усмотрение. Дальше мои полномочия — всё... Кстати, что это был за перстень, который ты украла? Не думай, я не требую вернуть. Просто интересно, чем нынче живёт Лиз. Когда-то мы с ней были знакомы... очень тесно, если ты понимаешь, о чём я.

О да, я понимала. Ещё бы не понять!

А ещё оказалась перед немалой такой дилеммой.

С одной стороны, ужасно захотелось рассказать, что Элизавет пыталась от меня избавиться. С другой стороны, посвящать биологического родителя в историю с принцем было откровенно опасно. И как бы тут извернуться, спрашивается? Самое умное было бы промолчать вовсе, наверное. Но нет, не удержусь...

— Леди Элизавет списала меня в утиль, чуть не убила, а теперь обвиняет в краже какой-то побрякушки? Поразительная наглость с её стороны, — я надменно хмыкнула. — Уже говорила, но скажу ещё раз: у тебя отвратный вкус на женщин.

Вот теперь он отложил бумаги и посмотрел на меня. Внимательно так, оценивающе.

— Ты попала в аварию маголёта, когда возвращалась из Драконьей Империи, уладив для Лиз очередные грязные делишки. Авария случилась над Впадиной Древних, что смертельно опасно даже для кого-то вроде тебя... Я проверил, там всё было чисто. Лиз утверждала, что задание касалось какого-то кольца, которое ты не вернула заказчику. Она сумела даже поклясться в этом. Как и в том, что она непричастна к случившемуся с тобой.

Ого. А отец, оказывается, заботится обо мне куда больше, чем я смела думать.

Не ожидала, что он даже *проверял*.

Я ухмыльнулась:

— Весьма ловко с её стороны. Скажи, а формулировка полностью исключала вариант, что она осознанно отправила меня на суицидальное задание?

Бровь отца приподнялась.

— Я проверю, — заметил он, и глаза его стали похожи на лужицы расплавленного металла. — И, если ты права, приму некоторые... меры. Не хочешь рассказать подробнее, чем именно занималась в Драконьей Империи и что у Лиз там за интерес?

— Прости, не хочу, — я развела руками.

Он прищурился.

— Ладно, предположим. Тогда вернёмся к причине твоего визита. Итак, новый покровитель?

— Нет, — ну что, сейчас или никогда? — Я хочу петь на новогоднем балу в ВАВЛ.

Вот теперь он смотрел на меня *очень* внимательно.

— На том самом, который сегодня вечером? Где будут присутствовать драконы?

— Да.

Отец фыркнул:

— А звезду с неба тебе не надо, девочка? Новогодний бал в ВАВЛ... Ты хоть представляешь, как сложно туда сейчас пробраться? Я работаю над тем, чтобы пропихнуть туда девочек из Гильдии — нельзя упускать возможность заполучить драконий генофонд. И поверь, ты даже не можешь вообразить, насколько сложно их туда пропихнуть. Используя все ресурсы Гильдии. А тут ещё ты. На кой тебе туда нужно? Неужели начиталась книг о драконах? Это новомодное слово... фанатка, да?

Я мысленно ужаснулась от того, что именно собираюсь ему соврать, но отступить не собиралась.

Я попаду на этот бал. Я спою для своего принца.

— Фанатка? — рассмеялась я. — Отец, мне интересно, почему ты не понимаешь совершенно очевидных вещей. Почему змеям из Гильдии можно охотиться за генофондом, а мне — нельзя? Я тоже хочу драконьи гены своим детям!

Мой биологический отец изумлённо моргнул, а потом — призадумался.

— Закономерное желание, — отметил он задумчиво. — И, думаю, как моя дочь ты имеешь на это право. Но... ты уверена, что хочешь дать своим детям ещё больше драконьего наследия? Не знаю, как у тебя, а у меня оно порой доставляет некоторые... неудобства.

— Неудобства? — удивилась я.

Отец вздохнул и откинулся на спинку своего роскошного кресла.

— Ты знаешь, что во мне рекордное количество сильной драконьей крови. И, хотя в теории фомора от дракона может родить только чуть более сильного фомора, на практике всё несколько сложнее. Скажем так: чем старше я становлюсь, тем больше нахожу в себе странностей, которые могу объяснить только драконьими инстинктами. Например, к собирательству. Ты уже начала что-нибудь коллекционировать? Нет? Возможно, в тебе меньше драконьей крови... Так или иначе, собирательство, как и неспособность посадить себе на спину постороннего — это, по сути, всё же мелочи. Но недавно я столкнулся с совершенно неожиданными... проявлениями. Видишь ли, судя по всему, у нас, как и у драконов, могут быть пары.

— Что?! — каюсь, вот тут я чуть с кресла не свалилась. — Но как?! У фоморов пар быть не может! Это... абсурдно! Противоречит воле Моры!

— Знаю, — развёл руками он. — Но никак иначе я себе не могу объяснить некоторые... моменты.

— Моменты?

Он бросил на меня быстрый взгляд, будто раздумывал, стоит ли об этом говорить. Но потом, на что-то решившись, продолжил:

— Не так давно я присутствовал на разгрузке живого товара. Для подпольных домов удовольствия... сама понимаешь, о чём я.

О да, я понимала.

— И?

— И увидел девушку. Она не отличалась от других, но я почувствовал нечто...

Я понимающе улыбнулась, ощутив к биологическому родителю невольное сочувствие. Вот что значит — впервые влюбиться на старости лет!

— Она понравилась тебе; ты просто влюбился. Так бывает.

— Нет, — ответил он серьёзно. — Ты знаешь меня, Алисия. Я — практичная личность до мозга костей. И не склонен к спонтанным проявлениям чувств. Согласись, это было бы крайне... неудобно — при моей-то работе. Но тут произошло нечто очень странное: я встретился с ней глазами и застыл, как привязанный. Собственно, с твоей матерью у меня сложилась похожая ситуация, но в разы слабее. Теперь, с высоты опыта, я допускаю, что между мною и ею было то,

что у драконов было принято называть “частичная совместимость”. Но в данном случае... я буквально ни с чего потерял голову. Не мог позволить ей остаться среди живого товара, не мог не взять с собой, всё время хотел развеселить или порадовать. И никакие проверки на привороты ничего не дали. Да и не похоже это на приворот! Это похоже...

— Это когда смотришь и думаешь: “А вот и ты”, — пробормотала я. — Как будто нашёл недостающий кусок себя.

Он хмыкнул:

— Как на мой вкус, немного излишне поэтично. Но что взять с людей творческих? Да, ты права, Алисия. Полагаю, ты тоже испытывала нечто подобное?

Я прикусила губу и сжала пальцы в кулаки, чтобы они не дрожали. Может ли быть?..

— Вижу, что да, — кивнул он. — Так что не факт, что драконий генофонд вообще пойдёт тебе впрок. Я много раз пытался зачать ребёнка для Гильдии, но ничего не получалось.

— И с этой девушкой, которую ты встретил, тоже?

Он дёрнул головой, словно отгоняя наваждение:

— Не хочу говорить об этом. Давай к делу: ты уверена, что хочешь попробовать заполучить генофонд одного из драконов?

— Да, — теперь я уверена в этом ещё больше, чем раньше. Хотя бы в том, что хочу увидеть Или снова.

Он несколько мгновений внимательно рассматривал меня, а потом хмыкнул:

— Что же, я могу это устроить. Но потом за новым покровителем не приходи!

— Согласна, даже если это — самая последняя твоя услуга.

Мой биологический отец побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо! Так и быть. Зайди ко мне через два часа, я отдам тебе приглашение; ты будешь петь на этом балу.

Я прикрыла глаза от нахлынувшего облегчения. Получилось! Я иду к тебе, мой прекрасный принц. И будь что будет!

*

Я выскользнула из дома вечером, спрятав сценический костюм под просторным плащом.

По счастью, всем было не до меня: мальчики готовили план захвата мира, тётя Ленна готовила ужин.

Если быть вот совсем уж точной, то наши мужчины готовили программу продвижения Глубоководного на политической арене; но, будем честны, это выглядело примерно так же пафосно и масштабно, как планы по захвату мира. С другой стороны, Глубоководный казался очень довольным, даже почти счастливым, Бэн оставил идею о женитьбе и ни разу за вечер не потянулся к кружке, дядя выглядел крайне оживлённым и планировал вытащить Вилни в увольнительную, чтобы обсудить с ним чудесные перспективы. Когда я тихо ушла прочь, на повестке дня как раз значился поиск подходящего стряпчего, который помог бы легализовать Глубоководного на поверхности.

Что сказать? Удачи им с этим.

Предновогодняя Вел-Лерия была шумной, весёлой, полной снега и цвета. Я шла мимо красиво украшенных домиков, улыбалась в ответ на улыбки уличных торговцев и ощущала, как ворочается в груди предвкушение. Сегодня я увижу *его*...

В памяти снова всплыли слова отца. “Только постарайся не выбирать принца, хорошо? — попросил он. — В Гильдии был только один змей с ледяной кровью, и тот сбежал. Теперь за Ледяным наследием будет настоящая охота; никто из гильдейских девочек не упустит такой шанс.”

Я тихо рыкнула, чувствуя, как чешутся перья. Я не отдам его им!..

Наверное.

*

— Ты чего такая кислая, змейка? — спросила у меня Наль. — Это ж не тебя в розовое непотребство вырядили!

Я тихонько фыркнула и отхлебнула приличное количество пунша из чашки.

Новогодний Бал, которого я ждала, как сказки, постепенно скатывался в унылые рабочие будни, полные разочарования. Собственно, тоску скрадывала только радость встречи со старой знакомой.

С Наль, охотницей за старинными артефактами, работающей на папочкину Гильдию, мы пересеклись несколько лет назад. Я как раз выполняла одну из просьб Элизавет, охотилась за “колье очарования”, спрятанным в старинной гробнице Красной Дамы.

Наль, малолетняя, но очень талантливая магичка, получила заказ на Браслет Истины, другую побрякушку из гарнитура Дамы.

Стоит оговориться, что гробница Красной Дамы была официально запечатана, и распечатывать её запрещалось, дабы не выпустить в мир чего-то лишнего и хищного. Так что мы обе, я и Наль, находились там совершенно нелегально. И провели много незабываемых часов, блуждая среди зеркал и отбиваясь от Червового Валета... Но это уже другая история, включающая в себя древнее проклятие и много проблем. Так или иначе, с Наль мы там если не подружились, то стали добрыми приятельницами.

У Наль был недостаток: она могла узнать меня в любом обличье. Но также у неё имелось достоинство: она умела хранить секреты, не была болтливой и без проблем поклялась Морой, что не выдаст меня ни при каких обстоятельствах.

С тех пор мы время от времени пересекались. Но за всеми перипетиями я успела забыть, что Наль учится в ВАВЛе, и встретить её тут было единственной приятной неожиданностью за весь вечер.

Она выцепила меня в гримёрке, когда в концертной программе приглашённых артистов объявили перерыв: начинался конкурс академических талантов. И, как несложно догадаться, в этот раз участвовать хотели буквально все. Вот и матушка Наль, работающая тут же, в МУЗе, подсуетилась: выбила для дочери место. И позаботилась об её внешнем виде...

— Отстой, — пробурчала моя приятельница. — Вот ты мне скажи: почему моя мать думает, что тот розовый ужас, который на мне надет, притянет принца? Ну серьёзно, откуда в её башке эта идея?

Я покачала головой, наблюдая сквозь щель в занавеси, как Или улыбается девушкам направо и налево.

Я смотрела на него и не чувствовала ровным счётом ничего — кроме разве что лёгкой брезгливости. Вот он наклонился, исподволь заглядывая в декольте одной из гильдейских змей; вот слащаво улыбается, склонив голову набок; вот окидывает зал цепким взглядом... Те же движения, тот же ритм, но насколько всё отличается от моих глупых, бережно хранимых воспоминаний!

Неужели я... разлюбила его? Или никогда не любила вовсе?! Но это казалось таким *реальным*...

Определённо, прекрасный принц — самое большое разочарование в моей жизни!

Размышления мои прервал очень деятельный вихрь, ворвавшийся в гримёрку, бесцеремонно растолкав конкурсанток. Это была чуть полноватая женщина в костюме преподавателя. И, хотя я не видела её раньше, но сразу поняла, кто это — по изменившемуся лицу Наль.

Бросив на меня подозрительный взгляд, мадам Бозия-старшая подцепила дочь под локоток и отвела в сторонку. На сцене в тот самый момент пыталась петь какая-то девица, не попадающая вообще никуда. Потому я перенастроила свой слух, чтобы узнать, о чём же мать и дочь будут шептаться.

— Ну что ещё?! — Наль, кажется, родительнице была не особенно рада.

— Не бурчи, — мать принялась довольно агрессивно поправлять её платье, — несчастье моё, всё тебе приходится объяснять! Чем ты тут занимаешься?

— С подругой болтаю! Я её полгода не видела, между прочим!

Мать только фыркнула:

— Ну дитё дитём! Какие могут быть подруги, когда на кону драконий принц?! Тут каждая сама за себя!

Я закусила губу, дабы не заржать. Вот уж действительно...

— Ма-ам, ну что ты несёшь?

— Что несу, то до тебя, дурочки, никак донести не могу! Соберись! Это такой ответственный вечер, а ты занимаешься какой-то ерундой! Ещё и на жеребьёвку не удалось повлиять, и принц будет сопровождать на сцену эту вульгарную Криспину с курса менталистов. Так ещё и ты тут с какой-то неведомой “подругой” общаешься, вместо того, чтобы готовиться! Откуда у тебя вообще друзья из островитян?!

— Мама, хватит! — Наль тряхнула головой. — Ты меня просто уже достала своим принцем!! Нравится он тебе — иди и спи с ним, идёт?!

— Как ты можешь! — возмутилась мать. — Ты просто пока не понимаешь! Вот подрастёшь...

— И пойму, ага. Вот когда пойму — тогда и приходи!

Бозия-старшая вздохнула, а после наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

— Ты у меня очень красивая, — сказала она. — И не всем быть умными. Просто будь немного шустрее, милая. Хорошо?

Выдав это спорное заявление, матушка Наль вышла из гримёрки.

Наль скривилась.

— Ты всё слышала?

— Да, — какой смысл отрицать?

— И что думаешь?

Интересный вопрос.

— Думаю, что твоя мать очень тебя любит, — сказала я честно. — И пытается сделать для тебя всё... но ваши представления обо “всём” слегка не совпадают.

— Отстой, — вздохнула Наль грустно. — Почему мамы так стремятся подложить своих дочерей под принца?

— Кто знает, — я нервно передёрнула плечами, снова вспомнив леди Гохорд. — Надеются на шоколадное будущее для себя? Или правда думают, что так будет лучше для дочери? Пытаются через дочь реализовать что-то, чего недополучили сами?.. Думаю, всё вышеперечисленное справедливо. Но вообще не раскисай! Не такое уж плохое платье. По крайней мере, тебя заметят. И приготовься! Скоро твоя очередь.

— Не напоминай, — скривилась Наль. — Это всё очень тупо!

По сути, недовольство её можно было понять: Наль нельзя назвать любительницей блистать на сцене.

— Ну почему? — я ободряюще ей улыбнулась. — Жонглировать огненными кинжалами — это же замечательно! Вот увидишь, всем понравится.

Наль ничего не сказала, но посмотрела очень скептически. Наверное, примерно так принято смотреть на лекаря, который говорит “это совсем не больно”.

Или на политика, утверждающего, что делает всё исключительно в интересах народа.

Думаю, у Наль было чего интересного мне сказать. Но в этот момент новогодний праздник перестал быть томным: совсем рядом с нами зазвучал дикий крик ужаса и боли.

Мы обернулись, чтобы увидеть совершенно ошеломительную картину: симпатичная девчонка, которая готовилась к выступлению в соседней гримёрке, кричала, схватившись за окровавленное лицо. На губах её выступила кровь, и я услышала странный звук в её горле...

— Наль! — выдохнула я. — Стеклянный песок!

Надо отдать должное моей приятельнице: среагировала она мгновенно. В несчастную девочку полетел стазис. Не факт, что поможет, конечно; но так, по крайней мере, у неё есть шанс уцелеть.

После началось светопреставление: все кричали, бегали, звали службу безопасности, причитали и обсуждали новость.

Я в этой пёстрой толпе тут же предпочла исчезнуть, благо общение с безопасниками — последнее, что мне нужно было вот прямо сейчас. Так что я прибилась к стайке переговаривающихся девчонок и затерялась среди них.

— ... Стекло в пудре? Какой ужас! Это даже хуже, чем гвозди в туфельках, если вы спросите моё мнение.

— А ты как думала? В сказку попала? У нас же тут целый драконий принц!

— Ага. Точно! И именно её он должен был сопровождать на сцену. Так что понятно, откуда тут растут ноги.

— Повезёт девчонке, если выживет!

— Точно. Вот до чего доводят прекрасные принцы!

Я поморщилась и тихонько выскользнула в зал.

Тут не прекращалось веселье: очевидно, никто не хотел тревожить почтенных драконьих гостей всякими мелочами. Вроде девчонки, надышавшейся стеклянной пылью.

Мне почему-то стало тошно. Я снова посмотрела на Или, но принц так и продолжал кокетничать, неприятно улыбаясь.

Я отвернулась.

Дальнейший конкурс пошёл ни шатко, ни валко: кажется, ведущие хотели сделать всё, чтобы он миновал побыстрее. Наль не участвовала; девушка со стеклянной пудрой, разумеется, тоже. Так что принц вывел

на сцену какую-то первокурсницу, обмирающую от осознания выпавшего ей счастья.

Я прикусила губу, чувствуя, как клокочет в глубине души непонятная злость и горечь. Чего я, спрашивается, ожидала? Что со мной не так?

— Вот вы где! — меня подхватила под локоть распорядительница.
— Поспешите! Номера сдвинулись, и вам выступать через один!

— Но...

— Поспешите, я сказала! Вы бы не попали сюда, если бы Эджемет Клофф не заболела так внезапно. Вам оказана честь, так будьте добры вести себя ответственно!

Я послушно последовала за распорядительницей — готовить шкатулку. Моя песня о “Прекрасном принце” должна была открыть танцевальную часть.

Только вот мне больше не хотелось её исполнять.

Так что, как только пришло время, я решительно повернула ключ в музыкальной шкатулке пять раз, вызывая на свет очень личную, мне одной принадлежащую мелодию.

Думаю, она подойдёт для этого вечера. По крайней мере, я очень хочу, чтобы Или её услышал.

*Мои улицы жестоки к таким, как я
Они темны и полны опасных соблазнов
Для тех, кто в мобiliaх, они прекрасны
Вам не суметь этот ужас понять.*

Этот стих изначально не планировался песней, но... я положила его на музыку — и он, на удивление, понравился моим новым слушателям. Даже несмотря на медленную, совершенно не задорную мелодию. Хотя... Не такая уж это загадка, на самом деле: в своей новой жизни я пою про обездоленных и для них же. А им эта песенка очень даже близка.

Как и мне.

Я вкладывала в песню весь свой голос, всю себя. Мне хотелось, чтобы это было не только и не столько о любви, но о таких, как я.

С потолка повалил колдовской снег. Пары принялись танцевать, красивые, разряженные, и мне это казалось не более чем правильным.

Это именно *та* музыка. Жаль, что раньше я пела вам то, что хотите слышать вы. Меня так это заботило... Высшее общество, где надо говорить правильные слова, правильно держать чашку, петь правильную музыку и, разумеется, *соответствовать*.

Я перехватила взгляд распорядительницы, обещающий мне самые страшные кары. Я заметила, что прекрасный принц, о котором я так мечтала, танцует с одной из гильдейских змей.

Мне было всё равно.

Это мой бал. И моя личная песня Золушки.

*Мои улицы жестоки. Там сложно выжить
И ещё сложнее собой остаться.
Сохранить себя... не стоит пытаться
Когда их тьма подбирается ближе.*

*Мои улицы всегда оставляют след.
Их тень всегда рядом, беги не беги.
Пусть пали в бою все твои враги
Спасенья от памяти всё ещё нет.*

*Эти улицы всегда оставляют след
На таких девчонках, как я...*

Закончив, я улыбнулась, поймав ладошкой ненастоящий снег. Я видела, как удивлённо смотрят на меня драконы; ощущала, что песня тронула и гостей, и многих людей.

Значит, оно того стоило.

— Вы уволены! — что же, монолог распорядительницы был предсказуем. — И не рассчитывайте получить за этот концерт хоть одну монету! Спеть *такое* перед иностранными гостями... да как вы посмели?!

Коротко улыбнувшись ей, я сказала:

— Я сама найду выход.

И я действительно собиралась уйти с этого бала, правда. Даже пошла по направлению к двери. Но тут из тени за колоннами

раздался тихий, приятный голос.

— Это было потрясающе, знаешь? Я впервые слышу, чтобы кто-то *так* пел.

Я остановилась и повернулась.

Из тени мне навстречу выступил человеческий парень — тощий, нескладный, чуть лохматый, но невыразимо милый.

— Да, — он развёл руками, — я — точно не прекрасный принц этого вечера. Но всё же должен сказать, что восхищён тобой. Это было красиво. И смело.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо.

— Думаю, ты могла бы понравиться принцу, — заметил он. — Почти уверен в этом.

— Да? — фыркнула я. — Но тут есть проблема: принц резко разонравился мне.

— Правда? Загадочная девушка, — он прищурился, как обожравшийся сметаны кот. — Открою тебе секрет: мне тоже не нравится принц. Иногда так бесит, что просто убил бы.

— Понимаю, — закатила глаза я, вспомнив свои сегодняшние впечатления. — Убить не убить, но покусать его точно хочется.

Он склонил голову набок.

— Прими моё восхищение тобой. Пожалуй, я хотел бы встретиться ещё... при других обстоятельствах.

— А зачем нам другие обстоятельства? Меня вполне устраивают эти, — я не знала, почему сказала это.

Он правда не был похож на героя девичьих грёз. Но какая разница, кто как выглядит? Его улыбка была полна лукавства, иронии и тепла. Он напомнил мне... каким-то невозможным образом он напомнил мне то время, проведённое с Или. Безумие, но — почему бы и нет?

Это кто-то реальный, земной, простой. Тот, с кем меня не разделяют страшные тайны, интриги и социальная пропасть. Кто-то, до кого я могу дотянуться. Обычный милый парень. И я же не планирую чего-то грандиозного, не так ли? Но почему бы нам просто...

— Почему бы нам просто не выпить пунша? — спросила я. — В саду есть милые беседки.

— Серьёзно? — выгнул он бровь. — Ты приглашаешь *меня* на свидание?

— Я приглашаю тебя встретиться вместе Новый Год. Собраться, так сказать, нашим маленьким клубом тех, кто терпеть не может прекрасного принца. А станет ли это свиданием... Давай разберёмся по ходу?

Его ответная улыбка, казалось, осветила всё вокруг.

— Звучит отлично, — сказал он. — Я за.

*

— Как же тут красиво, — выдохнула я заворуженно, рассматривая украшенный к Новому Году парк при Академии Магии.

— Согласен, — улыбнулся мой новый знакомый, и отсветы фонарей затанцевали в его глазах. — Настолько красиво, что даже неожиданно.

— Верно, — я ещё раз окинула взглядом белоснежные деревья, укрытые снегом и инеем, фонари, плавающие в воздухе, ледяные скульптуры и новогодние украшения. Это смотрелось настолько цельно, гармонично и... как в сказке.

Там, в зале, полном веселья, я чувствовала себя лишней и жалкой. Но здесь, в беседке, окружённой ледяными ветвями кустов, я ощущала себя принцессой. И наплевать, что бал отсюда кажется лишь отсветами в окнах.

— Так как тебя зовут? — спросила я. — А то мы ото всех сбежали вдвоём, но я даже не знаю твоего имени. Как-то это не особенно прилично.

— А ты, значит, приличная девочка? — его улыбка стала порочной, искушающей. Мне даже показалось на миг, что... знакомой?...

— Не особенно приличная, — призналась я честно. — Но насчёт имени всё равно интересно.

— Н-да... и что, взамен назовёшь мне своё? Настоящее, не сценическое?

Я открыла было рот — и тут же его захлопнула.

Лгать не хотелось.

Он понимающе улыбнулся.

— У нас с тобой общая проблема, как мне кажется, — заметил он. — Мы не должны быть здесь. Я, например, пришёл с другом за компанию. Пробрался под фальшивым именем.

— О, это мне знакомо, — вздохнула я.

— Почему-то мне кажется, что да. Ты ведь певица, — отметил он. — И... не вполне похожа на остальных.

О, милый, ты даже не представляешь, насколько.

— Так что, никаких настоящих имён?

— Не хочу тебе врать, — сказал он. — Но пообещал другу не пользоваться настоящим именем этой ночью. Он провёл меня сюда, доверился мне...

— Понимаю, — мне тоже почему-то не хотелось ему врать. Там, с Или, у меня не было выбора... или мне *казалось*, что у меня нет выбора.

Но здесь повторять то же самое не хотелось.

— Но как-то нам нужно друг друга называть, — заметила я. — И учти, всякие банальности вроде “заек” и “милых” не особенно вдохновляют. И да, “эй, ты” — тоже не вариант.

— Н-да? — он цокнул языком. — А я так рассчитывал... Но не судьба. Конечно, мы могли бы называть друг друга Прекрасной Незнакомкой и Таинственным Незнакомцем (потому что на Прекрасного я не тяну), но это звучит немного слишком длинно на мой вкус. Так что я тут подумал: а у тебя есть прозвище, которым тебя называли в детстве?

— Ох, — это было прямо по больному месту. — Ну, в детстве меня никак не называли.

Он удивлённо посмотрел на меня:

— Совсем никак?

— Моя мать оставила меня, и там была... в общем, своя история. Но потом мой приёмный отец звал меня *ма шер*. Так что можешь называть меня Шери, если хочешь.

Он задумчиво кивнул.

— Шери — красиво звучит, мне нравится. Ну, меня в детстве женщина, которую я считаю второй матерью, называла Шкодник. Думаю, вполне подойдёт.

— Шери и Шкодник? Звучит неплохо! Итак, господин Шкодник, какие у нас планы на этот Новый Год?

— Ну, для начала мы могли бы выпить немного грога, — протянул он лукаво.

— Но где мы возьмём грог?

Шкодник подмигнул и быстро вытащил буквально из воздуха поднос с горячим грогом и закусками. Всё выглядело настолько

красивым и аппетитным, что я разом почувствовала себя на очень дорогом приёме.

— Теперь есть, — объявил Шкодник. — Прошу!

— Так ты — бытовой маг? — уточнила я, поднимая один из фигурных стаканов.

— Местами, — склонил голову набок он. — Скорее любитель. Но неплохо разбираюсь в сервировке стола, так уж вышло... тем не менее, это неинтересно. У меня предложение: почему бы нам не поиграть?

— Во что?

— Хм... Как насчёт правда за правду? Отказываться от вопроса можно, лгать — нельзя.

Я отпила немного грога. Правда за правду? А почему бы и не да? У меня нет никаких причин лгать Шкоднику.

— Согласна.

— Позволь мне начать. Что бы... итак, зачем ты пришла сюда? — спросил Шкодник.

Я вздохнула. Эта правда не очень приятная, но от неё никуда не отвертишься.

— Да как и все: хотела увидеть прекрасного принца.

— Вот как? — удивился он. — И почему же ты тогда здесь, со мной?

— Разочаровалась, — пожала я плечами.

В глазах Шкодника неожиданно сверкнул металл.

— Он что-то сказал тебе, Шери? Сделал?

И спросил он это так, как будто в случае утвердительного ответа действительно пойдёт разбираться с драконьим принцем.

Какой же он милый.

— Нет, — улыбнулась я. — Ничего из этого, на самом деле. Я просто понаблюдала за ним со стороны — и передумала знакомиться. И вообще, теперь моя очередь!

— Я весь — вниманье, — по-кошачьи улыбнулся он. — Спрашивай.

— А почему ты здесь?

Он усмехнулся:

— Смотря что понимать под “здесь”, верно? Так и до философских концепций можно дойти... ладно-ладно, не делай такие

страшные глаза. Но вообще-то да, причин много. И главная — мой лучший друг, почти брат, влюбился. В очень неподходящую женщину. Он здесь, потому что пытается её завоевать. А я... на самом деле, я просто убегаю.

— Убегаешь? — удивилась я.

— Как распоследний трус, — невесело улыбнулся Шкодник. — Не особенно приятно в таком признаваться, но из песни слов не выкинешь, верно? В последнее время мне стало очень тяжело находиться дома. По целому ряду причин. Когда появился шанс развеяться, я ухватился за него двумя руками... Моя очередь. Итак, как давно ты занимаешься музыкой?

Интересный вопрос.

— Не знаю. Сколько себя помню? Но по-настоящему я познакомилась с музыкой, когда мне было лет десять. Музыка спасла меня из очень тёмного места; с “Увертюры ветра”, сыгранной на скрипке, началась моя новая жизнь.

Он смотрел на меня, не отрываясь, и мне казалось, что я тону в его зрачках.

— “Увертюра ветра”, сыгранная на скрипке, — повторил Шкодник вкрадчиво. Казалось, он смаковал эти слова, и они звучали в его исполнении, как чистое искушение.

— А ты умеешь играть на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— Да, — криво улыбнулся он. — На всех, собственно.

Я удивлённо приподняла брови.

— Музыкальная магия... в тебе есть кровь сидхе? — это многое бы объяснило, кстати. В частности, то поразительное, сшибающее с ног обаяние, которое так контрастировало с тривиальной по сути внешностью.

— В моей семье не принято это обсуждать, — чуть грустно улыбнулся он.

И снова — объяснимо. Это последние годы отношение к сидам и их наследию более-менее выправилось. А раньше встречалось всякое. Гонения, презрение... мне ли, фомору, не знать об этом?

— Понимаю, — я протянула руку и мягко погладила его по плечу. — Теперь твоя очередь задавать вопросы.

Он будто бы невзначай накрыл мою ладонь своей. Невинное прикосновение, но я вздрогнула: мне показалось, что по жилам течёт жидкое пламя.

Наши глаза встретились.

— Случалось ли с тобой такое, Шери, что чутьё и инстинкты твои тебя подводили? — спросил он тихо. — Бывало ли, что ты чувствовала себя так, словно блуждаешь в тумане?

— Да, — выдохнула я прямо ему в губы. — Сегодня, например, я не верю сама себе.

— Я тоже, — ответил он тихо. — Знаешь... прости за банальность, но у меня чувство, что мы уже встречались раньше.

— У меня тоже, — призналась я. — Так что это одна банальность на двоих. Но я не могла встречать тебя раньше. Я бы запомнила.

— Я бы тоже, — он поднял руку и осторожно, медленно провёл кончиками пальцев по моему лицу. — У тебя очень яркая внешность, не забыть. И всё же...

— *И всё же*, — кивнула я. — Да. Я ощущаю то же самое.

Пауза, которая повисла между нами, была наполнена несказанным. Наши губы были так близко, дыхание смешивалось, взгляды сплетались воедино... Нам было достаточно преодолеть последнюю преграду... но никто, казалось, не решался.

Шкодник осторожно отстранился.

— Это всё очень остро, — сказал он. — И, пожалуй, слишком быстро.

— Ты не хочешь?..

— *Этого* я не говорил, — слегка улыбнувшись, он взял мою руку в свою и нежно прикоснулся губами. У меня появилось ощущение, что под кожей расцветают огненные цветы.

С ума сойти. Да что со мной?! Почему это... *так*?!

— Мне нужно отойти на минутку, — сказал Шкодник, и всё во мне воспротивилось его словам.

— Зачем?!

Обычно я не бываю настолько назойливой. Но сейчас отпустить его было почти невозможно; не знаю, что на меня нашло, но его присутствие рядом казалось физической необходимостью.

Я бы решила, что меня опоили или зачаровали, если бы такое было возможно хотя бы в теории.

— Сейчас вернусь, — пообещал он тихо. — Мне надо перекинуться парой слов с моим другом...

“И проветриться”, — прочла я в его глазах несказанное продолжение.

Что уж там, это нам обоим бы не помешало. Наверное.

— Хорошо, — улыбнулась я мягко. — Пожалуйста... *вернись*.

Прозвучало как-то беспомощно, жалко даже. Он улыбнулся в ответ:

— Конечно. Не сомневайся во мне ни единой секунды.

И я поняла, что действительно не стану сомневаться.

Я осталась в беседке в компании вкусного грога и потрясающих закусок. Сад был накрыт специальными чарами, не позволяющими гостям мёрзнуть, но мороз всё же ощущался.

Он должен бы помочь мне остыть, но на деле...

С неба повалил снег. Я подставила ему лицо, ощущая, что снежинки касаются моих горячих губ, словно поцелуи... И в следующее мгновение знакомая ледяная магия засверкала над парком. Я увидела, как из земли вырываются ледяные побеги, создавая поднимающийся над кронами мост.

И на этот мост взошли двое. Я смутно видела мужчину, но вполне могла различить традиционный драконий наряд и светлые волосы. А вот женщина... Эту мантию преподавателя, эту фигуру, эту причёску я узнала мгновенно.

“Значит, Марджана Лофф всё же заполучила себе прекрасного принца, — подумала я. — Ловко.”

Честно говоря, расскажи мне кто-то о подобном исходе этого вечера заранее, я была бы безутешна. Но теперь даже не понимала, что чувствую. Возможно...

Все лишние мысли растаяли, когда мне на плечи лёг чужой камзол.

— Я подумал, что тебе может быть прохладно, — сказал Шкодник. Руки убирать он не спешил.

— Нет, — я откинула голову, нагло облокотившись на него. — Я бы сказала, мне скорее горячо.

Он тихо фыркнул в ответ. Его тёплое дыхание согревало мне кожу.

И вот тогда я саму себя спросила: а какой Бездны, а?

Повернувшись в его объятиях, я прижалась губами к его губам.

И весь здравый смысл, который ещё оставался в моей голове, покинул меня.

Мне казалось, в его объятиях я могу скрыться от целого мира. Мне казалось, что я знаю его всю жизнь. Мне хотелось пить с его губ, как из источника.

И всё это очень банально, сама знаю. И я... я много раз читала об этом у поэтов, слушала в опереттах, видела в пьесах. Однако не испытывала сама.

До этого дня.

Мы оторвались друг от друга, тяжело дыша. Он ласково очертил моё лицо кончиками пальцев.

— Со мной всё непросто, — сказал он тихо. — Моё прошлое, моя магия, моя семья... это всё — не лучшая база для отношений. Даже если со стороны кому-то может показаться обратное.

Я внимательно посмотрела на него, исподволь прислушиваясь к внутреннему ритму. И снова странно: он казался одновременно очень знакомым и очень чужим. Сумасшедшее ощущение!

Но если взглянуть на Шкодника вот так вот, беспристрастно, то что о нём можно сказать? Не слишком дорогая одежда, никакой косметической магии, худоба, свойственная недоедающим крысам с Дна, проблемы дома... Да и на бал этот он пробрался “с другом”...

Скорее всего, мы с ним из одной социальной прослойки. Скорее всего, он тоже замешан в какие-то не совсем законные делишки.

Это ничего. Что бы там ни было, это всё равно намного проще для меня, чем недостижимый драконий принц.

— “Со мной всё непросто” — это должна быть моя реплика, — улыбнулась я насмешливо.

Он слегка сжал мои плечи. Вокруг беседки поднялась метель, и снег будто бы укрывал нас от всего остального мира в своих ладонях. И в другое время я, возможно, обратила бы внимание на эту странность, но — не сейчас.

Сейчас весь мой мир сузился до одних только его глаз.

— Тебе непросто было выбраться с тех тёмных улиц, верно? — спросил он тихо.

Я криво улыбнулась.

— Я совсем не уверена, что это возможно — окончательно с них выбраться... Ты знаешь, мне кажется, о чём я говорю.

— Да, пожалуй, — его лицо было близко-близко. — Я знаю, как порой тяжело бывает оказаться пленником собственного врождённого статуса. Как порой хочется натянуть на себя чужую кожу, стать не тем, кто ты есть...

— Но от себя не убежать, — закончила я тихо. — Сколько бы масок ты ни примерил, там, под маской, всегда останется живая плоть. Истинное лицо, каким бы оно ни было.

Я вспомнила своё истинное лицо: перья вместо волос, кожа цвета ртути и змеиные глаза с радужными переливами. Это странно, но ведь такова она, настоящая я.

И как бы мне хотелось, как бы мне безумно хотелось быть *настоящей*... Но нельзя. У меня нет человеческого лица, потому я должна всегда примерять чужие лица.

— Дурные воспоминания? — уточнил он, лаская моё лицо кончиками пальцев. Был бы он столь ласков, если бы видел настоящую меня?.. — Мне не нравится видеть грусть на твоём лице, Шери. Она заставляет меня вспоминать о твоих тёмных улицах. Ты всё ещё можешь оттуда выбраться, знаешь?

Я коротко хмыкнула.

— Мне тоже так казалось, Шкодник. Я тянулась, как могла, чтобы навсегда покинуть Дно, поднялась вверх, стать одной из них. Но в итоге — снова упала. И мне очень наглядно показали, прямо носом ткнули в то, что я всегда буду... не как они. И знаешь, что самое поразительное? Я больше *не хочу* быть как они.

— Правильно делаешь, — ответил он тихо. — Но хочешь открою секрет? Нет никаких “их”. Есть просто горстка чуть более удачливых людей и нелюдей, которые в силу права рождения, везения, заслуг или талантов оказались на вершине мира. Они балансируют там, как могут. Им зачастую некуда дальше взбираться, но им есть, куда падать... И большинство из них этого боится. Очень. Потерять то, что у них есть, будь то деньги, власть или статус в обществе... Этот страх разъедает их изнутри, заставляет их совершать разные ужасные вещи. И они очень не хотят признавать этот страх, знаешь? Потому и пытаются убедить всех, и себя в том числе, что отличаются. Но это, конечно же, ложь.

Я вспомнила о Гохордах. О леди Элизвет. О всех богачах и аристократах, которых мне доводилось видеть...

— Ты считаешь, они могут упасть?

— Любой может, — сказал Шкодник серьёзно. — И в этом вопросе высота, с которой придётся падать, имеет значение. Поверь: чем выше насест, тем больше шатает.

Я задумчиво склонила голову. В его словах была правда.

— И ещё одно, — сказал он, осторожно прикоснувшись к моему подбородку, чтобы снова заглянуть в глаза.

— Что?

— Всегда можно упасть, Шери. Но вопрос лишь в том, хватит ли у тебя духу подняться. Я вижу, что у тебя — хватило. Или я не прав?

У меня в груди стало тепло-тепло.

— Прав.

— Ну конечно, — сказал он серьёзно. — Как же иначе? Я ведь видел тебя там, на сцене. И знаешь что? Ты не показалась мне особой, которая будет подыгрывать неведомым “им”. Нет, я видел там личность, которая задаёт свои правила.

Я поискала слова, но ничего подходящего к случаю в моём арсенале не нашлось. Так что пришлось плюнуть и поцеловать его снова — страстно, глубоко, чтобы пробрало до печёнок. Он, не будь дурак, ответил.

В общем, мы увлеклись, и сильно. Его ласки стали очень откровенными, и я, по правде, совсем не хотела, чтобы он останавливался. Подумаешь, беседка в парке? Клише, конечно, но стыдно мне станет потом.

Наверное. Может быть.

Так что я просто пустила всё на самотёк, но он отстранился сам. Тяжёлое дыхание, потемневшие от желания глаза, смешно взъерошенные волосы... такой милый!

— Знаешь что, Шери? — выдал он. — Я хочу знать: я нравлюсь тебе?

Что за странный вопрос?

— Это ты вовремя спросил, — фыркнула я. — А что, не похоже?..

Я замолчала. Он смотрел очень серьёзно.

— Что такое, Шкодник?

— Я хотел бы сходить с тобой на свидание завтра, — сказал он. — Под своим именем. А сейчас...

— Ты мне отказываешь? — я удивлённо подняла брови.

Он покачал головой.

— Во-первых, я хотел бы всё же назвать тебе своё имя. Вторых... Я не хочу делать этого в беседке, Шери. И так уж вышло, что этой ночью мне некуда тебя пригласить. На дворе Новогодняя Ночь, и все нормальные отели наверняка переполнены... а туда, где мы с другом остановились, я пообещал сегодня никого не приводить. Дурацкое ощущение, если честно... сам не понимаю, какой Бездны я поклялся...

Ох, Шкодник. Ты слишком благороден. Но да, пожалуй, беседка — не лучший вариант; это интересно, но точно не для нашего первого раза. Вон, уже спешит по дорожке в нашу сторону кто-то из преподавателей... И пригласить тебя к себе я не могу — там Бэн, и Глубоководный, и родители. Я не готова тебя знакомить с ними... Пока что точно нет.

Но у нас есть варианты и попроще.

— Ты поклялся другу никого к вам не водить. Бывает. Что в этой ситуации дурацкого? — рассмеялась я. — Вполне обычные будни студента. Не зря же мы в Магической Академии! Но знаешь что ещё?

— Что?

— Мы в *Магической Академии*, — подмигнула я. — А значит, рядом общежития. Как ты смотришь на то, чтобы туда вломиться и найти свободную комнату?

Он выглядел слегка озадаченным.

— Никогда в жизни таким не занимался...

— Всё бывает в первый раз! — фыркнула я. — Это будет забавное приключение. Если уж мы сегодня — совсем не те, кто мы есть, то почему бы окончательно не влезть в чужую шкуру! Вот ты был студентом, Шкодник?

— Да, приходилось. Но это было... совсем иначе.

— Ну вот, — кивнула я довольно. — А я вот студенткой вовсе никогда не была, потому что работала с самой юности. Попробуем, как оно? Бежим!

Я протянула ему руку. Он покачал головой, будто не веря самому себе, но потом рассмеялся.

— Ты просто нечто, Шери... Ну, побежали!

И мы рванули вместе по парковым дорожкам, взявшись за руки. Матушка Наль (как оказалось, именно она была тем преподавателем)

кричала нам вслед что-то о недостойном поведении, но разом разыгравшаяся метель скрыла нас от её глаз.

Как будто сами Боги Зимы в ту ночь были на нашей стороне.

*

Меня разбудил нахальный солнечный луч, прорвавшийся сквозь старые занавески. Я потянулась, сытая и довольная, как объевшаяся сметаны кошка.

Замечательный вышел Новый Год. Я, возможно, потом ужаснусь собственному поведению... Но вряд ли.

Шкодника рядом не было, но я каким-то внутренним чутьём поняла, что он поблизости. И скоро вернётся.

Да уж... *Шкодник*... Я прикрыла глаза и позволила себе немного повспоминать минувшую ночь. Это было... потрясающе. И с физической, и с энергетической точки зрения.

Не знаю, где Шкодник этому научился, но любовником он был отличным: страстным, бесстыдным, ненасытным, внимательным к партнёрше. Он изучал моё тело, ловил каждый отклик и очень быстро понял обо мне *всё*. Я задавалась вопросом: это кто из нас тут воплощение соблазна? И, несмотря на свою природу, я вполне готова была отдать этот статус ему.

К слову, о моей природе. Я — селенити, воплощённое эротическое сновидение, питающееся энергией чужих эмоций, чувств и желаний. Раньше, когда я была с кем-то в интимных обстоятельствах, мне приходилось сдерживаться, чтобы не навредить; это сжирало драконью долю удовольствия. Со Шкодником... я просто не могла сдерживаться. И когда на пике его энергия хлынула в меня сильным потоком, я ощутила одновременно восторг и ужас, понимая, что он сейчас рухнет в обморок.

Но он даже *не заметил*.

Более того! Энергия, которая по всем законам магии должна была течь только в одну сторону, вдруг повела себя поразительным образом. Она насыщала меня, как при полноценном кормлении — и возвращалась к Шкоднику, как ни в чём ни бывало.

Уж не знаю, кто потоптался в его родословной, но способности мои не причиняли ему вреда. И это было поистине чудесное открытие.

В общем, ночь была замечательной. И...

Скрипнула, отворяясь, дверь. По обшарпанной комнате поплыл запах кофе и свежей сдобы.

— Ты проснулась? — Шкодник улыбнулся тепло, но немного напряжённо, будто о чём-то втайне волновался. — Я решил потрянуть стариной и ограбить местную столовую. Странные ощущения, скажу я тебе... надеюсь, ты любишь кофе.

— Конечно, — улыбнулась я.

Правда была в том, что из его рук я, пожалуй, полюбила бы даже яд... всё равно, спасибо ртутному наследию, на меня не действуют никакие яды.

Я села в кровати, не утруждая себя одеждой. Всё, что нужно, Шкодник уже успел увидеть, опробовать руками и губами. Глупо было бы стесняться — после такой ночи.

Я протянула руку за кофе, но он вдруг перехватил её, перевернул и поцеловал ладонь. Я улыбнулась, но Шкодник стал каким-то очень серьёзным. Он провёл кончиками пальцев по моей коже, будто хотел отыскать там скрытый узор. А после, словно бы нехотя, отпустил и о чём-то задумался.

Я глотнула кофе, когда он решительно поднял голову.

— Шери, уже скоро я смогу открыть тебе своё настоящее имя, — сказал он. — Но сначала хочу спросить: тебе было хорошо со мной?

Не поняла. Не похож он на одного из тех, кто любит слушать восхваления в честь своей мужской силы.

— Это ты так напрашиваешься на комплимент? — удивилась я.

Он дёрнул плечом.

— Мне было хорошо с тобой. Как никогда и ни с кем. И я хотел бы... я действительно хотел бы, чтобы это не было нашей последней встречей.

— Это взаимно, — сказала я мягко.

— Даже если у меня есть секреты?

Я подумала обо всём, что скрывала сама.

— У всех есть секреты, Шкодник.

Он вздохнул, будто перед прыжком в воду, и тихо сказал:

— Или. Меня зовут Или. И я, так уж вышло — тот самый прекрасный принц, о котором нынче много говорят.

Тихое “Что?!” замёрзло на моих губах, когда облик Шкодника поплыл и стал таять, как предрассветное морево.

На меня серьёзно и чуть виновато смотрел Или, драконий принц.

Чашка с кофе выскользнула из моих разом ослабевших пальцев, но я этого даже не заметила.

— Ты... — выдохнула я. — Ты...

Хотела сказать “Ты солгал мне, ты морочил мне голову!”, но прикусила язык.

Очень смешно, карма. Я бы оценила иронию, будь в лучшей форме. Но это... это...

— Это неожиданно, понимаю, — сказал он тихо. — Мне создали эту личину в целях безопасности. Я поклялся сделать всё, чтобы ничем не выдать себя.

— А кто тогда...

— Безопасник, замаскированный под меня, — правильно понял вопрос Или.

Я молчала, не зная, как реагировать. Все недомолвки, оговорки и странности разом обрели смысл. Почему я не заметила их? Может, слишком хотела верить, что встретила кого-то, до кого могу дотянуться?

— Я не твоя пара, — зачем-то озвучила я очевидное.

— Да, — согласился он тихо, — хотя я и был почти уверен в обратном. Но это не первый раз, когда чутьё подводит меня... Это неважно. Пара мы там или нет, но я хотел бы, чтобы ты осталась со мной. Я не думал никогда, что предложу кому-то подобное; но... пойдёшь со мной на свидание? Я хочу попробовать встречаться с тобой. Как обычный парень с обычной девушкой.

Я молчала. Сложность ситуации накрыла меня с головой. Моя природа и мои секреты; клятвы, данные отцу; тот факт, что нам никогда не быть парой; история с Гохордами...

— Шери?

— Простите, ваше высочество, — сказала я тихо, — но я хотела пойти на свидание с простым парнем по прозвищу Шкодник. А драконий принц... я не хочу иметь с ним ничего общего.

Он отшатнулся, как от удара. Лицо его заледенело.

Я поняла, всем своим существом почувствовала, что только что сделала принцу очень больно. Его отзеркаленная боль поселилась и в

моей груди. Неприятно... Но лучше так.

Правильней так.

Он подобрался. Я буквально видела, как он жёстко берёт себя под контроль: осанка, и без того прямая, стала идеальной, с лица стекли все эмоции, глаза теперь напоминали холодные ледяные озёра. Это выглядело так, как будто он оделся в свою выучку аристократа, как в броню.

Завершающим штрихом стала широкая, насмешливая улыбка — последний рубеж обороны для раненого сердца.

— Интересно, — сказал он. — Мне вот пару раз приходилось слышать, что принцам не отказывают. Слухи врут?

— Всё зависит от того, есть ли совесть у конкретного принца, — ответила я тихо. — У вас, боюсь, она есть.

— Откуда бы ей взяться? — фыркнул он. — Я и совесть? Несовместимы!

— Значит, будете удерживать меня силой?

Он поморщился.

Я видела его внутреннюю борьбу и тонула в горечи. Может, это стоило обставить как-то иначе... но как? Как?!

— Буду ли я удерживать тебя силой? Нет, тут ты права. Но полагаю, ты задолжала мне объяснение.

Даже больше, чем ты думаешь...

— Вы правы, — я встала и принялась поспешно одеваться. Всё разом стало неловко, нелепо и глупо. — Мне жаль, что вышло именно так. Но для такой девушки, как я, принц — совершенно неподходящая компания.

— Ты пришла на бал искать меня, разве нет?

О, да.

Я пришла на бал к нему. Взглянуть на него, подойти, может, даже потанцевать... да не знаю я! Может, даже ночь с ним провести, чтобы сбежать утром! Ну не было у меня чёткого плана, когда я шла сюда!

Но я не думала, что всё *так* запутается. Не ожидала, что это вдруг станет настолько личным, настолько острым... Не знала, что за один вечер можно переступить все границы.

Не ожидала, что можно влюбиться ещё сильнее.

Но реальность никуда не делась. Она там, за моей спиной, стоит, потрясая внушительным багажом тёмных секретов.

Моих и чужих.

— Да, я пришла взглянуть на вас, — сказала я честно. — Но не более того. Я не хочу иметь отношения с вами.

— Со мной или с моим титулом? — уточнил он холодно. Мне казалось, что тонкий лёд его голоса режет лицо.

— С вашим титулом, — ответила я тихо. — Потому что там, откуда я родом, лишнее внимание служб безопасности ни к чему, равно как и визиты журналистов. С вашей природой... потому что драконы остаются с парой, что бы там ни было, а я — не она.

Он молча смотрел на меня. Да и что бы ему тут возражать?

— Так что всё, что может нас связывать — кратковременная интрижка, — сказала я тихо. — Которая может мне очень дорого стоить.

Его губы дрогнули, как от боли.

— Самое обидное, что мне нечего тебе возразить, — отметил он. — Я мог бы сказать, что у дракона всегда есть шанс сделать человеческую женщину своей официальной фавориткой или временной женой; но это — не самая простая судьба. Мне ли не знать.

Я замерла.

Хотелось спросить, как там госпожа Биланна. Но даже этого я не могла.

— Это твоё последнее слово? — уточнил он, так и не дождавшись от меня ответа. — То, что ты не хочешь меня больше знать. Это не кокетство, не пресловутое “нет”, которое “да”?

Это было невыносимо. Ужасно.

Я сжала руки в кулаки так, что когти вонзились в плоть.

Я напомнила себе о клятве, данной отцу. Напомнила себе о людях, которых подставляю своими глупостями. О том, чем всё кончилось в прошлый раз...

— Это моё последнее слово, — сказала я. — Прости. Ты потрясающий, почти идеальный. Но вокруг тебя слишком много света, яркого, слепящего. Любой, кто рядом с тобой, тоже оказывается на свету. И это... это не слишком хорошо для девушки вроде меня.

Он прикрыл глаза. Губы его сжались в тонкую линию, а лицо заледенело.

— Я проведу.

— Не стоит.

В повисшей между нами тишине я тихо развернулась и выскользнула в коридор, осторожно закрывая за собой дверь.

Её тихий скрип показался мне свистом падающей гильотины.

*

Как вышла из Академии, помню смутно.

Вроде бы меня остановил охранник. Вроде бы я даже что-то отвечала на его вопросы. Но всё это было где-то за гранью, как будто реальность отделила от меня прозрачная, но очень прочная стена отторжения.

Когда ворота Академии Магии закрылись за моей спиной, я подняла взгляд к небу. Было оно свинцовое, низкое, серое...

Глаза жгло от слёз, но заплакать не получалось. Обидно; так стало бы легче.

Яд опустошённости, потери и горечи пожирал меня изнутри, щедро приправленный виной. Я поступила с Или ужасно и сама это прекрасно понимала. Было неправильно и жестоко так ранить его чувства.

Что же касается моих чувств... Оставлять его оказалось даже тяжелее, чем в прошлый раз. Это было просто физически больно. И ведь у меня ничего не останется от него...

Я замерла посреди улицы от возникшей в голове мысли.

А ведь я *могла бы*. Могла бы остаться с ним ещё хотя бы на сутки. И пожелать ребёнка от него.

Мы не истинные, наш малыш не был бы драконом, но разве это важно для меня? Он родился бы из энергетического яйца. Он был бы милым и пушистым пернатым змеем, красивым, как папа. Возможно, на его серых пёрышках сверкал бы иней. И у него были бы огромные глаза... Я бы любила его. Обожала. Дала бы всё, чего не дала мне моя родная мать...

Картинка, нарисованная воображением, была яркой настолько, что я почти повернула назад. Лишь в последний момент одёрнула себя, представив, как бы это выглядело. Так и вижу, как возвращаюсь и говорю: “А может, ещё раз? На прощание?” Тогда, боюсь, Или меня всё же прибьёт — и прав будет...

Но какая же я дура, а! Вот почему не подумала об этом сразу? Да, мне было бы не очень просто, но зато часть Или осталась бы со мной... Может, ещё не поздно пожелать? Я как-то читала, что у

человеческих женщин оплодотворение может и несколько дней занимать. А как у селенити? Вот уж понятия не имею: увы, учебников по размножению фоморов просто не существует. Да и откуда бы им взяться? Подумав, я остановилась, зажмурилась и ото всей души пожелала, чтобы у меня был ребёнок. Мало ли, вдруг получится?..

Или, дракон Льда

*

Бытует мнение, что прекрасным принцам очень везёт в любви.

Особенно популярна эта точка зрения среди тех, кто принцев в своей жизни видел разве что издали, краем глаза, а историю читал исключительно в формате романов с томными парочками на обложках и слезливых баллад.

Мне, к сожалению или счастью, такого рода иллюзии недоступны. Благо принца я вижу постоянно и вблизи (каждое утро, в зеркале, если быть точным). Опять же, мои преподаватели были преимущественно оборотнями старой закалки. Теми, что пришли в этот мир из далёкого и кровавого Предгорья, пережили кучу войн и становление нашей Империи. Они не особенно жаловали слезливые баллады и официальные версии, оставляя их для уроков культуры, литературы и пропаганды. На остальных же занятиях мне подсовывали рукописи очевидцев, дневники свидетелей, договоры, отчёты и прочие такого рода материалы. Эти страницы, в отличие от всяких поверхностных романтических бредней, рассказывали подлинную историю общества — циничную, мрачную, сочащуюся кровью, полную предательств и интриг.

Я знаю много о грязи и боли, сопутствующем ущербе, экономических резонах и цене власти. А ещё — о прекрасных принцах. В частности о том, как непросто им — нам — бывает строить отношения... *Нормальные* отношения, я имею в виду. Вся эта ерунда в стиле “принцам не отказывают” не в счёт, от неё до нормальных отношений... Бездна, да я и сравнения такого подобрать не могу.

Тут слово “далеко” неуместно. Тут правильней будет сказать “не добраться никак”. И вот это уже было бы куда большей правдой.

Раньше я не понимал этого в полной мере. Но теперь... после Дайяны... после Шери...

Я покрутил в руках новогодний подарок, преподнесённый Марджаной Лофф. Нарядный томик под названием “Истинная для

Ледяного Принца-Дракона” вызывал у меня одновременно раздражение, глухую злость и смех. Истеричный, правда.

Юмор я не сразу оценил, конечно.

Честно говоря, когда я вернулся в свою комнату после расставания с Шери и нашёл *это* среди новогодних подарков... ну, скажем так, я готов был создать очень большие проблемы дарителю. Марджане Лофф сказочно повезло, что умение сдерживать ярость в меня вбивали с самых пелёнок, притом довольно жёсткими методами.

“Ты наделён огромной силой и огромной властью — как дракон и как принц. Одно твоё неверное движение, решение, слово может разрушить чужую жизнь, — говорил по этому поводу отец. — Потому учись соответствовать этой ноше. Ты не имеешь права действовать, поддавшись ярости.”

И я проникся. Не сразу, потребовалось несколько довольно жестоких и болезненных уроков, но в итоге я научился не делать глупостей... ладно, что уж там.

Делать глупости *пореже*.

Так что теперь я не стал нестись сломя голову и устраивать Марджане Лофф паршивый день, равно как и нарываться на конфликт с собственным побратимом. Вместо того я сел и занялся дыхательной гимнастикой, изо всех сил стараясь привести себя в подобие порядка.

Уже через двадцать минут я понял, что со стороны Марджаны подарить мне эту книгу — не дерзость, а всё же шутка. Даже смешная шутка, в общем-то. Я бы сразу оценил, не будь я в таком раздрае.

Спустя час я успокоился настолько, что поручил одному из членов посольской миссии разыскать ответный подарок для профессора Лофф — какой-нибудь романчик про магическую академию. Благо тема была популярной и в книжных лавках добра такого было много. Как этот самый служащий будет искать книгу в первый день нового года? Не моя проблема. В конечном итоге, он должен быть готов к трудностям на этой работе.

Поиздевавшись таким образом над подчинёнными и проявив злобность натуры, я удобно устроился в кресле и распахнул книжку.

Почему бы не просветиться, раз мне подарили? Заодно и узнаю, как именно видят человеческие авторы драконьих принцев...

*

Ну что сказать? Это было не худшее чтиво в моей жизни.

По правде, мне даже понравилось... хотя признаваться в этом не стал бы даже под угрозой пыток.

Тем не менее вполне возможно, что чтение таких книг — как самоудовлетворение: многие подобным занимаются, но не все признаются. Большинство ещё и кривится презрительно. Что, мол, за гадость низкохудожественная?.. Но при этом продолжают читать, получая вожаделенные положительные эмоции.

Говорю же. Как с самоудовлетворением.

Что книга? Ну, это было очень сладко, очень глупо и местами забавно. А ещё очень хорошо помогало отвлечься от дурацкой тянущей боли в груди.

Мой книжный коллега, ледяной драконий принц, был туп, высокомерен и, при всём при этом, поразительно истеричен. Я только качал головой на некоторые его выходки, воображая, что сказал бы мой отец, если бы подобное отмочил я сам. И ведь, можно сказать, меня ещё свободно воспитывали — сказалось покровительство Биланны. Да и Иэ, старшая сестра, всегда стояла за меня стеной; чтобы, цитирую, “у братика было детство”.

Сама Иэ родилась в непростые времена и ребёнком побыть почти не успела. Так что кому, как не ей, знать...

Не суть. Сам факт: истеричности и непостоянству книжного принца позавидовали бы даже самые экзальтированные малолетки из моего фан-клуба. Его нещадно штормило от полной бесхребетности до неуместной жестокости... И нет, я прекрасно понимаю, что истинная парность давит на мозги. Но не до такой же степени? Хотя, с этой точки зрения там была идеальная пара. Даже не знаю, кто из них был тупее...

— Позволишь? — тихий голос Роя отвлѣк меня от чтения.

— Проходи, — махнул рукой я.

Радужный неслышно скользнул в комнату, присел напротив и удивлѣнно приподнял брови при виде моей книги.

— Я что-то прерываю? — уточнил он осторожно.

— Не ломай комедию, — холодно улыбнулся я. — Всего лишь просматриваю новогодние подарки.

Взгляд Роя метнулся к книге, а потом — к моему лицу. Я буквально видел, как стремительно побратим просчитывает варианты.

В этом весь Рой: за маской сладкого дамского угодника всегда скрывались острые мозги и хватка барракуды.

— Мы могли бы это использовать, — заметил он. — Оскорбление драконьего принца...

Я прервал его лёгким взмахом руки.

— Даритель — Марджана Лофф.

— Да, я так и подумал, — с мягкой улыбкой ответил побратим. — Не знаю никого другого, кто осмелился бы. Опять же, её ученицы рассказывают, что профессор Лофф любит необычные сувениры и экстравагантные подарки.

Я склонил голову набок, холодно улыбнувшись.

— Тогда с чего ты решил, что я стану предавать гласности ситуацию?

— По той же причине, по которой поручил мне сблизиться с её ученицами и собрать информацию, быть может? Тебе не нравится Марджана Лофф. Нет, не так... Она скорее нравится тебе, но не в качестве пары Дина.

Я фыркнул.

— Именно. Но ты немного не прав. Видишь ли, я буду счастлив, если они *действительно* окажутся парой. Вопрос в том, что я очень сомневаюсь в этом.

— Дин, мне кажется, уверен в обратном, — отметил Рой.

— Слишком уверен, — я уставился на синее пламя камина. — Как был я, когда речь заходила о... не важно. Как Дал Ртутный... Эта тенденция вызывает вопросы, не так ли?

— Мой принц?

— Отец подозревает, что тут что-то не так, — признал я. — Он подозревает, что появилось новое приворотное, способное поработить волю дракона. Либо что Рогатый Бог пытается уничтожить драконов, лишив их пар.

Рой вздёрнул бровь.

— Это... серьёзное обвинение.

— Против религии сидхе. Да, — сухо ответил я. — Если дать подобному ход в Совете, это может привести к повторным репрессиям, гонениям и одна Бездна знает, чему ещё. Даже Дину пока лучше не слышать этой теории, потому мы с тобой её и обсуждаем за закрытой дверью.

— Понимаю, — Рой прищурился. — Мой принц хочет, чтобы присмотрелся внимательней ко всей этой истории?

— Насколько возможно, — кивнул я. — Дина не прошу, он слишком эмоционально вовлечён. Но... Рой?

— Да?

— Я хочу, чтобы ты знал: если Дин после проверки не найдёт пары в Марджане, но захочет остаться с ней, то я намерен поддержать его.

Рой удивлённо поднял брови.

— Ещё вчера вы были иного мнения.

— Передумал, — ответил я, снова вспоминая Шери.

— Хотел бы я увидеть таинственную причину, которая заставила тебя за одну ночь передумать, — протянул Рой вкрадчиво. Я увидел в глазах Радужного тень подлинного любопытства.

На миг я задумался: а не поручить ли Рою разобраться в подноготной Шери? Сделать это тихонько, не привлекая посторонних. Рой, подстёгиваемый любопытством, вполне мог бы докопаться до истины...

Только вот что дальше? Бегать за ней и скулить, как раненая собачонка? Унижаться, как принц из книжки? Умолять, чтобы не уходила?

Я мог бы, на самом деле. При определённых обстоятельствах и не такой спектакль разыграть способен. Но тут... девушка явно обозначила свою точку зрения. Да и что я мог бы предложить ей в ответ?

Перед глазами, как наяву, встала Биланна. По сердцу резануло болью.

Можно ли считать её жизнь пределом мечтаний? А ведь это наибольшее, на что может рассчитывать не-пара...

— Я запрещаю тебе лезть в это.

— Хорошо, — прищурился Рой. — Как скажешь, мой принц.

*

Следовало признать: я тосковал по Шери.

Это было даже хуже, чем с Дайяной, если уж говорить честно. Мне ещё повезло, что, во-первых, с Шери мы практически не успели толком пообщаться, во-вторых, эльфийское наследие позволяло взять

собственную менталку под контроль. В противном случае, боюсь, я всё же отправился бы её искать, несмотря ни на что.

Как жалкая *собачонка*.

Но проблема в том, что я уже раз испытывал подобное. И это уже однажды оказалось обманкой, глупой, ни на что не годной иллюзией.

Так что, можно сказать, опыт у меня уже имелся.

На этот раз, правда, меня перемянуло ещё сильнее: я не хотел ничего и никого. А предложения поступали, и ещё какие! Одна малышка даже умудрилась сделать во дворе нашего дома подкоп. Как она обошла службу безопасности — вопрос открытый...

Ладно, возможно я помог ей. Совсем слегка. Но в своё оправдание должен сказать: девица с настолько выдающимися формами, увлечённая земляными работами, представляла собой уморительное и весьма пикантное зрелище. И была чем-то новеньким, ведь в Ледяном Дворце подкопы делать негде...

В общем, у меня были все предпосылки для того, чтобы интересно провести время. Только вот почему-то это казалось скучным и вторичным.

Возможно, меня всё же заколдовали. Возможно, со мной что-то не так... но мне не хотелось новых знакомств.

Хотелось к Биланне.

Именно она с самого моего детства была для меня островком любви и спокойствия, человеком, перед которым не обязательно держать щиты и носить вечные маски. Перед ней я не должен был *соответствовать* чему бы то ни было; ей хватало того, что я просто, ну знаете, *есть*.

Это выгодно отличало её ото всех остальных, кто меня окружал. Родители? У них ко мне был определённый список требований. Достойно представлять правящую семью, поддерживать правильный, удобный на данный момент образ, добиваться известных успехов в учёбе, проявлять качества, достойные принца... Это нормально, учитывая их статус, собственно. Но всё равно идти к ним со своими моральными проблемами мне не хотелось. Да даже Дин с Роем... Нет, они мои друзья, и это понятно. Но ещё они — те, кто в будущем, предположительно, будет стоять за моим тронem. Это все понимают, и это накладывает определённый отпечаток, на наши отношения в том

числе. Я могу себе позволить при них приспустить маску, но — не сбросить её окончательно.

Биланна... После того, как она выпила зелье, я начал её избегать. Даже за поездку в Тавельни ухватился, как за спасательный плот — настолько невыносимо было видеть её и знать...

Трусость, не спору. Почти подлость. Но я просто не мог.

Драконы и оборотни тоже умирают, да. Это нормально — умирать. Бессмертия не существует. Даже сущности вроде Предвечной Тьмы этому подвержены; не окончательно, разумеется, и гибнут только их воплощения. Но всё же.

Но я — дракон. И знаю, что, скорее всего, погибну в бою. Или от клинка заговорщиков, направленного в спину (привет, дедуля). Возможно, я потеряю пару и, не сумев пережить эту потерю, сложу крылья. Такое тоже бывает.

К такой смерти нас готовят морально, она *понятна*. Она имеет смысл. А вот то, что происходит с Биланной... Я не хочу этого понимать. И я злюсь. На отца в первую очередь, ведь, отпусти он её, она могла бы встретить пару среди нелюдей.

Она могла бы прожить свою вечность.

Но отец присвоил её. Он забрал это у неё. Кто он вообще такой, чтобы принимать такие решения?!

Хотя, что это я. Он — Император. А на тот момент, когда они с Биланной встретились, он был, как и я сейчас, прекрасным принцем.

Эта мысль неизменно возвращала меня к воспоминаниям о Шери и её решении. И так по кругу.

В общем, как несложно догадаться, голова моя в тот период была очень неприятным местом, почти что темницей. И я изо всех сил старался занять себя чем угодно, только бы не иметь никаких дел с самим собой.

Я завтракал с премьер-министром, участвовал в нескольких благотворительных ужинах, притворяясь, будто верю, что даю деньги больным сиротам, ходил на променады с королевской семьёй, переписывался с Дайяной, с которой за последнее время успел вполне себе подружиться... Но этого всё равно было мало; мне отчаянно не хватало чего-то, на что можно было бы отвлечься. Так что я испытал практически облегчение, когда Дин Ртутный вошёл ко мне, бледный и печальный, сел напротив и сказал:

— Метка не появилась.

Честно говоря, я в глубине души опасался чего-то подобного с самого начала. Слишком уж наглядно история с Дайяной показала, что в вопросах парности ни чувствам, ни “знамениям” не стоит верить.

Особенно если речь идёт о знамениях, ниспосланных богом сидхе... Я поморщился, снова ощутив покалывающее в пальцах желание играть.

Нет уж. Никакой больше музыкальной магии.

— И что ты собираешься делать? — спросил я у друга.

Вопрос был отнюдь не праздным, на самом деле: ситуация складывалась неприятная.

Я не лгал Рою, когда говорил, что мой отец взволнован проблемами парности. В последнее время сложилась неоднозначная ситуация. Сначала Дал, брат Дина, послал всех в Бездну и женился на не-паре, лишив себя возможности иметь детей. Брак был магический, что делает измену очень маловероятной; единственный шанс вернуть Дала в стан потенциальных продолжателей Ртутного рода — убить его жену, Джину. Собственно, отец даже взвешивал такой вариант, но потом решил, что Ртутный род при необходимости продолжит Дин. Потом была история со мной и Дайяной, тоже весьма сомнительная. И теперь это...

— Я собираюсь бороться за неё, — сказал Дин, глядя мне в глаза.

— Если понадобится, даже с тобой.

Что же, и это я тоже подозревал с самого начала.

Если уж на то пошло, Дин очень долго общался с Марджаной и успел увлечься ею; более того, в отличие от нас с Дайяной, это у них взаимно... И, в отличие от Шери, Марджана — фомор, не человек. У неё есть своя собственная вечность, и, если что, ей не придётся умирать от самой распространённой болезни людей — старости...

Не о том думаешь, Или.

А ведь вопрос серьёзный.

Как принц, я должен попытаться образумить своего побратима.

Но я не только принц, я ещё и друг. Потому...

— Я поддерживаю тебя, какое бы решение ты ни принял, — сказал я.

Я видел, как Дина буквально затопило облегчением. Он, впрочем, быстро вернул себе контроль, но я для себя успел удостовериться: это было правильное решение.

Даже если оно противоречит воле отца.

А несколько дней спустя Дин пришёл ко мне и сказал:

— Есть вероятность, что лорд Гохорд связан с премьер-министром Тавельни.

И я наконец-то окончательно вырвался из вязкого марева, в котором плавал.

Выспросив у Дина все подробности, я отвернулся к окну, чтобы не сверкать трансформированными глазами.

— Понял, — сказал я сквозь зубы. — Проверю сам.

“... хочу знать, действительно ли иностранные шпионы использовали меня втёмную”, — этого я не сказал.

Но был нацелен как можно скорее узнать ответ на данный вопрос. Потому что если так... если так, то я — полный, безоговорочный, законченный идиот.

Алиссия Майлифф

*

— Ты совсем глупая! — сказал Глубоководный возмущённо.

— Уважаемый, я — единственная женщина-стряпчая в самой дорогой конторе этого богами забытого города, — ответила его собеседница с достоинством. — И единственная, кто согласился работать с вами. Неужели вы всерьёз верите, что меня не называют дурой каждый день? Можете считать меня невеликого ума существом, воля ваша. Но факт остаётся фактом: вы не можете задекларировать свои средства, как, цитирую, “отходы моей жизнедеятельности”.

— Но это ведь правда!

— И что? Я вас умоляю. Кто в наше время вообще пишет правду в графе “происхождение доходов”?..

Как вы уже, наверное, понимаете, это была битва гигантов. Причём в одном углу “ринга” расположился Глубоководный, про которого и так всё всем понятно. Противостояла ему стряпчая из элитной конторы “Даджифф и сыновья”. Была она дамой широкой кости, аппетитных форм и твёрдых взглядов. При этом, хочу признать: я ото всей души завидовала хладнокровию этой женщины. Да, в наше время к фоморам относятся спокойней, но... Под “спокойней” пока что подразумевается, что нас перестали сжигать. Тем не менее, почтенная Лирана Жифф реагировала на Глубоководного и его выходки так спокойно, как будто сталкивалась с подобным каждый день.

Чем заслужила моё безоговорочное уважение.

Арбитром эпической схватки гигантов работал дядя Джума. Он изредка вставлял свои ремарки, но в целом просто наблюдал за происходящим, переводя взгляд с одного на другую.

В зрительном зале сего эпического противостояния (то есть, в креслах у камина) сидели мы с тётёй Ленной. Ели медовые коржики по островному рецепту, пили крепкий чай и комментировали.

— Мне кажется, она ему нравится, — шепнула тётя Ленна. — Вот увидишь, они поженятся!

— Пока я вижу, что он хочет её покусать, — так же шёпотом ответила я.

— Это — самый первый признак!

— Ну-ну...

Между тем, в комнате накалялись страсти.

— ... Если вы собираетесь открывать центр помощи фоморам, а также выступать инвестором, то вы должны как-то оформить ваши деньги. Понимаете?

— Я взял их из моря! Они ничьи, ты это понимаешь, упрямая ты косатка?

— Я не буду комментировать это. Из какого моря вы взяли свои деньги? Какой страны?

— Из Впадины Древних!

Она задумчиво постучала пальцами по столу.

— Значит, с наибольшей долей вероятностью, речь всё же идёт о Драконьей Империи.

В комнате стало очень тихо. Мы с тётёй поёжились.

— Зря она это сказала, — шепнула тётя.

— Ага, — ответила я.

По стенам поползли угрожающие тени.

— Что значит — Драконья Империя? — пророкотал откровенно пугающий голос. — Драконы владеют моим домом?!

— То есть, вы даже не знали, на чьей территории живёте, — резюмировала Лирана, будто бы не замечая накалившуюся вокруг обстановку. — Должна признать, это очень хорошо характеризует ситуацию в целом.

— Как драконы могут владеть впадиной, в которой живут глубоководные?!

— Юридически, — вздохнула стряпчая. — Давайте проясним: я понимаю ваше негодование. И да, де факто впадиной владеют Глубоководные. Я сомневаюсь, что существует дракон... или в целом кто-то достаточно чокнутый для того, чтобы пытаться вас из Впадины выселить. Но де юре, с точки зрения международных деловых отношений, воздушного и надводного пространства — да, Впадина Древних принадлежит драконам. Ну и частично Тавельни.

Глубоководный как-то резко успокоился.

— То есть они летают над нами, плавают над нами и считают, что владеют *нашей* Впадиной?

— Можно сформулировать и так.

— Хорошо.

С этими словами Глубоководный закрыл глаза и будто бы отключился.

— Я прошу прощения? — приподняла бровь Лирана. — Возможно, кто-то хочет объяснить мне, что с моим клиентом? М? Хоть кто-нибудь?

— Полагаю, он хочет пообщаться с... кхм... коллегами, — заметил дядя Джума.

— Коллегами, — стряпчая вздохнула. — И правда, как это я не подумала...

— Готово! — радостно объявил Глубоководный.

Лирана с дядей Джумой переглянулись.

— А что именно готово, я не стесняюсь спросить? — уточнила стряпчая.

— Я поговорил с остальными Древними. Большинству из них наплевать, но некоторые поддержали меня!

— В чём?

— Впадина Древних теперь принадлежит Древним! В крайнем случае другим фоморам. Но не драконам! А то молодые фоморы уже начинают с драконами размножаться. Представляете?

— Ужас, — ответила стряпчая. — Но меня больше волнует, что именно вы подразумеваете под “принадлежит”. У меня есть сомнения, что ваши сородичи успеют оформить соответствующие документы.

— Мы не умеем оформлять документы, — зубасто улыбнулся Глубоководный. — Это твоя работа, милая косатка.

— Косатки — это такие жирные зубастые киты? — уточнила стряпчая.

— Да, — согласился Глубоководный. — У них отличная форма, они запасают под кожей много жира. Они живут в северных морях и охотятся на тюленей.

— Отлично, это очень помогает. Так что там с документами?

— Что с документами? Я сказал: мы не умеем оформлять документы. Но, учитывая наши размеры и нашу власть, это не наша проблема. Мы перекрыли всё вокруг Впадины: там теперь никто не

сможет ни плавать, ни летать. И мы не откроем, пока и драконы, и люди не признают, что Впадина наша. А вот с этим нам поможет ты.

— Я.

— Да. Бумажки — твоя работа, разве нет?

Стряпчая несколько раз моргнула, а потом сказала:

— Прошу прощения, — и повернулась к дяде Джуме.

— У вас есть что-нибудь выпить? — уточнила она.

— Что же, для женщины...

— Вы его слышали? Понимаете, с *чем* мне приходится иметь дело. Мне надо *выпить*. И не вздумайте предложить бурду вроде ликёра.

Дядя Джума крикнул. В целом женское пьянство он очень не одобрял, но в данном случае, кажется, очень даже проникся.

— Сахарный ром?

— Отлично.

— На палец?

— Во мне течёт кровь мореплавателей.

— Бутылка?

— Именно.

— Прошу.

— Благодарю.

Лирана сделала несколько больших глотков.

Я уважительно присвистнула.

— Не одобряю я этого, — заметила тётя Ленна. — Эти уж мне новомодные веянья с женщинами, занимающими мужское место...

— Она хороша в этом, тётя, — заметила я мягко.

— Тоже верно.

Пока мы переговаривались, Лирана значительно опустошила бутылку, отставила в сторону и сказала:

— Так. А теперь мы с вами подробнее обсудим заявление, которое подадим. И учтите: мне нужны премиальные.

*

Я бы сказала, что эпическое сражение закончилось ничьей.

Лирана, честь ей и хвала, выиграла у Глубоководного отсрочку. “Такие вещи с бухты-барахты не решаются, — отрезала она. — Если уж проводить подобную акцию, то мы должны быть к ней готовы.

Всецело. Эффект неожиданности работает тогда, когда его организаторы могут снять сливки. Мы — пока что — нет. Нужно многое продумать, составить заявления, обозначить конкретные требования. А потом уже перекрывать один из главных морских путей в нашем мире”.

Глубоководный повозмущался, конечно, но больше для вида. В итоге он согласился.

Стряпчая забрала аванс, огромные драгоценные камни (на подарки “полезным людям”) и отправилась готовиться ко встрече Глубоководного с высшим светом Тавельни. Напоследок она озадачила несчастного подводного монстра вопросом:

— Простите, а как ваше полное имя? Глубоководный — это ведь скорее титул, верно?

— Имя? — фыркнул Глубоководный. — Я никому не говорю своё имя.

— Из неких магических соображений? Понимаю. Но как-то же вас называют окружающие?

Он подумал и выдал... нечто.

Думаю, мои голосовые связки ещё могли бы худо-бедно повторить эти звуки. И то не уверена.

У присутствующих людей вытянулись лица.

Лирана молча отвинтила бутылку и с чувством к ней приложила.

— Так, предположим, — сказала она в итоге. — Но вы, я надеюсь, сами понимаете, что это просто физически невозможно записать, используя существующие в нашем алфавите буквы? И выговорить человеческим языком, если уж на то пошло. Так что, боюсь, вам придётся придумать себе... человеческий псевдоним, если хотите. Договорились?

Глубоководный изумлённо хлопал глазами. Я понимающе улыбнулась.

У меня тоже имя было очень проблемной частью социализации. Будучи пернатой змеей, я не понимала значения имён. И никак себя мысленно не называла. Даже в зеркале себя разглядеть не могла, потому что фоморы без особенного на то желания в зеркалах просто не отражаются. И потом это всё было... очень трудно.

Собственно, с самого начала, когда папа Буджо только взял меня к себе, он звал меня “ма шері”. Это было приятно — что меня как-то зовут. Всё же, большинству разумных имя даётся от рождения, и они едва ли в полной мере способны ценить эту малость. Между тем, она порой имеет решающее значение.

“Ты не можешь пойти туда со мной, ма шері, — сказал мне однажды папа Буджо. — Не в таком виде. А жаль: если бы мы оба выступили на площади, то, возможно, нам бы заплатили больше”.

Тогда я поняла, что деньги — это очень важно. Как еда. А ещё я впервые попробовала специально превратиться в человека. Принять облик не самого глубокого, самого тайного желания, но — тот, который захочу.

Обычно селенити не способны на подобное. Но у меня, спасибо ртутной наследственности, получилось.

Выступление прошло на ура. Папа получил деньги, я же нашла для себя новый, интересный способ получать энергию.

Потом, спустя некоторое время, папа пригласил меня к себе. В старый, продуваемый всеми ветрами, покосившийся домишко, где жили он сам, тётя Ленна, дядя Джума и Вилни.

Тогда это место казалось мне настоящими хоромами; право, я была очень глупой змеей.

Сначала семья эмигрантов приняла меня настороженно. Это папа Буджо ничего, кроме музыки, не видел и не слышал до такой степени, чтобы называть зубасто-пернатую жуть “шері”. У остальных же моих домочадцев постоянно меняющая облик, не отражающаяся в зеркалах, способная приходить в сны неведомая хтонь вызывала... скажем так, крайне смешанные эмоции.

Было бы странно их в этом винить.

Что на самом деле было удивительно, так это то, насколько их негативные эмоции огорчали меня. Я хотела им понравиться, и вскоре нашла идеальный, как мне казалось, способ.

Дочь Джумы и Ленны, малышка Лесса, умерла за несколько лет до нашей встречи. Так что я, ничтоже сумняшеся, примерила на себя её чуть повзрослевшее обличье.

Меня стали называть Лессой. И даже любить. То есть не меня, мёртвую девочку... не важно, как мне тогда казалось. Меня любят, у меня есть семья. Чего ещё хотеть?

Вот только чем дальше, тем больше лицо Лессы, которое как раз вполне отражалось в зеркале, стало меня тяготить.

Я сама не понимала, почему.

Казалось бы: какая разница, как выглядеть? Подумаешь, лицо мёртвой девочки, подсмотренное в снах домочадцев. Подумаешь, её имя.

Но во всём этом пряталась правда, которую тогда мне ещё было тяжело осознать: каждому из нас хочется быть любимым. Причём не за маску, напыленную на лицо по случаю, не за фальшивый образ или красивый наряд. Нет, всё не так. Есть желание... оно там, глубоко под фальшивой кожей, выгравировано на костях под живым кровоточащим мясом. Это желание является, на мой взгляд, одним из определений человеческого. Оно гласит: “Любите меня не за что-то, а вопреки. Вопреки моим слабостям и глупостям, ошибкам и отчаянью. Любите меня *мною*.”

Но за этим осознанием неизбежно следовал другой вывод: меня не за что любить. Я — чудовище.

Я поняла это одним солнечным днём, наблюдая за нормальными детьми. Как сейчас помню: тётя Ленна взяла меня с собой к подругам и оставила играть с ровесниками. И было это... ужасно, если честно. После того я тайне ото всех начала искать собственное лицо. Только вот незадача: сколько я ни старалась открыть в себе человеческое обличье, моё, собственное, оно не приходило.

Мне становилось всё хуже. Я стала ненавидеть свои отражения, разбивать зеркала и сторониться почти всей семьи, кроме разве что папы Буджо. Он-то с первого дня любил во мне музыкальную магию, и это казалось честнее и проще...

Многих стараний стоило мне превратиться не в кого-то, а в себя. Но полностью человеческого облика не получилось: я оказалась человекообразным существом с перьями вокруг лица, волосами цвета киновари и радужными глазами с вертикальным зрачком. Кожа моя кое-где была покрыта крохотными пёрышками, отливающими ртутным блеском.

На самом деле, пожалуй, на чей-то экзотический вкус я даже могла бы показаться красивой. Тем не менее, с человеком меня перепутать не смог бы вообще никто.

Мой биологический отец много позже предположил, что это случилось из-за нарушения в развитии. Обычно маленькие селенити-полукровки примерно одинаковое время проводят как в человеческой, так и в змеиной форме, питаются и энергетической, и обычной пищей. Но моя человеческая половина была слаба (как и любой младенец, собственно) и едва ли смогла бы выжить на свалке. Потому пернатый змей подавил всё человеческое, чтобы выжить.

Так я и стала существом, обречённым воровать чужие лица.

Но осознанно обдумала я это намного позже. Тогда же, осознав, что у меня просто нет человеческого лица, я решила уйти из дома. Сказала об этом только Вилни, который не особенно меня любил, но всегда видел, кто я такая. “Ты не моя сестра, — говорил он. — Моя сестра мертва.”

Сначала я злилась, потом — была благодарна.

На удивление, Вилни не был рад моему уходу. Он всегда был серьёзным мальчиком, защитником и умницей. “Не уходи, — сказал он. — Погоди несколько дней. Мы с сиром Буджо поговорим с родителями. Просто немного потерпи.”

Разговор тот я подслушивать не стала, просто не смогла.

На следующий день дядя Джума и тётя Ленна позвали меня к себе. Я ожидала, что они будут злы, но всё оказалось даже хуже: они были печальны. И когда я готова была броситься к их ногам и пообещать, что буду Лессой всю свою жизнь, лишь бы они не грустили, дядя Джума заговорил.

— Прости, — сказал он. — Мы поступили с тобой жестоко и несправедливо. Мы были ослеплены своим горем и играли в семью, которой нет. Ты забирала нашу боль, заставляла нас верить, что наша девочка выросла, стала красивой и счастливой, хорошо поёт. Но правда в том, что она мертва. Она лежит в общей могиле, потому что у её отца не хватило денег на отдельное место на кладбище. Здесь, в городе, где всё продаётся...

— Теперь у тебя всегда будут деньги, дядя, — пообещала я тихо. — Я сделаю всё для этого.

И эти слова, если честно, по сей день отпечатаны на моём сердце калёным железом.

Дядя Джума улыбнулся.

— Ты очень хороший ребёнок, милая, — сказал он. — Пусть и не такой, как все. Ты великодушна и щедра. Так что прошу, прости нас с тётей и останься. И... почему бы нам не выбрать тебе имя? Буджо сказал, тебе пошло бы Алиссия...

— Лисси, милая, о чём ты так серьёзно думаешь? — спросила тётя Ленна.

— Вспоминаю, как сама получила имя, — ответила я честно.

По лицу тёти Ленны промелькнула быстрая тень. Она собралась что-то сказать, но Глубоководный, который уже благополучно выпроводил свою косатку, её опередил.

— Что, думаешь, какое имя мне подойдёт? Или гадаешь, как назвать своего драконьего малька? Дурацкое будет создание, помани моё слово!

Я застыла. Было ещё слишком рано, чтобы проверять, да и не была я уверена, что человеческие методы работают с фоморьими беременностями. Но...

— О чём вы?

— Ну как о чём? — скривился Глубоководный. — Я же вижу, что ты собираешься размножиться. С драконом. Я этого не одобряю, если хочешь знать!.. Но ничего. Я верю, что ты вырастишь это странное создание настоящим фомором!

Я замерла. Глубоководный же получше меня разбирается в фоморьей физиологии, так? Значит...

— И как это понимать?!

Упс. Кажется, дядя злится... И что делать?

Я не думала об этом раньше, если честно. О том, как скажу им. Нужно выбрать какие-то правильные слова, верно? Но найти их не получается.

Вот правда, как обычно сообщают такие новости? И ведь, если разобраться, то я из тех девушек, которые “принесли в подоле” детей. Вряд ли дядя с тётей, с их-то воспитанием, будут счастливы... И вообще, вспомнить ту же Дайяну...

— Ну что ты такой глупый? — возмутился наш хтонический монстр. — Я же сказал: она собирается размножиться. Ну, отложить икру. Или яйца? Что там у фоморов вроде тебя?

Иногда я просто ненавижу Глубоководного, вот правда.

— Яйца, — вздохнула я. — Но не совсем, вообще-то... Это скорее энергетические коконы. Как вот у драконов. Кокон нужен, чтобы...

— Лисси. Ты что, беременна? — уй, как дядя грозно свёл брови... Я сжалась.

— Ну... в общем-то... Я не уверена, но, если Глубоководный говорит, то вполне вероятно... Очень может быть, что да.

В комнате воцарилась звенящая тишина. Мне было немного страшно поднять голову.

— Ох, Лисси, — сказала тётя Ленна. — Милая, ты за этим пошла на бал, да?

Я прикусила губу. Так, хватит! Поднять голову, посмотреть на дядю с тётей. Они выглядят шокированными, но вроде не очень сердятся. Так что — не мямлить!

— Я не была уверена, правда. Но я ходила повидаться с принцем. Ты была права, когда говорила, что мне нельзя связываться с ним. Оставаться с ним нельзя тем более. Но я... я люблю его, и мне хотелось иметь ребёнка от него. Но я не знала наверняка, что получится... Вот, видимо, получилось.

— Ох, милая! — тётя Ленна подошла и обняла меня. — Ну это же отличная новость! Если ещё и ты рада, то вообще замечательно! *Правда, Джума?*

Вообще тётя Ленна — очень миролюбивый человек. И дядя Джума, разумеется, глава семьи и всё решает сам. Такая уж культура.

Но иногда бывает, что тётя Ленна говорит *тем самым* голосом. И вот тогда дядя Джума соглашается, потому что... ну не дурак же он!

— Рад, рад, — проворчал он. — Люди будут говорить только. Это плохо... Может, тебя за Бэна выдать? Он дурной, конечно, а всё ж не самый худший вариант...

Я икнула. Тётя Ленна возмущённо вскинулась:

— Джума, ну ты чего? В какие дни и в какой стране мы нынче, не забыл? Никто сегодня не обращает внимания на всякие глупые условности!

— Вспомни, в каком районе мы сейчас живём, — вздохнул дядя. — Здесь обратят, будь покойна... Ладно, это всё хорошо обмозговать надо. Но потом. А сейчас я напишу записку Вилни, пусть приедет. Я дедом стану! Это надо отпраздновать, разве нет?

— И я буду праздновать? — влез Глубоководный. — Я ещё никогда не праздновал.

— И вы будете, — согласился дядя Джума покладисто. — Важный день, как-никак. Эй, Буджо! Папаша, где ты там!

— Так кричать не обязательно, — сказал папа Буджо, выглядывая из своей студии. — У меня идеальный слух. Что опять случилось? Новый заказ? Я, признаться, немного занят.

— Ты дедом станешь! Заказ у него...

— А, это. Я знаю, — огорошил нас Буджо.

— Папа, откуда?! — поразила я.

— Услышал, — оскорбился он. — В твоём ритме. Я как раз пишу по этому поводу музыку... Он ведь обязан слушать музыку с самого начала, верно?

— Наверное, — ответила я шокированно.

— Ну вот, — папа скрылся в мастерской.

Повисло молчание.

— Кхм, — сказал дядя, чуть виновато покосившись на Глубоководного. — Ну, вы не обращайте внимания. Он у нас просто гений. Со всеми вытекающими.

Глубоководный понимающе покивал.

— Лисси, — сказала тётя Ленна, — что же ты стоишь! Пойдём на кухню, я накормлю тебя. Тебе теперь надо много кушать, разного и полезного! Надо думать, где доставать.

— В магазине? — уточнила я робко.

— Ну какой магазин! — возмутилась тётя Ленна. — Ты видела, что у них лежит на полках? Эти яблоки как будто восковые! Я даже знать не хочу, чем именно на них колдовали. А мясо? Нет, кормить таким беременную категорически нельзя!..

— Я беременная фомора, тётя, — напомнила я негромко. — И могу переварить даже гвозди.

— Расскажи мне ещё тут про гвозди!..

Что же, это было странно. И неловко. И слегка глупо. Но для себя я в очередной раз поняла одно: мне действительно, очень сильно повезло с семьёй.

Дайяна-Элиза, леди Гохорд, лекарь второй категории

*

— Вы вполне уверены в своём решении? — спросила я у своей пациентки.

Та была весьма юна, около двадцати лет. Не аристократка, но точно из хорошей семьи: манеры и осанку нельзя не узнать.

— Д-да, — ответила она. — Так будет лучше для всех.

Что же, в первый момент они все так отвечают.

Мы пили чай в моём кабинете... Признаться, до сих пор словосочетание “мой кабинет” вызывает у меня приятную внутреннюю дрожь. И немыслимое волнение.

Не привыкла ли я раньше, что кабинет может быть только у отца, ведь он один занимается делами? У женщин может быть будуар, возможно, гостиная... К чему женщине кабинет, верно?

Но теперь, став лекарем, я поняла многие вещи. Например, про уверенность. И про самоуважение тоже.

Это отличное чувство — работать в собственном кабинете. Особенно хорошо, если ты это заслужил. Я, несмотря ни на что, всё же заслужила: практикуя магию бессонными ночами, убирая за людьми выделения и грязь, утешая слабых...

Я не умею драться за себя. Не сумела дать отпор, даже когда это было безумно важно... за что теперь всегда буду себя ненавидеть. Но я всё ещё плохо умею драться за себя... Только лекарю этого и не нужно.

Ему достаточно уметь драться за других.

И я дерусь за них. За растерянных девушек и женщин, таких, какой была я когда-то. Это оказалось просто, на самом деле; проще, чем можно было бы вообразить.

Когда принц оставил меня с леди Каталиной, она повела меня на осмотр и только качала головой...

— Прости девочка. Если бы ты обратилась за помощью сразу после того, как выпила ту дрянь, если бы хотя бы прошла полный курс

лечения, то шансы бы были. Сейчас... Я постараюсь снять последствия, насколько смогу. Но смирись: детей у тебя больше никогда не будет.

Это стало ударом, если честно. Я смотрела на неё шокированная, почти раздавленная, и просто не понимала... не хотела понимать.

— А теперь скажи, будь добра: кто тебе это продал? Подруга, с которой мы вместе живём, раньше заведовала контролем за сбытом таких зелий. Ей пришлось уйти на пенсию в прошлом году, но связи сохранились, да и большинство таких “умельцев” мы с ней знаем поимённо. Я хочу найти урода, который продал тебе эту дрянь, и упрятать туда, где ему самое место: в тюрьму.

Я растерялась. Я не знала, что ответить.

— Я не покупала зелья, — призналась я в итоге. — Мне дала его матушка.

Помню, лицо леди Каталины потемнело после этих слов. Она задавала вопросы; я отвечала. Она слушала меня, а после молча пила что-то отчётливо алкогольное.

— Ты можешь подать на неё в суд, — сказала она в итоге. — Твоя мать — убийца. Ей самое место в тюрьме.

Я тогда пришла в ужас. Матушка? В тюрьму?

— Разве можно так поступать с кем-то, у кого подобная родословная? — вырвалось у меня.

Каталина зло сверкнула глазами.

— За такие вещи сажают. И плевать на родословную! Уж поверь, мы с подругой тоже не последние в этой империи люди. Продадим, не сомневайся.

— Но ведь все узнают... всё...

— Это правда, — признала леди, внимательно глядя на меня. — Тебе придётся рассказать всё.

— Я не стану, простите.

Она покачала головой.

— Воля твоя, Дайяна. Но однажды ты и сама поймёшь: пока жертвы молчат, справедливость не торжествует.

Я не нашла ничего лучше, кроме как промолчать в ответ.

Леди Каталина криво улыбнулась, как будто такого моего решения с самого начала ожидала.

— Хорошо, — сказала она. — Я поселю тебя в кабинете для персонала. И буду лечить сама, чтобы не пошли слухи. Довольна?

— Спасибо вам, — ответила я тихо. — Вы добры ко мне более, чем я того заслуживаю.

Она внимательно глянула на меня, но промолчала. За это молчание я по сей день ей благодарна.

Ночью после того разговора я практически не могла уснуть. Мысли метались в голове, кружились кладбищенскими татями. Измученная, я встала и вышла в коридор, надеясь сбежать от тьмы комнаты — и, возможно, от осознания того, что произошло.

И потом... Я едва не наступила на неё, на самом деле.

Она лежала в коридоре, и пол вокруг неё был чёрным от крови. На коже её расплывались знакомые узоры — такие же, как были у меня.

Позже я узнала, что пациентка, проигнорировав предупреждения, вышла из закрытой палаты в дамскую комнату, ибо очень стыдилась специальных приспособлений и чар.

Она, как и я, была из той семьи, в которой принято стыдиться всего природного. Особенно женского.

Учитывая её состояние, не удивительно, что у неё открылось кровотечение. Она не поняла этого сразу и потеряла сознание раньше, чем успела кого-то позвать.

И я едва не споткнулась об неё. А потом застыла, потому что мне показалось, что там, на полу, в белой окровавленной рубашке, лежу я сама.

Помню остальное урывками. Кажется, я упала возле неё на колени, безжалостно испачкав кружевную сорочку. Помню, я кричала, но все звуки как будто ушли, и руки мои сияли, и я просила её не умирать...

Потом прибежали другие лекари. Мне сказали, я спасла её. Мне сказали, без меня она бы умерла.

И тогда я почувствовала себя сильной; возможно, впервые в своей жизни. И поняла, что могу драться за других. Что, возможно, была создана именно для этого. Ведь лекарская магия дана мне не для ублажения мужчин, верно?

Нет. Совсем нет. Потому на следующий день я сказала, что хотела бы изучать женские болезни. И лечить их. Я не сказала: “Спасая их, я

буду спасать себя”.

Я не сказала, но леди Каталина, кажется, всё поняла.

И теперь у меня есть лекарская подвеска. И кабинет. И собственная зона ответственности.

А ещё она поручила именно мне общаться с девочками, девушками и женщинами из “сложных” семей. Я должна говорить с ними, слушать их, а потом раз в несколько дней приходить к леди Аджиоке, нашей штатной ведьме-менталистке, и советоваться с ней. Раз в неделю я отчитываюсь перед самой леди Каталиной, и она даёт мне советы.

Я не была уверена, что смогу, если честно. Но леди Каталина настояла. Она считает, что это пойдёт на пользу и пациенткам, и мне.

Теперь, оглядываясь назад, могу сказать, что она скорее права.

Обычно я приглашала своих пациенток для таких разговоров к себе. Во-первых, для конфиденциальности, разумеется: многие рассказанные здесь истории не должны были стать достоянием общественности. Во-вторых, для собственной уверенности. Глядя в глаза каждой из них, я снова переживала собственные чувства, всё ещё ужасно непростые. И, когда всё становилось сложным, я напоминала себе: это — мой кабинет. Моя территория, только моя.

Здесь безопасно.

Вот и девушку, которая проходила у меня под именем Нэлла, я пригласила на чай именно сюда.

Нэлла приехала сюда инкогнито, на мобиле без опознавательных знаков, сжимая в руках чек для внушительного анонимного пожертвования. Вроде бы ничего необычного, ситуация более-менее стандартная. Но девушка вела себя странно, и у леди Каталины возникли вопросы.

Она посчитала, что с Нэлли я должна поговорить наедине.

— Послушайте, — сказала я пациентке, — я не знаю вашего имени и клянусь не запоминать лица. Здесь нас никто не услышит. Со мной вы можете быть откровенны, Нэлл. Ситуация неоднозначная: большой срок, обстоятельства вашего... прибытия. Леди Каталина попросила убедиться, что всё происходящее для вас, скажем так, вполне добровольно.

Нэлл молчала, опустив взгляд. Её губы дрогнули, будто она пыталась что-то сказать. Я подождала, чтобы, быть может, случилось чудо... Но нет, она не решилась.

— Милая, — попробовала я ещё раз. — Если таково ваше желание, то ничего. Так случается. Но я хотела бы услышать это от вас.

— Я делаю, что должна, — ответила она. — И больше не желаю это обсуждать.

Что же, так значит так.

Мне хотелось схватить её за плечи и потрясти. Но я знала, из своего опыта знала: чтобы тебе помогли, нужно осмелиться попросить о помощи. Но есть и вторая истина, весьма тесно соседствующая с первой: когда помощь действительно нужна, попросить о ней почти невозможно осмелиться.

Я помню.

— Нэлл, я спрашиваю вас, потому что сама была в неоднозначной ситуации, — сказала я ей. — Я была напугана. Я не верила, что могу выжить сама по себе, и позволяла другим решать за себя. Теперь я сожалею о том периоде.

Она только покачала головой:

— Если я оставлю этого ребёнка, весь мой мир рухнет. Мне это не нужно! Я... я не могу оставить его. Я хочу, но не могу.

— Его отец?

— Привёз меня сюда.

Вон оно что.

— Он женатый мужчина?

— Он... важный человек.

— Он угрожал вам?

— Нет, он просто... Так будет лучше.

Что же, кажется, я получила свой ответ.

— Хорошо, — я тепло улыбнулась и сжала её ладонь в своей. — Спасибо за ваши ответы. Возможно, это займёт ещё пару дней: нам нужно взять некоторые анализы. Если захотите поговорить со мной, дайте мне знать.

— А сколько это может занять? У меня просто зачёты...

— Вы учитесь?

— Да, в академии магии... Неужели это так важно?

— Нет, — я мысленно отругала себя за излишнее любопытство. Оно всегда только отпугивает. — Идите отдыхать, Нэлл.

Она фальшиво улыбнулась в ответ, встала и пошла прочь.

Я наклонилась над тетрадью, чтобы внести комментарии по этому конкретному случаю. Леди Каталина гарантирует анонимность тем, кто об этом просит. Но здесь это может быть во вред...

Перо замерло над бумагой, когда я слышала шаги.

Когда вырос в семье вроде моей, то очень быстро учишься различать шаги тех, кто приносит с собой боль или страх.

Каждый визгливый стук каблуков — как приговор, шелест нижних юбок (потому что леди не носят брюк, разумеется), как шёпот сплетен, отчётливый, сердитый ритм...

Я знала, что это она, за пару секунд до того, как открылась дверь.

Матушка вошла и окинула мой милый кабинет пренебрежительным взглядом.

— Это здесь ты сейчас обретаешься? Какая безвкусица, — и я сразу почувствовала себя жалкой и никчемной.

— Кто тебя пустил? — мой голос сначала почти не дрожал, спасибо самоуспокаивающим чарам.

Она скривилась:

— Неужели у матери должен быть особый повод, чтобы навестить дочь?

— Да. Это лекарня, тебе нечего здесь делать, — тон стал просящим, жалким, голос сорвался к концу фразы.

У меня всё ещё не получается давать ей отпор.

— Деньги и положение открывают все двери, — хмыкнула она, без спроса усаживаясь на стул посетителя. — Кстати, мне почудилось, или я только что видела юную наследницу разорившейся семьи Дорд? Вот что бывает, когда поддаёшься на уговоры неразумной дочери и отправляешь её учиться! Общественное образование для девочек — зло, наши предки были в этом правы. Знатные особы должны учиться на дому, это однозначно. Чтобы не было ситуации вроде этой. Я слышала, конечно, что юная леди Дорд очень мила с ректором...

Ректор. Вон оно что... Может, именно он был тем самым таинственным мужчиной Нэлли?

Тем не менее, матушка просчиталась: угроза пациентке заставила меня встряхнуться лучше всяких пощёчин. Я поболее всех знала, каким

грязным и ядовитым может быть язык леди Гохорд, и не собиралась позволять ей злословить о Нэлли.

— Вы придумываете ерунду, — сказала я, и твёрдость вернулась в мой голос. — Пациентка всего лишь подверглась проклятью и лечится у нас. Если посмеете молоть о ней языком, расскажу всем, что вы подкупили персонал лекарни.

Её ноздри раздулись от ярости, ладонь взмыла в воздух:

— Да как ты смеешь?..

В руке моей сам собой возник энергетический скальпель. Я сжала его, чтобы почувствовать себя защищённой. Пускать его в ход не собиралась: спасибо леди Каталине, я и без членовредительства знала, что делать.

— Давайте, бейте, — сказала я, глядя ей в глаза. — Чтобы я смогла позвать охрану и предать это гласности. Бейте, что же вы! И тогда вас арестуют, как буянку. Сиятельная леди Гохорд устраивает драки в закрытом женском отделении благотворительной больницы... не дивный ли выйдет заголовок для утренних газет?

Она изумлённо застыла, и я почувствовала тёмное торжество. Оказалось на удивление приятно взять в руки её же оружие, обернуть против неё её же аргументы.

Всё же, видимо, я её дочь. И не только по крови. Мы учимся у своих мучителей; жаль, что редко — хорошему.

Про мою мать можно многое сказать, причём едва ли в этом “многом” будет превалировать хорошее. Но одного у леди Гохорд не отнять: она очень быстро умеет подстраиваться под ситуацию. И отлично владеет собой.

Вот и в тот момент она будто бы сменила одну кожу на другую: увидела, что напор не помог, и выбрала вместо него спокойный, деловитый тон.

— Что же, — сказала она, — вижу, ты стала дерзкой. И совершенно отбилась от рук. Но вспомни о том, что тебе ещё предстоит вернуться домой, дрянная девчонка!

— С чего бы это? — руки снова начали дрожать. — Я не вернусь туда никогда. Слышите? Никогда!

Леди Гохорд закатила глаза.

— Ох уж этот юношеский максимализм... Признаю: возможно, идея с этой больницей была не самой дурной. Я слышала, что ты не

прекращаешь переписки с принцем и пользуешься фавором у леди Бейли. Это хорошо. Каталина, конечно, законченная дрянь, это верно. И извращенка к тому же. Без семьи и детей — какая женщина так живёт? Только глубоко безнравственная. Но нынешним хозяевам этого мира плевать на нравственность: Каталина приближена к самым знатым особам, и сблизиться с ней, несмотря ни на что — это отличный ход. Только вот рано или поздно тебе нужно будет подумать о замужестве и продолжении рода...

— Заткнись, — мой голос задрожал. — Во-первых, прикуси свой грязный язык, матушка, и подавись собственным ядом. Никогда, никогда не смей при мне оскорблять леди Каталину! И не тебе рассуждать о безнравственной жизни, поняла?! Второе — не будет никаких наследников. После того, что ты со мной сделала, у меня никогда не будет детей. Поняла?! Ты, ты забрала это у меня!!

— Что? — поразились она.

Изумление её было искренним, неподдельным. Казалось, даже её вечные маски сползли на миг, обнажая уязвимое нутро.

Я сжала руки в кулаки. Мне хотелось ударить ещё, ещё сильнее! Все моральные барьеры обрушились, всё спокойствие куда-то исчезло, оставляя меня один на один с потоком неконтролируемых эмоций.

— Ты! — крикнула я. — Ты дала мне это зелье!

— Да, потому что надеялась решить всё тихо! — выкрикнула она в ответ. — Но в Тавельни меня заверили, что репродуктивная функция придёт в норму, если...

Она запнулась.

— Что ж ты замолчала. Договаривай! “Если не допускать прямых воздействий на ауру”, верно? Как ты думаешь, мама: когда часть твоей ауры, как раз напрямую связанную с женским, выгрызает хищная многоликая змея — это считается за воздействие?!

На её лице промелькнуло что-то, очень похожее на вину.

— Ты ещё на весь мир об этом заори! — сказала она. — Ты никому не рассказывала, надеюсь?..

— О нет, никому, — скривилась я. — Как могу я?

Мать кивнула.

— Что же, это печально. Видимо, нам с твоим отцом придётся задуматься ещё об одном ребёнке.

Я почувствовала слёзы на щеках.

— И это — *всё*?! — спросила неверяще. — Всё, что ты мне скажешь? После того, как сама со мной это сделала?!

— Ну довольно! — леди Гохорд даже притопнула ногой. — Хватит рассказывать, что я с тобой делала то или это! Можно подумать, я заставляла тебя связаться с тем ничтожеством и зачать от него ребёнка! Или я силой тебя к селенити толкала? Ты не возражала, Дайяна! Мы делали это ради нашей семьи, как мать и дочь! Исправляли, между прочим, твою ошибку! Так чего ты хочешь от меня теперь?

У меня в голове стало звонко и пусто. Истерика резко схлынула, оставив после себя острые осколки боли и сожаления.

Я могла бы напомнить, как она запугивала меня, унижала, била. Но...

Она права. Я никогда не возражала. Не могла дать ей отпор. И, возможно, никогда не научусь. Но...

— Уходи, — сказала я. — Не знаю, зачем ты явилась, но уходи и не смей возвращаться. Я тебе больше не дочь, а ты мне не мать. Я не собираюсь возвращаться домой, выходить замуж за Эрина или что ещё взбредёт в твою больную голову. Теперь моё место здесь.

Она помолчала, глядя на меня, а потом кивнула.

— Что же, возможно, так и впрямь будет лучше. С учётом твоей неполноценности и нынешних обстоятельств, Эрин не согласится взять тебя в жёны. Да никто не согласится, пожалуй. Если только мезальянс или жених в возрасте...

— Вон.

Она покачала головой.

— Собралась прожить свою жизнь вот так? — уточнила она.

— Да, представь себе!

— Воля твоя. Но, если ты так цепляешься за эту жизнь, значит, нам легко будет прийти к соглашению.

Сердце моё зачастило.

— Какому соглашению?

— Ты вполне уверена, что нас здесь не услышат?

— Да, эта кабинет для конфиденциальных разговоров.

— Отца вызвали на беседу по подозрению в шпионаже.

— Что?..

— Вполне вероятно, скоро придёт наш с тобой черёд. Они будут задавать вопросы; важно, чтобы ты дала на них правильные ответы. Ты должна молчать о селенити. И придерживаться нашей версии. Настаивай, что ничем не очаровывала принца; что зелье тебе принесла служанка; что в Тавельни ты пробыла одну ночь, а после вернулась. Говори, что только перед ночью с принцем воспользовалась чарами какой-то проходимки... Здесь я записала всё, что тебе следует сказать. Выучи. А потом уничтожь бумагу.

— И ты думаешь, они поверят?!

— Да. Они наверняка используют на твоём отце те или иные чары, чтобы удостовериться, что он говорит правду.

Я начала понимать.

— Отец не знает о селенити, да?

— Он знает, что преступница из Тавельни колдовала над твоей внешностью перед ночью с принцем. Вот всё, что ему известно о ней. Как раз на такой случай я не посвящала его в детали.

Я сжала зубы.

— Но с чего ты взяла, что я поддержу вашу дурацкую ложь?! Не думаешь, что я с удовольствием выдам вас?

Она презрительно улыбнулась:

— А я уж думала, что ты всё же сумела отрастить себе мозг... Ты можешь быть моим главным разочарованием в жизни, Дайяна, но ты всё ещё кровь от крови моей, наследие старых королей. И, ни секунды не сомневаюсь, ты пойдёшь на всё ради своих целей. Вот и скажи мне: что станется с расположением принца, если ты расскажешь, что лгала ему и была соучастницей такой подмены? Думаешь, тебе удастся после такого остаться здесь? Правда? Мне вот кажется, что леди Каталина вышвырнет тебя, если всё всплывёт. Ведь это место, и покровительство принца, и работу ты получила благодаря той истории. А как думаешь ты?

Меня всю трясло.

— Я ненавижу тебя.

— Твоя воля. Но, если обо всём станет известно, это будет крушением не только моей репутации и жизни, но и твоей тоже. Возможно, ты не угодишь в тюрьму... Возможно. Но что ты станешь делать, когда потеряешь покровителей и работу?

Я обежала растерянным взглядом кабинет. Мой собственный, безопасный. Принц, мой друг, который пишет мне письма и рассказывает интересные вещи. Моя наставница, которая помогла нащупать почву под ногами.

Всё, что делало меня мной. Всё, что я теперь любила. Потерять?..

— По глазам вижу, что ты всё поняла. Выучи то, что написано на бумаге, и уничтожь! Некоторые секреты нужно запирать на замок. Позаботься об этом. И употреби всё своё влияние на принца, чтобы замять это дело. Это нужно в равной степени и тебе, и мне.

Она вышла. Каблуки её стучали визгливо и торжествующе.

Я сидела, глядя в стену, и снова чувствовала себя никчемной. И жалкой.

И очень, очень слабой.

Или, дракон Льда

*

Я — полный, безоговорочный, законченный идиот.

Именно об этом я думал, просматривая отчёт разведки. Который гласил, что леди Гохорд является давней знакомой леди Элизавет Биолифф, вот уже сорок лет бывшей бессменной фавориткой премьер-министра. Премьер Тавельни через неё давал Гохордам огромные ссуды, рассчитывая получить взамен услуги и внутреннюю информацию. Тайная служба без особых проблем сумела выжать это из Гохорда. Только вот где вы раньше были с этими сведениями, придурки?..

Но ладно, хватит уже валить с больной головы на нездоровую. Ошибка моя и только моя. Я сам сходу объявил лорда Гохорда своим ставленником и посадил на тёплое местечко в обход родителей и стандартных проверок. Кто мне теперь лекарь, как говорится...

Хотя... Есть у меня лекарь.

Дайяна Гохорд.

Та самая, к которой я ходил тайком ото всех в гости, перед которой чувствовал себя виноватым, которая успела стать практически моим другом.

Та самая.

Доподлинно известно, что она приезжала в Вел-Лерию перед началом отбора. И ходила в женскую лекарню, дословно — Институт Любовных и Женских Чар. И, как бы ни хотелось мне верить в иное, вывод напрашивается очевидный: именно там с ней сделали нечто, из-за чего она была такой привлекательной для меня. Приворот? Некие манипуляции с аурой? Я не знал, но собирался это выяснить.

Я был зол, но всё никак не мог направить эту злость на окружающих. Хотя бы на ту же Дайяну. Даже попросил пока что не вовлекать её в расследование, максимум — вежливо побеседовать. Объяснил, что хочу поговорить с ней сам.

Ведь, если подумать, не одна Дайяна была вовлечена в это. Не с неё начались странности; Джина, Марджана Лофф, Шери — все они

явно пользовались тем самым приворотным средством. И я на себе смог оценить, насколько оно действенно.

Я отправил Дайяне вестника с просьбой всё рассказать. Не то чтобы так уж хотел выслушать новую порцию вранья, просто... посчитал, что я должен дать ей право объясниться. Всё же, она стала одной из близких... или почти стала.

Но нужно приучить себя к мысли, что всё это — благодаря привороту.

Эта теория мне нравилась. Она всё объясняла. Она сходилась со всех сторон. Так что я был уверен в своей правоте на девяносто девять процентов, когда сказал Марджане Лофф:

— Джана, что премьер-министр поручил тебе? Какие указания насчёт Дина и нас ты получила? И что это за приворот, с помощью которого ты привязала Дина? Расскажи нам.

Разумеется, этим своим вопросом я вызвал волну негодования со стороны Дина; ничего удивительного. Я сам помнил, как именно ощущалась эта дрянь, и подготовился при необходимости даже нейтрализовать побратима. Но вот удивлённого, непонимающего и чуть обиженного взгляда со стороны Марджаны Лофф я не ожидал.

Она послушала меня, ещё раз послушала — и принесла нерушимую клятву, что никакого приворота не было.

Тем самым, разумеется, разрушив красивую теорию до основания.

Признаться, я растерялся. Предположить, что девчонок использовали вслепую? Да ну, бред. Какой смысл тавельнским спецслужбам в такой многоходовке?

Да никакого. Если только это не спецслужбы.

Как бы мне ни хотелось цепляться за простую и объяснимую версию тавельнских приворотов, но она, кажется, не подтверждается.

И Рой, который в нашей эмоционально нестабильном коллективе нынче подрабатывал головным мозгом, тоже так считал.

— В этой истории много заинтересованных сторон, — сказал он. — И не все они — существа земные. Понимаешь, о чём я?

Ещё бы я не понимал! Да я кручу это у себя в мыслях вот уже несколько месяцев!

Ведь, как я уже упоминал, драконы не принадлежат этому миру. Когда-то наши предки торжественно ушли (читай: сбежали) из шестого мира сюда. Пути назад у них не было, только вперёд — уж это

мой дедуля, Первый Император, при всей своей придури понимал ясно. Так что драконы погрузили этот мир в кровавый хаос завоевательной войны.

Примерно тогда один из местных богов, покровитель сидхе, именуемый обычно Лесным Царём, проклял драконов, лишив нас возможности находить пару через прикосновения. Только постель! Которая в каком-то смысле превратилась чуть ли не в обязательку. Молодые драконы и драконицы должны проверять таким образом кандидатов, которые их хоть минимально заинтересовали. Нет, это весело, конечно, но... только до поры.

Больше тысячи лет сохранялось такое положение вещей: вера в Лесного Царя была под запретом в Империи, драконы же страдали от последствий проклятия (остальных оборотней оно коснулось, но в меньшей степени: всё же, Лесной Царь благоволит лохматым).

Но несколько столетий назад на этом поприще наметились подвижки: отец снова разрешил веру в Лесного Царя. Было у него на то несколько причин, но я знаю: помимо всего прочего он надеялся, что проклятье можно обратить вспять. Только вот не пустыми ли были эти надежды? Пока больше похоже, что божок просто играет с нами, мучает. Притом началось всё с семьи Дина, мать которого истово верит в Лесного Царя. А дальше была моя музыкальная магия, которой также покровительствует этот бог... Печальные напрашиваются выводы.

— И что ты мне предлагаешь? — спросил я у побратима. — Допросить бога? Так и представляю: “Эй, Морозный Дед, что за странные подарки ты мне под ёлку подогнал? Я был не настолько плохим мальчиком!”

Дин тихо фыркнул — он последние месяцы из первых рядов наблюдал мой загул и крайности, в которые меня нещадно швыряло. Так что имел наглядное представление о том, насколько плохим мальчиком я был в этом году.

— Хотя нет, — меня несло. — Лучше!

Ярость, долгое время сдерживаемая, кипела в груди. Я вскочил на ноги и поднял глаза к небу, роль которого нынче играл потолок с лепниной. Но это ничего! В моей жизни все играют роли, включая меня самого. Так что потолок вполне годится для молитв.

Что же ты, Лесной Царь? Это месть? И тебе дотянуться до меня проще, потому что во мне больше эльфийского наследия?!

— Эй, Рогатый! Ты, добрый Дедушка Мудоз!

Я увидел краем глаза, как прикусила губу Марджана Лофф. Ну да, фоморы тоже поклоняются Лесному Царю, почитают его и уважают. И в других обстоятельствах я бы заткнулся, конечно, но нынче был слишком зол.

— Ты, чудище реликтовое! Хватит делать вид, что не при делах! Мы ещё можем разрушить твои храмы обратно, понял?! Так что расстарайся, задница божественная, и пришли мне знак... Или чего там ещё принято присылать? Ну! Ты слышишь меня?!

Разумеется, он не слышит. Глупо было надеяться, глупо злиться на тишину в ответ. Лесному Царю плевать на мои молитвы...

Стоило мне подумать об этом, как в окно постучали. И это оказался вестник, принесший новость о первом ребёнке-полукровке в новейшей драконьей истории.

Джина, жена Дала Ртутного, была беременна.

Полукровкой.

Маленьким сидом, который унаследует ртутную магию, но никогда не станет полноценным драконом.

Неоднозначная новость. Радостная, потому что для нас дети в любом случае радость. Но и тревожная тоже: это значило, что законы парности меняются. Либо, как вариант, мы не знали чего-то очень серьёзного. Ведь считается, что у драконов дети могут рождаться только от истинной пары, той, у которой появились татуировки парности на руке. Если же в паре было двое драконов, то знаки парности проявлялись у обоих. Но появление полукровок при отсутствии татуировок... наша наука не знала такого.

Этот вопрос следовало изучить.

Дин, конечно, не пришёл в восторг от необходимости отдать племянника или племянницу на опыты. Да, всем понятно, что ничего по-настоящему плохого с младенцем не сделают. Мы же не уроды какие-то! Но дети у нас рождаются крайне редко, потому инстинкт защиты потомства очень силён. Так что, как бы я ни хотел поделиться с отцом новой информацией, но решил дать Дину и его брату с женой время всё осмыслить.

Немного времени.

Когда этот тяжёлый разговор был окончен, Дин ушёл обхаживать свою Марджану и наверняка отлично проводил время. Рой тоже куда-

то ускользнул, не иначе как собирать себе здесь ещё один гарем. Я же остался стоять у окна, хмуро глядя на заснеженную улицу и прикидывая свои дальнейшие действия.

Именно там застал меня вернувшийся вестник.

Дайяна Гохорд прислала свой ответ.

Была она лаконична.

“Я не зачаровывала вас, — сказала ледяная птица её голосом. — Днём перед нашей совместной ночью, во время выхода в город я получила фоморьи чары, которые должны были помочь мне вам понравиться. Их наложила какая-то девица из Тавельни, предложившая свои услуги. Но это — всё. Я не приобретала в Тавельни никаких приворотов. Я была там, потому что...”

Я слушал историю Дайяны, вслушиваясь в интонации и полутона. Было в её рассказе несколько едва заметных заминок, но в целом я готов был поставить, что она говорила правду. Наложить фоморьи чары перед нашей с ней ночью? Логично, ведь тогда её уже не проверяли. Всё сходится. Поездка в Тавельни... Какой ненормальный потащит свою полумёртвую дочь через море, чтобы не было слухов? Могла ли мамаша Гохорд так рискнуть здоровьем ребёнка ради репутации? Исходя из того, что я знаю о старой аристократии в целом и о Гохордах в частности — запросто.

Кошмар, если быть откровенным.

Но всё же. Почему я не заметил этого в Дайяне сразу? Печали, боли? Потеря возлюбленного, нерождённого ребёнка, болезнь — всё это тяжкие испытания. Впрочем... Может, я не хотел замечать? В ней с первого дня был какой-то надлом, странная грусть, как будто... с чем бы сравнить?... Как будто её кожа ей натирала. Уж мне, примерившему за жизнь экстраординарное количество масок, прекрасно известно, как это бывает.

А ведь Дайяна — хорошая актриса. Все дети, выросшие с жестокими и строгими родителями, рано или поздно приобретают этот навык.

Я поморщился. Казалось бы, мне тут не в чем обвинять себя: я не недотёпа Бэннард Финн, который позволил, чтобы с его девушкой такое случилось; я не её ублюдочные родители, которым плевать на собственное дитя; я не знал о том, что с ней произошло, в конечном

итоге. Скажи она, хоть намекни, и я вёл бы себя иначе. Казалось бы, с чего мне чувствовать себя виноватым? Но...

Мне почему-то вспомнилась та бедняжка, которой дали глотнуть стеклянной пыли. И Дайяна, которая пережила такой вот ужас. И мне пришла в голову отвратная по своей сути мысль: интересно, а сколько девушек пострадало, вольно или невольно, в борьбе за меня, такого якобы прекрасного принца?..

Это были паршивые мысли, горькие и мерзкие. Я постарался отвлечься от них, снова задумавшись о ситуации с премьер-министром Тавельни. Неплохо было бы нам с ним обсудить, например, лорда Гохорда. Понятное дело, что никто не станет рвать дипломатические отношения с Тавельни из-за такой малости. Да и премьер этот нам, положив руку на сердце, выгоден: если его сместить, то почти наверняка кресло захватят представители консервативной партии. Которая, как известно, не так уж положительно относится к сотрудничеству с драконами.

Всё так. Но за историю с Гохордами с премьера всё-таки стоило страсти парочку предпочтений. Я обдумывал, как бы обустроить нашу встречу и правильно разыграть выпавшие на руки карты...

Но судьба всё решила за меня.

*

На следующее утро меня разбудил сотрудник посольства. Понятное дело, что проснулся я, как только он начал подниматься по лестнице (драконий принц я или где?), так что врасплох это меня не застало. Вопрос в другом: меня не стали бы будить без очень, очень хорошего повода.

И, увидев на пороге оборотня со стопкой утренних газет в руках, я понял: кажется, нам предстоит информационная война.

Я бегло просмотрел публикации в газетах. Под раздачу попала Марджана Лофф, которую обвиняли во всех грехах. В том числе ей вменяли оргию с тремя иностранными студентами. Имён не упоминали — до поры. Но я ни секунды не сомневался, что подразумеваемся мы с побратимами.

Какая у нас, оказывается, насыщенная личная жизнь.

В целом, статьи были подчёркнуто политическими. Там было много мыслей о том, что фоморам нельзя занимать общественные должности, о том, что “Тавельни для людей”, мелькала критика

политики премьера. Открытых инсинуаций против Драконьей Империи не было, но сам тон статей не оставлял простора для фантазии: нелюдям не рады в стране людей.

И Марджана Лофф, как чуть ли не единственная фомора в Тавельни, состоящая на официальной должности, стала отличной мишенью для дискредитации. Как сказала бы сестрёнка, ничего нового под этим солнцем.

— Ты это видел?! — Дин возник на пороге комнаты, и глаза его напоминали озёра ртути.

Хоть бы не сорвался.

— Видел, — ответил я холодно. — И собираюсь разобраться с этим.

— Как? — тряхнул головой Дин. — Мы в Вел-Лерии. Это не наша территория.

Я жёстко улыбнулся.

— Ничего. Местный премьер, как ты заметил, кое-что задолжал лично мне... Я собираюсь затребовать долг назад.

Дин нахмурился.

— У твоей семьи могут быть на этот счёт свои планы.

Я внимательно посмотрел на своего побратима и в который раз подумал: насколько же мне повезло с теми, кто будет прикрывать мне спину.

Он влюблён в Марджану Лофф. Зная Дина, я бы сказал, что без памяти влюблён. Но он всё равно просчитывает, как попытки ей помочь отразятся на мне.

Такие вещи нужно уметь ценить.

— Скорее всего, моя семья будет недовольна, — сказал я. — Но Гохорды нанесли оскорбление мне лично. Я в любом случае хотел поболтать с тавельнским премьером об этом и требовать что-то для себя; и, раз уж появился такой чудный повод, то почему бы и не да?

Дин внимательно посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он.

Ну нет, так мы утонем в соплях.

— Спасибо? — фыркнул я. — Ты думаешь, я это для тебя делаю? Жди! Я, может, хочу Марджану у тебя увести. А то ты сильно счастливый ходишь. Бесишь!

Дин дёрнулся (драконьи инстинкты собственника — это вам не шутки), но потом покачал головой.

— Ну и на кой ты постоянно выступаешь на эту тему? — уточнил он.

— Нравится смотреть, какое у тебя при этом делается лицо забавное, — подмигнул я. — Не одному же тебе за мой счёт развлекаться!

Дин закатил глаза:

— Задница ты, мой принц.

— Ну вот, — кивнул я довольно. — Никогда об этом не забывай.

Дин покачал головой.

— Надеюсь, для встречи с премьером ты планируешь сменить маску? Не уверен, что шут — правильный образ.

— Не переживай, друг мой, — я улыбнулся, показывая клыки. — Когда речь заходит о масках, у меня очень обширный гардероб.

*

— Ваше высочество.

— Премьер-министр.

Мы окинули друг друга оценивающими взглядами. Втайне я торжествовал: добиться этой встречи было не так уж просто. Я был в чужой стране, приехал неофициально, действовал без благословения родни. Но следует признать, что фамилия “Гохорд” оказала поистине чудотворное влияние: встреча состоялась.

Премьер-министр Тавельни был полным человеком в годах. Но не стоило обманываться на его счёт: отличный маг, опытный политик, державший в своих руках власть, и, без всяких сомнений, один из умнейших людей своего поколения. По прикидкам наших аналитиков, он будет править ещё минимум лет десять...

И именно он оказался замешан в истории с Гохордами.

Как неловко.

— Ваш визит — большая честь для меня, — сказал премьер, когда мы расположились в глубоких креслах у отсвечивающего колдовским огнём камина. — Но, должен признать, это слегка не ко времени: сами видите, возникли некоторые... осложнения.

— Верно, — кивнул я, застыв ледяным изваянием и равнодушно глядя в огонь. — Так почему бы нам не перейти сразу к делу?

Человек откинулся на спинку кресла.

— К делу, — повторил он. — Я наслышан от ассистента Артиффа, что речь пойдёт о друге леди Элизавет, лорде Гохорде. Это верно?

Друг леди Элизавет, значит... Это так вы намерены разыграть эту партию?

— Да. Лорд Гохорд арестован по обвинению в шпионаже. Чтобы занять эту должность, он воспользовался моим доверием и оскорбил меня. И он поставлял информацию вам. Не слишком красиво получается, верно?

Премьер пару мгновений пристально смотрел на меня, а потом с сожалением покачал головой:

— И впрямь, крайне неприятно... Но могу уверить вас, что всё это — одно большое недопонимание.

Я насмешливо выгнул бровь.

— Недопонимание?

— Верно. Я видел лорда Гохорда дважды в жизни. И, кажется, имел с ним честь сыграть несколько весьма недурных партий в покер. Я выиграл, между прочим, но не в том суть... Все дела с Гохордами вела леди Элизавет. Это её друзья. Да, она пару раз просила у меня ссуды для них, и я дал. Но... Женщины. Они поистине — наша слабость. Вы же понимаете.

Ну да, слабость. А ещё — прикрытия. Но мне интересно: он что, действительно собирается сдать её? Мать своего ребёнка? А ведь очень похоже на то, что таки да. Впрочем, чему удивляться? Любовницы часто служат прикрытием, поводом и оправданием. А леди Биолифф, судя по всему, была ещё и агентом, не справившимся с работой.

Что же, не повезло ей.

— В таком случае, вы не будете против, если леди Элизавет отправится в Драконью Империю для выяснения обстоятельств? — уточнил я невинно.

Премьер потянулся к своему бокалу и глотнул, тем самым выиграв себе несколько секунд для ответа.

— Разумеется, — сказал он, — если это будет необходимо.

Что же, первый ход, разве нет?

Я отвернулся от огня и встретил его взгляд.

— Учитывая тяжесть обвинений, разве может быть иначе?

Премьер вздохнул и покачал бокалом, наблюдая, как плещется внутри янтарная жидкость.

— Уверяю вас, — сказал он, — всё это — одно большое недоразумение. Леди Элизавет, несомненно, красивая женщина, но... как бы так сказать... Она не слишком интересуется большой политикой. Больше шляпками и будуарами.

Я мысленно ухмыльнулся, вспомнив биографию этой самой Элизавет Биолифф.

Девушка была из старинного, но растерявшего власть и влияние знатного рода. Первые представители её семейства восходили чуть ли не к прошлой королевской ветви, свергнутой Ночью Пик. Тем не менее, род вырождался. Были ли тому виной близкородственные браки (тавельнская аристократия тоже порой грешила этим в прошлом, пытаясь таким образом удержать власть внутри семьи) или сказывалась закономерная для сытой богатой жизни вседозволенность, но самый последний наследник мужского пола, родной брат Элизавет, промотал жалкие остатки состояния, подсел на пыльцу с крыльев фей и закончил своё существование в соответствующей лекарне. Десятилетняя Элизавет оказалась в довольно дурацком положении: формально принадлежа к знатной фамилии, фактически она за душой не имела ничего, кроме подмоченной репутации и долгов брата.

В этой ситуации у неё была одна дорога — в детдом. И едва ли ей там просто бы пришлось. Тем не менее, один из дальних

родственников её матери спас девчонку: оплатил ей обучение в закрытом пансионе на островах. По официальной версии сделал он это, разумеется, по доброте душевной. Именно в том пансионе, к слову, леди Элизавет пересеклась с будущей леди Гохорд.

Неофициальное (но куда более правдоподобное) объяснение доброты родственника было куда как прозаичнее: за годы, проведённые вдали от света, скандал вокруг фамилии бы слегка улёгся. Тогда благородную невесту-бесприданницу можно было бы сплавить какому-нибудь амбициозному богачу, поднявшемуся из низших слоёв общества. В те дни в Тавельни уже вовсю бушевала промышленная революция, потому было довольно много дельцов из низов, которые “покупали” себе знатных невест ради укрепления статуса в обществе.

Собственно, такое будущее должно было ждать Элизавет. После окончания пансиона её родственник оформил над ней опеку и вовсю обсуждал предстоящий брак приёмной дочери с состоятельным мужчиной двухсот лет от роду. Элизавет должна была стать седьмой по счёту женой. Что уже, на мой вкус, дурной признак.

Но что-то в матримониальных планах пошло не так: за два дня до предполагаемой официальной помолвки опекуна сожрал фомор. Если быть точным, то был это селенити, воплощение сладострастия; пернатый змей, способный принимать облик самого большого желания человека. Я слышал о таких: когда-то пернатая змея навела много шороху в Ледяном Дворце. После того, собственно, во Дворце и была установлена защита, не пропускающая фоморов. Селенити я много раз видел на картинках, но ни разу — вживую. Впрочем, это поправимо: Дин рассказывал, что ректор местной академии усыновил селенити-полукровку.

Надо будет, кстати, перед отъездом найти предлог, чтобы напроситься в гости и посмотреть на эту тварюшку.

Должно быть любопытно.

Так или иначе, следствие пришло к выводу, что старик сам вызвал тварь и пал жертвой собственной неосторожности. Несмотря на все вопли наследников, Элизавет была оправдана. И, как официальная дочь, могла претендовать на часть наследства опекуна.

Изящно, если вы спросите моё мнение об этом.

Нельзя сказать, что наследство юной леди досталось какое-то прямо безумно большое. Тем не менее, полученная сумма позволила ей рассчитаться с долгами брата и стать свободной, ни от кого не зависящей женщиной. Обладающей, ко всему прочему, неким небольшим стартовым капиталом, которого не хватало на приличное приданое, но было вполне достаточно для того, чтобы пару месяцев поддерживать достойный высшего света уровень жизни.

Дальше завертелся обычный для таких случаев круговорот покровителей в природе. Элизавет сменила нескольких любовников, каждый из которых был богаче предыдущего. По слухам, она даже успела побывать в постели наследного принца (нынешнего короля). Итогом всех этих прыжков из спальни в спальню стала сеть модных салонов, которой предприимчивая мадам руководила.

А потом она встретила будущего премьер-министра. В те времена — мало кому известного, но подающего надежды амбициозного лорда, признанного бастарда знатной фамилии. Вот тут интересный момент... я не люблю мешать любовь с политикой, но вот в данном конкретном случае готов поставить: это была любовь. Или, по крайней мере, та её разновидность, на которую эти двое были способны. Потому что никак иначе объяснить то, как они друг в друга вцепились, я не могу: он на тот момент был не самым выгодным покровителем, она — не самой последней смазливой мордашкой. Но тем не менее факт остаётся фактом: их роман продолжался несколько лет и имел все шансы закончиться свадьбой... имел бы, не замаячь перед ним перспектива по-настоящему высокой должности. На тот момент — вице-премьера. Виды на заветное кресло открывались не самые плохие. Но, чтобы заручиться поддержкой палат, ему нужен был политически правильный брак. Элизавет не подходила ни по каким фронтам. Во-первых, она не была девственницей и, хуже того, об этом все знали. Да, для драконов даже звучит идиотски, но для общественного мнения тех времён — важный фактор. Во-вторых, она не имела за собой практически никакой политической поддержки. В-третьих, была она женщиной-дельцом, что в те времена для жены политика было неприемлемо (да, тут снова в силу вступают загадочные особенности человеческого менталитета). Так или иначе, брак с ней означал бы крах его карьеры.

Он не мог бы на это пойти. Не та личность. Да и она, если я верно понимаю ситуацию, предпочла бы быть любовницей премьер-министра, а не женой никому не известного мужчины.

Так что он женился на женщине весьма знатной, политически полезной и идеальной во всех отношениях. На тот момент, когда он заключал брак, леди Элизавет была беременна их дочерью. Позже премьер официально удочерил девочку под благовидным предлогом. Насколько я знаю, нынче она уже подарила ему внуков.

Таким образом, все внешние приличия были соблюдены. Леди Элизавет, между тем, оставалась его любовницей. И прикрытием. Многие свои решения, имевшие двойное или тройное дно, премьер спокойно прикрывал женскими капризами фаворитки. У неё была не слишком хорошая репутация.

Но, полагаю, на репутацию ей всегда было наплевать.

Так что да, я очень верю в шляпки, будуары и прочую ерунду. Вот не сходя с места, безоговорочно верю.

Впрочем, он мне это говорит и не для того, чтобы я верил. Мы оба знаем, как играть в эти игры.

— Несомненно, я уважаю женские слабости, — отметил я. — И мог бы пойти вам навстречу... как друг. Друзья, тем не менее, обычно помогают друг другу.

— Это то, что в Тавельни называют дружбой, — премьер внимательно посмотрел на меня. — Поддерживать друг друга... в моменты нужды.

— Именно, — я сделал свою улыбку на полтона теплее. — Я надеюсь, мы с вами поймём друг друга верно. Тогда, несмотря на неоднозначность ситуации, я оставляю меры по отношению к леди Элизавет на ваше усмотрение. Тем не менее, я попрошу, чтобы эти меры всё же были приняты: её вмешательство касалось... деликатных материй моей жизни.

— Я понимаю вашу позицию. Леди Элизавет не хотела оскорбить вас, но это... недопонимание зашло излишне далеко. Полагаю, климат столицы пагубно влияет на её здоровье и проницательность. Она покинет столицу этим вечером и проведёт пару лет в поместье на водах, — сказал премьер.

Что же, это даже немного больше, чем я рассчитывал. Разумеется, замечательно было бы допросить саму Элизавет, но будем честны: я в

чужой стране. И так уже обнаглел куда больше, чем следовало. Моя сестрёнка накрутила бы мне за такие выходы хвост.

И права бы была.

— Что же, — сказал я. — Полагаю, мало кому вредит отдых на природе.

— Хорошо, что здесь мы сходимся во мнениях. И почему бы нам не обсудить некие дружеские услуги между нами?..

*

В поместье я возвращался в приподнятом настроении.

Встреча прошла даже лучше, чем я мог надеяться. И собственная сестра не откусит мне голову — какое облегчение... Будь я сейчас дома, обернулся бы драконом. Или, на худой конец, ледяным вихрем. Но здесь, в Тавельни, пришлось грузиться в мобиль представительского класса и терпеть его медлительное скольжение в транспортном потоке. Я наблюдал за сменяющимися друг друга картинками городской жизни: торговцами и лавочниками, ремесленниками и магами, дельцами и ворами. Очень много людей, всюду идут стройки, пар вырывается из труб фабрик, магпроизводства отбрасывают на облака свой свет.

В Вел-Лерии узкие улицы. И очень много разномастного транспорта. Этот город дышит жизнью, растёт, развивается... Но у него есть изнанка, верно? Она всегда есть.

Интересно, какой видела Вел-Лерию Шери?

Возможно, я поступил неправильно. Может, мне следует найти её. Тайно, разумеется. И позаботиться о будущем. Возможно... Как я устал от странных чувств, разрывающих меня изнутри. Дайяна, Шери...

Если это не приворот, то, возможно, у меня просто что-то с головой.

— И почему это старушке нельзя смотреть на принца? — этот скрипучий голос я услышал, когда подъезжал к посольскому кварталу. — Молодым можно, а бабуле нельзя?

Это был один из многих голосов, на самом деле. Там были репортёры, штурмующие наш дом девицы и одна Бездна Фоморья знает, что ещё.

Но я прикипел взглядом к тощей старушке в дурацкой шляпке, одетой в непонятные лохмотья.

— Ну вот, — сказала она, уставившись на меня своими светлыми глазками, и что-то внутри перевернулось. — Теперь и старая я видала принца! А красивый он у вас.

Я невольно улыбнулся в ответ и шагнул к ней, но потом остановил себя.

Ну отлично. Раньше это были хотя бы молоденькие девушки, а теперь меня тянет к пожилой женщине. С той же силой.

Всё же, я определённо схожу с ума. А если со мной кто-то так играет... Найду. И прибью.

— Что, правда красивый? — спросил я.

— Да, — ответила старуха. — Прекрасный.

Я помедлил, но потом всё же подошёл к ней. Вокруг нас вспыхивали визоры.

— Возьми, — сказал я, сняв с руки одно из колец. — Продай и купи наряд получше. А не хочешь, так оставь на память. О том, что видела такого прекрасного меня.

Я подмигнул и, походя попозировав визорам газетчиков, направился дальше. Взгляд старухи прожигал спину.

Определённо, со мной что-то не так.

Алиссия

*

Определённо, со мной что-то не так.

Я шла по улице, сжимая в кулаке кольцо, и боялась даже представить, что сказала бы тётя Ленна о моей выходке.

Ничего цензурного, мне кажется.

Но, прочитав газеты этим утром, я поняла, что хочу увидеть Или. Издали, краем глаза, натянув самый нелепый облик из возможных...

По-дурацки всё вышло.

Хотя, когда речь заходит об Или, “получилось по-дурацки” — это практически мой девиз. У меня отключается разум, самоконтроль улетает в трубу, и я делаю вещи, которых бы никогда не позволила себе в нормальном состоянии.

Я не знаю, почему он так на меня действует. Порой мне становится от этого даже немного страшно.

На самом деле, я не собиралась приближаться к нему. Семья бы этого не одобрила, это было глупо, бессмысленно и, в конечном итоге, опасно. Тем более что, честно говоря, мне и без того было, чем заняться: дома творилось форменное безумие, а сама я...

Меня начал преследовать голод.

Не только физический (с этим как раз вполне благополучно помогала справляться тётя Ленна, закармливая меня до упора), но и энергетический тоже. И вот тут было сложнее, потому что вместе с голодом пришла ещё и утомляемость, и выступать стало откровенно нелегко. Опять же, новогодние праздники отгремели, наступил мёртвый сезон, и работы для меня как для певицы было не так уж и много.

Недостаточно для того, чтобы унять голод.

В какой-то момент мне даже стало интересно, как обычно с этим справляются гильдейские змеи. Но потом я вспомнила о той самой статье их дохода, включающей в себя торговлю живым товаром, и поняла, что мне едва ли подошли бы их способы.

В общем, было мне не до принца. Вроде бы. Но потом я прочла публикации в утренних газетах.

Испытала я по этому поводу смешанные чувства. С одной стороны, мне хотелось крикнуть: “Я же говорила! Я говорила, что фомору нельзя в этой стране вести открытую жизнь! И вот, разумеется, на неё повесили всех собак!”.

С другой стороны, я почувствовала грусть. Если уж идеальной Марджане Лофф, наследнице Древних, со всеми её друзьями, со всей её идеальной жизнью и биографией не удаётся спрятаться от общественной травли, то что говорить обо мне? Что говорить? Если даже она оказывается под прицелом из-за своей фоморьей крови, то я, дочь преступника, существо без лица и имени, потомок хищных фоморов... Что тогда говорить обо мне?!

Третье, и самое глупое, чувство было ревностью. В целом я, при своей нелюбви к госпоже Лофф, допускала, что большая часть газетных инсинуаций — полнейший бред. Тем не менее, строчка об “оргии с тремя иностранными студентами” зацепила меня.

Потому что догадываюсь, что это могли быть за студенты. И допускаю, что они могли развлекаться все вместе. И... правда, кто угодно, но не Марджана Лофф!!

И да, я почувствовала сильное желание увидеть Или. Безумное почти. И, помаявшись, всё же уступила своей слабости. Но решила при этом натянуть на себя самое непривлекательное, дурацкое обличье, чтобы избежать неоднозначности.

Нельзя сказать, чтобы у меня получилось.

Одно радует: то ли из-за чужого внимания, прикованного к безумной старухе, то ли из-за близости Или голод мой отступил. Кольцо, подаренное принцем, грело ладонь.

Если однажды мой ребёнок спросит, каким был его отец, я могу сказать, что он был красивым и добрым. И передать кольцо. Не так уж много, но лучше, чем ничего, верно?

Конечно, придётся объяснять, почему ему (или ей) нельзя общаться с отцом. Пока ещё рано об этом думать, правда... Но объяснение приготовить придётся.

И от этого мне уже немного страшно.

*

— Красивый Благородный. Именно это вы предлагаете записать в качестве вашего имени? Я правильно поняла? — голос стряпчей-косатки я услышала с порога и прикусила губу, дабы не расхохотаться.

— Да, — ответил Глубоководный. — Я вычитал, что имя должно отражать суть. Разве это не отражает мою?

— Несомненно, — сказала стряпчая. — Но вы забыли упомянуть свою скромность и неприязнательность.

— Да? А что, можно, чтобы имя состояло из четырёх частей?

Лирана Жифф коротко хмыкнула, сняла свои элегантные очки в тонкой оправе и потёрла переносицу.

Я испытывала к ней искреннее сочувствие.

— Что же, — сказала она. — Вы можете взять любое имя. И несомненно, Красивый Благородный звучит очень... гордо. Но всё ещё отличается от обычных человеческих имён. Опять же, очень многие воспримут это скорее как... псевдоним.

— Какая разница, как они это воспримут? — проворчал Глубоководный. — Я всё ещё могу перекрыть им море.

Косатка вздохнула и посмотрела на него своим косатковым взглядом.

— Вы, несомненно, можете, — признала она. — И перекрыть море, и устроить шторм, и потопить множество кораблей.

— Да, я могу!

— Всё так. Но всё же есть разные плоскости. С одной стороны — потопленные корабли, с другой — дипломатия. И на этом поприще, если дело дойдёт до потопленных кораблей — значит, мы уже проиграли.

— Почему? — Глубоководный искренне огорчился. — Тот Кто Спит поддержал меня. Он пообещал выпустить Кракена! И Мёртвого Капитана! Чтобы ни один не рискнул выйти в море без нашего разрешения. Как вам, а?

У Лираны нервно дёрнулась бровь.

— Тот Кто Спит... Мы говорим о легендарном чудище подводных чертогов?

— Чудище? Он первенец творения! По крайней мере, для этого мира. И его ближайшие друзья...

— Капитан и Кракен. Да, наслышана. И всё же, если дело дойдёт до противостояния сил, это будет проблемой для нас всех. Может

начаться война.

— И что в этом такого? Мы выиграем.

— Погибнут люди.

— И что в этом такого?

— Возможно, те, кто в этом доме.

— С чего бы им умирать? — возмутился Глубоководный. — Я никому не разрешу топить их!

— Их убьют свои же, — отрезала Лирана. — За содействие фоморам. И такая же судьба с большой долей вероятности постигнет других, более слабых фоморов, которых вы хотели защитить.

Глубоководный нахохлился и посмотрел на госпожу Жифф почти обиженно.

— Так при чём тут моё имя?

— При том, что общество по сути своей намного глупее отдельных личностей, — отрезала Лирана. — Оно жестоко. Оно оценивает по одежке, по расе, по происхождению, полу... Поверьте, мало кто знает это так же хорошо, как я, незаконнорожденная дочь, которая отказалась от подачек и захотела быть частью дела своего отца. Вы можете быть могущественны, умны, вам могут подчиняться моря. Но, если вы выберете неправильное имя, или неверный тон, или покажетесь обществу смешным — тогда вы станете для этих людей эдаким поводом для застольных шуток, островным царьком в ожерелье из ракушек. Им потребуются очень веские доказательства, чтобы воспринять вас серьёзно. Потому на этом этапе я бы предложила вам сделать всё правильно. Обдумайте ещё раз свои идеи насчёт имени! Я приду завтра, и...

— Ну нет, — отрезал Глубоководный. — Никакого завтра. Вы читали газеты? Видели? Они напали на молоденькую фомору только потому, что бедняжка с кем-то спарилась!

— Да, я видела, — поморщилась косатка. — Пренеприятнейшая ситуация с очевидным политическим подтекстом. Но должна предупредить вас, что для людей... кхм... спаривание может быть очень веским поводом для скандала. Особенно если оно происходит на работе.

— Почему?

— Не знаю, — хмыкнула Лирана. — Так уж повелось.

Глубоководный задумался.

— И что, вы не спариваетесь на работе?

— Нет.

— Совсем? — очень очевидно расстроился Глубоководный.

— Совсем.

— Даже если клиент очень-очень привлекательный?

— Мне такие не попадались. А теперь вернёмся к вашему имени, если вы не против. Если вы настаиваете на том, чтобы придумать его сейчас, то у меня были некоторые мысли.

— Правда? — сам Глубоководный выглядел так, как будто его собственные мысли витали очень далеко.

— Именно. Думая об этом, я перелопатила много информации о фоморах. По всему выходит, что у представителей вашей расы, как правило, нет фамилий, а порой даже и имён в нормальном их понимании. Имена порой заменяются происхождением: Глубоководный, Болотная и так далее. Хотя, это почему-то не касается, например, селенити...

— Змеи — низшие фоморы, рождённые из человеческих страстей, — отмахнулся Глубоководный. — Они не вышли из стихии, потому не могут взять её имя.

— Хорошо, допустим. И всё же, как бы вам понравилось имя Морий? Мне кажется, оно одновременно включает в себя и отсылку к морям, и к именованию вашей расы, и к Богине Море, вашей создательнице.

Лицо Глубоководного посветлело.

— Мне нравится!

— Хорошо, — кивнула косатка с явным облегчением. — Это уже что-то. Итак, Морий Глубоководный... Скажите, а есть ли какая-то суша на территории, где вы живёте?

— Несколько маленьких островов. Там никто не живёт, только отсюда порой приплывают добывать жемчуг... — наш свежеименованный Морий примолк, явно вспомнив свою рыбу-луну.

— Хорошо, — кивнула Лирана. — А как называются эти острова?

— Как они называются? — удивился Глубоководный. — Они что, как-то называются?

Лирана вздохнула и пробормотала под нос что-то подозрительно похожее на “Я тут сопьюсь”. Тётя Ленна, подмигнув мне, помчалась делать чай из успокаивающих трав.

— Вы сможете узнать свои острова на карте? — наша косатка не собиралась сдаваться.

— Конечно!

— Отлично.

Я устроилась в углу, наблюдая, как Морий с Лираной ищут острова. Тётя Ленна тут же поднесла мне поднос со сдобными булочками, и я жевала, забавляясь. В тот момент я не понимала, при каком историческом моменте присутствую... Справедливости ради, тогда я очень, *очень* многого не понимала.

— Вот! Недалеко от этого острова я живу.

— Значит, остров Бакару... Как вам нравится: Морий Бакарийский, Глубоководный?

— Мне нравится!

— Вот и хорошо, — выдохнула косатка. — Вот и хорошо... Отлично. Дайте мне ещё некоторое время, чтобы подготовить бумаги с печатями. И, думаю, мы можем обустроить ваш первый выход в свет... А теперь прошу меня простить.

— Что, не останетесь на ужин? — расстроилась тётя Ленна.

— Нет, благодарю. Мне не повредит немного диеты.

— Зачем? — удивился Глубоководный. — Ты очень правильной формы!

— Да, я тоже учила геометрию и знаю, какую форму считают правильной... Хорошего вечера!

Косатка ушла, цокая каблучками элегантных туфель. Глубоководный смотрел ей вслед, а потом повернулся к нам с тётей Ленной и спросил:

— Я ведь красивый? С человеческой точки зрения? Почему она сказала, что у неё нет красивых клиентов?

Н-да. Возможно, тётя Ленна и права в своих прогнозах насчёт этих двоих. Но им явно будет очень, очень нелегко понять друг друга.

— Вы очень красивый мужчина, — сказала тётя Ленна. — Но разве женщина может это признать, глядя вам в глаза?

— А почему нет? — озадачился Глубоководный.

— Потому что такие вещи женщины говорят не словами, уважаемый господин. Ещё чаю?

— А чем они говорят? У людей есть дополнительная система сигналов?

— Можно и так сказать. Но в данном случае вам не о чем переживать, знаете? Просто немного терпения — и она будет ваша.

— Да я не то чтобы сильно хотел, — тут же заюлил Глубоководный. — Просто спросил... Кстати, пернатая! У меня к тебе вопрос: ты почему так себя не бережёшь?

— В каком смысле? — насторожилась тётя Ленна. — Лисси аккуратна! Как и должна быть, учитывая её положение.

— Не знаю, — фыркнул он. — Хорошая ли идея — носить в таком состоянии чужое лицо? Я поделюсь энергией, если надо, но правильно ли будет её в таком объёме терять? Этот твой малёк, знаешь ли, прожорливый. Сейчас ты наелась досыта, конечно, но что будет потом? С таким расходом ты растеряешь энергию очень быстро.

— Но я всегда принимаю какой-то облик, и ничего!

— Для нормального твоего состояния это, может, и ничего, — согласился Глубоководный. — А вот сейчас... ты быстро обессилеешь, пернатая.

Мне захотелось плакать.

— Но я же... я не могу просто взять и выйти...

— Почему? — недоумевало это простодушное существо.

— У меня нет человеческого лица! — крикнула я.

— Ну, может. Так ты и не человек! Выходи в нечеловеческом. Я, конечно, говорил, что ты — пернатая глиста. Но должен признать: ты — весьма симпатичная пернатая глиста. И гребни у тебя красивые, радужные. Так что никаких проблем!

Никаких проблем... Я медленно покачала головой, стараясь сдержать слёзы.

— Я буду у себя.

— Конечно, милая, — сказала тётя Ленна чуть встревоженно. — Я принесу тебе вкусенького.

Я только и сумела, что выдать из себя жалкое подобие улыбки. Показать семье в нечеловеческом обличье? Носить его постоянно? Это... пугающе. Но ради ребёнка... так и быть.

Войдя в комнату, я стянула с себя человеческий облик, будто он был костюмом не по размеру. Оказалось это на удивление тяжело, будто во мне было действительно мало сил для подобных превращений. Эх, что бы я делала без Глубоководного и его советов? Свернувшись на кровати, я прикрыла глаза.

Всё будет хорошо.

*

“Марджана Лофф оказалась парой дракона!”

“Великая история любви!”

“Марджана Лофф показала свою метку парности!”

Я сидела и отсутствующим взглядом таращилась на заголовки газет. Когти мои царапали покрывало, оставляя уродливые дыры.

Изображение изящной метки, опоясывающей предплечье Марджаны Лофф, я изодрала в клочья, задыхаясь от ненависти и слёз.

Значит, иногда фоморы-полукровки всё же становятся парой дракона, всё же получают метки. И конечно же, обязательно это должна быть идеальная Марджана Лофф! Кто же ещё?! Одноединственное облегчение: по крайней мере, она не оказалась парой Или. Этого я бы точно не вынесла. Глупая, завистливая я...

— Ма шери, ну разве можно звучать так громко, сердито и грустно? Особенно в твоём положении?

— Папа, — у меня задрожали губы. — Я такая... глупая, завистливая и слабая!

Он покачал головой, присел рядом и осторожно погладил перья у меня на щеке.

— К чему это странное самоуничижение, ма шери? Мы оба знаем прекрасно, что это неправда.

Я всхлипнула и прижалась к нему в едином порыве, вдыхая знакомый запах.

— Я чувствую себя именно такой, папа. Слабой, лживой, ни на что не годной. А что хуже того, завистливой и мелочной. Даже музыка не приносит больше того утешения, какое я ищу. Мне мерзко от самой себя...

— Ма шери, — папа Буджо осторожно прижал меня к себе, — любое мыслящее существо подобно мелодии. Оно не может всегда оставаться в одном тоне, в одном звучании — это просто не имеет смысла. Высший звук не имеет смысла без низшего. У всех у нас бывают моменты слабости, тревоги, ревности, когда личный ритм звучит не так, как нам хотелось бы в идеальном представлении о нас

самих. Тем не менее, мы не можем быть идеальными. Без несовершенства у нас не было бы музыки.

— Идеальными нет, но...

— Ма шерри. За каких-то полгода ты едва не погибла, потеряла всё, взвалила на свои плечи огромную ношу, работала, не переставая. Ты отказалась от своей любви. Ты заперта в своей комнате, как в клетке. Ты ревнуешь. И поверь, это чувства, которые так или иначе знакомы каждому. Да, это пройдёт. Да, завтра или через неделю ты проснёшься и снова поймаешь свою высшую октаву. Но не спеши корить себя за слабость — ты имеешь на неё полное право.

— Спасибо, — шепнула я, прикрыв глаза.

— Сыграть тебе, милая?

— Да. Только... не рояль и не скрипка.

— То есть, ничего банального, моя дорогая? Поддержу, пожалуй.

А что ты сказала бы о волынке?

От удивления я даже забыла, что грустила.

— Волынка... А откуда?..

— Прикупил недавно. Подумал, что это будет весело. Попробуем вместе?

Губы мои дрогнули в улыбке.

— Да, папа. Мы попробуем.

И на сердце у меня мгновенно стало легче.

Да, я слаба. Я разрываюсь между любовью и здравым смыслом, между человеческим и фоморьим, между тем, кто я есть, и тем, кем я хотела бы быть.

Но, возможно, иногда нужно позволять себе это. Быть слабой.

Иначе никак.

*

Я провела следующие дни в комнате. Училась играть на волынке. Музыкальная магия, конечно, давала мне некоторую власть над инструментом, но всё же практика ещё никому не вредила.

Столицу сотрясали какие-то неведомые скандалы, кажется, случилось наводнение в портовом квартале... но я не позволяла себе об этом задумываться. Принц там или нет, но есть кое-кто, о ком мне теперь нужно заботиться. И едва ли ему пойдёт на пользу моё постоянное нервное напряжение. Мне не надо было охотиться (энергией со мной делился Глубоководный), так что я впервые за

последние полгода позволила себе просто расслабиться и отдохнуть. И только тогда осознала, насколько на самом деле устала.

Наверное, иногда этого не осознаёшь, пока не остановишься.

Спустя какое-то количество дней, когда моя игра на волынке перестала казаться натужной и чуть грязноватой, в комнату поднялась тётя Ленна.

— Принц уехал, — сказала она.

И я даже не расплакалась, только грустно улыбнулась.

Что же, это к лучшему: меньше соблазнов. Теперь мы оба будем там, где должны быть.

Или Ледяной

*

— Мне не нравится плавать, — сказал жирный серый кот, воинственно распушив свой огромный хвост. — У меня аллергия на воду.

— А у меня аллергия на котов. Давай я выброшу тебя за борт, и ты поплывёшь следом?

Комок шерсти посмотрел на меня крайне подозрительно.

— Врёшь ты всё, — протянул он. — У драконов не бывает аллергии.

— А я, может, необычный дракон, — сказал я.

— Угу, на всю голову необычный... — пробормотал кот. — Скажи честно: весь интеллект в вашей семье достался сестрёнке?

Вот ведь тварь пушистая.

— За борт выкину.

— Раскрою всем твои секреты.

— Не посмеешь.

— Спорим?

— И не успеешь.

— Спорим? Мы, перевёртыши, ребята шустрые. И вообще, я, может, счастье тебе, подставка для короны белобрысая, организовать пытаюсь. А ты меня — за борт, за борт...

Я только покачал головой, с тяжёлым сердцем наблюдая, как тонут в тумане берега Вел-Лерии. Там, в человеческом городе, я оставил своего друга. А взамен получил чокнутый комок пуха и странную, не отпускающую ни на миг тоску. Интересно, когда это всё вообще стало моей жизнью? Кто бы ещё мне ответил...

Тут надо сказать: Марджана Лофф всё же оказалась парой Дина. Правда, никакой метки у них и близко не проявилось, потому нам пришлось подсуетиться и сотворить иллюзорную местной прессе на радость. Народ вроде бы скушал фальшивку, и это к лучшему. Широкой общественности пока что явно не стоит знать, что в самом понятии драконых пар наметились значительные изменения.

А они наметились.

Рогатый божок довольно долго морочил нам голову. Но когда отец, видя неоднозначность ситуации, решил развалить к Бездне его Храмы... Тогда Лесной Царь очухался. И соизволил прислать своего посланца с объяснениями. А что посланец — кот Марджаны... Ну, тут какие боги, такие и посланцы. Думаю, зная Лесного Царя, нам ещё сказочно повезло, что это не говорящая сковородка. С него бы, пожалуй, стало.

Впрочем, плевать на кота. Куда важнее оказались новости, которые нам это “божественное чудо” принесло. Тезисов было несколько, и все они, как один, сбивали с толку.

Итак, самое шокирующее: фоморы и сиды вполне могут иметь детей от драконов. Не важно, пара там или нет. Правда, от не-пары драконята родиться не могут; от родителя-дракона ребёнок унаследует только часть магии, но не второе обличье. То есть, фактически, ребёнок от такой связи будет полукровкой. Не слишком хорошо, но всё равно переворачивает всё наше представление о мире и жизни. Уверен, многие драконы, которые так и не смогли найти пару (или те, чья пара не способна в силу возраста или физиологии дать потомство) обеими руками ухватятся за возможность иметь собственных детей. Пусть даже не драконов. Опять же, придётся пересмотреть взгляд на брак и законы о бастардах: если могут рождаться полукровки, значит, они должны быть защищены. Пока что наше семейное законодательство просто не предусматривает такого исхода....

Но дальше — больше. Оказывается, сиды и фоморы могут быть парами драконов, но метка парности при этом не появляется. Местные боги, видите ли, “не хотят клеймить своих любимых детей, как скот”. Ну-ну. Так что определить такую пару можно только тремя способами. Первый, тот самый, который провернул Дин: пробыть рядом достаточно долго, чтобы ментальная связь образовалась. Способ второй: подождать полгода, когда у дракона изменится аура и перестроятся стихийные узоры на щеках. Способ третий, который уже испробовал Дал Ртутный: узоры на щеках трансформируются, если пара беременна от дракона. Это происходит, когда плод впервые проявляет свою магию.

Разумеется, такие новости всё значительно... усложнили.

Но даже это ещё не всё. Следующее правило создавало ещё больше проблем. Оно гласило: если парой дракона становится сид или фомор, то драконы у них смогут родиться только после добровольного обряда в Храме Тёмных Богов.

На самом деле, вполне изящное решение со стороны местных божеств. Во-первых, они обезопасили своих любимчиков от репродуктивного насилия. Всё же, как бы ни были драконы добры к своим парам, но мнение на тему того, хотят ли они этими самыми парами быть, учитывалось далеко не всегда. Во-вторых, теперь всем ясно, что Храмам на территории нашей славной Империи быть. Если они потенциально могут понадобиться для воспроизведения новых драконов, то в их сторону даже дышать никто не посмеет, это понятно... В общем, отлично придумано. Не подкопаешься.

К слову, как мне показалось из тона короткого разговора между нами, отец таким поворотом событий не слишком опечален. Не в восторге, конечно: всё же, эта информация полностью переворачивает многие устои Драконьей Империи. Но бегать кругами и рвать волосы на всех труднодоступных местах он тоже явно не намерен.

“Возможно, это к лучшему, — сказал он, выслушав мой краткий отчёт. — Если, конечно, всё так, как нам пытаются показать. Всё же, мы чужды этому миру. Раньше мы были завоевателями и истребляли местных магических существ. Теперь времена изменились — и, возможно, нам удастся стать полноценной частью круговорота энергии, влиться в него, как это сделали сидхе десять тысяч лет назад. Но в данный момент я намерен сконцентрироваться на поиске полукровок. Особенно меня интригует ребёнок, рождённый драконицей. Хочу понять, у кого хватило ума скрыть такое.”

Тут я с отцом был вполне солидарен. И да, информация о существовании некоторых полукровок, которой на волне щедрости поделился с нами посланец божества, обескураживала. В частности, он сказал, что некая драконица родила ребёнка не от пары. И скрыла его от закона. Немыслимо!.. Или, по крайней мере, так казалось раньше.

Теперь новости были одна другой краше. И я даже не особенно удивился, когда отец распорядился возвращаться как можно скорее. Поспешность объяснялась “некими семейными делами”, о сущности которых мне знать было не положено. В теории. Но на моей стороне был Рой с его маленькой армией щебечущих птичек, так что я уже был

в курсе: особой, которая родила полукровку и скрыла его ото всех, оказалась тётушка Син, папина сестра.

Скандал обещал быть поистине сногшибательным. Неудивительно, что отец вызвал нас с Иэ домой...

— Не притворяйся, будто думаешь, — сказал кот. — Я всё равно тебе не поверю.

Я мрачно посмотрел на это чудовище.

— Слушай, засланец божественный, — начал я.

— Меня вообще Бонифаций зовут, — сказал кот с достоинством. — И я не засланец! Я дар... Или нечто в этом роде.

— Да хоть небесный кредит! Ты помнишь, зачем я тебя с собой взял?

— Потому что я — красивый? — промурлыкал кот.

— Потому что ты пообещал мне помочь с поиском пары! Но пока что ты только морочишь мне голову.

— Я сказал и я помогу! — обиделся кот. — Когда смогу. У меня тоже обязательства перед нашим Господином есть, знаешь ли! Я не могу тебе всё вот так взять и выболтать. Тогда тебе будет сложнее!

— Мне будет сложнее, если я узнаю свою пару сейчас? — усмехнулся я. — Серьёзно?

— Да! — Бонифаций раздражённо вздыбил шерсть. — Слушай... Может, это тебе покажется глупым и ты мне сейчас не поверишь. Может. Но правда в том, что это паршивая идея — пытаться встретить предназначение до того, как ты будешь к нему готов. Понимаешь? Некоторые дороги нужно пройти, до некоторых вещей дорасти... Это как если бы я, перевёртыш, не стал ждать своего пятисотлетия, а захотел стать человеком прямо сейчас.

— И что в этом плохого? — удивился я.

— Эх ты, — вздохнул кот. — Я бы только выглядел, как человек, понимаешь? Но совсем не умел бы им быть. Такие дела.

Я поморщился.

— Намекаешь, что я не готов встретить пару? И в чём это выражается, хотел бы я знать? Как по мне, так я очень даже готов. Настолько, что даже...

— Клеишься к сумасшедшим старушкам? — уточнил кот ехидно.

Я тихонько зарычал. Вот дёрнула же меня нелёгкая пожаловаться этой сволочи! Я, конечно, думал тогда, что он обычный кот, но всё

же... Должен же был знать, что у стен есть уши! Пушистые уши, чтоб их.

— Слушай сюда, — прошипел я, подхватив его за загривок. — Ещё раз об этом заикнёшься, и я...

— Ладно, ладно! — Бонифаций дёрнулся пару раз и повис в моих руках покорной тряпочкой, глядя жалобными глазами потомственного... кота. — Ну хочешь, я тебе большой секрет расскажу?

Я вздохнул и снова усадил его на бортик рядом с собой.

— Ну, удиви меня.

— Марджану Лофф хотели сделать твоей парой, знаешь?

Я даже отшатнулся. Вот уж всем секретам секрет!

— Так что, Марджана — моя пара? Но Дин...

— Нет, не пара, — махнул хвостом Бонифаций. — Но небольшая совместимость у вас есть, и это соответствовало бы одному старому фоморьюему Договору... В общем, длинная история. Сам факт, изначально Господин планировал сделать так, чтобы твои пути с Марджаной Лофф пересеклись, и усилить связь между вами. Но потом предназначение решило за него, и всё повернулось совсем иначе... Даже лучше. В смысле, Дин и Марджана — настоящая пара. А ты скоро будешь со своей настоящей парой... Очень скоро.

Я хмыкнул и медленно покачал головой.

— Это милосердно со стороны твоего бога — не заставлять меня воевать с лучшим другом из-за женщины, — сказал я. — А про старые фоморьи сделки ты мне, конечно, не расскажешь?

— Я не... — начал Бонифаций, но потом заорал дурным голосом и запрыгнул мне на голову.

Сначала я ничего не понял: корабль закачался, будто резко усилились волны. Странно, ветра нет...

— Тревога! — заорал кто-то.

В тот же миг море вспенилось, и над кораблём нависли огромные щупальца.

— Нападение! Атака фоморов! Защищайте принца!..

Всё вокруг заискрило от магии. Щупальца закрыли солнце и нависли над кораблём, не нападая.

Я прищурился:

— Стоять!

— Но, мой принц...

— Стоять, я сказал!

Сотрудники посольства и охрана застыли, недовольно глядя на меня.

— Я могу попробовать нырнуть и договориться, — тихо сказал Рой, возникнув за моим плечом. — Но я никогда не имел дела с чем-то настолько... *огромным*.

— Это Кракен, — прошептал наш капитан. — Бездна заберёт наши души!

— Подождите, будьте добры, — попросил я. — Приберегите души для другого раза. Рой, ты тоже не спеши. Он бы уже раздавил корабль, если бы хотел. Мне кажется...

Именно в этот момент одно из щупалец осторожно двинулось вниз, ко мне. Я прикинул, что даже по сравнению с моей драконьей формой оно было бы исполинским.

— Мой принц...

— *Стоять*.

Щупальце приблизилось ко мне и слегка развернулось, показывая водонепроницаемый свиток.

Над палубой повисло молчание. Даже Бонифаций перестал орать дурным голосом и просто молчал, вцепившись когтями мне в причёску.

— Он что, принёс нам *бумаги*? — пробормотал Рой.

— Похоже на то, — я мысленно благословил своих наставников, решительно тряхнул головой, сгоняя кота, а после шагнул вперёд и забрал свиток. — Благодарю вас.

Щупальце слегка толкнуло меня (я едва устоял на ногах) и стало отдаляться. Остальные тоже одно за другим скрывались в воде. Вскоре мы снова оказались посреди совершенно спокойного моря.

Все стояли и молча смотрели на меня.

— Судя по всему, это моя корреспонденция, — сказал я с вежливой улыбкой. — Почему бы вам не вернуться к своим делам?

Переглядываясь, все стали расходиться.

— Что это было? — спросил Рой. Наверное, я впервые в жизни видел его настолько шокированным.

Чего уж там, в глубине души я сам был не лучше.

— Сейчас узнаем.

Я развернул свиток, прочёл и посмотрел на Роя.

— Пожалуй, нам стоит поторопиться. Отец должен увидеть это. Немедленно.

Рой коротко кивнул.

Я снова развернул листок и любовался на предвыборную программу некоего Мория Бакарийского, Глубоководного фомора. Который, исходя из прочитанного, собирался вступить в ряды либеральной партии Тавельни. Тут же было обращение этого самого Мория к драконьему Императору. С территориальной претензией.

— Какой ужас! — сказал Бонифаций. — Я до сих пор не могу прийти в себя!

Я задумчиво посмотрел на воду.

— Похоже, драконы не знали этого мира, — сказал я. — И многого не понимали. Но сейчас, видимо, пришло время перемен...

41. Часть 4. Маски долой

*

— Младший брат, я совершенно уверена, что тебе пора вставать.

Я улыбнулся, услышав этот голос, и открыл глаза.

— Моя любимая сестра всё же сумела вырваться из объятий эльфийских прекрасных рабов? — уточнил я ехидно.

— Уж не тебе попрекать меня чьими-то объятиями, — ухмыльнулась Иэ. — Я чего только не слышала в последнее время о твоих похождениях! Кажется, о них скоро будут слагать легенды.

Я проказливо улыбнулся и приподнялся на локтях.

Иэ сидела рядом со мной на кровати. Сестра была в числе очень немногих, при чьём приближении я мог позволить себе не просыпаться. Я окинул её взглядом, отмечая и дорожное элегантное платье, и усталость в глазах.

— Когда ты прибыла?

— Сегодня утром, — она коротко улыбнулась. — Поскольку ситуация с тётушкой и нашим свеженайденным кузеном слегка вышла из берегов, отец попросил меня нанести несколько визитов и подготовить почву.

— Всё настолько сложно?

Иэ склонила голову набок.

— Весьма. Мы оба с тобой знаем, что времена, когда наша семья могла себе позволить полную цензуру, прошли. Мир стал более свободным, и обычно это хорошо... но порой доставляет неудобства. Приходится учитывать мнение очень многих политических сил. И даже газет.

— Они рискуют писать о нас без утверждения?

— Представь себе, — покачала сестра головой. — Боятся, верят, что мы начнём их тиранить, но всё равно пишут. Потому что хотят свободы слова, как в Тавельни. И следует признать, что их смелость и инициатива подкупают. Опять же, мнение человеческой элиты, драконов и оборотней старой закалки... В общем, не мне тебе рассказывать, что в последнее время вокруг нашей семьи было довольно много неоднозначных ситуаций. Скандальная пара дядюшки,

ссылка и возвращение Дала, твоё появление на первых полосах веллерских газет... А теперь Император анонсировал переговоры с фоморами. И официально собирается принять в семью бастарда. Сидаполукровку, обладающего ледяной магией. Всё непросто... Кстати, о кузене. Ты уже видел его крылья? Я слышала, они чудесны.

— Да, — улыбнулся я. — Сол показал мне их на правах родственника. Синие, покрытые льдом. Потрясающая красота, скажу я тебе... А вообще, конечно, мы должны были догадаться раньше. Тётя даже назвала его на драконий манер!

Иэ вздохнула:

— Мы не ожидали ничего подобного... Брат, мне нужно поговорить с тобой, как с наследным принцем. Все эти вещи нужно обсудить, выработать общую линию поведения. Опять же, как вижу, в твоей жизни тоже настали перемены. И я, как дракон, отвечающий за нынешнюю ситуацию, не знаю о них! Это недопустимо...

— Хорошо, — поморщился я. — Подождёшь меня в гостиной? Мы могли бы позавтракать вместе.

— Договорились, — сдержанно улыбнулась сестра. — И да, я жду от тебя интересную и романтическую историю! Мне не потрудились сообщить заранее, так что хочу услышать из первых уст.

Я удивлённо посмотрел ей вслед. О чём это она, интересно? Зевнув, я с сожалением покосился на занимающийся за окном рассвет и встал, призывая магию льда и превращая её в одеяние. Перед Иэ можно особенно не красоваться, так что нет необходимости тратить время на парадную одежду и прочие глупости. Я махнул рукой, собирая волосы в высокий хвост, создал из льда положенную этикетом заставку-корону и вышел в свою гостиную...

Не понял.

— Сестра, ты всё же решила меня убить и занять трон?

— Что? — поразила она, отрываясь от чтения каких-то бумаг. — О чём ты?

Я указал пальцем на совершенно невозмутимого типа в чёрном, стоящего столбом посреди моей гостиной.

— О, — сестра слегка смутилась, что было на неё крайне не похоже. — Ну, если очень коротко... Позволь тебе представить: это — Деррен. Он мой раб по законам сидхе. Но, разумеется, в нашей

Империи нет рабства... Только я пока не вполне поняла, как до него донести эту мысль. И, что важнее, как избавиться от рабской печати.

Я задумчиво посмотрел на Деррена. Тот и бровью не повёл. А симпатичный тип, надо сказать: чёрные волосы, чёрные глаза, чуть отсвечивающие красным, узкое хищное лицо. Явно не человек. Сложен отменно.

— Хм, — сказал я. — Сестрёнка, не хочешь мне его подарить?

В глазах Иэ на миг сверкнули ледяные колья.

— Он не *вещь*, чтобы его дарить, братик, — отрезала она. — Пожалуйста, оставь свои неуместные шутки!

Я хмыкнул. Ого, как всё далеко зашло, однако... Ухмыльнувшись, я демонстративно обошёл этого Деррена по кругу, рассматривая, как товар на базаре.

— А он что вообще такое? — уточнил я. — Не человек ведь... Эй, Деррен. Ты кто?

Он скрестил руки на груди и насмешливо посмотрел мне в глаза:

— Ну, предположим, я — фея.

Я фыркнул и покачал головой.

— Что-то не похож. Сидхе обычно иначе выглядят.

— Деррен из другого мира, — вздохнула Иэ. — Где сиды тоже ассимилировались. И изменились.

— То есть, какой мир, такие и феи, — выдал Деррен. — Да и ты тоже на дракона не очень похож, кстати.

— Какой мир, такие и драконы, — передразнил я. — Сестра, может, всё-таки одолжишь? Ты его избаловала. Он у тебя какой-то незамутнённо наглый. Я бы пообломал...

— Или, — вздохнула Иэ.

— Ну что — Или? Зачем ты его привела вообще?

— После покушения Деррену тяжело находиться далеко от меня, — поморщилась сестра.

Я резко отбросил шутки.

— Какого покушения? Все серьёзно?

— Ох, это не то, о чём стоит волноваться, — махнула она рукой. — Пожалуйста, забудь о Деррене. Он слегка странноват, но это просто из-за нашей связи. Между рабом и хозяйкой. Как только я найду способ разломить рабскую печать, всё станет проще... Глупости в

сторону, это ждёт. Что не может ждать, так это твои объяснения. Не хочешь рассказать о своей паре, брат?

— Какой паре? — я решительно не понимал, что происходит. — Нет никакой пары! То есть, она есть. Где-то. Возможно, я даже скоро её встречу. Но это не точно. Кто на тебя покушался?

— Брат, — она настороженно нахмурилась. — Ты ведь смотрелся в зеркало, верно?

— Что? Зачем?..

Иэ молча махнула рукой, создавая из воздуха и льда зеркало. Я уставился на своё отражение... и сел. Прямо где стоял. Одна радость: Иэ успела создать ледяной стул.

— Или, — сказала она обманчиво-мягко. — Брат, скажи мне, пожалуйста, что знаешь, кто твоя пара.

Я вдохнул и выдохнул, разглядывая узоры у себя на щеке.

— Понятия не имею.

*

— Кто моя пара?

— Не скажу.

— Если ты не скажешь, я отдам тебя на опыты.

— Отдавай!

— На воротник пушу!

— Пускай! — зарычал Бонифаций, раздуваясь, как шар. — Пускай на воротник, или куда ты там хочешь! Но как же до тебя не дойдёт никак: не могу я тебе сказать, кто она! Не могу!

Я оскалился, угрожающе надвигаясь на этого... предателя.

— По крайней мере, это *она*, — сказала сестра. — Уже что-то. Брат мой, пожалуйста, перестань обижать пушистого господина. Он не виноват, что ты... кхм... проморгал свою пару.

— Вот-вот! — подпрыгнул Бонифаций и стал бочком продвигаться в сторону Иэ, явно надеясь спрятаться у неё за спиной. — Сам дурак, а всё валишь... с больной головы на здоровую.

Я хмыкнул:

— Этот твой божок, значит, играет в свои игры, а я здесь — дурак?

Кот вздохнул, обернул хвост вокруг лапок и на удивление серьёзно посмотрел на меня.

— Я — маленькое существо, — сказал он неожиданно спокойно. — Всего лишь один из котов Проклятого Леса, который согласился связаться в переделку с большими, страшными и ужасными вами. Послужить своему Господину, чтобы в будущем получить человеческий облик и прожить несколько тысяч лет. Я не могу отвечать за богов и принцев, понимаешь? И правду раньше времени тебе открыть тоже права не имею. Уже объяснял, почему.

Я вздохнул и устало прикрыл глаза.

Не хочется в этом признаваться, но Бонифаций в чём-то прав. Может, он и ехидный невыносимый клубок шерсти, который неведомым образом изодрал все мои киото... Но он точно при этом не виновник всех моих проблем.

Совершенно точно и вполне определённо не.

— Всё в порядке, пушистый господин, — улыбнулась сестра, включая своё непередаваемое светское сияние. — Мой брат порой бывает ужасно груб, но я надеюсь, вы простите его в этих обстоятельствах: не каждый день на дракона сваливаются такие новости... Но меня очень заинтриговало то, что вы сказали. Получается, в этом мире существуют свои, местные оборотни? Которые рождаются в зверином обличье, а потом учатся принимать человеческое? Это так интересно! И, видимо, непросто? Вы так мужественны!

Ну-ну. Ещё бы Изэ не попыталась выудить такую ценную информацию... Но не знаю уж там, как скоро Бонифаций собирается стать человеком, но на кокетство купился, как обычный мужчина: раздул шерсть от важности и гордо посмотрел на сестру.

— Да, — сказал он, — а вы что думали, вы одни, пришлые из шестого мира, облик менять умеете? А мы так, в сторонке постоим? Нет уж! Любое разумное животное в нашем мире, получив благословение в Храме или заключив сделку с Лесным Царём, может со временем получить себе человеческий облик. Ну, или условно человеческий, потому что многие наши любят для красоты хвосты там отрастить, уши пушистые... да не важно. И это не так, как у вас: родился — и в зверя превратился. Зверем, если надо, каждый дурак стать может! А вот получить человеческое обличье... здесь годы нужны. И работа над собой. И служение Тёмным Богам. И много упрямства. А потом уж

получаешь в награду способность превращаться... Если достоин, конечно.

Мы с сестрой выразительно переглянулись. Я вспомнил дневники деда, который утверждал, что, чтобы уничтожить Храмы Лесного Царя, ему приходилось сжигать леса, их окружающие. “Там жило слишком умное зверьё, — значилось в одном из дневников. — Они мешали уничтожить Храмы, так что мы, Император, приказали истребить всех этих заколдованных тварей без жалости и сомнения”.

Ладно. *Ладно*. Думаю, возможно у Лесного Царя есть некоторые поводы злиться на нашу семью.

Очень *хорошие* поводы, если уж быть честным с самим собой.

— Что же, — сказала сестра, — это действительно потрясюще, пушистый господин! Но у меня есть к вам просьба. Да, вы не можете рассказать, кто она такая. Но намекнуть вы можете, так? Пока что мы имеем вот что. Либо пара наследного принца — человеческая женщина, с которой он провёл ночь полгода назад и которая скрыла метку. Либо его пара — не человек, и тогда есть варианты. Либо он встретился с ней около полугода назад, либо она беременна и сегодня проявилась магия ребёнка... И, насколько я понимаю, у разных магических существ это происходит на разных сроках?

— Верно, — сказал Бонифаций. — Да и так разброс очень большой. У большинства морских фоморов, например, это произойдёт примерно через месяц после зачатия, когда они поместят дитя в икринку. У сидов месяце на третьем-четвёртом. У селенити примерно на втором, когда ребёнок перемещается в энергетический кокон. У ведьм примерно на четвёртом-пятом месяце... По-разному, в общем.

— Но в среднем, от одного до пяти? — уточнила сестра.

— Ну, примерно так, — муркнул Бонифаций.

Иэ вздохнула.

— Значит, придётся проверять всех, с кем ты был последние полгода... Брат, сочувствую.

Я сдавленно простонал.

— Я вот стесняюсь спросить, — подал голос “фей”. — Но всё равно спрошу. Я уже понял, что брат у тебя, госпожа, умом не блещет. И сваливает на тебя свою работу. Но всё равно не понимаю: он что, пару свою почувствовать не может? Притяжение там, чувство собственности. Нет, ничего?

— Довольно, Деррен, — глаза Иэ сверкнули льдом. — Извинись! Немедленно. Как ты смеешь так говорить с наследным принцем?

Фей холодно посмотрел мне в глаза.

— Он не мой принц, — ответил он сухо. — Госпожа Иэ — моя принцесса. И моя госпожа. И... та, с кем я связан. Она не спит уже две недели, недавно едва не погибла и одержала несколько дипломатических побед. А теперь я смотрю на малолетнего повесу, который не в силах сосчитать своих любовниц. И не способен узнать собственную пару. Почему я должен выказывать ему уважение? Пока что он точно не достоин своего наследия.

Интересно. И я, кажется, заслужил.

— Деррен! Выйди вон, — глаза Иэ потемнели. — Иди в мою комнату и не покидай её. Меня не волнует откат от связи и прочее; потерпишь. Ты перешагнул черту, и если наследный принц потребует наказания, я не буду вправе возразить...

— Я не потребую, — вмешался я. — Но у меня к вам, ребята, вопрос: а вы-то на парность проверялись?

— Нет, — отрезала сестра. — И я не собираюсь спать с кем-то, кто связан со мной рабскими узами! Это низко! И неэтично, в конце концов! Брат, я...

— Понял, принял, — сказал я спокойно. — Иэ, твой... фей во многом прав: тебе стоит поспать. А мне — внимательно подумать. Проблема только в том, что у меня ничто ни с чем не сходится. Мне неприятно в этом признаваться, но я не могу доверять своему парному чутью. Оно каждый раз указывает на разных существ, которые при этом никак не могут быть моей парой.

— Перевертыш? — уточнил Деррен.

— Что? — мы удивлённо посмотрели на него.

— Демон, способный принимать любое обличье. У вас тут не водятся?

— Нет... по крайней мере, мы о таком не знаем, — вздохнул я. — Есть фоморы, способные принимать разные облики. Но Дайяна явно не фомор: она прошла испытание на фоморью магию. И я только что ещё раз попросил проверить её родословную, и послал вестника с вопросом самой Дайяне, но она явно не фомор. И Шери... ещё одна девушка, на которую я мог бы подумать. Она не была похожа на фомора, ничем. И... я вовсе молчу о последнем варианте.

— Может, твоя пара — иномирянка? — уточнила Иэ задумчиво.
— Может быть такое, что все девушки, которые тебе нравились, были одним... как там сказал Деррен... демоном-перевёртышем? Конечно, в старых книгах сказано, что демоны не могут быть парами драконов. Но...

— Ага. Если верить дедуле, то фоморы с сидами тоже нашими парами быть не могут... Я обдумаю это, Иэ. Правда. Пока что мне слабо верится, что такое возможно, но... Ладно, сестра. Пойди отдохни. А я пойду сообщать родителям радостную весть. Эй, Бонифаций! Ты там как? Не решил дать ещё подсказок?

— Я уже дал, — буркнул кот. — Но, если уж тебе прямо нужно ещё... Сходи, встретиться с двумя женщинами. С той, которая тебя скоро оставит, и с той, с которой всё это началось.

Та, с которой всё началось — Дайяна, тут не надо быть провидцем. А вот та, которая меня скоро оставит...

— Биланна что-то знает о моей паре?

— Нет, — ответил кот. — Но тебе всё же надо с ней поговорить.

— погоди, — нахмурилась Иэ. — Ты что, так и не был у Биланны после возвращения?

Я отвернулся.

— Нет, не был, — сказал тихо. — Я не могу.

Сестра покачала головой.

— Это наверняка ранит её, Или.

— Я знаю... Я пойду и увижусь с ней. Но для начала навещу родителей.

— Оу, — Иэ поморщилась. — Может, сходить с тобой? Полагаю, я могла бы немного смягчить их реакцию...

— Иди отдыхать, — сказал я. — С этим мне придётся разобраться самостоятельно. Заслужил, согласись.

Она вздохнула.

— Ну что я могу сказать, брат мой? Удачи.

— Ага. Уж она-то мне пригодится...

*

Что же, было даже немного весело.

По крайней мере, забавно было наблюдать за лицами ребят из секретной службы, когда я вывалил перед ними полный список всех, кого нужно проверить.

Собственно, удачи им. И да, чисто по-драконьи я немного сочувствую, но сужать им круг поиска не собираюсь. По крайней мере, пока что. Свою пару я предпочту отыскать сам, да и не хочу раньше времени вываливать на голову Шери или Дайяне такое счастье. Поговорить с той, с которой всё началось... Предпочту это сделать не в казематах. И без лишних свидетелей.

Но первая моя остановка вела в хорошо знакомые покои, которые я не навещал уже очень давно.

Непростительно давно.

— Наследный принц... Ты всё же пришёл, — Биланна улыбнулась мне грустно и тепло одновременно. — Я боялась, что ты так и будешь злиться на меня.

Что же, эта женщина всегда умела выбивать почву у меня из-под ног.

— Я не злился на тебя, — ответил я тихо. — Только не на тебя. Я просто...

Трус. Бессильный и бесполезный.

Я не могу тебя спасти.

— Вон оно что, — я не договорил, но Биланна, видимо, всё прочла у меня на лице. — Мне жаль, малыш. Правда. Я никогда не хотела причинять тебе столько боли. Но это должно было так закончиться, просто пойми.

— Нет, не должно! — сказал я. — Мы оба знаем, что, если бы не отец... не важно.

— Так вот на кого ты злишься, — Биланна вздохнула.

И я сорвался.

— Он виноват в том, что с тобой происходит! — крикнул я. — Он присвоил тебя, хотя ты не была его парой. Он забрал у тебя шанс

иметь детей, встретить какого-то нелюдя и стать его парой, получить вечность...

— Или, — Биланна подошла ко мне и мягко провела рукой по моей щеке. — Пожалуйста, перестань унижать меня.

Я удивлённо моргнул.

— Я не...

— Ты не осознаёшь сейчас этого, но унижаешь меня, — заметила она мягко. — Обесцениваешь мой выбор. Как будто твой отец — единственный, кто ответственен за мои решения. Только всё совершенно не так.

Она вздохнула и указала мне на веранду.

— Давай выпьем немного чаю, мой мальчик? Знаю, что ты спешишь и должен незамедлительно заняться поисками своей пары, но... Я думаю, этот разговор давно назрел между нами. И, прежде чем ты найдёшь свою пару, мы должны поговорить.

— Конечно, — согласился я тихо.

Биланна прикоснулась к специальной руне, вызывая слуг. Когда мы уселись в изящных креслах, ожидая напитки, она заговорила.

— Когда мы впервые встретились с твоим отцом, это были очень... тёмные времена. Тогда правил твой дед, Первый Император, и был он жесток. Но не надо думать, что люди были намного лучше. Быть человеческой женщиной в те времена было не слишком приятно, уж поверь мне.

Я тихо хмыкнул. Учитывая исторические хроники — сразу и безоговорочно верю.

— Я была сговорена, — продолжила Биланна, — как и любая человеческая девушка того времени. И да, мы встречались с женихом дважды в жизни. Именно так в те времена выглядели человеческие браки. Потому-то во многом забавно, как нынче любят придавать эпохе завоеваний романтический ореол... Но речь не о том.

Она помолчала, дождавшись, пока компаньонка расставит на столе всё для чайной церемонии. Как только мы остались одни, Биланна продолжила:

— Не скрою, когда Первый Император потребовал человеческих девиц для Отбора и обязал их делить постель с драконами, это было ужасно. В те времена с девственностью было принято носиться, как с флагом. По сути, ничего удивительного: тогда не было нормальной

контрацепции, да и болезней никто не отменял... В общем, обязанность разделить ложе с драконом (а, возможно, даже с драконами) казалась мне кошмаром. И, когда драконий принц обратил на меня внимание, я не была счастлива. Но никто из родных и близких не вступился за меня, а жених, узнав об этом, только потребовал увеличить размер приданого. Благо, за Отбор драконы выплачивали немалые компенсации. Так что я поступила, как типичная девушка того времени — легла под того, под кого приказали лечь. Но... разница в том, что мне понравилось.

Я удивлённо покачал головой:

— Ты никогда не рассказывала об этом.

— Такие вещи не принято рассказывать детям, верно? — слегка улыбнулась она. — Но мы с тобой сегодня говорим откровенно, без прикрас и увёрток. И я хочу, чтобы ты понял, кто такая я, если отбросить тот ореол любимой матери, который меня в твоих глазах окружает. Я — не небесное существо, малыш. Я — земная женщина, и отношения мои с твоим отцом начались с неприятия и страсти. Как ты понимаешь, я была девственницей. И ничего не знала о чувственности. И, если честно, о чувствах. Меня приучили к мысли, что я люблю своего жениха. Как иначе, если он — мой жених? Но с твоим отцом я открыла нечто совершенно иное. Он был опытен, нечеловечески вынослив, и, что важнее, увлечён мной. Он хотел, чтобы мне было хорошо... Я же ждала каждой ночи, не признаваясь себе в этом. Я отрицала свои чувства, но в глубине души начала впитывать драконий жизненный уклад, взгляд на любовь и страсть... Мы оба знаем, что культура драконов весьма откровенна и чувственна. И куда более свободна, чем человеческая. И чем дальше, тем больше мне начинал нравиться мужчина, с которым я делила ночи, и его мир. Потому для меня стало почти трагедией, когда твой отец отослал меня обратно.

— Подожди, — нахмурился я. — Но ведь ты выиграла Отбор! Отец сделал тебя фавориткой!

Она улыбнулась.

— Да, в конечном итоге. Но сначала он попытался поступить, как благородный дракон. Думаешь, от кого ты унаследовал своё сердце? Твоя мать, при всей моей преданной любви к ней, никогда не отличалась мягкостью или сентиментальностью. А вот Лии... Он достаточно сильно полюбил меня. И, понимая, что мы не истинная

пара, решил, что мне будет лучше вернуться к своим. И прожить свою счастливую человеческую жизнь... Звучит знакомо, да?

— Да, — признал я тихо.

— Ну вот. И я вернулась в жизнь человеческой женщины, полную ограничений. К жениху, попрекающему меня связью с драконом и “отсутствием чистоты”. Незнакомому мужчине, запах которого вызывал тошноту, прикосновения не привлекали, а взгляды на жизнь раздражали. Он насильно затащил меня в постель в первый же вечер после моего возвращения, мотивируя это тем, что я “всё равно уже не девочка” и “нечего ломаться”.

У меня к горлу поднялись желчь и гнев.

— Он...

— Твой отец убил его, когда узнал, — заметила Биланна сухо. — Хотя я не говорила ему. Но мой жених, видимо, сам сдуру рассказал кому-то... Он никогда не был особенно умным. Так или иначе, когда он ушёл, я лежала на кровати и представляла, что такой теперь будет моя счастливая замужняя жизнь. Это сводило с ума. И тогда я вернулась к твоему отцу и стала умолять его сделать меня своей фавориткой. Он не стал отказываться во второй раз. Но позже несколько раз предлагал мне счастливую и безбедную жизнь подальше от него... Только вот для меня уже не могло быть счастья без него. И я неизменно отказывалась. Мы были вместе, и с каждым днём всё больше привыкали друг к другу, опирались друг на друга. Любили друг друга. Да, у нас не было мгновенной страсти, которая может быть у истинных пар. Чувства пришли постепенно, но остались с нами навсегда.

Я отвёл взгляд и посмотрел на небо. Чувства, которые я испытывал, были странными и очень смешанными.

— Придворные сплетники ожидали, что всё изменится, как только у Лии появится пара. Но в конечном итоге нас просто стало трое — в жизни, в спальне и в отношениях. Между мной и твоей матерью есть много чего, и кое-что не назвать словами. Но соперничества не было никогда. И, когда родилась Иэ, она сказала мне: “Ты знаешь, что рядом с Лии я должна быть твёрдой опорой; ты знаешь, как всё сейчас непросто в Империи. Я едва ли смогу дать своим детям любовь. Пожалуйста, сделай это за нас двоих.” И я старалась, малыш. Делала всё, что было в моих силах. И да, твои родители предлагали мне, если я хочу, завести собственного, человеческого ребёнка. У него был бы

титул, и будущее, и статус младшего члена Императорской семьи. Но я не захотела. Во-первых, изменять своей любви. Во-вторых, рожать человеческих детей и растить их среди вечных и всемогущих драконов. Это было на мой взгляд неправильно... к тому же, у меня уже были дети. Ты и Иэ. Других мне было не надо.

Она вздохнула, помедлила и серьёзно посмотрела на меня.

— Малыш, — сказала она, — ты должен понять: я *выбрала* такую жизнь. Я была в ней счастлива, абсолютно и совершенно. И да, я выбрала такую смерть, и она меня не пугает. Я прожила на свете очень много лет, всякое повидала и пережила. Мне не о чем сожалеть, некого винить. Я — счастливая женщина, Или. Пойми это. И, пожалуйста, отпусти меня.

Моё горло сдавил спазм.

— Я не хочу, чтобы ты умирала, — голос прозвучал так жалобно и слабо, что самому тошно.

— В этом нет ничего плохого, милый, — сказала она мягко. — Это — естественный порядок вещей. Не воспринимай мою смерть, как нечто дурное. Думай, что я уехала в дальнюю страну, отдыхать там от шума двора. Я останусь в твоём сердце, милый. И с тобой останется моя любовь.

По щекам моим медленно потекли слёзы.

— Правильно, — шепнула она, обняв меня. — Поплачь. И не пробуй больше запирать своё сердце, хорошо? Не пытайся сковать его льдом, избегать боли. Ужас не в том, чтобы умереть, мой маленький принц — мы все умрём, так или иначе. Ужас в том, чтобы всю жизнь играть в прятки с самим собой, своими чувствами и чаяниями. Ужас в том, чтобы на смертном одре сожалеть — о несделанном, несказанном, непройденном... Вот чего стоит бояться.

Меня трясло. Я прижался головой к её животу и рыдал, как ребёнок.

— Всё будет хорошо, — повторила она. — Поверь мне. Поплачь, отпусти это всё — и иди искать пару. Может, я ещё надеюсь увидеть внуков! Ну, или хотя бы вас с суженной вместе. Это должно быть безумно интересно!

— Я очень люблю тебя, — сказал я тихо.

— Я тебя тоже, Шкодник, — она зарылась пальцами в мои волосы. — Я тебя тоже.

Мы на некоторое время так застыли в тишине. Она гладила меня по голове, а из меня вместе со слезами каким-то образом вытекало всё то напряжение, вся та горечь, что скопились внутри.

Когда я успокоился и отстранился, Биланна мягко улыбнулась и спросила:

— Ты уже решил, как будешь искать её?

— Да. Думаю начать с Дайяны.

Она нахмурилась:

— Считаешь, девочка могла скрыть метку?

— Возможно, — ответил я тихо. — А может быть, тут что-то ещё. Так или иначе, пушистая сволочь права в одном: это всё началось с Дайяны. Так что в первую очередь нужно поговорить с ней.

Дайяна, леди Гохорд

*

Я была сама не своя.

Забросила все дела, отложила изыскания, отменила встречи. Сидела и раз за разом прокручивала в голове послание, которое утром прислал принц.

Он спрашивал, не было ли у меня в роду фоморов.

Значит ли это, что он о чём-то подозревает? Что может таить в себе этот вопрос? Если он знает, то насколько много?

Я устало прикрыла глаза.

Этот постоянный страх быть пойманной, застигнутой на запретном, который так усилился после визита матери и разговора с тайной службой — он сводил с ума.

Я боялась потерять всё то, что с таким трудом обрела: место в жизни, уважение наставницы, доброе отношение принца. Я сомневаюсь, что хоть кто-то на белом свете мог вообразить, как много это значило для меня, понять силу моего страха.

Мне подумалось: интересно, все ли существа, имеющие тёмные тайны за спиной, испытывают нечто подобное? И, если так, то какой силы должен был быть тот страх, что пожирал душу моих родителей? Ведь, сдаётся мне, у них много тёмных тайн. Причём не только своих, но таких, которые неизбежно прячутся в шкафах могущественных семей, гуляют по коридорам мрачных фамильных особняков.

Может ли быть, в конечном итоге именно призраки этих тайн сделали моих родителей такими, какие они есть. Как знать...

— Позволишь оторвать тебя от работы ненадолго? — этот знакомый голос с вкрадчивыми нотками заставил меня дёрнуться и подскочить на месте, сжимая скальпель в кармане.

— Эй, эй! — фыркнул принц, поднимая руки. — Сдаюсь! Не надо доставать своё главное шипастое оружие, это всего лишь я... И, между прочим, я даже стучал. Но ты не слышала.

Я вздохнула и заставила себя немного успокоиться. Это же надо было уйти в себя настолько, чтобы не услышать стук в дверь?

— Ваше высочество, — я сделала быстрый реверанс. — Простите, я плохо спала.

— Что, пациенты мешают? — вздохнул он. — Это всё должно быть не просто для аристократки. Не жалеешь хоть, что решила тут поселиться?

Я недоверчиво посмотрела на него. Жалеть?!

— Ни единой секунды, — сказала я тихо, но твёрдо.

— Хорошо, — кивнул он серьёзно. — Я присяду?

— Разумеется! — я мысленно обругала себя распоследними словами. Где мои манеры?

— Хорошо, — принц с удобством устроился на стуле для пациентов и задумчиво посмотрел на меня. — Дайяна, я хотел поговорить с тобой. Как с другом. Потому что мне нужна помощь.

Помощь? Принцу драконов? Я испытала смешанные чувства. С одной стороны, он не заговорил о змее, как я того боялась. С другой то, о чём он попросит, не может быть просто. Что может понадобиться такому могущественному существу от такой, как я? Нечто незаконное? Запретное?

Впрочем, это ведь Или. Подлинно прекрасный принц, не только внешне, но и внутри. Он был тем, кто протянул мне руку, кто поверил в меня, когда я не верила в себя, кто дал мне возможность вырваться из замкнутого круга. И да, быть может, он сделал это во многом из-за чар змеи. Но они развеялись давным-давно, а принц всё так же продолжал переписку со мной, заходил порой в гости и успел стать, по правде, другом для меня... Настолько, насколько это вообще возможно в наших обстоятельствах.

Так что, я попытаюсь сделать, о чём бы он ни попросил. Если это и впрямь важно для него...

— Дайяна, у тебя ведь не появлялась метка на руке?

— Нет, — ответила я удивлённо. — Я не ваша пара, это точно.

— Хорошо, — хмыкнул он. — Или плохо... тут попробуй определись. Смотри.

Он провёл руками по лицу, будто стирая невидимую паутину, и снова посмотрел на меня.

— Ваши узоры... Но ведь это значит...

— Что я встретил пару. Да. И, что самое плохое, я не знаю, кто она. За эти полгода я встречал троих женщин, к которым испытывал

нечто подобное. И первой из них была ты, причём чувства мои к тебе менялись от раза к разу. Потому я должен спросить: Дайяна, нет ли чего-то, что ты можешь рассказать мне? Пожалуйста, подумай, прежде чем отвечать. Это серьёзно, и лжи я не прощу.

Это серьёзно... Разумеется, пара — это серьёзно! Как иначе!

Но неужели это правда? Неужели пара наследника престола — змея, выполняющая грязную работу за деньги? Та самая, что по приказу матери окончательно лишила меня способности иметь детей? Хищное наваждение... Да, она была скорее мила, по крайней мере, для особы её природы, но... Как *она* может быть парой такого, как Или? Как?..

Возможно, тут закралась ошибка. Даже наверняка. Возможно, мои опасения неверны. Скорее всего, принц просто запутался в её чарах и не может узнать настоящую пару.

Возможно. Но это всё не важно. Не мне строить гипотезы на этот счёт. Потому что пара для дракона — это серьёзно. И скрывать от принца правду, которая помешает ему всё понять... Это подлость. И предательство. Предательство того, кто был ко мне добрее многих. И, что тоже немаловажно, подлинная, глубокая измена короне. Одно дело, когда меня на пару дней заменяет авантюристка, которая позже сгинет без следа. Да, теперь, оглядываясь назад, я в ужасе от дерзости родителей. Тем не менее, по сути этот подлог не причинял вреда правящей семье. Но теперь, когда речь идёт о поисках будущей Императрицы...

Я обвела взглядом свой кабинет. Сглотнула ком в горле, мешающий говорить. Напомнила себе, что решила драться за других. И за Или тоже, конечно.

А значит, я должна быть смелой. И будь что будет.

Судорожно выдохнув, я медленно опустилась на колени.

— Эй! Ты чего? — Или вскочил на ноги. — Встань немедленно!

Я только покачала головой.

— Ваше высочество, — сказала я тихо. — Боюсь, я виновата перед вами. И куда глубже, чем могла себе вообразить. Скрывая правду, я полагала, что никому не причиняю вреда... Но, видимо, таково свойство тёмных тайн: рано или поздно они всё равно возвращаются. Я не прошу о прощении. Я расскажу вам всё.

И да, я рассказала всё, что знала, на сей раз не скрывая ничего. Когда я умолкла, в комнате повисла звенящая тишина.

— Встань, — голос принца звучал отрывисто и резко.

Я поднялась, впрочем, не поднимая взгляда.

Мне не хотелось видеть холод и гнев в его глазах.

— Достаточно, — сказал принц. — Я зол, не скрою. И чувствую себя идиотом. Но кусаться не собираюсь, и смотреть на меня совсем не страшно.

Я бросила на него осторожный взгляд. Черты лица заострились, зрачок стал вертикальным, но в целом...

— Страшно?

— Немного, — признала я.

— Потерпишь, — отрезал он. — Не всё тебе делать из меня идиота.

Как же это всё неприятно!

— Ваше высочество, я не...

— Обойдёмся без оправданий, — отрезал он. — Я вполне понимаю, почему ты так поступила. И в целом сам дурак, стоило догадаться раньше. Но давай вернёмся к тому, что действительно важно. Говоришь, она — певица?

— Да, — ответила я, стараясь скрыть облегчение — я боялась совершенно другой реакции. — Лисси, Алиссия. Насколько мне известно, именно так её звали. Она была пернатой змеей, исполнительницей для... не вполне красивых дел.

— Певица... Шери... Бездна. Ну *конечно*. Пернатая дрянь, она с самого начала... Чтоб его, — он вскочил на ноги и прошёлся по комнате.

— Значит, она потом снова приходила к вам? — мои худшие подозрения начали сбываться.

— Да, похоже на то... Но как вы протащили её во Дворец? Как обошли защиту от фоморов?

Я растерянно покачала головой.

— Простите, ваше высочество. Этого я действительно не знаю.

— Ну да, — поморщился он. — Откуда бы. Ты в это время была в Тавельни... Но объясни мне, как вышло, что твой отец скрыл это при ментальном сканировании?

Я сглотнула.

— Тут я могу только предполагать, но, скорее всего, он не знал.

Принц взглянул на меня с недоверием.

— Погоди. Он привёз во Дворец вместо своей родной дочери непонятно кого — и *не знал*? Ты издеваешься?

— Нет, — ответила я тихо. — У нас в семье не принято, чтобы мужчина вмешивался в женское. Полагаю, это всё организовала моя мать.

— Понятно, — глаза принца блеснули холодной яростью. — Что ещё ты можешь рассказать об этой Алиссии? Она покалечила тебя, верно?

Я задумалась, ища, как подобрать слова.

— Мой принц, — сказала я в итоге, — я не знаю, что правильно было бы сказать. Да, Алиссия разорвала мою ауру, но сделала она это по приказу матушки. И предупреждала, что могут быть последствия.

— Как великодушно, — фыркнул он. — Дальше. Что ещё?

— Она попросила меня быть с вами добрее.

— О! — он оскалился. — Какая прелесть! Ну конечно, что ещё она могла сказать, передавая меня в постель другой женщине, как эстафетный приз?! Только попросить её быть добрее. Проклятье!..

На это мне было ответить нечего. Да и не в том принц был состоянии, чтобы прислушиваться к моим резонам. Но оставалось ещё одно, в чём следовало признаться для того, чтобы картина перед его глазами была полной.

— Думаю, мои родители собирались её шантажировать. Или нечто в этом роде. Они хотели быть уверены, что она ничего не расскажет.

Принц нахмурился, прикрыл глаза на миг, а после коротко кивнул.

— Что же, это ещё один повод ласково задать твоей матери пару вопросов. Это всё?

— Да.

Не глядя на меня более, принц поднялся и стремительно направился к двери. Когда он уже взялся за ручку, я осмелилась позвать:

— Ваше высочество?

— Да?

— Что со мной будет?

— А что с тобой будет? — пожал плечами он. — Если твой рассказ подтвердится, то ничего.

— Вы сможете простить меня? — вопрос вырвался сам собой. Я знала, что он глупый, но не могла его не задать.

Принц помедлил.

— Не знаю, — бросил он в итоге. — Я не готов ответить на этот вопрос сейчас.

Дверь за ним закрылась.

Измождённая, я опустилась на пол, тяжело дыша. С одной стороны, чувствовала я себя так, как будто преодолела огромное расстояние. А вот с другой... казалось, что огромная тяжесть разом упала с моих плеч. И мне теперь нечего бояться, потому что самое страшное уже случилось...

И, возможно, оказалось на поверку не таким уж страшным.

Или Ледяной

*

— Господин Тайный Советник, мне нужна леди Джезбет Гохорд в ментальной допросной, — сказал я. — Без свидетелей.

Брови дядюшки Кио дрогнули.

— Настолько официально?

— Да.

Наши взгляды встретились. Кио нахмурился, явно увидев тёмную ярость, клокочущую в моих глазах.

— Мой принц, — сказал он, стараясь осторожно выбирать слова. — Вы ведь понимаете, что для подобного допроса нужен очень веский повод? Супруг леди Гохорд уже был подвержен ментальному допросу, и не показал ничего, что могло бы инициировать такое дознание в отношении его жены. Если у вас нет серьёзных доказательств, старая аристократия начнёт кричать о произволе, что сейчас...

— У меня есть доказательства.

— Могу ли я узнать подробности?

— Пока что нет. Будьте добры, приведите леди Гохорд. Считайте это приказом.

— Хорошо, — Кио коротко кивнул. — Искренне надеюсь, что информация вашего источника подтвердится. Позволено ли мне будет ассистировать вам?

Тут я помедлил. С одной стороны, не хотелось никого посвящать в эту историю. С другой стороны, при ментальном допросе должен присутствовать сторонний наблюдатель. И дядя, как ни крути, был не самым худшим вариантом. Я бы предпочёл тётю Син, конечно... или Мука, которого, кажется, уже на полных правах можно называть дядей. Однако, история со скрытым от общественности ребёнком сильно повлияла на их позицию при дворе. Со временем это исправится, не сомневаюсь ни единой секунды; но меня волнует то, что здесь и сейчас. Конечно, ещё одним беспроектным решением была бы сестра, но я не хочу вваливать на неё ещё и это... да и боюсь

представлять, как её “раб” повеселится за мой счёт, слушая, каким слепым идиотом я был.

Так что Кио Ртутный — идеальный вариант.

— Какую допросную вы предпочтёте?

— Ту, что на минус семнадцатом уровне, — ответил я.

Кио пару мгновений всматривался мне в глаза, а после коротко кивнул.

*

— Это произвол! — сказала леди Гохорд холодно, встав напротив меня. — Травля! Вы не имеете права приводить меня сюда и угрожать мне. Это драконий произвол!

— Вы так считаете? — уточнил я лениво.

— Разумеется! — она надменно вздёрнула подбородок. — Мой несчастный муж уже перенёс весь ужас ментального сканирования из-за дружбы с иностранцем и ряда недоразумений. Мне казалось, что для нашей семьи этот кошмар окончен! Но вы снова вызываете меня сюда, ещё и вот так, безо всяких оснований. Или законы, написанные драконами, для самих драконов ничего не значат?

Я задумчиво смотрел на эту женщину. Была она красива (собственно, свою внешность Дайяна явно унаследовала от матери) и отлично умела себя держать. На мой взгляд, леди Гохорд была воплощением старой аристократии... и её загнивания.

— Не спешите бросаться громкими заявлениями, леди. Боюсь, у меня есть достаточные основания для того, чтобы обвинить именно вас в государственной измене, прямой лжи Трону и создании обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью Императорской Семьи.

По мере того, как я говорил, брови дядюшки Кио приподнимались всё выше.

Ну да, тот ещё букет.

— Это нонсенс! — воскликнула леди Гохорд.

— Правда? Значит, вы не привели под видом дочери во Дворец хищного фомора?

Она отлично владела собой. Правда. Это то, чего не отнять у аристократов старой закалки: умения держать лицо. Но я увидел тень, промелькнувшую в глубине её глаз. И, судя по выражению лица Кио, он это заметил тоже.

— Ерунда! — отрезала она. — Уверена, это бредни чьего-то воспалённого сознания, не более. Вы не можете подвергнуть меня ментальному сканированию без реальных доказательств!

— У меня есть показания вашей дочери, — ответил я.

Она побледнела, но всё ещё попыталась выкрутиться:

— Что вы хотите от Дайяны? Тяжело говорить так о собственном ребёнке, но она не в себе. Подумайте сами: как фомора могла бы войти во Дворец? Это безумие!

— Тут мы с вами совпадаем: я тоже не знаю, как такое возможно. Но мне кажется, ваша дочь вполне в состоянии отвечать за свои слова, — ответил я с холодной усмешкой. — Если выяснится, что она мне солгала, то ответственность за происходящее здесь полностью ляжет ей на плечи. А теперь... сядьте в кресло, леди. Не заставляйте меня применять силу.

Она задрожала; выдержка изменила ей.

— Нет! — закричала она. — Это ошибка! Это ложь! Помогите!..

Я поморщился и собрался встать, но дядя Кио опередил меня, легко скрутив женщину и пристегнув к креслу.

— Ну что же, — сказал я. — А теперь начнём.

Следующие несколько минут не доставили особенного удовольствия никому из присутствующих. Всё же, ментальный взлом — процесс весьма неприятный, с психологической и физиологической точки зрения в том числе. Именно потому существует так много ограничений вокруг его применения.

Когда всё закончилось, леди Гохорд сидела, глядя расфокусированным взглядом в стену. И была готова честно ответить на любой мой вопрос.

— Джеббет Гохорд, ты слышишь меня?

— Да, — ответила она чуть заторможенно.

— Скажи мне, правда ли, что полгода назад на Отборе фавориток твою дочь заменяла фомора?

— Да, это так.

Дядя Кио сдавленно ругнулся сквозь зубы.

— Расскажи мне подробно, почему это произошло и что этому предшествовало.

— Всё началось пять лет назад. Тогда выдался неурожайный год на полях, с островов занесли некую заразу, от которой погибли

буйволы на фермах, соседи подали тяжбу на спорный клочок земли, банк отказался дать ссуду... Как итог, мы были разорены. Единственное, что оставалось нам — это признать себя банкротами и идти на сделку с промышленниками. Это было недопустимо для нашей аристократической чести. Потому-то я вспомнила о своей давней приятельнице, леди Элизавет.

Ох уж эта старая добрая аристократическая честь! Работать или отдавать землю промышленникам в рамках Ошского договора им непозволительно и унижительно. А вот лгать, шпионить и торговать детьми — это да, это самое оно.

— К тому моменту Элизавет поднялась довольно высоко, — отметила леди Гохорд. — И я попросила её о ссуде. Но, разумеется, у Элизавет практически не было своих денег. Откуда они у любовницы? То, что она зарабатывала самостоятельно, почти всё крутилось в деле; содержание же её было полностью расписано. Она не могла дать мне достаточную сумму. Это мог сделать только премьер Тавельни. Но ему нужен был веский повод для такого решения. И тогда мой муж заявил, что придворная должность у него в кармане. И, получив её, он сможет быть для премьера полезен в ответ. Сделка была заключена, и мы удержались на плаву. Но мне было очевидно, что мечты мужа о придворной должности — лишь иллюзия самовлюблённого мужчины. И да, все его прошения были отклонены. А Элизавет стала намекать, что, если должности не будет, то нам придётся всё вернуть. С набегавшими процентами. Это была отчаянная ситуация, в которой у меня была одна надежда — Дайяна.

Ну да. Классическое решение.

— Дочь во многом стала моим разочарованием, — продолжила леди Гохорд. — Но всё ещё оставалась нашей наследницей. И должна была отработать ресурсы, которые мы вложили в неё, её наряды и образование.

— Но у Дайяны были другие планы, — резюмировал я сухо.

— Эта девчонка! — даже в таком состоянии в голос леди Гохорд прокрались возмущение и гнев. — Совершенно никакого представления об очевидных вещах. Я понимаю, почему можно звать по вечерам к себе в комнату красивого слугу — любая из нас не свята, и я даже втайне радовалась, что девочка набирается опыта перед Отбором и получает удовольствие. Потом, в браке, о своих

потребностях уже так легко не позаботишься. А тут... Всё же, жених в любом случае не ожидал бы от неё девственности, и маленькое милое развлечение — это то, что поможет смириться с предстоящей семейной жизнью. Для чего ещё нужны симпатичные слуги?

Я понимающе ухмыльнулся. Ну-ну...

— Но у таких вот невинных развлечений есть два правила: никакой любви и никаких последствий. Дайяна нарушила оба, да ещё и вознамерилась сбежать со своим любовником. Рабом!

— В Драконьей Империи рабство запрещено.

— Допускаю. Но мы его купили на островах Имбаи, где рабство вполне себе разрешено! И сделали это только для того, чтобы иметь при себе одарённого. Эти выпускники модных нынче академий стали драть за свои услуги совершенно неприличные деньги!.. Так или иначе, разумеется, ни о каких серьёзных отношениях между ним и Дайяной речи быть не могло. Но у Дайяны ума не хватило, чтобы понять правду. Я же была занята подготовкой к Отбору, потому упустила момент, когда всему этому следовало положить конец. Повезло ещё, что Эрин, жених Дайяны, узнал и сообщил мне. Разумеется, я тут же приняла меры: посадила её под домашний арест, его приказала бросить в подвал. Но и тут возникли проблемы, потому что в несносную девчонку будто беспокойный призрак вселился. Она отказывалась есть и пить, кричала, что всё равно сбежит, что этот отброс её любит и не бросит... Жуткая мусорка в голове. Тогда мы зашли с другого края и попытались убедить этого раба прийти к Дайяне и отказаться от неё. Но он, видимо, был слишком для этого идеалистичен: даже дюжие молодцы с тяжёлыми кулаками не смогли исправить положение.

— Для протокола: кто именно отдавал приказы “дюжим молодцам”?

— Я, разумеется. Во-первых, именно я допустила вопиющие пробелы в воспитании дочери. Во-вторых, на случай дознания у супруга должна быть возможность сказать: “Не знаю”. И хорошая жена обязана обеспечить такую возможность.

— Интересный тезис, надо запомнить. И как же вы в итоге уговорили Дайяну? Или Бэн всё же сломался?

— Нет, мальчишка был упрям. Но, по счастью, Эрин вошёл в наше положение и согласился разрядить ради этих нужд редкий

иллюзорный артефакт. Он принял обличье того раба, пришёл к Дайяне и сказал всё очень правильно: что он уезжает в лучшую жизнь, что получил от нас хорошую компенсацию, что их отношения были ошибкой. Когда же дурочка сообщила о своём положении, он ответил очевидное: ребёнок ему в таком возрасте совершенно ни к чему. Надо сказать, у Эрина это всё очень хорошо получилось. Он был зол, обижен, уязвлён — и потому убедителен. Дайяна перестала упрямиться. И даже начала есть и пить. Вот тут-то и случился несчастный случай: она выпила целый графин воды и съела свою любимую запеканку. И туда, и туда я подмешала специальное зелье для решения проблем с нежеланными детьми. Но Дайяна приняла его слишком много. Я до сих пор в ужасе от того, что увидела: её простынь пропиталась кровью, вены почернели, кожа стала серой, как у трупа. И фамильный лекарь, вызванный к ней, ничего не смог поделать. Только замедлить процесс.

— Но вы не обратились в лекарню.

— Нет, разумеется. Вы воображаете слухи, которые бы пошли после этого? Все шансы Дайяны на Отборе испарились бы, как дым. Я не могла этого допустить.

Мы с дядюшкой Кио переглянулись.

Что же. Того, что леди Гохорд уже наговорила, вполне достаточно для того, чтобы провести полжизни в тюрьме. А ведь это только начало...

— И вы снова обратились к Элизавет.

— Да. Дайяна... Это была ужасная ошибка, — на лице леди Гохорд впервые промелькнуло нечто, похожее на сожаление. — Ей нужно было в лекарню, так что мы отправились в Тавельни. Там было больше возможностей сделать всё тихо. К тому же, Элизавет предложила изящное решение проблемы. Изначально мы планировали, что работавшая на неё фомора поделится с Дайяной очарованием. Но, после всего, что случилось, выбор у нас был только один: заменить Дайяну фоморой.

— Что вы знаете об этой фоморе?

— По правде, немного. Хищное существо, пернатая змея; Элизавет ещё со времён учёбы дружна с этими тварями, так что удивляться не приходится...

— Значит, именно этим вы шантажировали Элизавет? — впервые подал голос Кио. — Её связью с селенити?

Ну да, даже обидно, что я об этом не подумал. Как ни крути, а вряд ли женщина уровня Элизавет Биолифф стала бы просто так раз за разом вытаскивать леди Гохорд из неприятностей. В такой ситуации найти более вменяемого агента в разы проще.

— Я не то чтобы шантажировала, — отметила леди Гохорд. — Но она знает, что я знаю. И это что-то да значит.

— Хорошо, — кивнул я. — Вернёмся к фоморе. Алиссия, верно?

— Полагаю, именно так её звали. Я не слишком интересовалась.

— Ради чего она это сделала? — я постарался, чтобы голос звучал ровно, но внутри чувствовал себя натянутой струной. — Зачем ей это нужно?

— Деньги, разумеется, — пожала плечами леди Гохорд. — Положение в обществе. Кажется, Элизавет упоминала особняк. Ради чего ещё умные девушки делают такие вещи? Только моя Дайяна может быть глупой настолько, чтобы верить в бредни о любви. Во многом, увы, это издержки воспитания в роскоши. Эта Алиссия явно выросла в низших кругах, давно поняла цену таких вещей и смотрит на них куда практичней, чем Дайяна.

Я стиснул челюсти.

Что же, это в какой-то степени перекликается с тем, что говорила Шери.

Ничего нового. Всем девушкам от меня что-то нужно. Принц я или где? Но... Почему ж так паршиво, а?

Впрочем, время обдумать всё у меня ещё будет. А пока...

— Но как она обошла ограничения на входе во Дворец?

— Элизавет заверила меня, что с этим не возникнет проблем. Я не знаю наверняка, но думаю, у этой змеи были драконьи корни.

— Что?! — тут мы с дядей были поразительно единодушны.

— У меня сложилось впечатление, что у многих змей драконьи корни, — добила леди Гохорд.

В других обстоятельствах я сказал бы: “Это невозможно”. Но теперь, после всех божественных откровений, я уже не мог быть так категоричен.

— Что заставило вас так думать? — медленно спросил дядюшка, и я удивлённо на него покосился, услышав странную нотку в голосе.

Неужели он подозревал нечто подобное?

— Совпадение там, намёк здесь... Когда Лизвет только познакомилась со своим змеем, мне это не могло прийти в голову, конечно. Пернатая тварь она и есть пернатая тварь. Но потом я застала её как-то в слезах: я так понимаю, она всерьёз мечтала выйти замуж за это отродье (какая мерзость) и искренне горевала, когда он ей отказал. Она тогда много чего говорила в истерике, в том числе сказала: “Ему не нужны дети от меня. Я же не обладаю какой-то выдающейся магией. И даже не драконица.” Когда я попыталась уточнить, что это значит, она перевела тему. Но после, когда я начала собирать компромат и любопытствовать, вскрылось интересное. Во-первых, чистокровные селенити во всей литературе описываются, как твари чёрного, белого либо красного цвета, в зависимости от количества жертв. После пяти тысяч жертв селенити становится так называемым огненным змием. Но на этом всё. Опять же, они не могут принимать какой угодно облик — только тот, что наиболее желанен для жертвы... Так вот, что селенити Элизавет, что эта Алиссия были совсем другими. Они могли принимать любой облик, какой только пожелают. А ведь ходят слухи, что на такое способны только ртутные драконы... И да, мне довелось видеть мельком любовника Элизавет в фоморьем обличье. Это была ужасная, но по-своему красивая тварь с текучими перьями цвета ртути и киновари. И радужными гребнями, которых у нормальных селенити не бывает. Зато такие мне позже доводилось видеть на парадах в Империи, когда выступали члены Радужного Дома. И, если вы спросите меня, эти гребни были очень похожи на зачатки крыльев. В воздухе с такими особенно не летаешь, конечно. Но, думается мне, тварь должна была отлично плавать; собственно, так он обычно и приплывал на остров, чтобы навестить Элизавет.

— И кто об этом ещё знал?

— Только её лучшая подруга. Я.

Я махнул рукой, перекрывая поток откровений, и покосился на дядюшку.

— Ты не выглядишь удивлённым.

— Я удивлён, — ответил он сухо. — Но некоторые предпосылки для такого были. Четыреста лет назад, как ты знаешь, в Ледяной Дворец уже пробиралась селенити. Мы упустили её... Но вот некоторые свидетели утверждали, что фомора владела ртутной магией.

Тогда я посчитал это бредом и попытками дискредитировать Ртутный Дом. Но теперь... Теперь я думаю, что, возможно, это не было дезинформацией. И да, это действительно объяснило бы, каким образом наши сигналки пропустили её.

Я медленно покачал головой:

— Ртутный фомор, радужные гребни... Такое вообще возможно?

— Учитывая вскрывшиеся обстоятельства? Полагаю, да. Но вот случайностью это быть не может, — Кио вздохнул. — Учитывая то, что мы только что слышали... У меня сложилось впечатление, что селенити используют драконов для селекции.

Я открыл рот. Не нашёл подходящих слов, даже крайне нецензурных. Прокашлялся.

— Ты думаешь, что они просто выбирают, с кем из нас размножиться? Но это... это... немыслимо!

— Почему сразу — немыслимо? — дядя Кио криво улыбнулся. — Если подумать, то это как раз классика. Примерно так же мы используем другие расы для поиска самой подходящей пары.

Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Подумал об отметинах на своих щеках, которые кое на что непрозрачно намекали.

Это что же получается, об меня просто... *размножились*?!

Наверное, на моём лице отразилось много чего всякого и интересного, потому что дядя Кио внезапно добавил:

— И да, мне следует внести ясность. Если наша теория подтвердится, то Ртутный Дом признает свою ответственность за госпожу Алиссию. И будет защищать её, как младшего члена рода.

— Даже если речь идёт о нанесении прямого оскорбления Императорской семье? — уточнил я язвительно.

— Даже если так, — отрезал дядюшка. — Ртутный Дом выступит парламентом, если надо. Особенно учитывая... предполагаемое положение девушки.

Я поморщился и твёрдо встретил его взгляд.

— Дядя Кио, — сказал холодно, — ты — лучший друг моего отца, опора трона. Я вырос на твоих глазах. Ты *действительно* допускаешь, что я причиню ей вред?

— Нет, — ответил Кио спокойно, — это последнее, о чём я мог бы подумать. Но ты сейчас зол. И можешь сделать что-то, о чём потом пожалеешь.

— Считаешь, у меня совсем нет повода?

Перед глазами проносились все те моменты, когда я открывал душу перед Дайяной-Шери нараспашку, становился рядом с ней слабым и зависимым, как дурак, обещал защиту и поддержку, готов был бросить, что угодно, к её ногам. Никогда, ни к кому раньше я не относился так. Вспомнил ночь с настоящей Дайяной; теперь мерзко думать, помимо всего прочего, что я спал с настолько уязвимой, не желающей меня женщиной. Учитывая обстоятельства, никто не может обвинить меня в насилии, но вся эта ситуация оставляет после себя мерзкий привкус.

И ведь она не просто отдала меня Дайяне. Ещё и очарованием своим поделилась, чтобы уж наверняка. Даже интересно, что там за особняк такой чудесный? Насколько дорого меня оценили?

И я понимаю умом, что такова жизнь. Что мы сами порой поступаем с девушками подобным образом — используем их, так или

иначе. Что она ничего мне не должна, и у фоморов вовсе пар не бывает. Но всё равно мне тяжело с этим смириться. После полётов, после разговоров и откровений, после всего, что случилось с Биланной...

Биланна. Совпадение ли?..

У меня всё заледенело внутри. Я не хотел в это верить, но такое совпадение по времени заставляло задуматься. Серьёзно задуматься. И я знал, что надо задать этот вопрос, но пока не решался.

Потому что, если ответ будет утвердительным, получится, что моя пара, мать моего ребёнка — убийца моей матери.

Я никому не пожелаю допускать подобной мысли. Слишком она ужасна. Ведь, если отбросить все детали, голая правда неприглядна: я не смогу не любить свою пару.

Даже если это она зачем-то столкнула Биланну со ступеней.

Опять же, наша встреча на Новый Год. Сколько в ней было правды, а сколько — лжи? Не знала ли она заранее, к кому подходит? Не приготовила ли загодя слова для отказа? И... зачем ей ребёнок? Ведь у фоморов рождаются дети, только если они того хотят. Так неужели для неё наше дитя — только удачный набор генов?

Я устало прикрыл глаза.

Нужно будет ещё разбираться. Обдумывать, спрашивать, расследовать. Но пока что это всё выглядит не очень хорошо.

Совсем паршиво, если быть откровенным. Как будто меня одного настигла карма за выходки всех драконов скопом.

— Да, у тебя есть поводы злиться, — сказал Кио. — И веские. Я не собираюсь их умалять: девочка поступила отвратительно. Но учти всё же предполагаемую среду, в которой она выросла.

“Мать бросила меня, когда я была маленькой... У меня не было имени...” — те слова Шери. Они были похожи на правду.

— Среда не оправдания для всего, дядя.

— Нет, — признал он спокойно. — Хотя ты, как дракон, и сам понимаешь, как я сейчас чувствую себя по поводу выросшего невесть где и невесть как ребёнка — возможно, даже моего.

— По возрасту она скорее должна быть дочерью Дина, — заметил я. — Или вторым-третьим поколением. Конечно, про вечных существ сложно говорить наверняка, сколько им лет. Но от неё не веяло возрастом... по крайней мере, по моим наблюдениям.

— Понимаю, — кивнул Кио. — С другой стороны, в определённом почтенном возрасте неизбежно заново учишься изображать малолетнего балбеса... Но ладно, это всё детали. Мне кажется, в воздухе витает один неприятный вопрос. С твоего позволения, я его задам. Итак... Леди Гохорд, вы приказывали Алиссии напасть на госпожу Биланну? У вас есть основания думать, что она это сделала?

Я внутренне застыл в ожидании ответа.

— Нет, — сказала леди Гохорд. — Разумеется, я ничего такого не приказывала. Хотя, когда услышала о несчастном случае, тоже насторожилась... Но Лизвет заверила, что тварь не особенно агрессивная. И что нападение было бы нарушением их договора, о котором она бы узнала.

Я выдохнул.

— Значит, был договор... Хорошо. Что произошло дальше?

— Моя дочь поправилась достаточно, чтобы вернуться.

— Для протокола: лекари заверили вас в её полном исцелении?

— Физическом. Аура, к сожалению, не исцеляется так быстро. Ей рекомендовали покой и минимум магических вмешательств.

— И вы поручили Алиссии поделиться с ней очарованием, а потом отправили ко мне в спальню. У вас интересные представления о покое. Ещё одно, снова для протокола: Алиссия предупредила вас, что Дайяна может пострадать в процессе ритуала?

— Да. Тварь пыталась меня отговорить.

— Понятно. Итак, что было после? Как и когда Алиссия вернулась домой?

— Она не вернулась, — ответила леди Гохорд.

— Что? Почему?

— Она сгинула во Впадине Древних. Навсегда. Я позаботилась об этом.

У меня всё застыло внутри.

Бред. Я ведь почувствовал бы, если бы с ней что-то случилось. Почувствовал, верно? Либо...

Вокруг меня затрещал мороз, и я понял, что выбора нет. Откат потом будет неприятен, но наплевать: зато здесь, сейчас у меня будет холодная голова.

Ядовитая магия сидхе, подчиняясь моей воле, поднялась в глубинах сознания, запузрырилась внутри, выжигая чувства напрочь. Короткая вспышка боли, миг темноты в глазах — и я уже был относительно готов к последующему разговору.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил я, мельком отметив разлившуюся в глазах Кио ртуть. — Расскажи подробнее.

— Тварь могла в будущем создать проблемы, — ответила эта... смертница. — Слишком опасная ситуация, слишком многое на кону. Да и Элизавет намекнула, что у неё иные планы на тот особняк. Ничего конкретного, но посыл кристально ясен. Опять же, мне каким-то образом нужно было решать проблему с проклятым рабом... Похорошему его бы убить и отдать на съедение собакам за то, что он сделал с моей Дайяной. Ещё лет триста назад с ему подобными так и поступали. И поделом! Но ищейки Дина Ртутного рыскали повсюду, задавали вопросы. Увы, в наше время аристократам не позволяют по своему усмотрению распоряжаться живым имуществом. Это выводит из себя, но очевидно: мальчишку нужно отослать прочь. Причём так, чтобы все видели, что уехал он по своей воле, но до места назначения не добрался. Для такого идеально подходил маголёт. Эрин, молодец, надел снова личину Дайяны и уговорил-таки раба убраться прочь. Он вручил ему билет, подлечил раны на лице и отправил регистрироваться. Весь город видел, что этот отброс сел на маголёт. Наши мальчишки взяли билеты туда же и позаботились о том, чтобы он сидел и не дёргался. Там же они приготовили всё для того, чтобы тварь не сумела сбежать. И, как только маголёт поднялся, мышеловка захлопнулась. Мои люди своими глазами видели, как кабина маголёта, в которой были змея с рабом, упала во Впадину. Даже если тварь каким-то чудом выбралась из кабинки, её наверняка сожрали монстры глубины. Все концы в воду; кажется, так об этом говорят простолюдины.

Я смотрел на эту женщину, стараясь прогнать застывшую перед глазами картину: как моя испуганная пара пытается выбраться из падающей в синюю бездну кабинки. Как там сказала мне Шери? “Я упала на самое дно?” Может ли быть, что речь об этом? И может ли быть, что в конечном итоге селенити - не моя пара, и она действительно погибла? Впрочем, это как раз маловероятно. Слишком

много совпадений. Слишком много внутренней уверенности, что вот на этот раз головоломка всё же сложилась.

Она выжила. *Выжила*. Что уже удача, учитывая то, с какими людьми она додумалась связаться.

— Значит, ты уверена, что Алиссия и Бэннард Финн погибли? Больше о них тебе рассказать нечего?

— Да, совершенно.

Я медленно кивнул.

— Дядя, будь так добр и позаботься о формальностях, необходимых для протокола. Узнай имена всех исполнителей, детали, обстоятельства... Не мне тебя учить. Я же хочу прояснить один вопрос.

— Разумеется, — холодно сказал Кио. — Мой принц... Должен ли я привести в действие закон о неприкосновенности пары?

Я задумчиво посмотрел на Джеббет Гохорд. Убить её сейчас, без суда и следствия? Очень соблазнительная мысль. Притягательная. Но...

— Не спеши, — ответил я. — Нужно доказать, что Алиссия действительно моя пара. Убедиться, что она жива. Опять же, я считаю, что есть ещё один человек, который должен решать судьбу леди Гохорд.

— Леди Дайяна? — уточнил Кио понимающе.

— Именно. Полагаю, стоит рассказать ей правду. И спросить, хочет ли она устроить для матери публичный суд. В конечном итоге, именно Дайяна — первая и основная жертва этой женщины.

— Справедливо, — согласился Кио. — Или... ты в порядке?

— Я буду. Когда удостоверюсь, что с моей парой всё в порядке. По всему выходит, что она выжила там — если это была она, конечно. Но всё же...

— Но всё же ты не сможешь успокоиться, пока не проверишь.

— Верно.

— Но как ты собираешься это сделать?

— О. Есть у меня одна идея...

*

Я не спускался сюда давно.

Настолько давно, что сами стены, казалось, омертвели и смотрят на меня с укором. Я чувствовал их давление, ворчливое негодование

тем больше, чем спускался глубже.

Вода в моей музыкальной комнате, всегда кристально чистая и прозрачная, стала мутной и грязной. И, стоя посреди этой погрузневшей комнаты, я отчётливо осознал, что магия сидхе, текущая вместе с кровью в моих жилах, никогда не предавала меня.

Это я предал её.

Я всегда презирал деда, но в конечном итоге поступил, как он: отказался от части своей сущности, отмахнулся от неё, обвинил глашатая в собственной неспособности понять услышанное.

Я вспомнил первое появление Дайяны здесь, в музыкальной комнате. Вспомнил перья, кружащие в воздухе, перья, составляющие её платье. Вспомнил нечеловеческий голос, божественный и глубокий. Теперь, оглядываясь назад, именно его отзвуки я услышал в выступлении Шери. Пошёл на него, как крыса на зачарованную дудочку...

Как мог я быть таким слепым? Как мог настолько не доверять самому себе? Криво улыбнувшись, я покачал головой.

Не это ли ты хотел показать мне, Лесной Царь? Не для того ли всё это затевалось?

А ведь, что бы там ни было, я должен тебе визит в Храм. И, пожалуй, даже извинения.

Но это всё чуть позже.

Магия откликнулась неохотно, будто была оскорблена пренебрежением и недоверием. Чары шли медленно, давались тяжело, вода бурлила и пенилась, но я упрямо звал и звал свою музыкальную комнату обратно.

И в итоге она вернулась.

Зазвенели струны скрипок, загудела виолончель, заскользили под пальцами клавиши рояля.

И я заиграл. Исступлённо, отчаянно, вкладывая всю свою силу, всю душу в музыку.

Как же я скучал. Я даже не понимал, как скучаю, пока музыка не зазвучала...

Я прикрыл глаза, наслаждаясь, позволяя дикому напряжению этого года выплёскиваться в густую, напряжённую, полную чувств и страстей мелодию. И с каждым аккордом, с каждым звуком я как будто

возвращался к самому себе, исцелялся от проклятья, самим собой на себя же наложенного....

Я так увлёкся, что далеко не сразу заметил кружащие вокруг перья. И поднял голову лишь тогда, когда одно из них скользнуло по моей щеке.

Медленно оторвав руки от клавиш, я повернулся.

Она стояла у рояля в облике Шери и удивлённо, чуть настороженно смотрела на меня.

Первым чувством было ошеломительное, сбивающее с ног облегчение.

Я не сошёл с ума. И не придумал себе ничего.

И она не умерла во Впадине. Она здесь, сейчас.

Хотелось обнять её. Растечься у её ног розовым киселём. Сделать всё на этом свете, чтобы она взглянула на меня с одобрением.

Это то, что парность делает с драконами.

Мерзко.

Я обуздал эти порывы, шагнул к ней и сказал так холодно и спокойно, как только мог:

— Ну здравствуй, Алиссия.

Алиссия Майлифф

*

Я стояла и гипнотизировала злым взглядом дверь.

Точнее, табличку на двери.

К сожалению, надпись “Кафедра менталистики, факультет примитивной магии. Профессор Марджана Лофф” исчезать никуда не собиралась.

И да, по всему выходило, что в эту дверь я действительно собираюсь постучаться.

Как я дошла до такого? Вопрос интересный. Сама бы не поверила, если бы мне кто сказал. Но жизнь порой вносит свои коррективы, глядя на наши наивные “никогда” с полной насмешки улыбкой.

Именно так произошло и в данном случае.

На самом деле, беды, как говорится, ничто не предвещало. Последние пару месяцев я по большей части провела, свернувшись в тугой пернатый клубок, сонливый и немного капризный. Думаю, это норма для ожидающих пополнения в семействе фомор... или это только я такая. Но, в любом случае, я валялась у себя на чердаке и изображала ленивую гадюку. И обличье человеческое натягивала только для того, чтобы спеть на площади пару песен и добрать недостающей энергии.

Ради своего ребёнка я позволила себе быть беспечной и праздной. Но знала, что там, вне моей комнаты, всюду кипит жизнь.

Косатка добилась для нашего Мория Бакарийского аудиенции с премьер-министром, по итогам которой он смог официально стать нашим инвестором. Бэн запатентовал свой прототип усложнённой музыкальной шкатулки, которая может передавать музыку на расстоянии и пополнять коллекцию мелодий. Дядино дело резко пошло в гору, и он вызвал Вилни, чтобы тот помогал ему...

Ну, а тётя Ленна связала чехольчик. Для моего змеёныша. Чтобы у него не мёрз хвост, пока он не научится превращаться в человека.

Конечно, это несколько меркнет на фоне великих свершений остальных домочадцев. Особенно учитывая тот факт, что селенити

вообще-то не мёрзнут. Но, если честно, я почему-то разревелась при виде этого чехольчика: так это было мило.

Как видите, дела мои в смысле контроля над эмоциями были вот прямо очень не очень.

Впрочем, всё изменилось одним сонным утром, когда я почувствовала, что пришло время моему малышу развиваться дальше в энергетическом коконе. На удивление, всё прошло легко и безболезненно: уже через полчаса я лежала, свернувшись вокруг сияющего яйца, внутри которого смутно угадывались контуры будущего селенити.

Семья восприняла новость хорошо. Честно говоря, я опасалась другой реакции: всё же, для нормальных людей некоторые особенности анатомии селенити должны быть весьма... неоднозначными. Но, как оказалось, они вполне готовы к подобному повороту событий.

Я же поняла, что сонливость немного отпускает, эмоции мои приходят в относительную норму, а человеческий облик больше не доставляет особенных неудобств. Так что с большим энтузиазмом восприняла предложение тёти Ленны отметить “первое рождение” малыша в семейном кругу.

И только вечером, когда все собрались за столом, я поняла по витающей над столом атмосфере, что мне предстоит серьёзный разговор.

На удивление, начала его тётя Ленна.

— Милая, — сказала она. — Я не хотела тебя волновать раньше — слишком уж уязвимой ты была. Но сейчас хочу рассказать чудесную новость: леди Элизавет отлучена от столицы.

— Что?! — поразилась я. — Но как?! Она ведь обладает такой властью...

— Власть всегда временна, милая, — мягко сказала тётя Ленна. — Любая, по правде, но особенно — власть любовницы. Да и гадкая подлость по-гадкому возвращается, рано или поздно. Это закон жизни и её правда. Уж не знаю, на чём именно премьер подловил свою красавицу. Но ходят слухи, что был он в ярости и кричал так, что стены дрожали. Понятное дело, что за закрытую дверь это не выносили: она — мать его ребёнка, как ни крути. Но ты понимаешь и сама, я думаю: слуги знают всё. И слышат всё... Так или иначе, но

после того разговора Элизавет была отправлена в одно из островных поместий, лишена большей части содержания и права перемещаться по стране. Её делом нынче заведует управляющий, но и он не имеет права видаться с опальной хозяйкой чаще раза в месяц. Вот такой вот итог. И да, многие ставленники Элизавет были уволены, а сиреневое поместье нынче выставлено на продажу.

Я медленно покачала головой.

— Даже не знаю, что сказать...

— В первую очередь это знак, что сменилась эпоха, — добавила тётя. — И власти этой вульгарной особы в столице пришёл конец. А значит, ты больше можешь не оглядываться постоянно за спину, Лисси. И жить спокойней.

— Опять же, времена меняются, — подал голос дядя Джума. — Наш господин Морий знает своё дело. И очень похоже на то, что эта его идея с фоморьим государством и фоморьим посольством сработает. Тогда за спиной каждого из вас будет стоять совсем другая, могущественная сила... Я считаю, что нынче фомору можно будет жить открыто. Получать образование, занимать должности и так далее. Скоро все это поймут, так что тебе нужно успеть запрыгнуть на этот поезд.

Я так расстроилась, что даже вилку отложила.

— Дядя, ну неужели ты не понимаешь! Я не могу просто пойти и учиться, не могу стать полноценной частью общества, не могу заявить всем, что я — селенити!

— Почему? — пожал плечами он. — Недавно ректор ВАВЛа усыновил селенити, так что прецедент есть. По крайней мере, я поговорил с госпожой Лираной, и она заверила, что всё это вполне реально.

Я устало покачала головой:

— Ты что, не понимаешь? Не мне, с моей биографией, выходить под яркий свет. Секреты Гильдии...

— Я тебе и не предлагаю их выдавать, — отрезал дядя. — Но это всё ведь можно повернуть и иначе! Что нам мешало, например, в своё время найти и усыновить фомора-полукровку, как это сделал ректор? А откуда ты взялась... Ну мало ли, какая молодка призвала из Бездны селенити себе на беду? Совершенно не обязательно связывать это всё с Гильдией. Опять же, я уверен, что у тебя не потребуют превращаться

слишком часто. Неужто ты не сможешь скрыть подлинный цвет своих перьев?

— Дядя, даже если так, то риск слишком велик!

— Раньше я так и сказал бы, — вздохнул Джума. — Но теперь, когда на нашей стороне Морий... сейчас или никогда, Лисси. И тебе следует знать: я уже поспрашивал людей, которые знают людей... в общем, я договорился о факультативных занятиях для тебя. У Марджаны Лофф.

— Что?!

Если честно, то в голосе моём зазвучали змеиные присвисты.

— Не спеши злиться, — сказал дядя строго. — Это для твоей пользы.

— Для моей пользы?! — взвилась я. — Я не вижу в этом ничего полезного!

— Если успокоишься и подумаешь, то увидишь, — вдруг подал голос Вилни, до того молчавший. — Серьёзно, Лис. Прекрати злиться и подумай.

— О чём тут думать? — окрысилась я. — И чему, по-вашему, меня должна научить Марджана Лофф? Она в ваших глазах *настолько* лучше меня? Так я сомневаюсь, что она вообще умеет петь!

— Лис, ну ты же не истеричка, — поморщился Вилни. — Так откуда это всё?

Я прикусила губу и пристыженно опустила глаза.

Откуда, откуда... Может, если бы мне всегда не ставили эту Марджану в пример... может, если бы она не оказалась фоморой — истинной парой дракона...

Завидую ли я? Да, разумеется. И признаю это. Но учиться у Марджаны Лофф...

— Никто не говорит, что она лучше тебя, милая, — заметила тётя Ленна мягко.

— Это не про “лучше” или “хуже”, Лис, — добавил Вилни. — Это о том, что ты не можешь всю свою жизнь быть просто певицей.

Это он зря сказал, если честно.

— *Просто* певицей? Ты считаешь, что певцы — третьесортная профессия? Так гордишься своим дипломом боевого мага? Так его у

тебя не было бы, если бы не я!

Я прикусила язык, но слишком поздно: слова уже вылетели.

Вилни отвёл взгляд. Дядя Джума тяжело вздохнул. Тётя Ленна прикусила губу. Папа Буджо слегка нахмурился, как делал всегда, когда слышал неверную ноту. В воздухе повисла неприятная атмосфера.

Правда, правда, как я посмела?!

— Простите, я...

— Лис, это правда, — прервал меня Вилни. — Тебе незачем извиняться. В конечном итоге, это ты оплатила мою учёбу.

— Это мы виноваты перед тобой, девочка, — добавил дядя. — Ты тяжело и много работала, чтобы у нас было всё. Ты заботилась о нас, но теперь пришла наша очередь позаботиться о тебе. О твоём будущем. И да, возможно, тебе нечего делать в Музыкальной Академии — хотя со временем тебе стоит закончить и её, чтобы иметь возможность выступать официально, как певица-фомора. Но это формальность, потому что хороших преподавателей музыкальной магии у нас в столице всё равно нет, а учить тебя петь совершенно бессмысленно... Только вот есть и ещё кое-что. Примитивная магия, которой все фоморы владеют от рождения. И ты, разумеется тоже. Примитивные маги ценятся, они могут занимать значительные должности...

— Мне достаточно работы певицы.

— Достаточно ли? Это тяжёлый хлеб, требующий публичности, полной отдачи и труда. Опять же, заработок может быть непостоянным, как это и бывает в мире искусства: сегодня ты на коне, а завтра — нет. И... подойдёт ли такая работа молодой матери, Лисси? И, говоря о том, чтобы оформить себя официально. Неужели ты планируешь и ребёнка держать в тени?

Я склонила голову. Ребёнок... А ведь и правда. Я привыкла к жизни без имени, без лица, без статуса. Но каково будет ему?

— Ладно, — сказала я немного спокойней. — Но не прямо сейчас ведь! У меня там малыш в энергетическом коконе...

— Вот именно сейчас лучшее время, — встряла тётя Ленна. — Ты будешь ходить на факультатив по несколько часов в неделю. А мы проследим за коконом, не волнуйся! Я лично буду сидеть рядом.

Я поискала ещё аргументы против... и не нашла ни одного. Нравилось мне или нет, но они были правы.

Мне пора выбираться из канавы и прекращать строить жизнь на фундаменте из дыма. Как мать, я больше не имею на это права.

Так что на следующий день, ближе к вечеру, я стояла у двери и угрюмо смотрела на ту самую надпись.

Хватит стоять, верно? Надо что-то с этим делать, если уж пришла.

Тихонько вздохнув, я коротко постучала.

Дверь тут же открылась с тихим скрипом.

— Добрый вечер, — сказала Марджана Лофф, разливая по чашкам ярко-зелёное вариво. — Вы вовремя решились: чай как раз настоялся. Травяной сбор моей бабушки, между прочим. Отличная штука! Сахар, мёд?

— На ваш вкус, — я медленно переступила порог аудитории, ощущая лёгкую тревогу: инстинкты низшего фомора намекали, что я вторгаюсь на территорию более могущественного собрата. На губах появился привкус тины, запахло болотом и лесом... Ну то есть как — запахло. Уверена, что люди не смогли бы этого уловить при всём желании. Этот аромат не физический, он скорее... как запах души, или нечто в этом роде. Совершенно нематериален; однако, раз его уловив, больше уже ни с чем не спутаешь.

Я чувствовала, как энергетика другой фоморы сгущается вокруг меня, сильная, но не агрессивная.

Пока что.

— Присаживайтесь, — сказала Марджана мягко. — Думаю, нам есть о чём поговорить.

Я послушно устроилась напротив и принялась исподволь рассматривать её.

Мне хотелось бы сказать, что она мне не понравилась. Правда, хотелось.

Собственно, я собиралась возненавидеть её с первого взгляда. Таков был план.

Но Марджана Лофф, будь она проклята, вблизи оказалась столь же идеальной, как и издали. Её личный ритм звучал чуть резковато, но очень приятно, ровно, чисто. Тяжёлая чёрная мантия с эмблемой академии чуть небрежно лежала на её плечах, на удивление хорошо сочетаясь с элегантным брючным костюмом песочного цвета. Её глаза, чем-то напоминающие тину, смотрели прямо и испытывающе. В её тёмных волосах то и дело мелькала едва уловимая зелень, будто мох

стелился по дубовой коре. Сразу видно, что кровь болотных ведьм в ней весьма сильна.

Она пила чай мелкими глотками, разглядывая меня в ответ. Даже интересно, что она видела?

— Итак... — начала я.

— Итак, — улыбнулась она. — Мне очень приятно познакомиться с ещё одной фоморой. В последнее время, во многом благодаря Морию Бакарийскому, некоторые наши сородичи так или иначе планируют выйти на свет, но каждый новый случай радует отдельно. Я специально уговорила ректора выбить часы на этот факультатив и дать его участникам особый статус, который позволит потом без проблем поступить на свободный курс примитивной магии. Конечно, это пока что только идея: обычно этот предмет не предусматривает свободного посещения, да и некоторые другие нюансы... скажем так, противников у идеи будет много. Но, учитывая ту поддержку, что у нас есть, я верю: продавить разрешение от министерства образования таки удастся.

Я медленно кивнула. Официальное образование для фоморов, да? Звучит, как ловушка. Как повод, чтобы выманить нас на свет. Но... может, в конечном итоге времена действительно меняются?

— А как это будет? — спросила я. — Наши уроки. Или мы всё время будем сидеть, пить чай и вести светскую беседу?

Марджана тихонько засмеялась.

— А вы личность деятельная, верно? Что же, отложим чай на потом. Если у вас это потом будет.

Не поняла.

— Что?

— Попробуйте выжить, Алиссия. Посмотрим, как у вас это получится.

Стоило ей это сказать, как пространство вокруг сошло с ума. Запах трясины стал плотным, дурманящим, тени поползли по стенам, уплотняясь, исчезли окна и двери. Тень Марджаны Лофф вытянулась, уплотнилась, превращаясь в жутковатое нечто с длинными патлами и огромными когтями.

— Я жду указаний... — прошелестело оно.

— О, — Марджана улыбнулась мне поверх чашки. — Видишь эту змею? Убей её.

Тень склонила голову набок — и кинулась на меня.

Я бросилась в сторону, перекатилась по полу, уворачиваясь. Первой реакцией было превратиться, но нужно выиграть пару мгновений, чтобы успеть спрятать свой “неправильный” цвет. К сожалению, времени-то как раз у меня катастрофически не доставало: прямо из пола вверх потянулись когтистые чёрные руки теней, хватая меня за щиколотки. Я подпрыгнула, вскочила на одну из парт, заметив про себя, что в комнате исчезли двери и окна. А вот зеркало осталось...

Зеркало! И кончик платья Марджаны Лофф отражается в нём, ведь она в человеческом обличье! Идеально! Я сделала своё тело легче. Перья закружились в воздухе, выталкивая меня на грань между явью и сном, помогая осознать свою невесомость и оторваться от земли. Я прыгнула через пол-аудитории, погрузила руку в зеркало, дёрнула отражение Марджаны на себя и вцепилась ей в горло.

Она тихо охнула. И превратилась: вывернулись с противным хрустом суставы, появились когти, вытянулось тело, рот оскалился доброй сотней отборнейших клыков, один глаз закрылся, а второй увеличился, запыхав потусторонним пламенем, волосы удлинились и попытались опутать меня, как змеи... Но и мне этого времени хватило, чтобы сменить обличье. К тому же, здесь, по другую сторону зеркала, я была намного сильнее... Мы покатались сцепившимся клубком из когтей, перьев, зубов, волос и гнева, а потом она чуть отстранилась, оскалилась...

И нас вышвырнуло обратно.

Я обнаружила себя за уставленным чашками столом. Марджана Лофф, чем-то жутко довольная, чинно сидела напротив.

— Это было очень любопытно, — сказала она мне доверительно.
— И совсем не то, чего я ожидала.

Меня захлестнул гнев.

— Какой Бездны? — спросила я ласково.

— Всего лишь небольшой вступительный тест.

Она что, шутит?!

— Тебе не кажется, что о таком предупреждать надо?!

Она слегка улыбнулась.

— Во-первых — да, учитывая всё, что между нами только что было, перейти на “ты” имеет смысл. Во-вторых — нет, предупреждать не стоило. Это нивелировало бы весь эффект. Мне нужно было увидеть первую, честную реакцию.

— Ставишь на мне эксперименты? — как же она меня раздражает, кто бы знал!

— Нет, — она с сожалением покачала головой. — Не стоит воспринимать это именно так. Просто представь себя на моём месте: как иначе я смогла бы определить твой уровень? Стандартные тесты тут не подошли бы по одной простой причине: ты никогда не изучала примитивную магию. Не уверена, что ты можешь мне поведать типологию ментального воздействия, например. Или стадии сновидения. Или названия слоёв ауры и особенности их распределения.

Я отвернулась.

Что же, в этом есть доля правды.

— Опять же, мне нужно было понять, как именно тыотреагируешь на нестандартную ситуацию. И каковы особенности твоей личной энергетики. Обычно, когда речь идёт о первокурсниках, все эти тесты проводятся постепенно, и уходит на них около полугода. Но в данном случае... мы обе с тобой — фоморы. Нам нет смысла тратить эти полгода. Или я не права?

Я поморщилась:

— Преимущественно — права. И что? Прошла я твой тест?

— Это всё же было не про “пройти” или “не пройти”, — ответила эта... ведьма болотная. — Но признаю: результаты удивили меня. Ты очень могущественна для...

— Низшего фомора? — уточнила я ехидно.

Марджана бросила на меня укоризненный взгляд.

— Селенити-полукровки. Поразительная склонность к зеркальной магии, очень высокий уровень. От селенити больше ожидаешь магии сновидений... интересно. Ты не знаешь, кем был второй родитель? Мог он быть примитивным магом?

— Понятия не имею, — ответила я сухо.

Марджана вздохнула.

— Понимаю. Извини. Итак, возвращаясь к сути вопроса: обдумай возможность взять себе зеркальную специализацию.

— Зеркальную специализацию? — нахмурилась я.

Марджана пожала плечами:

— Видишь ли, ты хороша в магии зеркал и отражений. Даже для фоморы поразительно хороша. При этом, у нас на всю столицу дипломированных специалистов в этой области всего два: один занят в делах Тайной Службы, второй — совладелец крупнейшего завода по производству магических артефактов. При этом, запрос на соответствующих специалистов нам присылают постоянно. Но где их взять? Для чистокровных людей эта специализация недоступна: зазеркалье слишком сильно разрушает человеческий разум. Исключением могут быть Жрецы и ведьмы, от рождения благословлённые Танцующим. Но таких крайне мало... И студентов-нелюдей в академии тоже немного, а имеющих соответствующие склонности вовсе нет. Таким образом, если ты согласишься на эту специализацию, потенциальные спонсоры передерутся за право оплатить тебе грант на обучение. С последующим трудоустройством у них, разумеется. Всё, что будет нужно тебе — выбрать, на кого работать.

Я удивлённо моргнула. Честно говоря, этого я не ожидала.

— Я... не знаю, что сказать.

— А и не прошу пока что давать ответ, — мягко улыбнулась Марджана. — Просто обрисовываю, на мой взгляд, самую очевидную перспективу. Ты можешь выбрать и магию сновидений, и менталистику. Но, по правде, таких ярких склонностей к этим направлениям я в тебе не вижу. Опять же, всегда есть общий курс примитивной магии. Там грант достать чуть сложнее, но в остальном он не менее востребован.

Я медленно покачала головой.

— Мне нужно это всё обдумать.

— Понимаю, — она отставила чашку. — Пока ты не примешь решение, я предпочту думать о тебе, как о примитивном маге зеркальной специализации. И строить программу соответственно... Скажи, ты изучала когда-нибудь примитивную, ментальную или зеркальную магию? Может, читала книги, учила основы?

— Нет, — пожала я плечами. — Какие-то вещи научилась делать экспериментально, какие-то один раз показал... другой селенити, встретившийся мне на пути. Этого хватило.

— Понимаю, — Марджана вздохнула. — Тогда поступим таким образом: я дам тебе учебники для первокурсников. Не все, но основные, базовые. К ним выдам тетрадь с заданиями. Выполняй их, когда у тебя будет появляться такая возможность. Потом, во время наших встреч, мы будем обсуждать пройденное и использовать на практике. Что скажешь?

— Звучит разумно, — признала я.

— Хорошо, — Марджана Лофф довольно кивнула. — Тогда нам осталось назначить удобный день для встреч — и можно закончить на сегодня... У тебя есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, — ответила было я, но потом не удержалась. — Да. Каково это — быть парой дракона?

Марджана Лофф пару мгновений задумчиво посмотрела на меня, а потом просто сказала:

— Парой дракона быть хорошо, если этого дракона любить. И если он уважает тебя, твои мнения и желания. При соблюдении двух этих условий всё складывается как нельзя лучше.

И было что-то в её глазах, в личном ритме, отчего я вдруг резко перестала на неё злиться.

Потому что очень тяжело, на самом-то деле, злиться на того, кого в полной мере понимаешь.

А потом она спросила:

— Ты спрашиваешь из-за Или? — и у меня внутри всё заledenело.

— Откуда...

Марджана слегка улыбнулась:

— Видела вас на балу вместе. Правда, тогда у тебя были светлые волосы, но всё равно узнать вполне можно... Кстати, он говорил о тебе.

— Правда? — я мысленно обругала своё глупое, очень глупое сердце, которое при этих словах пустилось вскачь. — И что он говорил?

— Мне показалось, ты очень впечатлила его. Ну... и ещё он был поражён тем, что девушка сбежала от него утром, а не наоборот.

Я прикрыла глаза. Этот разговор всколыхнул воспоминания, разбередил муть в душе, и просто... просто не нужно! Вспоминать, думать, циклиться. Мне кажется, всякий влюблённый готов часами говорить о предмете своего обожания, расспрашивать о нём окружающих и смотреть мечтательно, потерянно...

Но я не могу позволить себе этого.

— Скажи, могу я попросить у тебя о клятве неразглашения? Во всём, что касается наших уроков. Сама понимаешь...

— Понимаю, — прикрыла глаза Марджана. — Я тоже фомор. Я клянусь Морой, что сохраню все тайны наших встреч, если они не будут напрямую угрожать жизни и здоровью третьих лиц. Такая формулировка устроит?

— Вполне, — не идеально, но намного лучше, чем вообще ничего.

— Хорошо, — улыбнулась Марджана. — Итак, начнём с базовых учебников...

*

Домой я вернулась со стопкой книг и множеством мыслей наперевес.

— Как прошло, милая? — тётя Ленна улыбнулась мне из кресла, где сидела с рукоделием. Как и обещала, она не отходила от кокона ни на шаг.

— Это было странно, — сказала я честно. — Но не так плохо, как я боялась.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Ты покушаешь здесь?

— Да, наверное, — я помахала книжками, — у меня есть, чем заняться...

... и да, это было тяжело.

Не подумайте, я хорошо умела читать: этому папа Буджо научил меня, привив любовь к книгам. Правда, предпочитал он обычно классические пьесы и баллады, что, согласитесь, имеет своеобразную специфику. Но так был воспитан он сам: мальчик из разграбленной пиратами колонии, купленный богачами на экзотическом рынке совсем малюткой. Он ценился хозяевами из-за своего музыкального дара. Ему дали отличное, пусть и узконаправленное образование, чтобы он мог всячески развлекать гостей, играть на балах и, образно говоря, не

падать при этом лицом в салат. И папа Буджо был вполне счастлив в подобной жизни... Он в целом счастлив, пока вокруг него есть музыка.

Увы, не все способны это понять. И оценить. Про него и его — якобы — необычные постельные пристрастия стали распускать разные слухи. Преимущественно без повода, кстати. То есть да, он в интимном плане не интересуется женщинами. Но прочие варианты, которые можно предположить в этом контексте, ему точно так же не интересны. У папы есть только одна подлинная любовница — музыка. Именно потому, собственно, наша с ним первая встреча прошла так, как прошла: только люди, не имеющие интимных желаний, способны противостоять магии селенити без дополнительных ухищрений.

Только вот, увы, злым языкам и завистникам этого не объяснишь. А папа, на свою беду, додумался отказать дочери губернатора колонии, особе влиятельной и мстительной... Против него предъявили обвинения, приписывая ему множество нестандартных пристрастий. А в тех местах и обстоятельствах это было очень серьезно. Дальняя колония с консервативными устоями, что уж тут сказать... Папу вышвырнули вон, и он едва успел сесть на корабль до столицы — без гроша в кармане, потому что он предпочёл забрать старую скрипку.

Представляете, какие книги мог давать мне такой человек? То-то же.

Позже, начав работать на Элизавет, я пристрастилась к другому чтиву. Стараясь копировать вкусы дам из высшего общества, стать среди них своей, я читала модные в их кругах истории: романтические томные новеллы, рассказы о знатных благородных леди, описания этикета и быта. Я старалась учиться из этих книг, подражать привычкам героинь, изучать их язык... Тогда это казалось важным. Я действительно верила, что, обучившись таким образом, смогу стать однажды одной из них.

Сейчас, право, смешно вспоминать.

Но вот теперь, сидя над учебником по магии, я вдруг обнаружила, что совершенно не умею читать. В смысле, такие вот книги. Внимание ускользало, концентрация то и дело ослабевала, мне всё время хотелось отвлечься, проверить кокон, подумать об Или, посмотреть в окно... И пришла мысль: неужели я, в конечном итоге, совершенно не умею учиться? И что мне делать с этим знанием?

Я сцепила зубы.

Может, я змея, рождённая в канаве; может, я не слишком умна и образована. Мне не сравниться образованием с Марджаной Лофф, а происхождением и воспитанием — с Дайяной Гохорд. И, пожалуй, я действительно выползший с самого дна мусор. Смысл отрицать очевидное?

Но зато я упорна. Я иду вперёд, что бы там ни было. Поднимаюсь столько раз, сколько нужно подняться. И всё равно добиваюсь своего.

Не умею я читать такие книги? Значит, научусь. Только схожу за пером и бумагой, чтобы делать записки.

Я встала, решительно отложив книги, и тут услышала музыку. Папа играет на рояле? Но почему не в звуконепроницаемой комнате? Если только...

Сначала я ничего не поняла, правда. Просто вслушивалась в мелодию, поражаясь тому, сколько в ней противоречащих друг другу чувств, сильных и непримиримых. Я даже сама не заметила, как мысленно устремилась вслед за мелодией, последовала за нею, как за путеводной нитью...

И обнаружила себя посреди хорошо знакомой музыкальной комнаты.

Я застыла растерянная, не зная, что делать. Попыталась сбежать, но ничего не вышло; тогда принялась судорожно думать, какое бы обличье принять...

И именно в этот момент Или повернулся и посмотрел прямо на меня.

Его взгляд буквально пригвоздил меня к месту. На миг мне почудилось, что в глубине его глаз промелькнуло облегчение, но иллюзия эта быстро исчезла: я как будто тонула в огромных озёрах холода.

— Ну здравствуй, Алиссия, — сказал он с едва уловимой ноткой насмешки, и сердце моё будто упало куда-то вниз с огромной высоты.

Он знает.

И что же мне делать теперь?!

— Ну, что же ты молчишь? — уточнил принц вкрадчиво, медленно приближаясь ко мне, как кот, подкрадывающийся к мыши. — Обычно на моей памяти ты намного разговорчивей. Лжёшь, правда, постоянно... Но на этот раз мы можем выбрать темы для разговора поинтересней! Например, мне вот любопытно: тот особняк, ради

которого ты отказалась от меня. Он действительно настолько хорош? Там хотя бы есть сотня спален, как в моей загородной резиденции? Или роскошная оранжерея? Что там было такого, что стоило того?

Я стояла и чувствовала себя...

Оплёванной. Раздавленной.

И главное — мне нечего было сказать, нечего возразить. Закономерно, что с его точки зрения всё выглядит именно так. Но я, я...

— Молчишь? Ладно, забудем нашу первую встречу. Поговорим о второй. Интересно, ты заранее продумала слова для отказа? Ты пришла ради ребёнка, верно? Что же, это, по крайней мере, лучше особняка. Но мне просто любопытно: ты ведь не собиралась сообщать мне о нём, правда?

Это всё не просто плохо. Это хуже, чем я могла вообразить. Во сто крат хуже...

— И снова — тишина? — уточнил он. — То есть, я прав? Ну разве не замечательная пара мне досталась!

Я вздрогнула:

— Что?! Но селенити не бывают парами драконов! Они могут только...

— Использовать нас в качестве племенных зверушек? — выгнул бровь он. — Не хочу тебя расстраивать, но твоя информация неактуальна. Фомор вполне может быть парой дракона, просто метка не появляется (и чистокровные дети не рождаются) до добровольного обряда в Тёмном Храме. И да. Видишь эти узоры у меня на лице? Именно благодаря им я сегодня утром узнал, что у меня есть пара. И будет ребёнок. Отличные способ, верно?

Я потерялась. Была в таком шоке, что просто не знала, как реагировать, что говорить и чувствовать.

— Да, — он медленно поднял руку, провёл кончиками пальцев по моей щеке, и всё у меня внутри потянулось навстречу этому прикосновению. Мне захотелось прижаться к нему крепко-крепко... но он отдернул руку, будто обжёгся.

— Последние полгода были для меня аналогом Бездны, — сказал он тихо, глядя мне в глаза с какой-то болезненной, смешанной с яростью нежностью. — Я переживал потерю пары, которую даже не знал; перестал доверять собственной магии; мучился от разрыва связи;

сходил с ума от противоречивых сигналов своей сущности. Мне казалось, что какое-то древнее сражение разразилось в моей голове — именно так дракон ощущает потерю пары... Интересно, ты веселилась, когда предстала передо мной в облике той старушки? Тебе казалось, это будет смешно?

О Мора, как же всё запуталось...

— Нет, — прошептала я. — Нет, всё не так! Последнее, что я хотела — причинить тебе боль. Просто...

Как объяснить? Во имя всего сущего, как собраться и объяснить всё правильно?!

— Допустим, — кивнул он. — Я поверю тебе. У меня, по сути, нет особенного выбора: ты — моя пара, связь с которой уже начала формироваться. Мать моего ребёнка. И, что бы там ни говорил мой разум, я в итоге всё равно приползу к тебе на пузе, как жалкий щенок. Ты получишь всё, что только пожелаешь, будь то особняки, драгоценности или любой другой каприз. Но... маски долой, Алиссия. Маски долой. И начнём с самого простого: покажи мне своё настоящее лицо.

Я медленно покачала головой.

— Это значит — нет? — вздёрнул бровь он.

— Нет, — ответила я хрипло.

Знает он о моей настоящей природе или нет, я не собираюсь показывать ему, какая я есть.

Во-первых, пока он не подтвердил, что знает всё, я ещё формально связана данной отцу клятвой. Во-вторых...

С меня и так сегодня хватило унижений.

— Даже сейчас? — в его глазах холодная пустыня обернулась острейшими ледяными пиками. — Даже сейчас ты намерена прятаться за чужими лицами?

Я медленно покачала головой.

— Ты ничего не знаешь обо мне, прекрасный принц. Ты ничего не знаешь о таких, как я!

Ртутные перья, повинувшись моей злости, завибрировали, заостряясь, и рванули в разные стороны. Всё вокруг утонуло в грохоте, разлетелось ледяное крошево, и я...

Я снова оказалась у себя в комнате — растрёпанная, тяжело дышащая и полностью раздавленная. И только здесь, на своей

территории, где пахнут пирожки тёти Ленны, а возле кровати мерцает, укутанный в мягкую ткань, кокон с моим малышом...

Только здесь я сползла на пол — и горько разрыдалась.

Или, дракон Льда

*

— Мой принц, через полчаса вас ожидают на семейном совете.

— Благодарю, — бросил я, не оборачиваясь. Мой личный компаньон, верно уловив настроение, без дальнейших комментариев ускользнул прочь тихой тенью.

Семейный совет... что же, можно было не сомневаться, что дядя Кио доложит отцу. Ситуация слишком серьезная, чтобы гордиться таинственностью, и чересчур опасная, чтобы пускаться на самотёк. В свете уже обрушившихся на Империю потрясений, пара для наследника — фомора сомнительных занятий... Очень опасная новость.

И я уж молчу о следующем наследнике. Полукровке.

Бездна. Я стану отцом! Попробуй такое осмыслить!

Причём отцом для... необычного существа.

Он (или она) не будет драконом. И это влечёт за собой целый ворох политических осложнений. И опасность как для нашей власти, так и для ребёнка. А значит, нужно будет защищать его с удвоенной силой... Кто бы мог подумать, что я однажды пойму решение тётушки Син, которая спрятала своего сына-полукровку? А ведь отец её ребёнка, по крайней мере, точно любит её. И их чадо. Насчёт отношения своей пары к этому вопросу я не настолько уверен...

Я устало прикрыл глаза.

Разговор с Алиссией прошёл... неоднозначно.

С одной стороны, я всё же сумел не поддаться до конца дурманящему мозг притяжению пары и очертить границы. С другой, она исчезла прежде, чем я успел задать большую часть интересующих меня вопросов. С третьей, реакция её была неожиданной, и это следовало обдумать.

Что должна чувствовать девушка, обожающая особняки и желающая жить богато, когда ей говорят, что она оказалась парой дракона? Правильный ответ, даже со скидкой на шок — прыгать до

потолка. Стыд, горечь, непонимание, растерянность... Всё это не вписывалось.

Опять же, это её “ты ничего обо мне не знаешь”. С одной стороны вроде бы предсказуемо; базовая менталистика говорит нам, что на этом свете критически мало существ, считающих себя преступниками. Все и всегда уверены, что они творят добро, или действуют по обстоятельствам, или выживают, как могут... Дальше подчеркните нужное. Но, тем не менее, в чём-то и она права: я ничего о ней не знаю. И неплохо было бы в конечном итоге исправить эту оплошность.

Впрочем, даже если моя пара — корыстное чудо в перьях, я всё равно должен продумать, как защитить её перед родственниками и максимально смягчить ту лавину, которая сейчас грозит обрушиться на Дворец...

Минуточку. Чудо в перьях?!

Стиснув зубы, я стремительно направился в сторону кухни. Ну, Олуш! Искренне надеюсь, что у тебя найдётся для меня парочка ответов!

*

— Мне это не нравится, — голос Олуша звучал ворчливо и сердито.

— Ты так говоришь, будто я от этого тащусь! — мявкнул Бонифаций в ответ. — Да я век бы не видел этих всех драконов, принцев, принцесс... и прочий местный... зверинец.

— Ты полегче на поворотах, — предостерёг Олуш. — Этот, как ты выразился, “зверинец” — мои подопечные. Лишнего тут не болтай! А то знаю я твою кошачью бесстыжую породу...

— Далась всем моя порода! Ну да, не особенно я породистый. И что теперь мне, молочка не лакать и по весне не гулять, что ли? Я ничего не знаю, сижу себе, нить судьбы починаю! И повторяю тебе в сотый раз: нельзя в это влазить. Вот как есть нельзя. Ты правильно сделал, что о девчонке промолчал. Скажу тебе по секрету: в это и так уже влезли так глубоко, что дальше вот некуда просто.

Тут я понял, что настал мой выход. Толкнул дверь в кухонную подсобку, возник на пороге, будто ревизор или невовремя вернувшийся из командировки муж, и заявил:

— А можно немного подробнее? По секрету, конечно. Я никому не скажу, честно!

Хтонические волшебные создания, устроившие чаепитие с перемыванием хозяйских костей, резко замолчали и уставились на меня во все глаза.

Я широко улыбнулся, демонстрируя клыки, закрыл за собой дверь и будто бы невзначай привалился к ней спиной, всем своим видом намекая, что сбежать без разговора не получится.

Впрочем, они не то чтобы пытались.

Олуш посмотрел на меня виновато. Учитывая общее количество его глаз, зрелище было весьма трогательное, но нестандартное.

— Ты это... прости, высочество. Мне стоило сказать, но она поклялась, что не замыслила ровным счётом ничего плохого. При всём таком, одному фомору выдать драконам другого, да супротив его воли — прямое нарушение старого договора... Мне бы и в голову не пришло, что эта хищница пернатая может и впрямь оказаться твоей парой!

— Да уж, — невесело улыбнулся я. — Нам с ней, кажется, тоже сложно в это поверить... Но не хочешь рассказать подробнее? Например, что за клятву она дала? И что за договор?

— На первое ответить проще, — хмыкнул Олуш. — Очаги этого большого дома — моя территория, и я тут хранитель. Увидев пернатую хищницу, я пришёл к ней спросить: ты что, мол, офоморела, отродье низшее? Нашла же где охотиться! Пошла, мол, подальше отсюда, пока не выдал тебя. Но она в ответ объяснила, что не охотиться пришла, и вообще поклялась никакого вреда дому и его обитателям не причинять. Морой поклялась, что серьёзно, вообще-то. Объяснила, что не может уйти, потому что от этого зависит жизнь её близких...

А вот с этого момента поподробнее!

— Так и сказала? “Зависят жизни близких”?

— Не дословно, может быть. Мне не показалось, что кто-то к горлу её мамочки кинжал приставил, или нечто в этом роде. Но чегой-то там такое крылось; не думаю, что это было простое сиротское блеянье очередной воровки. Да и не украла она ничего! Тут можешь быть уверен.

Вот как... Нужно получить на руки её досье. И чем скорее, тем лучше. Впрочем, дядюшка Кио уже наверняка активно работает в этом

направлении.

— Кроме моего покоя, — пробормотал я. — Но спасибо, Олуш. Это нужно обдумать. А теперь — что насчёт договора?

— С этим сложнее, высочество. Это, вроде как, внутреннее фоморье дело. Я не то чтобы могу в подробностях об этом распространяться. Может вон кошка...

— На меня не смотрите, — надулся Бонифаций. — Моя жизнь только начинается. Человеческое лицо обрести собираюсь! Так что не могу тайны Древних выдавать.

— Ясно, — я перевёл взгляд на Олуша, как на более лояльного. — Что, вообще ничего сказать не можете?

Наш повар вздохнул.

— Ну давай так говорить, высочество, — начал он. — Предположим, есть в этом мире стол, за которым иногда, прям очень редко, собираются представители нескольких старых, как само мироздание, традиций и рас. Первый раз на таком вот собрании был заключён мир между пришлыми из Благого Двора и местными; именно после того эта земля приняла сидхе и позволила им измениться под себя. С тех пор за этим столом встречаются... иногда. Очень редко. И решения, на таких встречах вынесенные, не то чтобы совсем нерушимы, но их стараются придерживаться.

Как... интересно.

— Это за этим столом было оговорено, что моей парой станет Марджана Лофф?

— Да, — вздохнул Бонифаций. — Ради этого даже пришлось вмешаться в ткань бытия... Но это всё равно не сработало. Всё только перепуталось.

Я выгнул бровь:

— И эту запутанность пытаешься исправить ты? Кот?

— Ага, — невесело кивнул он. — Кошмар, правда? Не знаю, есть ли на этом свете кто-то, кому меньше повезло с работой!

— Вот как. Допустим. И что ты мне посоветуешь в связи со своей работой, котик? Потому что пока что Марджана Лофф действительно выглядит намного более удобным вариантом. Моя пара даже своё настоящее лицо показать не способна, я уж молчу обо всём остальном.

— А ты?

— Что — я? — я ожидал что угодно, но только не этот вопрос.

— А ты способен показать своё настоящее лицо? — зрачок кота расширился, и глаза его стали бездонными провалами. — Правда, способен? Или живёшь, как и она, в мире масок, преломленных в отражениях разбитого зеркала?

Я сглотнул. Было что-то в этих глазах... Отчего пришли воспоминания.

О том, как мне пятьдесят лет, и я сижу с Иэ у камина. Она измождена, но улыбается мне искренне. И я рискую спросить...

— Сестра, но почему я не могу говорить, как есть? К чему этот образ, который мне советуют учителя по интригам? Неужели так действительно будет лучше? Я так устал носить эту дурацкую маску шута...

Она лишь покачала головой в ответ.

— Брат мой, поверь мне: чем дольше они будут считать наследника престола вздорным, чудаковатым, инфантильным и эксцентричным юношей, далёким от политики — тем дольше ты будешь находиться в безопасности. Это очень кстати, по крайней мере, сейчас. К тому же, так между нами распределено: ты — день, а я — ночь. Моё место всегда будет за спиной Ледяного трона. По правде... по правде, дядя Кио начал обучать меня, чтобы в будущем я сменила его в статусе Опоры Трона. И так будет: твоя работа — сиять, моя — работать в тени твоего величия.

— Это несправедливо! У тебя будет больше работы, чем у меня? Да и такое распределение... Неужели тебя это не злит?

— Нет, милый, — её улыбка печальна. — По правде, тебе будет куда тяжелее, чем мне. Одна маска сменит другую, одно решение следует за другим, и сиять — тяжёлая работа. Просто поверь мне. И сейчас... от тебя требуется немного твоего артистизма и очарования. И... тебе предстоит стать прекрасным принцем, малыш. Ты справишься?

Я понимал слишком много, чтобы сказать “нет”. Потому, скорчив забавную рожицу, посмотрел на Иэ умильными глазами:

— Конечно! Разве я не прекрасен?!

Её улыбка едва уловимо потеплела:

— Вот и хорошо.

Я потрянул головой, прогоняя наваждение.

— Что это было?

— Есть сказка, — сказал Бонифаций, — про то, как кошка смотрит на короля. И король смотрит на неё в ответ. Никогда не встречал?

— Нет, — ответил я тихо. — А о чём она?

— Если коротко? О том, что ничего в этом мире нельзя знать наверняка. А ещё — о том, что в кошачьих глазах иногда можно увидеть чуть больше, чем просто отражение... Ты живёшь в мире масок, прекрасный принц. Так не логично ли, что и твоя пара тоже?

Я отвернулся.

— Возможно, ты прав. Но причины у нас с ней разные.

— Думаешь? Ну, может, оно и так. Но поверь, проще не быть меркантильным, если у тебя от рождения есть всё. А вот если нет ничего... Тогда — намного сложнее.

Я прикрыл глаза.

— Что же, я услышал вас. И — спасибо. Теперь, думаю, я действительно готов к семейному совету.

*

— По крайней мере, не Дайяна Гохорд, — сказала мать. — Да простит меня Небо, но это — единственное обстоятельство, которое меня в этой ситуации радует.

Дядюшка Кио понимающе хмыкнул.

Я на это только покачал головой. Теперь, познакомившись чуть поближе со старшими Гохордами, я в полной мере понимал, почему мать с самого начала не хотела иметь с ними совершенно ничего общего.

Между тем, семейный совет был в самом разгаре. Мы расположились во внутренних покоях, обустроенных в стиле раннего Предгорья. Сюда не было хода никому, кроме существ, прямо или косвенно связанных с нами кровными узами. Были тут отец с матерью, дядюшки Ирю, Кид и Кио, тётушка Син, сестра, которая по такому случаю всё же отпочковалась от своего фея, и я.

Биланна на семейных советах присутствовала крайне редко, поскольку было это прямым нарушением традиций: она не была связана с семьёй узами крови или парности.

Братца Сола, полукровного сына тётушки Син, не пригласили тоже. В семью его приняли, всё так, но пока что даже сам отец не понимал, как дальше в связи с этим себя вести. Всё же, Сола не обучали, как принца. Более того, он был промышленником, что несколько противоречило принятым для принца правилам. И делало его присутствие на подобных мероприятиях не вполне этичным.

Примерно по тем же причинам не был приглашён мой уже-видимо-дядя Мук, отец Сола.

Ещё иногда на советах присутствовали Рил и Лир, близнецы, сыновья опальной тётушки Сил. Пару лет назад отец всё же завёл привычку приглашать этих двоих на семейные сборища. Но — не на всякие. И вполне понятно, что нынешняя повестка не должна достигнуть их ушей.

Таким образом, собрались во внутреннем покое только те, в чьей лояльности и надёжности не могло быть никаких сомнений.

Это давало возможность разговаривать вполне откровенно.

— Итак, сегодня у нас на повестке дня два вопроса, — сказал отец. — Первый — переговоры с Морием Бакарийским. Второй — пара наследного принца. Начнём с последнего. Кио. Вводные мы все знаем. Какие новости по состоянию на сейчас?

Дядя вздохнул:

— Вы должны простить меня, потому что времени было не так уж много. Я подёргал за все ниточки, которые можно было тронуть, связался с Дином и попросил всех знакомых в Тавельни обо всех возможных услугах. Пока что могу сказать следующее: девушка, которая была ставленницей леди Элизавет Биолифф, носила имя Алиссия Майлифф. Это, в свою очередь, было сценическим псевдонимом для некоей Лессы Майлики, эмигрантки с имбайских островов. Которая значит погибшей во время крушения маголёта.

— Так, — сказал дядя Ирю. — Я слегка запутался. Вроде бы речь шла о том, что она жива. И беременна. Так почему же она значит погибшей?

— Тут мы подходим к интересному, — заметил дядя Кио. — Я могу только гадать, но ставлю на то, что после покушения она решила залечь на дно.

“Я поднялась — и упала на самое дно”... Так вот о чём ты говорила!

— Думаю, это был мудрый поступок для такой ситуации, — закончил дядя. — Лучший способ, учитывая обстоятельства, остаться в живых.

— По крайней мере, она не глупа, — отметила матушка. — Это уже неплохо.

— Глупа или нет, тут вопрос отдельный, — вздохнул дядя. — Как по мне, так поступки её не слишком разумны — для опытной наёмницы. Честно говоря, это всё больше похоже на девчонку, сунувшую нос в то, в чём она совершенно не разбирается... Впрочем, она сумела выжить, и это уже что-то.

Я склонил голову, заглушая невовремя вспыхнувший страх. Что было бы, не сумей она выжить?..

— Значит, её настоящее имя — Лесса?

— Нет, — покачал головой дядя. — И именно здесь — первый очевидный прокол. Настоящая Лесса Майлики умерла от болезни в очень юном возрасте. Об этом, если поднапрячься, всё же можно найти записи. Только вот какое дело: спустя два года после смерти Лессы она “вернулась”. Мать утверждала, что девочку подлечили в загородном санатории и вернули семье. Но гробовщик, который закапывал тело настоящей Лессы, иного мнения по этому поводу. Да и свидетельство о её смерти сохранилось. Именно этот документ использовала леди Элизавет, чтобы не отдавать Майликам (или правильнее всё же именовать их Майлиффами, на тавельнский манер?) наследство Лессы-Алиссии. Она просто заявила, что стала жертвой мошенницы, тихонечко позаботилась о решении суда — и все средства, якобы полученные “покойной” Алиссией обманным путём, были тут же ей возвращены. Помимо всего прочего, семью Майлики выселили из того самого особняка.

Так вон оно что...

— И что там хоть за особняк? — уточнил я. — Из-за чего весь сыр-бор?

Дядя бросил на меня быстрый, понимающий взгляд.

— Жильё на Сиреновой улице, двенадцать комнат, сад и беседка. Оценочная стоимость — сто тысяч имперских динар. Плюс-минус. Сейчас особняк выставлен на торги, кстати. Если тебе интересно...

— И ты ждёшь? — фыркнул я. — Распорядись, чтобы его купили. И записали на моё имя. Цена, как сам понимаешь, не имеет значения: я

хочу получить эту халupu, что бы там ни было.

— Будет сделано.

— Предлагаю отложить особенности приобретения недвижимости на потом, хорошо? Не знаю, как вас, но меня куда больше интересует два вопроса: нашли ли вы уже пару брата? И как собираетесь везти её в Империю. Дядя Кио, существует ли уже план на этот счёт?

В этом вся сестра — что бы ни случилось, остаётся голосом разума.

— Её точное расположение нам пока что неизвестно, — ответил дядя. — Но мы работаем в этом направлении. Думаю, визуальное подтверждение у нас будет уже к вечеру. Насчёт перевозки...

— Да, насчёт этого, — широко улыбнулся я. — За своей парой я слетаю сам. Сообщаю вам это официально, чтобы потом не было вопросов. Планирую отправиться в ближайшее время.

Да развернется Бездна!

— Совершенно исключено! — в этом вопросе все присутствующие были на диво единодушны.

Разве что отец промолчал, задумчиво глядя на меня.

— Ты, наследник, не можешь сейчас покидать страну, — вполне предсказуемо сказала Иэ. — Мне напомнить тебе о бакарийском кризисе и кишащем фоморами море?

— Иэ права, разумеется, — отрезала мать. — Не говоря уж о том, что пока нам нельзя привлекать внимание общественности к твоей парности.

Я улыбнулся ещё шире.

— Мне вот просто интересно, как вы себе это представляете, м? У нас с парой всё не так уж просто, вообще-то. Много вопросов требуют обсуждения, к тому же ребёнок намечается... Нам нужно встретиться и всё уладить.

— Вот как привезём её сюда, поселим в розовых покоях — так и встретитесь. И уладите. И говорить можете хоть до скончания времён.

— Ей может это не понравиться.

— Она — пара наследника престола, — напомнила мама. — И в таких вопросах никого не волнует, что ей там нравится или нет. У неё будет множество прав — но и обязанности никто не отменял.

— Она их не выбирала.

Мать внимательно посмотрела мне в глаза.

— Мы не всегда выбираем такие вещи, — сказала она спокойно. — Тебе ли не знать? Кем будут наши родители и кто станет нашей парой — это остаётся на откуп Предназначению. Наше дело простое: достойно принять то, что суждено. Ей суждено подняться на самую вершину власти, занять место, о котором мечтают тысячи тысяч женщин. Это сопряжено с неудобствами? Несомненно. Но и награда, согласись, впечатляет. Я вполне уверена, что бывшая аферистка вцепится в такую сказочную возможность зубами и клыками.

Я тихо хмыкнул.

Ну, положим, до разговора в музыкальной комнате я тоже был в этом уверен...

— Ты спешишь с выводами, невестка, — подал голос дядюшка Ирю. — Слишком спешишь. То, что очевидно для тебя, оборотницы из правящего Дома, может быть не так закономерно для молоденькой полукровки. Не потащишь же ты её в Империю силой?

— Если понадобится, — отрубила моя добрая мамочка.

Я только вздохнул.

— Дорогая семья, думаю, я немного неправильно выразился. Скажу ещё раз: я лечу в Тавельни. Для ясности: лечу в любом случае, нравится вам это или не слишком. Я ставлю вас в известность, а не спрашиваю разрешение. Мы поняли друг друга?

— Или, это не только тебе решать...

— При всём моём уважении — только мне!

— Но...

— *Достаточно*, — прервал нас негромкий голос отца. — Наследный принц, ты получишь, что просишь: я разрешаю тебе отправиться в Тавельни лично.

Я прикрыл глаза, пряча наверняка промелькнувшее в них облегчение. Что бы там ни было, а ввязываться в прямой конфликт с отцом я не хотел. Пробиваться из Дворца с боем — не то приключение, которое я хотел бы в этой жизни испытать.

Члены семьи явно решением отца были не очень довольны, но возражать не осмелились. Ура, однако.

Между тем, Император продолжил:

— Кио. Пусть твои люди отыщут пару наследника и приглядывают за ней, не привлекая внимания. Она ни на секунду не должна остаться без присмотра. При этом, никто из врагов Трона не должен узнать об истинных причинах слежки. Это понятно?

— Да, мой Император.

— Хорошо. Теперь перейдём к Морю Бакарийскому. Новости?

— В соответствии с нашей предварительной договорённостью, корабли спокойно переплывают Эрдово море. То же самое с маголётной линией. Даже над Впадиной не возникает никаких проблем. Но фоморы наглядно дают понять, что они рядом. Собственно, у нас уже есть первая жертва...

— Ты же сказал, что фоморы не нападают? — нахмурился дядюшка Кид. — Так откуда жертвы?

Тётя Син тихо фыркнула:

— Они не нападают, всё так. Но ошиваются поблизости, дабы мы не забыли, что договор с Морием таки надо подписать. А этот случай с жертвой... Просто у моряка, у которого Мёртвый Капитан попросил прикурить, случился сердечный приступ.

Я прикусил губу, дабы не рассмеяться. Несчастливого было жаль, но этот пример отлично демонстрировал всю бредовость бакарийского кризиса.

Фоморы были странными. Они плевали на этикет, действовали не по правилам и лезли в большую политику, как дракон в фарфоровую лавку. Но...

Нравится нам это или нет, но с ними нельзя не считаться.

— Что мы знаем про этого Мория Бакарийского? — уточнила мама. — В прошлый раз, Кио, твои ответы были неудовлетворительными. Надеюсь, теперь информации больше?

— Как сказать, — чуть поморщился дядя. — Лил работает над деталями прямо сейчас, мы копаем, как можем. Даджиффы трясутся над личными данными своих клиентов, сами понимаете. Особенно — таких. Но пока что всё выглядит, как и выглядело: ещё месяц назад

Мория Бакарийского не существовало в природе. Он нигде не живёт, его компания была зарегистрирована всё тот же месяц назад, и...

Дядя Кио замолчал. На лице его отразилось удивление, что само по себе было редкостью: обычно он не показывал эмоций. Что должно было случиться, чтобы его так проняло? Не иначе как тётушка Лил передала по связи совершенно сногшибательные новости...

— Кио? — отец тоже заметил реакцию побратима. — Что-то случилось?

Дядюшка откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и сообщил:

— А ещё месяц назад Морий Бакарийский стал инвестировать в компанию “Майлифф-дел”.

Что?!

— Которая принадлежит условным родителям Алиссии-Лессы?

— Точно.

— Это не может быть совпадением, — напряжённо заметила мать. — Наверняка в этом кроется какая-то интрига!

— Я не знаю, что думать, — ответил дядя Кио. — Слишком ли это — для просто совпадения? Всё же, Морий Бакарийский позиционирует себя защитником фоморов. Возможно, с этой точки зрения его вмешательство оправдано. И всё же...

— Так, — отец на миг сжал переносицу. Он всегда так делал, когда понятия не имел, как поступать со свалившейся на него информацией. — Кио, Син, пожалуйста, работайте на пределе возможностей. Подключите все возможные связи, ресурсы, мощности. К полудню завтрашнего дня в наличии должно быть максимально полное досье на Мория Бакарийского, семью Майлики-Майлифф, Алиссию. Истоки, финансы, родословная, семья, постельные пристрастия, слабости и привычки... Не маленькие, не мне вас учить. Составьте планы по внедрению в окружение Мория наших людей. Слуги, интимные партнёры, помощники — проверьте любые варианты. Мне нужны реальные рычаги влияния на это существо.

— Да, мой Император.

— Далее. Изэ... Знаю, я обещал тебе время наедине с Биланной. Но в этих обстоятельствах...

— Я понимаю, папа, — мягко улыбнулась сестра. — Тебе нужна прекрасная принцесса, верно?

— Да. Ты прибудешь в Вел-Лерию с помпой, в сиянии великолепия. С тобой отправится команда дипломатов, представителей секретной службы и специалистов по связям с общественностью. Мы выберем лучших. Также с тобой поедет твой брат, но без шума. Официальной версией будет желание встретиться с побратимом. Твоя задача: собрать информацию, прощупать почву для сотрудничества, найти подход к этому Морию и узнать подноготную его связи с парой наследного принца... Если тебе для этого понадобится использовать свои *особые* таланты — просто сделай это.

— Всё будет исполнено в наилучшем виде, отец.

— Хорошо, — Император коротко улыбнулся. — Трон может не сомневаться в твоих способностях, Иэ. Я горжусь этим. Наследный принц... ты всё слышал. Будь готов отправиться завтра.

— Да, отец.

— Правильно ли это — отправлять обоих наследников? — подал голос дядя Ирю. — Я мог бы сделать это.

— Иэ идеально подходит на эту роль, — ответил отец. — Никто не справится лучше. Наследный принц же прав: ему нужно время со своей парой. Мне нравится это не больше, чем вам, но реалии таковы. Все всё услышали?

— Да, мой Император.

— Отлично. Значит, будьте готовы: корабль отплывает завтра.

*

Конечно же, мне не хотелось ждать целые сутки.

Тем более что связаться с парой через музыкальную магию больше не получалось. Не иначе как местные боги решили, что хорошенького понемногу... или Алиссия, разозлившись на меня, каким-то образом заблокировала связь. Положа руку на сердце, понять её можно. В общем, было множество возможных объяснений, но я всё равно ловил себя на тревоге. Как там она... они? Хотелось проверить прямо сейчас.

Но я прекрасно понимал, что просто так сорваться и лететь через море тоже не могу. То есть смог бы, конечно — если бы совсем припекло. Но такие поступки следует оставить на самый крайний случай, потому что статус наследного принца накладывает ряд обязательств. Я не могу просто покинуть дворец и нестись сломя голову в другую страну.

Отец и так пошёл мне навстречу. Я должен это уважать.

Потому остаток дня я решил посвятить одному делу. Неприятному, по правде. Я бы с удовольствием делегировал эту обязанность кому угодно другому, но... Это ощущалось бы, как трусость. И было бы неправильно.

Она должна услышать это от меня.

Потому, закончив с приготовлениями, я вскоре стоял в личном кабинете Дайяны Гохорд. И рассказывал.

Она выслушала меня, опустив голову и глядя в пол. На лице её ничего не отразилось — или, было бы правильнее сказать, там было настолько много всего, что это смешалось в одну большую маску равнодушия.

Знакомое чувство. Я сам порой испытывал подобное.

— ... Так всё было, — закончил я. — Твоя мать дала показания под сильнейшим ментальным воздействием. Ложь или двусмысленности исключены.

Дайяна зажмурилась, будто не хотела видеть ничего вокруг себя.

— Как я могла им верить? — прошептала она. — Как могла быть такой *слепой*?

Она подняла глаза, и я увидел блестящие в них слёзы, а ещё — гнев.

— Как?! — теперь она кричала. — Как они... как я... *как*?!

Она вскочила. Магия расходилась вокруг неё кругами, чуть мерцая. В порыве гнева она сбросила всё со стола и вонзила светящийся магический скальпель в дерево. Он вошёл туда, как в масло. По рукоять.

Я молча смотрел. Не понимаю (и не хочу когда-то в полной мере понять) через что она прошла в тот момент. Но, как по мне, лучше ярость, чем пустая апатия. Теперь, по крайней мере, она наконец-то понимает, что случилось. И смотрит правде в лицо, а не прячется за иллюзиями.

— Как я могла верить ей? — гнев слегка схлынул, и теперь в голосе Дайяны звучали горечь и вина. — *Почему* я поверила?

— Потому что она была твоей матерью, — ответил я тихо. — Женщиной, которая должна была защищать тебя от всего, которая приучила тебя подчиняться и знала, как повлиять.

Дайяна упала на стул и уронила голову на руки. Казалась она жалкой и совершенно сломанной. Мне хотелось обнять её, чтобы утешить, но это было бы лишним. Слишком много лжи с самого начала было в наших прикосновениях, чтобы сейчас они пошли на пользу.

— Я пришёл спросить тебя, какой тип наказания для неё ты выберешь, — продолжил я осторожно, заранее догадываясь, каким будет ответ. — Захочешь ли публичного суда или предпочтёшь, чтобы всё решилось тихо?

— Вы спросили у неё, для чего это было нужно? — шёпот Дайяны был тих, но не для драконьего слуха.

— Ради вашей семьи, как она утверждает, — ответил я. — Но преимущественно для того, чтобы разобраться с давними денежными обязательствами, не обанкротиться и не отдавать долг премьер-министру Тавельни.

С губ Дайяны сорвался не то всхлип, не то смешок. Она медленно отняла ладони от лица. И, посмотрев в её сухие, холодные глаза, взглянув на сжатые губы, я понял, что сильно ошибся в своих предположениях.

— Да, — сказала она медленно, — вы правы, мой принц. Я — её дочь, плоть от плоти её. И это значит, что в жилах моих течёт её кровь, и в глазах моих отражается она. И знаете что? Я умею быть столь же ужасной, как она. И отомстить не хуже я сумею.

Дайяна прямо посмотрела на меня.

— Я хочу публичного суда, — сказала она. — Я хочу не просто финала для неё, для них; я хочу *наивысшего* унижения. Я хочу разрушить до основания ту кучу вонючих нечистот, которую они считают своими фамилиями, родословными, поводами для гордости. Я хочу уничтожить всё, что ей дорого. Всё!

Как интересно, однако...

— Вы — благороднейший из принцев, — продолжила она. — Вы были добры ко мне и сделали слишком много для меня, больше, чем я заслужила. Я не вправе просить больше. Но здесь, сейчас... пожалуйста, позвольте мне сделать это.

А ты умеешь удивлять, Дайяна Гохорд.

— Хорошо, — сказал я спокойно. — Ты получишь свою месть, леди Гохорд. Но, надеюсь, понимаешь и сама: тебе придётся всё

рассказать. По крайней мере то, что касается тебя, точно; некоторые факты, связанные с Императорской семьёй, нужно будет скрыть, но в остальном... Об этом будут писать в газетах, говорить на улицах. Это будет, очень тяжело.

Дайяна криво улыбнулась.

— Бэн, мой любимый человек, мёртв, — сказала она. — Его убивали, пока я... с вами... с вами. Мой ребёнок никогда не родится. Мне жить с этой виной, да. Но я пойду на всё, на всё на свете, чтобы уничтожить их, растоптать. Чтобы все увидели их настоящие лица... Леди Каталина была права с самого начала. Тогда я не поняла, но понимаю теперь: они будут продолжать это делать, пока жертвы боятся говорить. Они побеждают, если ты молчишь, теперь я это ясно вижу. И я не подарю им эту победу. Я больше не стану молчать.

*

— Вон оно как, — сказала Биланна, выслушав мой рассказ о Дайяне Гохорд. — Внушает уважение, право. Что же, малыш, уезжай спокойно: я присмотрю за девочкой. Может, я и старая развалина, но ты знаешь сам: слово моё всё ещё чего-то стоит.

— О-ма, не приbedняйся, — фыркнула Иэ. — Мы обе знаем, что именно ты обучила меня основам интриг. И держала Дворец в колючих рукавицах тоже ты. Так что...

— Вспомнишь тоже, малышка, — тепло улыбнулась Биланна. — Когда это было? Теперь я и вполовину не так ужасна, как когда-то. Мы все остепенились, знаешь ли, поделили верховную власть с сенатом... да и времена не те. Но да, иные вещи всё ещё могу. От всего не уберегу, это да; но, как могу, смягчу последствия. И позабочусь заодно, чтобы имя Алиссии при расследовании не всплыло. Так что всё решу, и тревожиться об этом тебе, принц, не стоит. Твоя работа — с парой помириться. Я внука увидеть хочу, между прочим! Хотя бы в яйце, если на другое времени не хватит. У селенити же, как и у драконов, так?.. Вот и хорошо. И только попробуй их не привезти! За крылышки оттаскаю паршивца!

— Хорошо, — тепло улыбнулся я. — Как скажешь.

Мы расположились на веранде: Иэ, Биланна и я. Деррен маячил неподалёку, практически слившись с густой тенью, но уединение наше не нарушал. Это он правильно: нам надо было побыть вместе. Хотя бы сегодня.

Вообще, конечно, интересный парень. Тьма к нему так и ластится, будто он — её часть... Нужно будет присмотреться к нему поближе. Когда время появится.

— Будьте осторожны там, — сказала Биланна. — Думайте, прежде чем делать. Обоих касается. Ты, Иэ, помни, что Древние фоморы — это тебе не шутки. Их ты, в случае чего, второй ипостасью не особенно напугаешь.

— Знаю, — улыбнулась сестра. — Но я и не собираюсь пугать. План был другой.

— Смотри мне... и вообще, будь осторожна. Слишком много в этой ситуации неоднозначностей и подводных камней. Слишком много возможностей. И для нас, и для наших противников... Впрочем, не буду строить из себя занудную старуху. Возвращайся с победой, малышка.

— Как и всегда, — Иэ сжала руку Биланны. — Не волнуйся обо мне, о-ма.

— Хорошо, — императорская фаворитка тяжело вздохнула. — Теперь ты... Пообещай мне одну вещь, малыш.

— Какую? — насторожился я. Биланна знала, что ей достаточно просто попросить. Если уж она требует обещание...

— Пообещай, что простишь её.

Разумеется, я сразу понял, о ком речь.

И поморщился.

— Ну разумеется, прощу. Она — моя пара, мать моего ребёнка. Какие у меня варианты?

— Нет, не так, — мягко возразила Биланна. — Пообещай, что простишь её *по-настоящему*, наследный принц. Всем сердцем. Без послевкусия и сомнения.

Не чересчур ли?

— Почему ты об этом просишь? — уточнил я резко. — Не достаточно ли того, что я понимаю и принимаю её мотивы, готов дать ей уважение и защиту? Она сама наглядно показала, что ей не интересно большее. Да, она хотела хорошей жизни для себя и, видимо, своей семьи. Да, возможно, её связывал контракт — в первую нашу встречу. Но это не отменяет того, что она дважды отказалась от меня. И, возможно, связана с Морием Бакарийским. И ещё множество спорных моментов. И ты, здесь, сейчас просишь меня сразу ей всё простить, что бы там ни было?

— Я согласна с братом, — отметила Иэ. — Эта полукровка может быть наследницей нескольких Домов, парой наследного принца и матерью моего племянника. Но она остаётся аферисткой, цели которой пока неясны. Мы не имеем права слепо доверять ей, и повода радостно прыгать до потолка у нас нет.

— Всё так, — склонила голову Биланна. — Но я тогда говорила с ней, наблюдала за ней... Я видела, как она на тебя смотрела. Прости её, малыш. Пообещай.

Я сдавленно простонал.

— Она играла! — воскликнул я. — Неужели ты не понимаешь? Это всё была ложь, от начала и до конца! Если не всё, то многое; ей нужно было, чтобы я влюбился в Дайяну. Ей нужен был сначала особняк, потом — ребёнок.

— Есть вещи, которые не изобразишь, — покачала головой она. — Которые одна женщина от другой никак не скроет. Поверь, что бы ей в итоге от тебя ни было нужно, это далеко не вся правда. И даже, может, не главная правда.

Я отвернулся.

— Возможно, так и есть. Но...

— Ты злишься, — вздохнула она. — Имеешь право. Ты хочешь быть любимым. Как и все. И тебе невыносима мысль, что ты обречён любить женщину, которая столько раз предпочла не тебя.

Я опустил голову и криво улыбнулся.

— У меня нет других вариантов.

— Да, — вздохнула она. — Но я думаю, что тебе не придётся любить ту, что не любит тебя. Вот увидишь.

Хотел бы я в это поверить...

— Хорошо, — сказал я спокойно. — Обещаю.

Дальше мы пили вино, смотрели на звёзды и говорили обо всём. И ни о чём. Скоро родители присоединились к нам, но о делах речь так и не зашла. Это был вечер для семьи, и прошёл он отлично.

Так что, я был почти что счастлив.

До утра.

*

— Брат, вставай. У нас серьёзные неприятности, — именно с этой фразы начался мой день.

Ничего хорошего, как вы понимаете, от такого жизненного поворота ждать не приходилось.

Я резко сел на кровати и уставился на Иэ. Одного взгляда хватило, чтобы понять: всё даже хуже, чем казалось. Губы сестры были белы от ярости, в глазах острый лёд...

У меня оборвалось сердце.

— Что с ней? — спросил я.

— Что? — удивилась Иэ. — Ох, ты подумал... Нет, Или. Нет. Твоя пара в порядке... Слава Небу, секретная служба приглядывает за ней.

Я прикрыл глаза на пару мгновений, пряча облегчение, и снова посмотрел на сестру.

— И что же у нас случилось, что так тебя задело?

Клыки Иэ отчётливо скрипнули.

— О том, что ты нашёл пару, известно широкой общественности, — сухо сказала Иэ.

— Что?!

Она прикрыла лицо ладонью.

— Об этом с утра написали газеты в Тавельни. Работяги, севшие на первый маголёт, принесли информацию нам. Столица гудит. Скандал только набирает обороты, но можно не сомневаться: он будет громким.

Я тихо рыкнул.

— Утечка идёт изнутри.

— Верно. Хуже того, тон статей... продуманно-негативный. Упор делается на тот факт, что ты потерял свою пару в череде любовниц. Высказывается предположение, что твоя пара — аферистка. В других газетах отчётливые намёки на её принадлежность к древнейшей профессии. Ко всему этому дополнением идёт тезис: “Какая пара — такой и принц”.

— Бездна! — я сжал руки в кулаки. — О нашем ребёнке...

— Нет, пока тишина. Но что-то мне подсказывает, что по Дворцу слухи поползут быстро.

— Кто источник слива?

— Его ищут, — ответила Иэ.

Я тихо выругался.

Могла Дайяна что-то рассказать? Всё же сомневаюсь. Если отбросить моральную сторону вопроса, то ей попросту это невыгодно. А Лисси? Вряд ли она заварил бы такую кашу по своей воле, она не глупа. Но могла ли она, например, рассказать всё тому же Морию Бакарийскому? А он уже использовал эту информацию, чтобы ещё больше дестабилизировать ситуацию в Драконьей Империи?

Возможно. И всё же...

— Ты думаешь, что это кто-то из Дворца.

— Почти уверена, — отрезала Иэ. — Нас пытаются убедить, что это дело рук Мория. Но... я догадываюсь, кто за этим стоит. Не знаю, как он достал эту информацию, но узнаю стиль. У меня нет

доказательств, тем не менее. И не это сейчас важно. Собирайся, брат мой; мы должны понять, что сказать сенату, совету и прессе.

— Это будет длинный день.

— О, да.

Рил, дракон Льда

*

— Это будет отличный день, — сказал я компаньону, просматривая утренние газеты.

— Несомненно, господин, — улыбнулся старый лис. — Погода отличная. И солнце светит прямо над вашей резиденцией.

— Пусть бы оно светило и впредь, — улыбнулся я мягко. — Мать любит ясные дни. Что ты хотел?

— Ваш брат внизу, господин.

— Пригласи.

Мой братишка вошёл быстрым шагом и уставился на меня сияющими глазами.

— Они забегали, — сказал он. — Я не знаю, как именно ты собрал эту информацию — но, кажется, попал в самый центр мишени.

— Положим, не в самый, — заметил я лениво. — Но близко... близко.

Но недостаточно. Пока что.

— Подумать только — не узнать свою пару! — продолжил Лир распинаться. — Ты представляешь? Всё же, он действительно идиот!

— М-гм, — как же я устал слушать этого кретина.

И ведь сотню раз объяснял ему, что нельзя недооценивать наследника. И бездумно повторять за родителями тоже не следует, благо мы не в яслях. Но проще разрушить пару городов до основания, чем вдолбить в башку моего братца хоть одну мысль, на йоту сложнее столь излюбленного папочкой: “Мы должны вернуть маме то, что у неё незаконно отобрали”.

Ну-ну.

Бедная моя мамочка, да. Несправедливо обиженная... По правде, на месте дяди я бы оторвал голову за её выходки. И нас с братом бы

прикопал — так, для надёжности. Но это уже так, лирика; Император предпочёл оставить мать в живых. И пощадить нас.

И вот мы здесь.

Я принялся прикидывать, как бы всё же провести с Лиром воспитательную беседу, но сигнал артефакта связи прервал мои мысли.

— Ну что ещё?! — Лир раздражённо уставился на моего компаньона. Братец не любит Диу. Считает, что лис слишком стар и зануден. И что его давно надо заменить.

Я никогда не пойму, как можно настолько не видеть дальше своего носа. И всерьёз предлагать мне заменить ветерана Клановой войны в Предгорье на непроверенного малолетку, воспитанного в идеалах новой Империи.

— Господин, высокая госпожа Иэ интересуется, не угостите ли вы её завтраком, — сказал компаньон, не обращая на выходки братца особого внимания.

— О, — я улыбнулся. — Ты ответил, как я приказал?

— Сказал, что вы её ждали.

— Хорошо, — я предвкушающе оскалился.

С кузиной было... интересно. Очень. Она была отличным соперником, умным и непредказуемым. А ещё мы с ней были во многом похожи: призраки у Трона, стоящие за спинами своих братьев. Её родители хотят посадить на трон Или, мои — Лира.

Иэ не стала наследницей, чтобы не нарушить старую договорённость, по сути своей несправедливую.

Меня мать не выбрала потенциальным наследником, потому что понимает, что не сможет контролировать.

Вот и стоим мы с Иэ друг напротив друга — два ферзя на шахматной доске, защищающие своих королей.

И нынешняя партия обещает быть опасней и жёстче предыдущих.

— Кузина, — протянул я, когда принцесса появилась в дверях. — Доброе утро.

— Добро утро, драгоценный кузен, — ответила она ласково.

Взгляды наши столкнулись, как пара остро заточенных клинков.

Мне нравилась Иэ. Было бы действительно обидно её убивать.

Но иногда практическая необходимость бывает сильнее желаний.

— Утро, — она улыбнулась братцу, не уделяя, впрочем, ему особенного внимания, и грациозно присела напротив меня. — Я смотрю, вы читаете газеты?

— Ещё бы не читать, — фыркнул Лир, — когда твоей собственной семье перемывают кости! Эти газетчики совершенно отбились от рук.

— Такова обратная сторона гласности, — поморщилась Иэ. — Хотя верно, в этот раз они пересекли черту. Почувствовали свободу, потому что первыми тему подняли газеты Тавельни.

— Да, — хмыкнул я. — Много интересного пишут. Разумеется, понятно, что большая часть здесь — больной вымысел газетчиков, но... Это правда, что наследный принц нашёл пару? И не знает, кто она? Мне бы не пришло в голову, что подобное можно скрывать. Но после тётушки Син и её перформанса я уже могу строить самые дикие предположения.

— Ах, уважаемые кузены, мне придётся признать, что в этом есть доля истины: принц действительно нашёл пару, и она сейчас далеко от него.

— Тогда мы в растерянности, — надменно бросил Лир. — Наследник настолько безответственен, что не потрудился даже официально объявить о собственном обретении? Он не подумал о том, что выставляет на посмешище всю семью?

Глаза Иэ опасно сверкнули.

— Не стоит быть таким критичным, дорогой кузен. Нужно быть снисходительнее. Желание наследного принца повременить с официальным объявлением — не самая ужасная ошибка, которая была прощена в этой семье. Проявите немного понимания.

Один — один.

— Брат, кузина права, — заметил я мягко. — Мы ведь тоже драконы, и тоже однажды встретим свои пары... Но всё же, нам неприятно узнавать такие вещи из газет. И уверен, многие в сенате и совете скажут то же самое; их может оскорбить такая скрытность. Да и сама ситуация... Кузина, возможно, вам нужна помощь? Я могу бы поговорить с отдельными членами совета и попытаться сгладить их реакцию.

Ну, и что ты мне на это скажешь, интересно?

— О, это очень мило с вашей стороны, — протянула она. — Я тронута тем, как вы пытаетесь помочь.

— Право, это мелочи, — широко улыбнулся я. — Мы ведь одна семья.

— Верно, — её глаза сверкнули, и я понял, что сейчас последует ответный удар. — Благодарю, но советом займутся мама и дядюшка Ирю. Впрочем... если вам так хочется помочь, то вы, несомненно, можете.

— Вот как? — даже интересно, что придумала эта интриганка.

— Да, — она покачала головой в притворной печали. — Видите ли, информация о паре принца была конфиденциальной. К ней имел доступ очень ограниченный круг... Ближайший круг. И это подводит нас к очень простой мысли: кто-то предал нас.

— Вы кого-то подозреваете? — да, я люблю дёргать драконов за усы.

— Важно ли, кого я подозреваю? — мило улыбнулась Иэ. — Важны лишь доказательства. И я подумала... возможно, вы поможете их собрать? Учитывая ваши связи во Дворце.

Я откинулся на спинку кресла, глядя на родственницу с нескрываемым восхищением. Ну, кузина, ну, дрянь... Мои аплодисменты!

— С чего этим должен заниматься брат? — встрял Лир. — Это работа тайной службы!

Ну вот когда же ты научишься затыкаться, а?

— О, несомненно, — кивнула Иэ серьёзно. — Но чем больше народу будет работать в этом направлении, тем быстрее мы вычислим предателей, верно? К тому же, я действительно скоро уезжаю, и мне нужен будет в этом деле помощник. Кто-то, кому я доверяю... мы ведь семья, не так ли? Вы ведь не откажете мне, дорогие кузены?

Ловушка захлопнулась.

А ты умеешь делать это красиво, принцесса.

— Конечно, кузина, — улыбнулся я. — С удовольствием.

— Хорошо, — она чуть повела плечом, — я уведомлю дядюшку Кио. А теперь, коль скоро мы всё обсудили, я, с вашего позволения, пойду. Много дел! Ещё раз благодарю за вашу... *помощь*, кузен. Она неоценима.

— Всегда рад стараться... кузина.

Мы раскланялись, как дуэлянты на поле, и она выскользнула прочь.

— Она позволяет себе слишком много! — оскалился брат. — Мы должны позаботиться об этом, пока не поздно!

Я задумчиво прикрыл глаза.

— Не пори горячку, Лир. Да, принцесса опасна; но и покушаться на неё своими руками — опасно вдвойне. Нам только остаётся надеяться, что паучья мать всё же закончит начатое.

— Ты серьёзно в это веришь? — поморщился Лир. — Эти тупые эльфийские матриархи не смогли убить её даже на своей территории! Теперь-то о чём можно говорить?!

Неприятно признавать, но брат был преимущественно прав.

— Я подумаю, как их расшевелить, — пообещал я. — есть у меня пара идей...

— Господин, — мой компаньон проскользнул в комнату и застыл, склонив голову.

— Диу?

— Старые друзья принесли мне новую информацию, господин.

— Говори.

— Имя — Алиссия Майлифф. И да, змеиная версия подтверждена.

Я широко улыбнулся:

— Отличные новости! Кажется, пора связаться с отцом.

— На тему? — удивился Лир.

— О, думаю, пришло время поднять наши старые связи в тавельнской змеиной гильдии, — сказал я сладким голосом. — И намекнуть, что их неучтённый молодняк распоясался. Пусть позаботятся об этом.

Алиссия Майлифф

*

— Лисси, милая. Может, всё же покушаешь?

— Не хочу, — буркнула я.

— Оладушки с клубничным джемом!

— Нет.

— Мясной бучабати с семью перцами? Твой любимый!

— Не хочу.

— Может, хоть вниз спустишься, а?

Ну что же это такое!?

— Тётя, я же сказала, что хочу побыть одна! — воскликнула я.

— А я считаю, что нечего тебе прятаться в своей конуре, как испуганный зверёк.

— Думаешь, нет? Ты что, не видела утренние газеты?! И ведь они обо мне, тётя. Обо мне! Я — авантюристка, обманщица, продажная девка! Вот как они меня называют! А что будет, когда они узнают, что я селенити и певица? Хотя они не скажут — певица. Они скажут — “певичка”, с нотой пренебрежения, будто всё объясняя... Мы обе знаем, что так оно и будет!

Тётя Ленна только вздохнула.

Я свернулась клубочком, обхватив колени руками, и тихо всхлипнула.

— Вот именно потому я и отказалась от него в ту ночь. Именно потому и сбежала, что понимала: так, именно так всё и будет! Так случается, когда рядом с принцем оказывается Золушка, выросшая на помойке. А не аристократка, которая чистила камин, потому что за кучу лет так и не удосужилась послать обнаглевшую мачеху!

— Лисси...

— Они ненавидят меня, тётя. Потому что я — не Золушка. Я не ждала своего принца, сидя у камина с золой. Или на помойке, или в том ужасном доме, продуваемом всеми ветрами, где папа Буджо чуть не умер от пневмонии, а несчастная Лесса перестала дышать из-за

жестокой плесени! Я не хотела там ждать принца. Я хотела быть, как они, делала для этого всё. И теперь они мне этого не простят.

Я судорожно вздохнула. Тётя Ленна стояла, опустив голову, но я знала: она понимает. Ещё бы ей не понимать.

— И Или... он теперь меня ненавидит тоже. И поделом. Это должно быть невыносимо для дракона, что его пара отказывается от него раз за разом... Не знаю, как могу быть его парой, правда. У меня ведь нет метки! Потому я не могла даже заподозрить подобное. Но у него метка есть. И, что хуже всего, моё прошлое собираются использовать против него — ты же читала все те ужасные обвинения... От этого, думаю, он ненавидит меня ещё сильнее. Что мне делать, тётя?!

— Для начала — успокоиться, — твёрдо ответила она. — И оглянуться.

Я повернулась и ошеломлённо застыла, рассматривая распространившийся вокруг кокона с малышом лёд. Он покрывал простыни, и тёплые пледы, и пол, и окно...

Испуганно выдохнув, я вскочила на ноги и прислушалась. Ритм ребёнка был обычным, как будто не о чем беспокоиться. Но откуда это взялось?

— Это случилось, когда ты начала плакать, — заметила тётя Ленна. — Думаю, это хороший повод успокоиться. А ты как считаешь?

Я с тётей была согласна. Все тревоги отошли на второй план: я обратилась змеей, свернулась вокруг кокона и провела так какое-то время, прислушиваясь к инстинктам и согревая малыша своим теплом. Только убедившись, что всё в порядке и лёд перестал распространяться, я снова приняла человеческое обличье и посмотрела на тётю.

— Ты права, — вздохнула я. — Надо успокоиться.

— Ну вот, — кивнула она. — А теперь давай выйдем ненадолго и выпьем чаю. Могу быть неправа, но думаю, что нашему змеюшеньке мама нужна спокойной и расслабленной. Хорошо?

— Хорошо.

Так мы и поступили: спустились вниз, устроились в глубоких креслах у кухонных дверей. Это было излюбленное место тёти, которое она называла “женским царством”. Отсюда она, как

обозревающий картину битвы генерал, наблюдала за прихожей, дверью в кабинет дяди Джумы и лестницей, ведущей в мастерские.

Тётя Ленна приготовила своего особенного чаю: с пряностями, перцем и апельсинами. Станный напиток, необычный. Мне всегда казалось, что в нём спрятан привкус далёких имбайских островов, откуда моим приёмным родителям когда-то пришлось сбежать.

— А теперь давай поговорим, — сказала она. — Ты думаешь, что можешь оказаться его парой, Лисси?

Я сдавленно простонала.

— Не знаю! На мне нет метки, так что по идее я не могу этой самой парой быть. Но Или утверждает обратное, и он очень уверен в своих словах. Да и...

Я замолчала, вспомнив рассказ отца. И то, как резонировала магия в нашу первую ночь.

Может ли быть, что это были знаки?

— Да и?

— Не знаю, — вздохнула я. — Если честно, то всё это время меня влекло к нему так сильно, наши магии так тянулись друг к другу, как будто...

— Как будто он и правда твоя пара.

— Да.

Тётя Ленна вздохнула.

— Это плохо. Не пойми неправильно, милая, но мы хотели для тебя совершенно другого молодого человека. Работающего, простого. Если повезёт, то островитянина, чтобы были все основания объединить наши семьи и дело.

Оу. Не знала, что семья строила такие планы. Как-то даже не по себе становится, честно...

— Но случилось то, что случилось, — продолжила она. — Говорят, драконы женятся на парах, кем бы они ни были. И, если так и есть, то эти газеты — только начало.

Я нервно улыбнулась:

— А ты умеешь подбодрить!

— Я говорю правду, — ответила тётя Ленна серьёзно. — Стать принцессой — доля, которой никакая мать в здравом уме дочери своей не пожелает. Особенно в случае такого неравного брака. Принц и певица... Должна ли я объяснять, насколько это скандально? И ведь

пришли новые времена, времена гласности. Если раньше о королях и могущественных людях никто не знал ничего, то теперь всё иначе. И даже драконы, которые так долго держались в тени, теперь понемногу выходят на свет. Понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — ответила я грустно.

— Хорошо, — тётя сжала мою руку в своей. — Теперь пойми: похоже, ты станешь принцессой, Лисси. Парой принца.

— Может, я этого не хочу! Он вообще меня теперь ненавидит, — сама знаю, что прозвучало по-детски. Но всё это было так... неправильно...

— Мы обе знаем, что ты хочешь, — ответила тётя. — Не хотела бы — не сбегала бы из дому, чтобы с ним встретиться, не шла бы против моей воли, не рожала бы ему ребёнка... Мне правда стоит продолжать?

— Нет.

— Вот и хорошо. Да, сейчас вы в ссоре. Но, если я правильно понимаю значение слов “истинная пара”, вы помиритесь. И ты станешь принцессой. А это значит, ты должна быть сильной, Лисси. Не делать глупостей и стать ему надёжной опорой. Соответствовать — обстоятельствам, ожиданиям и правилам его мира.

— Ты говоришь, как будто вся моя жизнь будет вращаться вокруг него!

— Учитывая то, как высоко он сидит, какое количество судеб зависит от его решений... Да, вся твоя жизнь будет вращаться вокруг него. Это цена, которую ты должна будешь заплатить за эту любовь. Причём газеты — только начало; о тебе будут говорить, тебя будут обсуждать, ненавидеть, завидовать тебе. И много, много чего ещё... Ты должна быть готова к этому.

— Нечестно...

— Ну почему же? В союзе мужчины и женщины невозможно только получать. Чем-то неизбежно придётся пожертвовать.

— И чем ты пожертвовала, когда выходила за дядю Джуму? — уточнила я скептически.

— Боевой магией.

От такого ответа я чуть с кресла не упала.

— Что?!

— А в кого, ты думаешь, у Вилни его дар? — слегка улыбнулась тётя Ленна. — Сама знаешь, маги его уровня редко рождаются у немагов.

— Но... — я не находила слов.

— Я, как ты знаешь, родилась в обществе, где женщина должна быть в первую очередь женой и матерью, — продолжила она невозмутимо. — И ни о каких занятиях магией там и речи быть не может. Но в какой-то момент я встретила с магом из посольства Тавельни, который был согласен переправить меня на материк. И обучать магии. Но тогда, как ты понимаешь, я больше не могла бы быть достойной женой для Джумы, с которым мы были к тому моменту сговорены. Или любого другого моего соотечественника. Я долго думала, выбирая, и поняла, что хочу быть женой соседского юноши, матерью его детей. Я отказалась от учёбы, попросила наложить сдерживающую печать, и дар мой перестал проявлять себя... говорят, магия не терпит отступничества.

Шок - это по-нашему.

— Мне жаль, — сказала я тихо.

— Тут не о чем жалеть, — ответила она спокойно. — Я тогда сделала выбор. У каждого выбора — своя цена, Лисси. Так что сейчас тебе нужно собраться и очень серьёзно обдумать эту ситуацию. И ответить на вопрос: а выбираешь ли ты этого мужчину? Со всем хорошим и плохим, что он может тебе принести.

Я склонила голову. Выбираю ли? Смогу ли я быть певицей, если стану принцессой? Насколько тяжело мне будет? Останется ли у меня немного свободы? Как этот жестокий мир аристократии и гласности отнесётся к моему ребёнку?

Вопросы без ответов. Всё усложняющие вопросы. Но на другой чаше весов — моя любовь, безумная тяга к нему. По идее, я не должна бы испытывать притяжение пары, но отец прав: кажется, мы стали слишком похожи на драконов.

И, с метками или без, чувствуем истинную пару всем своим существом.

— Я выбираю, — ответила я тихо. — Я выбрала его в ту секунду, как только увидела, если честно. Но это всё сработает лишь при одном условии: если он тоже выберет меня. Со всем хорошим и плохим, что было и будет. Иначе нет никакого смысла.

— Ну вот, — мягко улыбнулась тётя. — Наконец-то я слышу разговор женщины, а не обиженной девочки. Теперь найди в себе силы исполнить это решение. Поговори с ним, открыто и честно. Ты выбрала — так позволь и ему. Что скажешь?

— Скажу, что ты права. Как и всегда. И всё же... Ты никогда не жалела, тётя?

Она вздохнула и покачала головой.

— Лисси, пойми одну простую вещь: этот мир устроен так, что женщине почти неизбежно приходится выбирать между карьерой и личной жизнью, свободой и материнством, своими интересами и интересами мужчины... Да, находятся те, кто ухитряется балансировать, те, кому везёт. Но в большинстве случаев выбор делать всё же приходится. И знаешь, что такое настоящая трагедия?

— Что?

— Когда женщину лишают этого выбора. Когда ту, которая не заинтересована в семье и детях, насильно выдают замуж; когда та, которая хотела бы быть матерью и хранительницей очага, вынуждена работать днями и ночами и не может уделять время семье. Или вовсе не может завести семью — в силу загруженности, по условиям контракта с промышленником... Да мало ли причин? Так вот. И то, и другое ужасно, потому что у этих женщин отбирают выбор. У меня же, в отличие от многих моих соотечественниц, выбор был. Мне не о чем жалеть.

Я отвернулась.

Честно говоря, даже ради Или я не смогла бы отдать свою магию. Но для волшебных рас это невозможно: мы и есть магия.

Так что остаётся только радоваться, что передо мной такой выбор не стоит.

Надеюсь.

Молчание, что повисло между нами, было довольно тягостным, так что входная дверь отворилась очень вовремя. С грохотом. На пороге возникла злая, как растревоженный рой пчёл, стряпчая.

— Вы должны остановить торги прямо сейчас! — рявкнула она так, что посуда на полках зазвенела, а мы с тётей Ленной подскочили на месте.

— Косатка, ну не злись, — заявил Морий, осторожно протискиваясь в дверь (с размахом плечей и ростом его аватара все

входы и выходы были некой проблемой). — Я хочу и я куплю.

— Семь миллионов динар!!! — не успокаивалась Лирана. — Семь!

Мы с тётёй Ленной переглянулись. Что он там покупает такое? Остров? Флотилию?

— Я хочу и я куплю, — повторил Морий. — Разве не так это работает?

Лирана зарычала. Нет, правда зарычала; кажется, наш Глубоководный сумел довести даже её.

— За эту сумму вы можете купить дворец! — рявкнула она. — Или скупить землю, построить на ней недвижимость и отлично заработать! Но вы упёрлись в этот лот. За торгами наблюдает вся столица! Хуже того, эксцентричные богачи Тавельни тоже включились.

— Зачем? — удивился Морий.

— Потому что так работает рынок! Если драконам и фоморам эта ерунда так нужна — значит, и им нужна тоже! И не спрашивайте, зачем!.. В общем, прекращайте это мерянье пипирками! Откажитесь от следующей ставки!

— И дать дракону выиграть? — угрожающе нахмурился Глубоководный. — Показать, что у этих драконов больше денег? Не будет этого!

— Это ребячество! — взвыла Лирана.

— Выиграю я! — отрезал Морий. — Я пообещал уже этот подарок, вообще-то!

Тётя как-то нервно прикусила губу.

Не поняла. Что у них за ерунда происходит вообще?!

— Извините, а о чём речь?

Лирана бросила на меня сердитый взгляд.

— Об этом вашем Сиреневом Особняке, будь он неладен! — ответила она раздражённо. — Вместо того, чтобы заниматься действительно важными вещами, мы с представителями драконьей стороны до посинения торгуемся за этот несчастный домишко! Притом реальной ценности в нём — ноль. Постройка типовая, район скорее пафосный, чем действительно удобный, инфраструктура сомнительная. Да, сирени цветут и прочие романтические бредни, но не более того. Какой-то не слишком переборчивый представитель высшей прослойки среднего класса на такое ещё позарится, да. Но по-настоящему состоятельные люди там предпочитают не селиться, потому что коленкор не тот. И вот за это — семь миллионов? Это не только неразумное вложение, но и репутационная потеря! Плюс неоднозначный политический подтекст...

— Хочу и куплю, — зевнул Морий. — Это, чтоб ты понимала, глупая косатка, не просто так, а подарок к появлению малька. Принято дарить подарки, ясно?

— Лучше отдать ему эту сумму деньгами, — отрезала Лирана. — Толку в разы больше будет. Если хотите, можно оформить депозит, с которого ребёнок, начиная с определённого возраста, будет снимать деньги...

— Ну нет же! — возмутился Морий. — Не могу я отступить! Это же как рыба фугу.

— Я потеряла мысль, — ответила косатка сухо. — Какая ещё рыба фугу? Не так: какое отношение эта ядовитая малявка имеет к ситуации?

— Ну смотри, — назидательно поднял палец Морий. — Есть рыба фугу. Она хочет жить. И есть крупные хищники, которые хотят есть. И, чтобы выжить, рыба-фугу должна показать им, что она тоже большая и страшная.

— И?

— И я тоже должен показать им, что большой и страшный! — закончил Морий предовольно. — Если я сейчас отступлюсь, все увидят, что я проиграл.

— Все увидят, что вы умны!..

— Стоп, — прервала я тихо этот балаган. — Вы торгуетесь с драконами за тот самый особняк на Сиреновой улице? За наш бывший дом?

Тётя Ленна отвела взгляд.

— Да, — сказал Морий. — Мы посоветовались и решили, что это будет лучший подарок...

Правда что ли?

— Нет, — ответила я. — Не будет. Нет!

Все удивлённо посмотрели на меня. Возможно, злости в моём голосе прозвучало даже слишком много. Но это всё чересчур, правда. Устроить такое...

— Вы действительно думаете, что после всего, что тогда случилось, мне будет приятно это демонстративное мерянье вашими мужскими... — я махнула рукой, подбирая верное слово, — миллионами? Мне будет приятно, если мне эдак снисходительно подарят то, что по праву и так принадлежит мне?!

Все примолкли, а вот косатка оживилась.

— А по какому праву? — уточнила она. — У вас действительно есть какие-то правовые основания для того, чтобы претендовать на особняк?

Я вздохнула, мысленно коря себя за болтливость.

— Извините, это не то, что я могу свободно обсуждать.

— Бросьте! — поморщилась Лирана. — Я же дала клятву конфиденциальности! Просто поймите: было бы совершенной глупостью сейчас изображать... кмх... рыбу фугу и отдавать нереальные деньги за то, что можно было бы спокойно вернуть через суд.

— Сомневаюсь, что это возможно, — сказала я честно. — Вы, конечно, очень хороши, но...

— Ой, а давайте лучше я сама буду делать выводы о таких вещах? При всём моём уважении, оставьте оценку рисков и возможностей тому, кто этим занимается каждый день.

Я вздохнула и, смирившись, действительно рассказала ту часть моей истории, что напрямую относилась к Сиреневому особняку.

— Так-так, — протянула Лирана, и улыбка её стала очень... косатковой. — Договора у вас на руках, конечно, нет...

— Нет, — признала я грустно. — Думаю, леди Элизавет вскрыла мой сейф в особняке и всё уничтожила.

— Да невелика печаль! — отмахнулась косатка. — Если бы магические бумаги было так просто уничтожить, то ценности бы в них не было ни на грош... А вы, часом, не помните, у какого мага заключался договор?

— Помню, — ответила я чуть удивлённо. — Леди Элизавет всегда пользуется его услугами... пользовалась.

— Отлично! — просияла Лирана. — Мне нужно имя.

— Но послушайте, — сказала я осторожно, — там описаны дела...

— Не очень законного свойства, да-да, — хмыкнула косатка предовольно. — Это не имеет значения.

— Но, если будет суд...

— Никто не станет доводить дело до суда. Учитывая все обстоятельства, я почти уверена, что город (а если точнее, то наш премьер) мгновенно пойдёт на мировую. Мне, конечно, надо увидеть саму бумагу, но просто поверьте: шансы велики. И тогда это дурацкое представление с торгами будет окончено... Вы ведь предоставите мне оттиск своей магии, аналогичный тому, которым скреплён договор?

— Да...

— *Отлично.* Так. Господин Морий, с вашего разрешения я пойду.

— Куда? — удивился он.

— Работать рыбой фугу, — усмехнулась косатка. — То есть — раздуваться. И поверьте: все рыбы этого дна увидят, какая я большая и страшная.

— Зачем вам раздуваться? Вы и так...

— Молчать, — сказала Лирана. — Просто поверьте: вы не хотите заканчивать эту фразу.

— Не хочу? — уточнил Морий.

— Совершенно определённо не хотите.

— Ладно... Я пойду с вами. Могу раздуться за компанию...

Мы с тётей Ленной задумчиво проследили, как они уходят.

— Я же говорила, — сказала она, — они — идеальная пара!

Я задумчиво промычала что-то в ответ. Честно говоря, осознание произошедшего обескураживало. Устроили, понимаешь ли, цирк. Семь миллионов... Неужели они действительно не понимают, в чём суть? Впрочем, пора признаться самой себе: и Морий, и Или понятия не имеют, каково это — быть бездомным. Не знают, чего стоит наблюдать, как из-за плохих условий страдают близкие. Их миры далеко, и там совсем, совсем другие проблемы и тревоги...

Тихонько вздохнув, я снова принялась за чай. Но, видимо, жизнь ещё не исчерпала сюрпризы на сегодня, потому что дверь нашего дома снова открылась. На пороге возник высокий, дородный мужчина в летах, в котором я без особенного труда опознала купца Аджаву. За ним семенила какая-то женщина, закутанная в тряпье с ног до головы, и мужчина, в котором я, поднапрягшись, таки признала старшего зятя этого милого семейства.

Ой, не к добру...

Кажется, тётя Ленна тоже о чём-то таком подумала, потому что вскочила на ноги и склонилась в полупоклоне.

— Мир сему дому, — бросил Аджаву, удостоив сидящую меня косым взглядом. — Женщина, позови своего мужа. Я пришёл говорить о делах.

— Конечно, — сказала тётя Ленна. — Минутку...

— Я здесь, — дядя вышел из своего кабинета и остановился на пороге. Их с Аджавой взгляды столкнулись, как будто в поединке, но оба выдали вежливые улыбки.

— Какая честь, дорогие гости, — протянул дядя. — Проходите, располагайтесь. Что моё, то ваше! Жена, накрой на стол дорогим гостям! Хочешь отведать бучабати, почтенный сосед?

— Спасибо, Джума, но не спеши. Если всё сладится, то ты меня, конечно, угостишь. Но пока разговора не случится, не будем мы есть за одним столом!

А вот это уже совсем плохо. На островах за одним столом не сидят только с кровниками; там вообще к вопросам кровной вражды подходят очень серьёзно. Но откуда такому взяться? Даже Аджаве, с его весом среди островной диаспоры, нужен хороший повод. *Реальный* повод. Другого ни Жрецы Единого, ни другие влиятельные островитяне не поймут.

Тётя Ленна, бросив на меня красноречивый взгляд, ускользнула мышкой на кухню. Я встала и отошла в тень, чтобы не раздражать, но уходить не стала. Мало ли что? Если нападут, то будет мне внеплановый ужин. Я — добрая фомора, конечно, но бывают и у меня плохие дни...

— Опасные слова, Аджава, — ответил дядя ровно. — О чём же таком ты хочешь поговорить со мной, что не садишься за мой стол?

Аджава прицокнул языком:

— Ты, Джума, важный стал человек. Приходить страшно! Да только законов чести для тебя никто не отменял. И для детей твоих.

Дядя нахмурился:

— О чём ты?

— Я, как честный человек, сговорил свою дочь за твоего птенца. К свадьбе потихоньку готовился. И тут он назад начал сдавать; нехорошо, не по-людски, но я это проглотил. Только вот мальчишке твоему мало было мою Акиву унизить. Он её ещё и обманом к себе заманил и соблазнил. Так вот я тебе и говорю, Джума: или пусть твой птенец женится на моей дочери, или быть кровной вражде.

Вот это, что говорится, приплыли.

Дядя нахмурился.

— Лисси, — позвал он. — Мой ученик был с Буджо в мастерской. Проверь, там ли он, и позови сюда. А сама поднимись, пожалуйста, к себе: нам надо это между собой обсудить.

— Всё верно, — сказал Аджава важно. — Нечего дочерям слушать такие разговоры! Даже если они певички.

Ну-ну... Сцепив зубы, я решительно направилась в сторону мастерской, где Бэн с папой увлечённо возились с новой музыкальной шкатулкой.

— Бэн, — позвала я. — Прошу, скажи мне, что у тебя ничего не было с дочкой Аджавы.

Он с неохотой оторвался от артефакта и удивлённо посмотрел на меня:

— Нет, — сказал он, — ничего.

— Совсем-совсем? — уточнила я с надеждой.

Бэн поморщился.

— Ты о том случае, когда она пришла ко мне, да? Ну, может, поцеловались пару раз. Она меня поцеловала, если что. Просто

пришла в нашу вторую мастерскую, когда я там работал, села ко мне на колени с сказала, что хочет, чтобы наш брак состоялся.

Вот же гадство!

— А ты что?

— А что — я? Отстранил её, попытался выгнать, но она не уходила. Плакала, говорила, отец будет её ругать, если она так рано вернётся. Ну я и не стал выгонять: посадил на стул у себя в мастерской, приготовил ей чаю, дал послушать новые мелодии... Мне стало её жаль. Я... в общем, я вспомнил Дайяну. Как её... Не важно, — он сжал кулаки и отвернулся. — Просто я много думал и понял, как иногда девушке бывает тяжело отказать родителям. Вот и всё. А в чём проблема-то?

Я вздохнула.

Неоднозначная, однако, ситуация.

— Там пришёл Аджав, требует, чтобы ты женился на его дочери. Дескать, ты её соблазнил.

— Что?! — он был искренне возмущён. — Какой Бездны?!

— Бэн. Иди наверх, но не кричи и не злись. Позволь говорить дяде, сам отвечай только по существу. Не ври, всё равно бессмысленно. Понял меня?

— Понял, — Бэн зло тряхнул головой. — Но это всё какой-то бред! Надо разобраться в этой дурацкой ситуации. Я же сказал ей, что не собираюсь на ней жениться!

Он вышел, сердито хлопнув звуконепроницаемой дверью.

Мы с папой Буджо переглянулись.

— Плохо дело, — сказал он. — Если дело дойдёт до клятв, Аджав наверняка задаст вопрос вроде “Случилось ли между вами что-то?” или “Прикоснулся ли ты к ней?”. Ещё и обнаружится какой-то свидетель (наверняка почтенный человек), который подтвердит, что девушка долго была у парня. И всё, картинка сложилась. Мне приходилось наблюдать такие трюки и раньше, увы.

Я сдавленно простонала.

— Как же он так влип-то, а?

Папа грустно покачал головой:

— А откуда мальчишке, выросшему в драконьей стране, знать такие тонкости? Драконы сами, как известно, сторонники свободной любви, их культура воспекает чувственность и не видит в интимных

связях ничего преступного. Понятно, что и нравы в Империи вполне свободные. Мальчик мыслит, как имперец; или как коренной веллерец. Но на деле ситуация может стать намного сложнее...

Я вздохнула, слабо улыбнулась папе и пошла вверх. Мне надо было оказаться рядом с ребёнком, подумать немного. Когда я проходила мимо комнаты, услышала голос Аджавы: “Как можешь обвинять мою дочь?! Скажи, что не сватался к ней. Скажи, что не прикасался к ней, не обнимал, не целовал! Поклянись! А если не можешь, то и не говори, что женщина тебе виновата!”

Вздохнув, я покачала головой и поднялась в свою комнату.

— Какой же ужасный день, — прошептала я, упав на кровать.

Щёку мою обдало морозом. Я удивлённо обернулась и увидела, что лёд на стене сложился в надпись: “Алиссия?”

Я могла бы усомниться в том, кто сейчас со мной говорит, но прикосновение знакомой магии расставило все точки.

— Или? — выдохнула я удивлённо.

“Да, он самый. И да, я многого ожидал, но не надписей на стенах. Как ты это делаешь?”

О, так у него тоже...

— Знаешь, не уверена, что это вот прямо я.

“Ребёнок? Это может быть не очень хорошо. Если он в утробе...”

— Он уже в яйце.

“О... и какое оно?”

— Красивое. Светится, покрыто льдом, окружено магической энергией. Внутри можно разглядеть контуры малыша.

Разговор двух идиотов, правда.

“Скоро и я это увижу. А у меня будет возможность с ним общаться? Он ведь до пяти лет не сможет превращаться в человека. Значит ли это, что связь с ним будет только у тебя?”

— Нет, конечно! — удивилась я. — С чего ты взял эту ерунду про пять лет?!

“У драконов, если детёныш вырос в яйце, человеческий облик он получает не раньше, чем через пять лет.”

— У селенити иначе, — вздохнула я. — Ребёнок сможет принимать человеческий облик с первых дней. Яйцо нужно только для того, чтобы ребёнок в утробе не выпил из матери все силы. Мы же энерговампиры, как ни крути. То время, что он был внутри меня, мне тяжело далось. Если бы не помощь Мория...

Я запнулась, удивлённая накатившей на меня злостью. Вроде как даже не моей. На грани сознания замаячила мысль, что я что-то вот совсем не то сказала.

“Ну конечно, — надпись на стене была буквально пронизана ехидством. — Я очень счастлив теперь это узнать. Он покупает тебе дом... Точнее, его стряпчая нагло уводит дом посреди торгов. А теперь я узнаю, что он подпитывает моего ребёнка. О котором я даже понятия

не имел. Как это всё мило! Что ещё я должен знать о ваших отношениях?”

Н-да. Но тут, кажется, я сама дала маху.

— Вся наша связь заключается в том, что я однажды свалилась ему на голову, — сказала я примирительно. — Вот и всё. А помогает он мне, потому что мы друзья.

“Ты это серьёзно? Морий Бакарийский — опасное существо, коварный игрок, который бросил вызов драконам. Уверен, у него есть на тебя далекоидущие планы!”

Э-э... Это Глубоководный-то у нас — коварный игрок?! Что за странные идеи?!

— Всё не так, — сказала я. — Вот вообще не! Он очень простой фомор. Ему наплевать на все эти ваши политические игры, он просто хочет поддержать других фоморов!

“Ты или морочишь мне голову, или глупее, чем я думал!”

Правда?

— Кто бы говорил, мистер семь-миллионов-за-особняк!

“Я заплачу и больше за особняк, на который променяли меня!”

Да что ты будешь делать?!

Мне отчаянно хотелось превратиться в фомору и запустить в стену ртутными иглами, разрушая лёд. Но я вспомнила разговор с тётей Ленной и... не стала.

— Не складывается у нас с общением, — вместо того сказала я тихо. — Не знаю, как мы дальше будем парой.

На стене долго не появлялось надписей. Я уж решила, что разговор окончен, когда он всё же отозвался.

“Прости. Ты права, мы ходим по кругу, и это неуместно. Давай попробуем начать этот разговор с самого начала. Чем этот день так плох? Тебе не хватает энергии? Или дело в тавельнских писаках? Если волнуешься из-за газет, то забудь. Наши уже над этим работают.”

— И как они могут это сделать? Газеты уже написали такое, и...

“Общественное мнение переменчиво, милая. Им бывает поразительно легко манипулировать — если не доводить до края, конечно. И я тебя уверяю: уже завтра о нас будут говорить, как о самой красивой истории любви.”

Меня посетили смутные сомнения:

— Как было с Марджаной Лофф?

“Именно. Так что не позволяй им испортить твой день.”

Я прикусила губу.

“Что-то не так?” — отреагировал он на моё молчание.

Ладно, я всё же скажу это вслух.

— Они ведь сделают из нас эдакую историю Золушки, верно? С несчастной сироткой в главной роли?

“Думаю, так и будет. Самая покупаемая в мире, как ни крути... Не принимай это близко к сердцу, Алиссия. Считай просто ещё одной ролью на сцене, и всё. И не огорчайся из-за этого.”

Я помедлила, но обсудить с кем-то ситуацию уж очень хотелось.

— На самом деле, проблема не только в этом. И даже не в ваших с Морием торгах, хотя они меня огорчили. Просто понимаешь, один мой друг...

И я всё рассказала — не упоминая, разумеется, имени Бэна.

“Ситуация непростая, — ответил Или после непродолжительного молчания. — Семейное право имбайских диаспор — отдельная тема, довольно сложная. Даже для нашей Империи, кстати. Разумеется, самое очевидное решение для этого твоего друга будет пойти в суд и обвинить девчонку в клевете. Мы, слава всему, живём в магическом мире, и с помощью клятв следователь вытянет из неё правду. Но тут нужно понимать, что для девицы это — верная смерть. Потому, если он не занят, я бы посоветовал всё же жениться. А уже на этапе заключения брачного договора умно ставить условия. Я сам так делал, хотя и в немного других обстоятельствах.”

Я чуть с кровати не упала от таких новостей.

— Ты женат?!

Кажется, теперь Или сообразил, что сказал что-то не то: надписи на стене начали появляться с невероятной скоростью.

“Она была моей фавориткой. Ты же помнишь, что последние несколько столетий с официальными фаворитками мы заключаем брак, правда? И, для ясности: она сейчас — счастливо замужняя женщина, у которой уже есть внуки. Так что не пойми, пожалуйста, превратно.”

— Хорошо-хорошо, — я попыталась усмирить некую внутреннюю собственницу, которая тут же зашипела “Мой дракон! Он пре-елес-сть. Не отдам!” — Расскажешь подробнее, какие у тебя были обстоятельства?

“Да вобщем-то всё просто. Это был, кажется, второй по счёту официальный Отбор девушек в мои фаворитки. Всё шло как обычно: пригласили девиц из самых знатных, самых проблемных и самых нужных семейств, всё чин чинком. И тут один шайпа одного из свежеприсоединённых островов и выдал: “А почему это драконий принц наших девушек не приглашает себе в гарем? Или они для него недостаточно хороши? Или имбайскую знать драконы не уважают?” Казалось бы, бред-бредом, но волна поднялась нешуточная. Особенно горячие головы даже погром в нашей столице устроили. Буянов мы, конечно, отловили, но ситуацию сгладить стоило. Колонии же, как ни крути... Так что мы действительно пригласили дочерей самых знатных представителей диаспоры. И мне сказали выбрать одну из них.”

— И ты выбрал дочь того шайпы? — уточнила я.

“Лисси, ты совсем не веришь в меня... Нет, разумеется. Я выбрал дочь его кровного врага. Через время мы с новым тестем взяли под контроль тот остров.”

Я всё же не удержалась от смеха.

— Такие интриги — это для тебя рутина, да?

“По моим меркам это не то чтобы интрига, если честно. Так, лёгкое развлечение.”

Мне кажется, или кто-то распускает тут перья?

— И как тебе с ней жилось?

“Знаешь, безопаснее было бы обругать её, наверное. Но буду честен: Иллейа была отличной фавориткой. Умной, сдержанной, умеющей приспособиться, сверкать и соответствовать. Да, я не одобряю то отношение к женщинам, что царит в семьях островитян. Но девушки, вышедшие из таких семей, априори готовы подстроиться под любого мужчину, особенно того, который будет удобен для её семьи и обеспечит ей самой достойную жизнь. При всём, это сочетается со сдержанностью и верностью. Это, конечно, не общее правило, но всё же. Так, Иллейа очень быстро поняла, что от неё требуется, и играла свою роль на высшем уровне. Мне даже не хотелось с ней расставаться, но она подошла к первым границам детородного возраста, и удерживать её только потому, что мне удобно, права я не имел. А большего между нами не было — всё же, она не моя пара, да и культурная пропасть никуда не делась. В итоге мы вместе выбрали для неё мужа. С которым она сейчас счастлива. А если

бы с мужем всё же возникли серьёзные проблемы... Ну, у неё есть артефакт прямой связи со мной.”

Я невольно улыбнулась и покачала головой.

— Ты неподражаем.

“Повторяй мне это почаще.”

Я покачала головой:

— Значит, ты думаешь, что ему лучше будет жениться?

“На мой взгляд, самый простой и наименее замороченный способ. Опять же, поскольку твой друг сам с островов, потом он сможет просто взять вторую, любимую жену. А эту поселить отдельно. Но так исчезнет сам повод для шантажа, и диаспора в случае проблем будет уже на стороне твоего друга. Он женится? Женится. А что договор подписывать не хочет, пока правки не внесут — так кто за испорченную в их понимании невесту много даст? Опять же, перед подписанием брачного договора стоит осторожно пустить слух, что девушка беременна, и старшая женщина в семье не очень хочет её брать. Если я правильно понимаю то, как у них это работает, тестю сразу станет в разы сложнее диктовать условия. Общественное мнение обернётся против него.”

— Ну ты даёшь, — сказала я потрясённо. — Ты будто родился на островах...

“Делами колоний занимается больше сестра, но я тоже многого успел нахвататься. Так что примерно понимаю менталитет.”

— И тебе не кажется это циничным по отношению к девушке?

“Она начала эту игру, сделала первый ход. Должна была понимать риски. Можно проявлять милосердие, но позволять другим садиться на голову... Плохая идея.”

Я вздохнула. Мне показалось, что вот это сейчас было... скажем, не только про Акиву.

“Конечно, есть ещё способы, — продолжил он. — Если твой друг занят или не разделяет взгляды островитян на брак как сугубо практичный союз. Можно, например, организовать похищение девушки со свадьбы. Тоже часть чудной островной культуры. Но этот вариант предполагает, что похититель с девушкой переспит. И вряд ли это будет по её воле. Но тут опять же, надо углубляться: может, найдётся вариант, на который она согласится. Ну, или можно на всё

плюнуть и переехать в другой город. В Драконью Империю, например. Готов предоставить твоему другу вид на жительство.”

Я покачала головой.

— Спасибо за советы! Но ему нежелательно... В общем, посмотрим, как всё обернётся. Или?

“Да?”

— Зачем ты хотел купить дом?

Он помолчал.

“Не знаю, — ответил в итоге. — Наверное, хотел сделать его первым подарком для тебя. Дом, на который ты меня променяла. Это было бы и символично, и правильно.”

— Показать мне, как я ужасна и меркантильна?

Пауза была ещё длиннее.

“Честно? Дать то, что ты хочешь. А ещё... Скорее, полечить уязвлённую гордость. Знаешь ли, меня постоянно оценивают. Но всё же редко — настолько дёшево. И никогда раньше это не была моя пара. Знаешь, я понимаю умом и твои обстоятельства, и то, что ты делала свою работу. Я сам за здравый расчёт, если что! Тем более что парность ты не чувствуешь. И прости, что порой веду себя глупо. Просто мне...”

Он не закончил, но я каким-то образом очень ясно ощутила всё, что он хотел сказать. Даже прочувствовала до печёнок.

Мне больно. Мне обидно.

Мне... страшно.

“Извини, — каким-то образом в безликих буквах я буквально слышала досаду, — меня зовёт сестра, нужно отвлечься. Пообщаемся потом, хорошо?”

— Хорошо. Ещё одно, последнее, — сказала я тихо.

“Да?”

— Или, для меня никогда дело не было в деньгах. Дом... это было не про деньги. Я не знаю, как объяснить тебе, чтобы ты понял. Просто... Представь на секунду, что для вас всё изменилось, и госпожа Биланна погибает от голода и холода, что она не может позволить себе платья, что она кашляет кровавым кашлем, а ты не можешь ничего сделать. Скажи, повлияло бы это на твоё мировоззрение?

“Я...”

— Дай мне закончить! Да. Твоя мать больна. И поверь, просто поверь, что я понимаю и сочувствую всем сердцем; я не умаляю твоей боли. Но она стареет и болеет в компании слуг, волшебников, готовых облегчить её состояние, роскошной, идеально подобранной еды, дорогих зелий... И я делала всё, чтобы у моей семьи было что-то подобное. Вот и вся правда про меня. Элизавет... она предложила мне легальный статус. И дом, из которого меня никто не смог бы выгнать. И документ, подтверждающий моё право преподавать музыку... Фальшивое право, но тогда, для меня это было безумно заманчиво. Это было важнее любви — даже если я безумно влюбилась в тебя, даже если не видела никого, кроме тебя. Просто любовь — не главное в жизни. Вот и всё.

Он помедлил.

“Но я предлагал тебе защиту. Предлагал решить все твои проблемы...”

— Ты — прекрасный принц, и предлагал это Дайяне Гохорд. А потом — певице, которую хотел сделать временной любовницей. Но я понимала, что проблемы за моей спиной и тени моего прошлого... Они слишком серьёзны, Или. Вот и всё... А нет, последнее. Веришь или нет, хочешь или нет это признать, но я тоже чувствую парность. Мне тоже больно.

У меня в груди потянуло, и возникло чувство, как будто кто-то разделил мои переживания.

И, думается, так оно и было.

— Не отвечай, — шепнула я. — Просто подумай об этом.

“Хорошо, — ответил он. — Я подумаю. И я тоже влюбился в тебя. Тянулся, в каком бы облике ты ни была. И теперь... я очень жду нашей встречи.”

— Я тоже...

Стена опустела.

Вниз я спускалась в состоянии лёгком и мечтательном. Невидимая тяжесть, которая всё это время придавливала меня к полу, исчезла. Он любит меня! Любит! Он сам так сказал!

Хотелось превратиться, и летать за поездами до упаду, и раздуть перья от счастья, и много чего ещё... Но давящая атмосфера внизу быстро вернула меня с небес на землю.

Аджава с сопровождающими уже, слава Бездне, ушли. Но теперь тётя, дядя, папа Буджо и Бэн сидели за столом, и витала над ними чёрная туча.

— Придётся уехать, — сказал дядя хмуро. — И избегать островных рынков.

Тётя Ленна очевидно пригорюнилась. Немудрено: она была очень большой любительницей имбайских товаров. Особенно ценила сладости и специи, но и в остальном предпочитала покупать всё для дома у “своих”. Для неё этот запрет был довольно болезненным: я знала, что в глубине души она скучает по родным горным долинам. Порой она рассказывала мне о доме, и от её описаний мне самой безумно хотелось там полетать.

Думаю, это очень красивый край.

— Вы решили отказать Аджаве? — уточнила я.

Дядя Джума поморщился:

— А что мне сделать? Поддаться на шантаж? Взять Бэну в жёны эту... вертихвостку?! Нет, такому не бывать. Кровная вражда — это серьёзная угроза, но Аджава играет грязно. Я не собираюсь поддаваться... Хотя тебе, глупый мальчишка, мне так и хочется надрать уши! Как только додумался попасться в лапы этой горной лисы! Жизнь не научила, что женская юбка полна змеиных жал!

— Джума, — протянула тётя Ленна. — Как можно? Мальчик проявил доброту и благородство.

— А вот надо думать, кому отсыпать доброты, а кому и крохи пожалеть! — бушевал дядя. — Сам же хочешь быть дельцом, так неужто такого простого не понимаешь? И что, чем теперь твоя доброта

нам аукается? Достойная женщина с такими просьбами не придёт! Вот наша Лисси, думаешь, стала бы себя нагло мужчине предлагать?!

Я закашлялась, вспомнив, как вела себя в этот Новый Год. В глазах Бэна промелькнуло искреннее сомнение: он явно в мою скромность не верил. Но промолчал, молодец. Открой он сейчас рот, от дяди прилетело бы по самую маковку.

— Так наша Лисси — джинна... то бишь фомора! Не человек! А эта пришла к тебе и вела себя, как продажная девка. Зла моего не хватает! Приютил же на свою голову... В общем, готовиться надо к переезду. Здесь оставаться нельзя.

Понятно...

— Можем пока в Сиреневый Коттедж вернуться, — заметила я.

— Что, думаешь, отвоюет его Лирана?

— Думаю, уже отвоевала...

Словно иллюстрируя мои слова, в дом вошла Лирана Жифф во всём своём косатковом великолепии.

— Ну что вы такие грустные? — спросила она. — Дом ваш! И официальный статус. И денежная компенсация на счету в банке. И отмена обвинений в присвоении чужого имени. И новый мобиль.

Повисла ошеломлённая тишина.

— А мобиль откуда? — слабо спросила я.

— А мобиль — за молчание! Один мне и один вам. Потому что нечего кое-каким магам ради выгоды сомнительные бумажки освидетельствовать... Да и вообще, за наглость и вседозволенность надо платить. Дорого. Я так считаю. И что вы делаете такие удивлённые лица? Неужели думаете, премьер бы отреагировал иначе? Да он когда договор прочёл, его чуть удар не хватил, бедняжку. И я прекрасно понимаю, почему. Одного не могу понять: как она вообще на такое решилась? Уж сколько я ненавижу леди Элизавет Биолифф, но дурой её до этого момента не считала.

— Она была уверена, что я не вернусь, — ответила я тихо. — Потому и решилась на подобное.

— Ясно, — поморщилась косатка. — Ну что же, за самонадеянность тоже надо платить... и да. Дело не моё, но, поскольку я каким-то образом считаюсь и вашей стряпчей, таки спрошу: а что происходит? Похороны, а я и не знаю?

Мы переглянулись, и дядя Джума с неохотой обрисовал ситуацию.

— Ха! — сказала Лирана. — Ловко, а? Пойти, что ли, тоже за кого замуж выйти? У меня список тех, кому можно предъявить, длинный! Сорвали, понимаешь, ягоду!.. Не хмурьтесь, шутка. А если по сути... Ну слушайте, господа, так дела не делаются. Мы же не на Имбайях, чтобы жить по островным законам! Предлагаю прямо сейчас составить заявление на клевету с угрозами. И притащить эту предприимчивую юную особу и её отца в суд. Адекватный, нормальный суд, где ей зададут правильные вопросы и под клятвой получают ответы. Можно ещё по ходу заседания на один из этих ваших чудных артефактов всё записать, чтобы потом сомневающимся и желающим отстоять честь и очередь всё чин чинном предъявить. Вот и всё решение вашей проблемы.

Я молчала, всё ещё слишком шокированная новостями, и рассматривала небрежно брошенные Лираной на стол бумаги.

Мой официальный статус. Дом. Деньги... Поверить не могу, что на деле всё это оказалось так просто! Умом понимаю, что одна из лучших стряпчих города — это не “просто”. И, приди я к премьеру с улицы, всё кончилось бы очень по-другому. Но всё же...

Так вот ты какая, справедливость?

Жаль, что работаешь ты только для тех, у кого правильные связи и правильные адвокаты.

— Не знаю, — сказал дядя хмуро (я подозревала, что ему всё ещё было тяжело работать с женщиной в таком ключе). — Не по-людски это, вот что. С такими делами в суд идти...

— Ага, — хмыкнула Лирана. — То есть, угрожать расправой у нас по-людски. А в суд — ни-ни?

Дядя вздохнул:

— Есть в твоих словах правда, есть. Хотя и не нравится мне это, но...

— А что с ней будет? — спросил вдруг Бэн. — С Акивой?

— Тебе ль не всё равно, — махнул рукой дядя. — О себе и своём деле думай. Она сама всё так решила...

— Или её заставил отец, — Бэн отвёл глаза.

— И что? Слушай. Ты себя винишь из-за той девицы, из-за которой тебя поломали?

— А даже если так? — сверкнул глазами Бэн. — Я обижался, злился, но когда Акива рассказывала, как с ней обошёлся отец, у

меня... Если подумать, Дайяна на себя была не похожа, когда смеялась надо мной и говорила ужасные вещи. Не знаю, почему она это сделала и чем ей грозили; уже поздно спрашивать. Но не так просто отказать родителям, верно? И потом, Аджав — опасный человек.

— Пойдём мы в суд или просто уедем, для неё это не кончится хорошо, — вздохнула тётя Ленна. — Аджав... не самый чистоплотный человек. И очень тяжёлый на руку.

— И она сама себя в такое положение поставила, — отрезал Джума. — Значит, поделом. Госпожа Лирана...

— Нет, — отрезал Бэн.

— Что? — поднял брови Джума.

— Нет, мне не подходит такой вариант, — повторил Бэн. — Надо придумать что-то другое.

Дядя нахмурился, явно готовясь высказать всё, что думает. И я поняла, что настал мой звёздный час.

— Может, подговорим того парня, что на нас напал, её украсть со свадьбы? — уточнила я.

— Да кто её теперь красть станет, — отмахнулся дядя.

Я пожала плечами:

— Ну, тот парень хотел открыть своё дело. А мы так-то теперь и доплатить можем. За избавление от проблемы, так сказать.

— Хм, — дядя нахмурился. — Всё же голова ты, Лисси. Го-ло-ва!

— Рейдар? — нахмурился Бэн. — Да, он очень хотел заполучить Акиву. Так что...

— Вот и решили, — постановил дядя. — Организуем тайную встречу с этим Рейдаром. И давайте уже, наконец, ужинать! Госпожа Лирана, присоединишься?

— О нет, спасибо, — хмыкнула она. — Мне нужно вернуться к Морию. Чтобы вы понимали масштаб возможных проблем, скажу, что он прямо сейчас выбирает себе резиденцию. Представляете, чем это может обернуться?

— Ой, — сказали мы хором.

— Вот-вот, — улыбнулась Лирана. — Но спасибо за предложение!

*

Ужин прошёл спокойно...

Ладно, не буду врать: *первая половина* ужина прошла спокойно. Для нашего дома в последнее время это уже рекорд.

Я, честно признаюсь, всё витала в облаках и пару раз успела сбегать наверх: не появилось ли на стене новых надписей? Родные переглядывались, но пока что молчали. И я уж хотела, не дожидаясь сладостей, откланяться, но тут в дверь постучали.

Мы мрачно переглянулись. У нас на лицах очень ясно читалось: “Что, *опять*?”

— Открою, — сказал Джума сухо. — Многовато у нас сегодня гостей. Вы сидите, я сам.

Ну вы же понимаете, право, что усидеть на месте стало совершенно невозможно? Переглянувшись, мы, будто заправские партизаны, тихой сапой устремились за ним.

— Ты! И как нахальства хватило прийти! — дядин вопль заставил нас ускориться.

— Я хотела бы поговорить с Бэном, — зазвучал тихий девичий голосок. — Умоляю, почтенный Джума...

— На пороге у себя не хочу видеть мерзавку и обманщицу вроде тебя! — бушевал дядя. — И снова явилась одна, снова! Как так?!

Как говорится — ой.

— Пожалуйста! — воскликнула, видимо, Акива. — Я хочу с ним поговорить! Разве это так сложно — один разговор!

— Наговорила уже! — рявкнул дядя. — Разгрести бы последствия твоей этой говорливости!

В чём-то он прав, если честно. Но так считали не все.

— Я согласен, — сказал Бэн тихо, выходя вперёд. — Но, Акива, я не...

— Согласен? На что ты согласен? — бушевал дядя. — Оглох и ослеп?

— Я согласен поговорить, — добавил Бэн. — Но при свидетелях. Дядя поморщился и слегка посторонился.

— Говори! — сказал он Акиве. — Здесь и при всех!

Я с любопытством уставилась на эту девушку-проблему.

А красивая. И, кстати, чем-то похожа на Дайяну — если не учитывать другого цвета кожи, конечно. И...

Ой. А на колени-то зачем падать?

— Господин, — воскликнула она, склонившись перед Бэном в пол, — прошу, пойдی моему отцу навстречу! Знаю, что ты не хотел этого, знаю, что не любя я тебе, что сердце твоё тоскует о той, другой,

оставшейся за океаном. Но я буду слаще мёда, послушней и тише тени, изящней лани, ласковей весеннего солнца. Я ведь тебе не противна. А ты... Я выпросила у отца купить мне все музыкальные шкатулки, что ты сделал. Когда отец заговорил со мной о тебе и Рейдаре, я просила тебя, тебя одного, потому что из всех мужчин ты мне больше всего по сердцу. Так смилуйся надо мной — и я отдам всё взамен.

Ух ты. И ведь не врёт, я чувствую! Вот уж где неожиданный поворот-то.

— Акива, я...

— Мне не стоило слушать отца, но теперь вышло то, что вышло. Если ты откажешься от меня, мне не жить! Прошу, прояви милосердие!

— И как только хватает наглости...

— Хорошо, — выдал Бэн. — Я на тебе женюсь.

— Чтоб тебя... — пробормотал дядя.

— Ты даёшь своё слово? — она подняла на него больные, умоляющие глаза.

— Да, — тихо сказал Бэн. — Я любил в своей жизни одну женщину и вряд ли полюблю другую. Мне всё равно, на ком жениться. И ты... ты не противна мне, да. Ты... будешь моей женой?

— Конечно! — воскликнула она, обнимая его ноги. — Спасибо! Я буду повиноваться тебе во всём!

— Эм... Давай ты тогда встанешь, а? — уточнил он.

— Конечно, — она вскочила и одарила его широкой, счастливой улыбкой. — Как пожелаешь!

Мы с семьёй мрачно переглянулись. Я не знала, как к этому относиться: она с одной стороны вроде бы говорила правду, но с другой...

— Слово сказано, — сухо сказал дядя. — Я свидетель. Значит, быть посему. Сейчас мы с Ленной проводим твою невесту домой. Заодно и с Аджавой... поговорим. А вы ложитесь спать; чую, завтра будет непростой день.

*

“Ты здесь?” — было написано на стене.

И может быть (только может быть) я бросилась вперёд слишком стремительно. И, споткнувшись о кровать, растянулась на полу.

Н-да. Красота и изящество... Всё же порой удобно, когда тебя не видят.

— Да, здесь, — сказала я быстро, — только закончила со всякими проблемами.

“Твой друг?”

— Да.

“Ничего не решилось?”

— Ему жалко девушку и он женится, — вздохнула я.

“Что же, я так и подозревал. Теперь главное — обыграть правильно договор. Говори, если с этим понадобится помощь. И — как вы там, с малышом? Всё в порядке?”

— Да, — я улыбнулась и нежно погладила яйцо. — Он понемногу впитывает энергию из окружающего мира, всё идёт спокойно. Я немного устала, потому что не совсем восстановилась после беременности. В случае с детьми-селенити это не очень просто. Но в целом...

“Поделюсь с тобой энергией, когда встретимся.”

— А когда мы встретимся? — с замиранием сердца уточнила я.

“Уже завтра, — ответил он. — Завтра вечером прибудет наш корабль. Правда, наша первая встреча обещает быть публичной: со скандалом нужно разобраться как можно скорее. Наши спецы придумали кое-что, меня в детали не посвящали. Но завтрашние газеты тебя порадуют.”

— Да? — уточнила я подозрительно. — Точно порадуют?

“Не сомневайся. Они покажут тебя в совершенно другом свете! А теперь ложись спать. Я хочу, чтобы ты отдохнула. Ещё успеем наговориться.”

“Нет, хочу ещё!” — хотелось мне крикнуть, но усталость брала своё.

— Спокойной ночи, — шепнула я.

“Спокойной ночи.”

Свернувшись вокруг малыша в облике огромной змеи, я заснула окрылённой и счастливой.

Тиса из Гильдии Змей

*

— Как вы это допустили?! — бесновался Глава. — Как?!

Я смотрела на своего непутёвого сына, лежащего в луже серебристой крови. Жив? Нет? Не понять. Можно подойти и проверить, но я слишком боюсь узнать правду.

Линки, мой мальчик... Дорогую же цену он заплатил за то, что спрятал свою дочь. Возможно, мне в своё время стоило поступить, как он; нужно было дать ему мирную жизнь. Почему не додумалась, старая глупая змея?!

Но это не так начиналось. Совсем не так.

Когда-то, в другие времена, я испытывала гордость от того, что состою в Гильдии. Тогда Вел-Лерия, столица купечества и пиратства, была городом таких, как мы: преступников, мошенников, перекупщиков. Государственная власть была настолько слаба, что стража боялась совать нос в наши районы и наши дела; городом правили мы. Тогда я, ртутная змея, служила Главе Гильдии и считала эту судьбу лучшей для своего детёныша.

И вот он, умирает на моих глазах. А я даже не могу воспротивиться, связанная клятвами по рукам и ногам...

Я не знаю, когда всё повернуло не туда, чтобы привести в итоге именно к этой точке. Петли клятв связали нас после ухода Йеля, да. Именно тогда Главу окончательно одолела паранойя. Но, оглядываясь назад, всё началось намного раньше и происходило постепенно, шаг за шагом.

Глава нашей гильдии — чистокровный селенити. За свою жизнь он успел несколько раз перелинять, обращаясь то мужчиной, то женщиной (способность, недоступная никому из полукровок, к счастью или сожалению: не уверена, что лично мой разум легко бы справился с подобным опытом). Впрочем, Глава давно переступил порог в пять тысяч съеденных жертв, так что линька более недоступна ему. Он обзавёлся огненными перьями и окончательно избрал для себя

мужское тело. Другое ему уже и не нужно: он успел озаботиться целой ордой потомков.

Изначально Глава был просто слабым селенити. Его призвал из небытия какой-то колдунишка, заправский неудачник, решивший спьяну материализовать свои страстные сновидения. Глава поглотил создателя, и именно так начался путь старого змея на этой земле. Впрочем, тогда он был молод, хитёр и амбициозен. И, что более важно, очень не хотел возвращаться обратно в небытие. Ему нравился полный еды и ресурсов человеческий мир, и он хотел обустроить тут жизнь для себя и своих потомков. Способом сделать это стала Гильдия, наше личное змеиное гнездо.

Именно Глава придумал, как можно использовать драконьи поиски пары в наших интересах; именно он долгие годы рулил Гильдией. Последние четыреста лет за спиной его стояла я, ртутная змея, Йель, ледяной змей, и Биника, радужный змей. Высоким был также статус наших детей. И дела шли хорошо... сначала.

Но человеческий мир меняется, как бы сложно порой ни было нам, вечным магическим тварям, подстраиваться под эти стремительные изменения. То, что казалось нормальным жалких триста лет назад, теперь стало сложным. Перемены пришли, и нам настало время следовать за ними. Открывать легальные дела, выводить из тени наши деньги, в перспективе даже рассказать миру о своём существовании — именно за это выступал Йель, и мой сын был его сторонником.

У Главы к Йелю было особенное отношение. Он в принципе ценил всех потомков, которые смешали свою кровь со знатными драконами. Но Йель, родной племянник Императора... Глава очень дорожил им. И дал чуть больше власти, чем остальным. И не нужно быть провидцем, чтобы понять: в какой-то момент их интересы столкнулись.

Началось всё с того, что инновации Йеля столкнулись с консервативными взглядами Главы; последнее слово осталось за Главой, но ледяной змей не отступился и стал перетягивать на свою сторону всё больше сторонников. Как и следовало ожидать, за этим последовал большой конфликт. Йель ушёл, и многие последовали за ним. А в тех, кто остался, Глава вцепился изо всех сил. Крича про

предательство и неуважение, он связал нас клятвами, так что мы, растерянные расколом, даже не успели пикнуть.

И вот мы здесь.

— Тиса! — разумеется, Глава вспомнил обо мне. — Это твоё отродье создало проблемы. Тебе их и решать!

— Разумеется, — ответила я чуть устало. — Что вы хотите, чтобы я сделала?

Он свернулся посреди комнаты, полыхая огненными перьями.

— Наш аноним из Ледяного Дворца вышел на связь слишком поздно, — проворчал он. — Теперь уже не получится решить всё тихо, мирно и не привлекая внимания: вокруг нужного нам дома пасётся до Бездны имперских агентов. Пара принца, чтоб её! Кто думал, что подобное в принципе возможно?!

С его перьев посыпались искры: верный признак того, что Глава в дикой ярости.

— Мы висим на краю, — сказал он. — Само выживание Гнезда под угрозой: сначала упустили один из основных источников энергии, потом объявился этот кретин Морий. А теперь ещё и это... Выбор у нас только один.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Тиса, ты должна похитить у своей внучки детёныша. У вас достаточная степень родства, чтобы яйцо получилось взять без проблем.

Только этого не хватало...

— Что вы собираетесь делать с ним? Драконы просто так подобное не оставят.

— В том и суть, — сверкнул глазами он. — Дождись, пока мать детёныша и Морий покинут дом. Найди способ выманить одного из людей, что живут с ними, натяни его личину и ступай внутрь. Будь осторожна и помни про шпионов! Забери яйцо из гнезда. Создай энергетическую копию, чтобы мать не почуяла раньше времени. Оставь записку, что нам терять нечего. Мы уничтожим яйцо, если она не придёт за ним к нам. Одна. Заставить её принести клятвы — наш единственный шанс. Пара принца Драконьей Империи... Представляешь перспективы?

О да. И как-то нехорошо мне становится от них. Хотя есть ли у нас альтернатива — другой вопрос. Если правда всплывёт на этом

этапе, наше гнездо перестанет существовать.

Только... не к лучшему ли это?

— Ты поняла, что надо сделать?

— Да, Глава. Я всё выполню.

— Хорошо.

Алиссия Майлифф

*

— Лисси! Там такое!!! — воскликнула тётя.

И меня тут же одолело дурное предчувствие.

Скажем так: обычно тётя Ленна не позволяет себе таких эмоциональных восклицаний. И не врывается ко мне. И не размахивает утренними газетами.

Газеты... Ну, Или, смотри мне...

— Что случилось, тётя? Что такое? — уточнила я настороженно.

— Сама смотри!

Я взяла газеты, мысленно готовясь к самому худшему, и с подозрением просмотрела заголовки.

Прибью.

“Таинственная незнакомка на балу в Академии Магии”

“Песня, которая изменила всё: загадочная певица на маскараде очаровала принца”

“Поющая Золушка”

Серьёзно?!

“Волшебный голос пары принца”

“Официальное заявление Ледяного принца: вместо туфельки — голос!”

“Все девицы столицы готовятся к балу в Посольском Дворце”...

Так, не поняла.

Быстро развернув газету, я принялась читать. Благо новость расположилась на первой полосе.

— Я. Его. Прибью, — сказала с расстановкой.

— Ну, — заметила тётя Ленна осторожно, — теперь они тебя хвалят, не так ли?

Параллельно с этим на стене возникла надпись:

“Доброе утро, милая!”

Я тихо зашипела и снова пробежала глазами по строчкам.

— Или... — протянула я.

“Что?”

— И ты ещё спрашиваешь?! Неужели считаешь, что я соглашусь?!

С первой полосы на меня взирало ровно следующее:

“Спешите прочесть! Скандал в Ледяном Дворце!

Наследный принц нашёл свою пару... но потерял в суете маскарада. Ах, какая таинственная история! Кто эта девушка? И почему же она сбежала? Наше издание стало одним из тех, где принц Или опубликовал обращение к ней: “О прекрасная незнакомка, что пленила моё сердце! Приходи сегодня вечером на бал в Посольском Дворце и спой. Я узнаю твой голос из тысячи...”

Ну разве это не романтично! Наша редакция, как и все жители Тавельни, с нетерпением ждёт развития событий!..”

Я медленно отложила газету, борясь с желанием её разорвать. Словно в насмешку, на стене морозным инеем проступила надпись: “Приходи сама. По-хорошему. Иначе найду! И вот тогда будет хуже...”

Проклятье! Поверьте мне: никогда, никогда не связывайтесь с прекрасными принцами!

— И что же ты мне сделаешь? — уточнила я мрачно, скрестив руки на груди.

“Укушу, — появилось на стене. — Немного. За все интересные места. А потом поцелую... Но для начала прилечу к тебе в драконьем облике, сяду на крышу и буду сидеть, пока ты ко мне не выйдешь. И стану показательно страдать, может, даже плакать. Несчастный, отвергнутый принц... Представляешь, в какой восторг придут газетчики?”

— Ты этого не сделаешь.

“Ну, испытай меня, если смелости хватит!”

— Крыша провалится!

“Не волнуйся, я её перед тем заколдую. И да, как ты думаешь, плачущий и печальный дракон — это интересное зрелище? Я вот уверен, что толпа будет в восторге.”

— Представь, что о тебе напишут газеты!

“Плевать. Главное, чтобы ты перестала на меня злиться. И кстати, об этом: чем плохая история знакомства? И не совсем ложь, если уж на

то пошло. Меня действительно очаровал твой голос. Это всего лишь правда.”

Я с трудом сдержала поневоле набегающую на лицо улыбку. Почему у меня не получается на него долго злиться?!

— И всё же это вульгарно, — сказала я. — Вся эта ерунда с Золушкой, конкурсом и песнями.

“Знаю, — я удивлённо захлопала глазами, когда почувствовала чужое ментальное утешающее прикосновение. — Я тоже не в восторге. С другой стороны, это понравится публике. И знаешь что ещё?”

— Что?

“У нас останется время для нас двоих. Мне кажется, с учётом всех обстоятельств это хорошая новость.”

— Точно, — хмыкнула я и расслабилась.

Как оказалось, рано.

“Придёшь в своём настоящем обличье?”

Вот Бездна.

— Нет, — ответила я сухо.

По нервам ударили отголоски раздражения. Неужели мы с ним и правда начинаем общаться мысленно?

“Почему? Не пришло ли время отказаться от масок, ма шери?”

Я вздохнула.

Нам всё равно придётся это обсудить, не так ли?

— Позволь мне надеть личину в этот раз, хорошо? А уж потом, когда останемся наедине, я покажу тебе своё настоящее лицо.

Он помедлил, и мне почудилось, что прислушивается он больше к моим мыслям, чем словам.

“Хорошо, если это так важно, — наконец, появился ответ. — Но ты ведь не стесняешься своей настоящей внешности? Потому что если так, то это немного глупо с твоей стороны.”

— Обсудим на Балу, — отрезала я.

“Ладно. И ещё кое-что... ты ведь понимаешь, что нужно подготовиться? Тут я хотел бы предложить своих агентов, охрану и слуг. Если ты дашь согласие на то, чтобы они присутствовали у тебя в доме, то всем будет проще.”

Меня передёрнуло.

— Извини, но мой дом — это гнездо. Я не могу просто так взять и впустить сюда посторонних. Это...

“Инстинкт. Понимаю. Логично, учитывая твоё драконье наследие. И да, с этой точки зрения мне становится, скажем так, более понятен момент с домом. Извини.”

Секундочку...

— Я тут должна просить прощения, — сказала я тихо. — Но ты знаешь о моей... родословной?

“Пока не всё, но основное. Потому и подумал, что ребёнок тебе понадобился в качестве... Даже не знаю, как сформулировать.”

— Как удобный генетический материал, — хмыкнула я, покачав головой. — Это логично. Многие мне подобные так воспринимают драконов. Хотя меня, кстати, предостерегали от того, чтобы выбирать тебя в качестве отца для будущего ребёнка.

“Почему?”

— Слишком много драконьей крови, из-за этого проявляются многие особенности вашей расы. Тяга к паре, например.

“Понимаю... Хорошо, давай зайдём с другой стороны: хочешь побывать в гостях у Марджаны Лофф?”

*

— Хочешь горячего шоколада? У меня он просто отличный!

Именно такой фразой поприветствовала меня с порога страшная и ужасная Марджана Лофф.

Я, честно скажу, не нашлась с ответом: стояла, глупо приоткрыв рот, и таращилась на тапочки в виде плюшевых дракончиков.

— Ах, это! — рассмеялась профессор. — Мы с парой любим дарить друг другу такие подарки. Нравится?

— Они... очаровательны, — я не сразу нашлась с нужным словом. Нет, по сути оно было правдой, просто...

Марджана Лофф, пара одного из богатейших наследников Драконьей империи, носила плюшевые тапочки в форме дракончиков.

Это настолько не вязалось с моими представлениями об аристократах и богатых людях... А ещё теперь её точно не получится ненавидеть — после этих тапочек! По всему выходило, что уже вообще никак.

— Проходи, — сказала Марджана, — и, если тебя раздражают такие вещи, я могу переобуться. Ты так смотришь...

— О, нет-нет! Просто я это всё себе представляла как-то иначе.

О да. И дом этот в посольском квартале, окружённый сложной охранной системой, изнутри тоже виделся мне совсем другим: пафосным и величественным. На деле же это оказалось очень уютное помещение, пахнущее шоколадом и переполненное всякими милыми мелочами.

— И как же ты это представляла?.. О, молчи, дай угадаю: ужасную пафосную ерунду в стиле старых аристократических семейств, кичащихся своим статусом направо и налево? Ну, тут всё так выглядело, когда нас только заставили переехать, есть такое дело. Это вообще был сложный период для меня: меня заставили ездить в Академию на мобиле с личным водителем, приставили охрану... Сама поймёшь со временем, в общем-то. Но должна успокоить: драконы очень уважительны, когда это касается личного пространства и дома. Так что я смогла всё обустроить тут по своему вкусу. И как тебе?

— Потрясающе, — ответила я честно, рассматривая коллекцию фарфоровых призраков. — Мне нравится. Но у меня есть один вопрос: а как вы смогли рассказать обо мне? Обойти клятву? Или...

Марджана покачала головой:

— Во-первых, давай на “ты”. Во-вторых, сама позже поймёшь: от пары довольно тяжело что-то скрыть. Сложно иметь секреты, когда у вас фактически одно ментальное поле на двоих... Он почувствовал мою реакцию, когда начал говорить о своей родственнице-змее, паре наследного принца. Он не стал говорить об этом напрямую, потому что не был точно уверен, как отреагирует клятва. Но смог достаточно прозрачно намекнуть своим ребятам, в какую сторону копать. Так что мне фактически не пришлось никому ничего рассказывать.

— Ясно...

Так что же это получается, я смогу со временем поделиться с Или секретами Змеиной Гильдии? Любопытно...

— Так что, не откажешься познакомиться с Дином? Он хочет этого, но только если ты разрешишь. Мы не хотим вмешиваться в твоё личное пространство слишком сильно. И давить.

— Да мы и так с ним знакомы, — заметила я. — Он меня в первую нашу встречу у стеночки зажал, между прочим.

Марджана рассмеялась.

— Дин и его манеры!

— Это была часть работы! — заявил ртутный дракон, выходя из тени и приобнимая Марджану. — И, оглядываясь назад, я был прав тогда — с тобой действительно было очень много чего “не так”. Правда, и вообразить не мог, насколько... Ну что, уважаемая кузина, приятно познакомиться! Ты же моя кузина, да?

Я замялась.

Вообще-то змеиные родословные — это такой компот, в котором попробуй ещё разберись. Насколько было мне известно, моя бабка приходилась Дину то ли сестрой, то ли кузиной. Какая это вообще степень родства?! Впрочем, без разницы: всё равно рассказать это клятвы бы мне не позволили.

— Извини, — развела руками я, — понятия не имею.

— Не знаешь, не можешь рассказать или не хочешь?

Экий проницательный.

— Второе.

— Ясно, — прищурился Дин. — Что же, так тому и быть. Но на всякий случай должен предупредить, что мой отец и его брат, нынешний глава Ртутного Дома, объявили, что любой носитель нашей крови официально считается младшей ветвью семьи. С соответствующей юридической защитой. То же самое, кстати, заявили и другие семьи, включая Радужный Дом. Рой сейчас занят вместе с семьёй на бакарийском направлении (всё же, именно им принадлежит территория, которую пытаются отнять фоморы). Если бы не это, уверен, они бы уже были здесь. Как же, неучтённые потомки, среди которых ещё и будущая Императрица...

— Ну да, — криво улыбнулась я, — спорю, теперь у меня появится очень много родственников. Это обычное дело для удачливой Золушки, правда?

— Есть такое, — Дин посмотрел очень серьёзно. — Но на самом деле, драконы рады потомкам в любом случае.

— Возможно. Но с юридической защитой я бы на вашем месте не спешила, — честно сказала я, вспомнив особенности гильдейских зарботков.

Дин склонил голову набок — кажется, он действительно был из тех, кто понимает намёки.

— Я учту. Но и ты запомни кое-что. На самом деле, тебе повезло с парой: мой друг Или... он порой ведёт себя, как задница, но в целом действительно не самый худший из вариантов.

— Знаю, — слегка улыбнулась я.

— Ну вот, то-то. Но если вдруг возникнут какие-то проблемы — а у драконов при обретении пары часто бывают проблемы, особенно с эмоциональным фоном — ты всегда можешь ко мне обратиться. Я, вдруг что, и стукнуть его могу... ну знаешь, по-дружески.

— Спасибо...

Марджана фыркнула:

— Ну хватит уже. Времени до вечера не так уж много, а тебе ещё нужно примерить наряды.

— Наряды?

— А что? У каждой приличной Золушки должна быть фея. Я, конечно, в этом смысле не очень, но есть старая поговорка...

— Какая Золушка, такая и фея, да-да, — я почти невольно улыбнулась.

— Вот-вот. Наряды специально зачарованы, с фурнитурой и подгонкой под фигуру. Посмотришь?

Я предвкушающе улыбнулась:

— Кажется, я нашла хоть одну приятную часть в жизни принцессы.

— Эти все наряды успеют тебе надоест, — чуть грустно улыбнулась Марджана. — Меня саму уже немного мутит от необходимости дважды в неделю выходить в свет и выглядеть соответствующим образом, поддерживая имидж драконов. Но тебе, возможно, будет проще, ведь это действительно чем-то похоже на выступление. Счастье ещё, что образ для меня готовят предварительно, и не надо со всем этим этим морочиться. В назначенный час забегает специальная магиня-бытовичка, храни Мора её. Она упикивает меня в платье, и вуаля — макияж, причёска, аксессуары и прочее сами собой надеваются. Иногда, правда, Дин пытается превратить меня в новогоднюю ёлку. Не иначе как по старой памяти, ведь я его под одной такой ёлкой нашла...

— Я всего лишь делюсь с ней некоторыми милыми игрушками из моей малой сокровищницы, — пожал плечами ртутный дракон. — Кстати! Лисси, тебе тоже положены фамильные драгоценности. Сейчас выберешь наряд, и подберём к нему какой-нибудь подходящий гарнитур. Дальше-то тебе в сокровищах Императорского Дома ходить, но сегодня пока рано. Могут не так понять.

— Спасибо, — ответила я слегка растерянно. Это всё было совсем, совсем не так, как я представляла.

— Ну, идём, — сказала Марджана. — Время, ребята! У нас намного более плотный график, чем может показаться со стороны.

— М-м, — фыркнул Дин, — обожаю, когда кое-кто включает дома учительницу!

Марджана сверкнула на него глазами и, видимо, что-то ответила мысленно. Я почувствовала сгущающуюся энергию (очень вкусную по меркам селенити, кстати) и быстро отвела глаза. Как-то неловко это всё... Ой!

— Ой! — повторила я вслух. — Это кто?

— Ах это, — Марджана фыркнула и ласково почесала двух спящих в корзинке котят. — Это Минни и Винни. Дин притворяется, будто ненавидит их...

— Наглые комки меха!

— Вот-вот. Правда, всё равно гладит их, когда я якобы не вижу... Мы не планировали брать их изначально, но я обнаружила, что очень скучаю по своему коту. Интересно, как там мой Боня поживает?!

Или, дракон Льда

*

— Я в стрессе! — сказал Бонифаций. — Почему мы обязательно должны, ну знаете, *плыть*?!

— Тебе предлагали остаться дома, — ответил я раздражённо. — Всем бы проще было!

— И тебя отпустить одного? — надулся кот. — Так бы и пошёл на бал в этом недоразумении!

Я бросил быстрый взгляд в зеркало.

— Думаешь, не годится?

— Слишком пафосно. Выглядишь, как идиот! Если бы у тебя хотя бы шерсть была, то ещё как-то. А так — не принц из сказки, а расстройство одно!

Я оценивающе осмотрел выполненный в смеси имперского и тавельнского стилей камзол.

— Может, стоит выбрать что-то более традиционное? Киото в стиле старого Предгорья? Или парадный наряд наследного принца?

— Думаю, тебе стоит успокоиться, братик, — подала голос из своего кресла Иэ. — Ты меряешь уже третий наряд! Скоро кончится запас, который наши модисты взяли с собой. И какой смысл? Думаю, уж твоя пара уже успела тебя повидать. Причём в разных агрегатных состояниях, учитывая, что у вас наследник на подходе. Так стоит ли...

— А вдруг она посмотрит на него и решит, что такого счастья ей не надо? — надулся Бонифаций. — Пока наследника делали, она, может, и не присматривалась особо. Там другое важно, знаете ли. А тут увидит при свете, во всех деталях — и испугается. Мол, чего это вы мне тут подсунули? Нет уж! Всё должно быть идеально! Второй раз этих мартовских игр я просто не переживу!

— Я тоже, что характерно... — пробормотал я.

— Госпожа, — вдруг вмешался Деррен, стоявший за спиной у сестры услужливой тенью, — думаю, это некоторым образом их

первое настоящее свидание с родственной душой. Когда-то я готовился к такому, и уверяю: ни один наряд не казался мне впору.

Я подавил улыбку, заметив быстрый взгляд, который сестра бросила на своего “фея”. Кажется, ей очень не нравится слышать о его прошлых свиданиях. Эх, Иэ, кого ты обманываешь? Впрочем, все мы глупеем, встречая того самого. Мне ли не знать.

Интересно, правда, почему этот Деррен называет пару “душой”. На демонический манер... Нужно будет заказать дополнительный отчёт по этому парню.

— И всё же брат, открой мне секрет: что поменялось? Ты выглядишь, не побоюсь этого слова, счастливым. Не подумай, меня радует это. И всё же...

— У нас начала налаживаться ментальная связь, — признался я. — А ещё я теперь знаю, что она тоже чувствует парность. И всё то, что было между нами, было настоящим...

Прозвучало просто.

Намного проще, чем оно на самом деле ощущалось.

Облегчение, затопившее меня, когда я впервые разделил с ней эмоции, сложно передать словами. На стене появилась надпись: “Я тоже чувствую парность. Мне тоже больно” — и её переживания затопили меня, будто наводнение.

Я понял, что любим. Что не буду вынужден коротать век с парой, которой на меня совершенно наплевать, привязанный связью, будто цепями. Что это не был обман, и наш ребёнок для неё — не просто забавный генетический эксперимент... Если бы у меня от рождения не было крыльев, то, пожалуй, я бы ими в тот момент обзавёлся.

— Я поздравляю, брат, — проговорила Иэ негромко. — Это действительно, без единого преувеличения, потрясающая новость.

— Присоединяюсь, — добавил Деррен. — И, если мне будет позволено вмешаться, то почему бы не украсить камзол льдом? Думаю, это будет отличным дополнением.

— Голова! — вскричал Бонифаций. — Будет не так заметно, что у него нет шерсти, особенно если ещё добавить инея! И лучше поторопиться: чую, Вел-Лерия уже показалась на горизонте.

Алиссия Майлифф

*

— Ох, моя девочка! Какая же ты красивая! — воскликнула тётя Ленна.

— Ты будешь там рыбой с лучшим хвостом, — сказал Морий. — Все самцы будут твои!

— Мне хватит и одного, — пробормотала я, бросив беглый взгляд на своё отражение.

Я и сама, если честно, была в восторге.

Впрочем, думаю, мой нынешний наряд из любой бы сделал прекрасное воплощение самой зимы: приталенное платье, украшенное кружевом, вышитое камнями и дополненное полупрозрачными перьями, было просто потрясающим. А специальный тёмный плащ, сделанный под этот костюм, до поры до времени полностью скрывал меня от любопытных глаз.

В общем-то, мне не было нужды даже заезжать домой: Ртутная чета собиралась отправить меня на бал со своим водителем. Но я, по правде, чувствовала себя неудобно, оставляя гнездо с малышом на целый день. Пусть Дин и заверил меня, что за кварталом присматривают, но всё равно на душе было беспокойно.

Я ещё ни разу не оставляла его так надолго...

— Я тоже пойду посмотреть на ваши брачные игры, — сообщил Морий важно. — Косатка добыла мне приглашение. Жаль, что она сегодня целый день занята! Я сижу тут, тоскую... Ещё и запретила мне покупать тот большой белый дом! А всё почему? Что тут такого, что это национальный музей? Они почти согласились!

— Занята? — удивилась я, поглаживая рукой мягко пружинящую скорлупу. — А чем, если не секрет?

— О, они договариваются о подробностях спаривания нашего Бэна, — сказал Морий. — Интересно это у людей: у них нет чёткой картины брачных игр. Никогда не знаешь, как всё должно быть...

Я удивлённо посмотрела на тётю Ленну. Что, неужели дядя согласился взять на переговоры с Аджавой стряпчую-женщину?

Неожиданно, что уж там. Хотя, быть может, это и верный ход...

— Когда госпожа Лирана узнала о решении Бэна, она была очень раздражена, — пояснила тётя. — Сказала, что никогда нельзя поддаваться на шантаж. И, если уж Бэн решил пойти на эту свадьбу, то условия брачного договора следует обсудить в присутствии стряпчей. Джума подумал немного и согласился. И, кажется мне, это к лучшему.

Я тихонько улыбнулась, представив, как перекосило Аджаву, когда он увидел нашу Лирану. Особенно учитывая то, как хорошо она умеет... раздуваться.

— Ну вот, — сказал Морий, — накормил твоего малька. Прожорливый он у тебя!

— Извини, — смущённо вздохнула я, — скоро тебе не нужно будет кормить его: Или...

— Да что такого может этот дракон! И вообще, я ж не жалуясь: мне не сложно и не жалко. Просто предупреждаю, что шустрый он у тебя. Всё норовит хапнуть много энергии сразу и вылупиться.

Мы с тётей переглянулись.

— Так может, это ему и нужно? — заволновалась я. — Больше энергии? Может, он не может вылупиться...

— Ну прекрати, мамаша! — фыркнул Морий. — Он у тебя откормленный и растёт, как надо. Быстрее и не нужно, знаешь? Мы хоть волшебные создания, а всё же переедание и мгновенный рост никому на пользу не идёт: может аура не до конца сформироваться. Вряд ли будут очень серьёзные проблемы, но оно тебе надо?

— Не надо...

— Вот-вот! Лучше подождать месяц-другой, как по мне.

— Конечно, — вмешалась тётя Ленна, — у малыша должно быть самое лучшее! Но, Лисси, тебе не пора? Принц ждёт!

Я вздохнула, ещё раз погладила яйцо (почему с ним сегодня особенно тяжело расставаться?) и поспешила вниз. Мобиль, что должен был отвезти меня на бал, ждал у входа.

*

Пока я ехала по ночной Вел-Лерии, глядя в окно, тревога раскинула в моей душе свои щупальца. На душе было беспокойно.

Что бы ни случилось на этом балу, после моя жизнь изменится безвозвратно. Больше не будет змеи, выросшей на мусорке; её место займёт самая настоящая принцесса, будто бы сошедшая со страниц

сказки. Сбудутся все мои мечты — о богатстве, высоком статусе, роскошном доме и знатности... Можно сказать даже, что сбудутся они в многократном объёме.

Я никогда даже не смела воображать себя принцессой.

Только вот теперь, после всего, что я узнала и прожила, это всё видится с совсем другого ракурса. И высший свет, и блеск шикарных нарядов, и парность с драконом, и дворец... Я подумала о Марджане Лофф, которая считает светскую жизнь с роскошными платьями просто неприятной, умеренно тоскливой обязанностью. Как я могла стремиться к этому раньше? А ведь теперь, если я действительно войду в Императорскую семью, мне предстоит *блистать*. Во что бы то ни стало. Хочу я того или нет.

И, сдаётся мне, будет это скорее тяжкий труд, чем удовольствие.

Так что я волновалась, отправляясь в такую вот новую жизнь. Даже, кажется, дрожала немного...

Но всё прошло, стоило огням посольского дворца отразиться в моих глазах.

Это твоя сцена, Лисси. Просто очередное выступление из тех, которых будет так много впереди. Так иди...

И сияй.

Широко улыбнувшись, я вышла из мобиля, опираясь на услужливую руку водителя, и сбросила плащ небрежным движением. Взгляды всех присутствующих тут же прикипели ко мне. Ну разве я не лучшая Золушка?

Да начнётся представление! Идеально выпрямив спину и подняв голову повыше, я лёгкой походкой заскользила вперёд,

Когда я вошла в зал, тишина стала расходиться вокруг, как круги на воде. Мне повезло, видимо, вклиниться как раз между выступлениями, когда на широкую сцену выходила очередная претендентка на роль принцессы, удерживая в руках музыкальную шкатулку производства Бэна. Другие девушки, переглядываясь и перешёптываясь, ожидали своей очереди. Интересно, они действительно рассчитывали, что принц перепутает их со своей парой? Или просто хотели, пользуясь случаем, продемонстрировать таланты другим гостям? А что, будь я молодой малоизвестной певицей, пожалуй, тоже бы пришла. Чем не способ раскрутиться и

найти покровителя? Принц или не принц, но богатых и важных особ тут собралось сегодня предостаточно.

Кстати, о шкатулках. Судя по всему, многие купили их к сегодняшнему мероприятию. Эдак я, сама того не подозревая, поспособствовала семейному бизнесу... но мысли об этом выветрились из моей головы, стоило увидеть своего принца.

Он был прекрасен.

Или всегда прекрасен, собственно — таков уж он. Но сегодня, сейчас он казался ослепительным, завораживающим, потрясающим. Как солнечный морозный день, трескучий и слепяще-яркий; как уснувшая подо льдом река, готовая вот-вот проснуться и устремиться вперёд сметающим всё потоком.

Мой ледяной принц, который смотрит на меня одну.

Я улыбнулась чуть лукаво и очень медленно присела в реверансе, низко-низко, позволяя платью растечься по полу многослойной волной кружев, перьев и дорогуших тканей.

Я не поднимала взгляда, но чувствовала, как Или идёт ко мне. Это ощущение оседало морозным привкусом на губах, мурашками на моей коже, пробирало слишком глубоко до костей.

Как отчаянно, безумно я скучала по нему...

— Госпожа. У меня чувство, что я ждал только вас.

Я закусила губу, услышав его голос. Сколько в нём музыки. И как же волшебно он звучит для меня...

— Да, — я встала и улыбнулась чуть смущённо, — полагаю, вы ждали меня. И, если позволите, я докажу это.

— Я попрошу тишины, — Или поднял руку в предупреждающем жесте.

На самом деле, это не было столь необходимо, благо все и так жадно прислушивались к нашим словам. Но после просьбы Или тишина установилась такая, что каждый шелест звучал, как удар грома.

И в этом звенящем безмолвии я, чуть улыбнувшись, запела а капелла, позволяя нечеловеческому голосу, многократно отражаясь от стен и потолка, проникать в душу каждому из присутствующих. Получалось недурно: как я и предполагала изначально, акустика в бальном зале была самая что ни на есть подходящая.

Песня звучала и звучала, завораживая, очаровывая, уговаривая приоткрыть своё сердце. Я пила восхищённые вздохи, и потрясённое молчание, и замороженное безмолвие... И для меня внезапно всё сошлось в одной сияющей, ослепительно-яркой точке.

Какой путь я прошла от той хищной змеи, что пела для полубезумного нищего скрипача, до прекрасной принцессы, которую слушают теперь самые сливки высшего общества? И кто я в конечном итоге — змея или принцесса?

Или, быть может, и та, и другая — это просто я? И, каким бы ни было лицо в зеркале, так ли оно важно, если музыка, игра, свобода, любовь не исчезают никуда? Может, только они и делают меня собой? И всю эту длинную дорогу я должна была пройти только для того, чтобы это осознать?..

Может быть...

Когда я умолкла, над залом ещё долго звенела потрясённая тишина. Или смотрел на меня, и казалось, что понимал намного больше, чем было озвучено либо спето.

Он шагнул вперёд, взял мою руку в свою и поцеловал.

— Моя госпожа, — сказал он так тихо, что слышать могла только я. — Ты — ответ на все мои мечты и молитвы.

— Как и ты — на мои, — шепнула я, и глаза его вспыхнули, как драгоценные камни.

— Я...

— Ты и правда была самой красивой рыбой! — знакомый голос, громкий и радостный, разбил воцарившееся в зале безмолвие. — Уверен, теперь он захочет с тобой спариться!

Я закусила губу, дабы истерически не захохотать. Ну, Морий... Как всегда — в своём репертуаре.

Зал взорвался гоном. Или прищурился, с подозрением рассматривая высоченный и возмутительно красивый фоморий аватар, продвигающийся сквозь толпу напрямик к нам.

— Это и есть Морий Бакарийский, да? — тон у принца был какой-то... нехороший.

— Он самый, — вздохнула я. — Сейчас я вас представлю...

Но знакомства не получилось: на полдороге Мория перехватила девушка, при одном взгляде на которую я испытала некоторое чувство неполноценности.

Хотя, думаю, все женщины в её присутствии чувствуют себя немного неуютно.

Эта прекрасная незнакомка, хрупкая и будто бы сотканная из льда, улыбнулась мне приветливо, а потом направила всё своё внимание на Мория и присутствующих тут же журналистов.

— Ах, благодарю, что так волнуетесь за наследника и его поиск пары! — проворковала она потрясающе мелодичным голосом. Почему мне кажется, что, устрой мы соревнование по музыкальной магии, я едва ли вышла бы победительницей? — Господин Морий, верно? Такая приятная встреча!

Я увидела, как наш смелый Глубоководный заморгал часто-часто. И вроде бы даже смутился, принявшись что-то объяснять на полтона тише.

— Твоя сестра? — уточнила я тихо.

— Да, — хмыкнул Или. — Уж она займёт его... Потанцуешь со мной?

Я послушно позволила ему увлечь себя в центр зала, краем глаза наблюдая за явно очарованным фомором.

Да уж, кажется, у нашей косатки появился опасный конкурент. Кто может всерьёз соперничать с прекрасной принцессой? Да ещё и такой, если можно так выразиться, *направленно* прекрасной: уж я, владеющая чарами очарования хищница, не могу не почувствовать подобную магию в другой женщине.

Подобную — но в разы более могущественную...

— Интересная у тебя сестра, знаешь ли.

— А у меня вся семья интересная. Они тебе понравятся, когда ты познакомишься с ними поближе! Ну, большинство из них точно. А теперь — побежали!

Я не успела сообразить, что происходит и почему. Просто сработал инстинкт, заставляющий меня верить этому конкретному принцу безоговорочно. Так что миг спустя мы с ним, взявшись за руки, уже со всех ног неслись прочь. На выходе я быстро оглянулась через плечо, только чтобы увидеть наши фигуры, всё так же танцующие посреди зала.

— Ну вот, — сказал Или, когда мы оказались наедине в довольно роскошной, но вполне уютной комнате. — Как я и обещал, теперь у нас есть время для двоих. Остальное отработают фантомы. Ну как ты? Всё в порядке?

Я улыбнулась и осторожно освободила свою ладонь из его хватки. Он сначала не отпустил, но потом всё же разжал пальцы: видимо, почувствовал, что мне необходимо свободное пространство.

— В порядке, не переживай. Но, если честно, хотела бы вернуться побыстрее домой, к малышу.

Или склонил голову набок:

— Быть может, пригласишь с собой меня?

— Возможно, но для начала я хотела бы поговорить о том, как я выгляжу на самом деле. Кажется, ты обиделся, что я не показала свой настоящий облик тогда...

— Да, это было неприятно.

— Понимаю. Но, видишь ли, я вполне уверена, что ты никогда не принял бы меня настоящей.

Принц посмотрел на меня с убийственной серьёзностью.

— Ты не дала мне шанса доказать обратное.

— Или... быть может, остановимся на том облике, который есть сейчас?

Он покачал головой и осторожно взял меня за подбородок.

— Я люблю тебя, как бы ты ни выглядела, — просто сказал он. — Даже старушка из тебя получилась очаровательная, хотя я предпочёл бы не повторять этот эксперимент. Но я хочу знать тебя. Настоящую.

Я вздохнула:

— Таков твой выбор?

— Маски долой, Лисси.

— Да будет так...

Прикрыв глаза, я позволила личине схлынуть, оставив только меня — девушку с перьями на висках, кожей с металлическим блеском, змеиными глазами и волосами цвета киновари.

— Готов ли ты принять меня такой? — спросила я негромко, не глядя на него. — Или предпочтёшь личину?

— Но ты... — он умолк, и сердце моё застыло, — ты ведь прекрасна! Чего тебе стесняться?!

Я удивлённо подняла взгляд. Это он пытается так меня задобрить? Но нет, я чувствовала, что он недоумевает вполне искренне.

— Лисси, почему ты так стесняешься себя? Признаю честно, я невесть чего успел себе навообразать по этому поводу.

— Но я не похожа на человека...

— Ну так мы и не люди, — фыркнул он. И слегка провёл по своему лицу, позволяя узорам из ледяных чешуек ярче проступить на щеках, коже заблестеть, а волосам стать прозрачными на кончиках.

И тут я начала понимать.

— погоди. У драконов что, нет полностью человеческого облика?!

— Нет, конечно, — фыркнул он. — Мы же не люди, и некоторые признаки стихии проявляются очень ярко. Так что мы специально скрываем некоторые детали, вроде чешуи на щеках или оттенка кожи, чтобы не смущать людей. Обычно умение это приходит годам к двумста. И к тебе придёт, я думаю. Но даже если нет, это никого не смутит... Лисси? Ты что, плачешь? Ну чего ты?

— Я думала, что со мной что-то не так, — всхлипнула я. — Думала, что у меня нет человеческого лица, потому что я — монстр. А получается, что это...

Он вздохнул и осторожно обнял меня.

— Просто проявление драконьей крови, скорее всего. Да. Только у тебя перья вместо чешуек, но это как раз закономерно, учитывая твою природу.

— Я не могу в это поверить...

— Лисси, — он чуть отстранился и серьёзно посмотрел мне в глаза. — Мы с тобой однажды уже это проходили. Но тогда ты не была готова мне поверить, а я не был готов с полной ответственностью это сказать. Но давай попробуем ещё раз... Лисси, я смогу защитить тебя от чего угодно. Помогу тебе, с какими проблемами бы ты ни столкнулась, и всегда буду на твоей стороне.

— Это взаимно, — улыбнулась я. Счастье запузырилось внутри, будто только что открытое шампанское, я потянулась вперёд, чтобы поцеловать его...

И, судорожно выдохнув, согнулась от внезапно накатившей боли.

— Что-то не в порядке, — прошептала я. — Что-то не так, Или! Я не понимаю...

Раздался звон стекла. В комнату влетел чёрный вестник из тех, которых драконы использовали для корреспонденции. Но был он не похож на те, которые я видела раньше: серый, тусклый, рассыпающийся на глазах...

— Почему он такой?

— Потому что тот дракон, что создал его, мёртв, — ответил Или и махнул рукой, подзывая посланника. Тот тяжело сел принцу на плечо, прикоснулся к нему — и осыпался пеплом окончательно.

Глаза Или стали драконьими, а не человеческими. Я успела это заметить, прежде чем снова ощутила приступ непонятной боли и тревоги.

— Что происходит?

— Лисси, кто-то из селенити украл нашего ребёнка.

— Нашей вине нет предела, мой принц, — сказал один из охранников, стоящих перед нами на коленях. — Мы примем любое наказание.

— Это потом, — отрезал Или. — Пока — чётко, коротко и по существу. Что произошло?

— Около получаса назад один из домочадцев, юноша, официально записанный как Бэно, вернулся в одиночестве с ужина у некоего купца Аджавы. Бэно был одним из обычных посетителей, потому мы не увидели ничего подозрительного в его визите. Мы поняли свою ошибку только в тот момент, когда индикаторы показали необычную магическую активность внутри дома... и возможную травму одного из домочадцев.

Я судорожно сглотнула, покосившись на лежащую без сознания тётю Ленну и окровавленного папу Буджо. Лекари уже залечили его голову, и он, по их заверениям, должен был скоро прийти в себя, но я всё ещё переживала те мгновения, когда увидела его на полу и решила, что он мёртв.

Или крепко сжал мою нервно подрагивающую ладонь.

— Дальше.

— Чужак, селенити с ртутным наследием, попытался уйти с ящиком для музыкального инструмента, но мы остановили и окружили преступника. Тогда он продемонстрировал нам содержимое ящика. Это оказалось яйцо. Похититель пригрозил, что, если мы не пропустим его и не дадим клятвы, которые он потребует, он разобьёт яйцо.

Мои ноги стали ватными. Дин Ртутный, стоявший тут же, грязно выругался.

— Дальше.

— Мы не могли в тех обстоятельствах рисковать жизнью ребёнка. Мы дали клятвы, которые потребовал похититель: никому не сообщать о произошедшем и не следовать за ним. Он подчеркнул, что выполнит свою угрозу, если заметит слежку. Так что у нас не было никаких вариантов, кроме как отпустить похитителя на достаточное расстояние...

— Подождите, — вмешалась я, чувствуя, как дрожит голос, — но вы ведь врёте. Дракон, который отправил нам послание, умер. Была драка. Что случилось с яйцом?

— Высокая госпожа, мы бы не посмели рисковать наследником. Капитан Тин и сержант Эрдо погибли от нарушения клятвы. Один из них отправил вестников, сообщая всем о покушении, другой послал следящие чары вслед похитителю.

— Они... пожертвовали жизнью?...

— У нас не было времени искать обходные пути. Они выполнили свой долг.

Я потрясённо замерла, не зная, что сказать.

Ужас туманил голову. Дом был полон драконов и оборотней, Марджана Лофф, присутствующая тут же, пыталась сунуть мне в руку успокоительный чай, но я просто не могла сделать ни глотка.

Кто-то (возможно, мой биологический отец) похитил нашего ребёнка. Драконы мертвы. Мои близкие люди без сознания. И что теперь делать? Лететь к отцу? Но что, если...

— У нас есть координаты? — уточнила прекрасная принцесса, которая сейчас казалась готовым к прыжку хищником.

— Ориентировочные. Мы не рисковали приблизиться к похитителю и быть обнаруженными, но можем очертить точный квадрат. К тому же, похититель оставил записку. Он адресовал её высокой госпоже Алиссии.

— Так чего же вы ждёте?! — выдохнула я. — Дайте мне её скорее! Я...

— Лисси, спокойно, — попросил Или негромко. — Бумагу проверяют, так?

— Стандартная проверка почти окончена, мой принц.

— Хорошо. Как только всё будет готово, принесите её нам.

— Или, какие могут быть проверки?! Наш ребёнок там...

— Лисси, посмотри на меня.

— Но...

— Лисси.

Я медленно повернулась и заглянула в его серьёзные, полные затаившейся ярости глаза. Он казался спокойным и уверенным.

Это выбило почву у меня из-под ног.

— Тебя что, совсем не волнует, что его украли?! Он не дракон, а фомор — потому не важно, да?!

— Лисси, — он осторожно провёл по моей щеке. — Я даже не буду обижаться, потому что понимаю, как тебе больно. Если ты прислушаешься к моим чувствам, то сама поймёшь, что говоришь ерунду.

Я отвернулась. Понимала, что слова мои действительно несправедливы: его страх свернулся в душе клубком по соседству с моим. Просто я не понимала этих промедлений, размышлений, расспросов. Инстинкты требовали от меня бежать, спасать, действовать, а получалось...

— Лисси. Мы работаем над этим прямо сейчас. Но, пожалуйста, доверься профессионалам. Пойми: похитители рассчитывают на твою реакцию, адресовали письмо тебе. Потому что прекрасно понимают, что ты наиболее уязвима. Пожалуйста, доверься мне в этом вопросе, хорошо?

— Но...

— Доверься мне. Пожалуйста. Ради нас троих.

Я прикрыла глаза, чувствуя накатывающее опустошение.

— Если с ним что-то случится, я не переживу, Или...

— Мы не позволим, чтобы что-то случилось. Дин?

— Письмо чистое. Марджана по своему профилю тоже ничего не нашла. Похитители требуют, чтобы госпожа Алиссия явилась к ним одна, в так называемое Лунное Логово. Если наши расчёты верны, оно должно находиться в районе порта...

— Да! Да, я знаю, где это! Я пойду туда!

— Нет, не пойдёте, — принцесса смотрела сочувствующе, но твёрдо. — Мы не можем дать им двоих заложников вместо одного. Это самое глупое, что можно сделать в такой ситуации.

— Я пойду вместо тебя, — сказал Дин серьёзно. — Просто объясни, где это находится...

— Я не могу! — закричала я в отчаянии. — Не могу! Я очень хочу, но никак, никак не сумею!! Почему вы не понимаете?

Или обхватил меня и прижал к себе. Дин тихо уточнил:

— Клятвы?

— Похоже на то. Лисси, — Или обхватил моё лицо руками и внимательно посмотрел в глаза. — Послушай меня внимательно. Не

пытаться сейчас ничего мне сказать. Но подумай об этом месте. Вспомни, где оно находится, и сконцентрируйся на этих воспоминаниях так, как будто от этого зависит вся твоя жизнь.

— Она и зависит, — прошептала я. — Вы меня туда непустите, верно?

— Ни при каких обстоятельствах. Можешь ненавидеть меня за это, но уверен, ты сама поймёшь. Позже, когда эмоции улягутся. Так что, пожалуйста, вспомни...

Я прикрыла глаза.

Гильдия Змей очень богата. Она владеет множеством зданий в разных частях города, и отец показал мне далеко не все. Но Лунное Логово... Об этом месте у нас как-то зашёл разговор.

— Видишь тот старинный дом на холме? Выполненный в знаменитом предгорном стиле?

— Который с красной крышей? Красивый...

— Верно. А ещё это — самый опасный дом в этом городе. Ты не должна приближаться к нему никогда, если чувство самосохранения ещё не покинуло тебя.

— Но что там?

— О, это — Лунное Логово, само сердце Гильдии. Одно из сердец... Ты не сможешь никому рассказать об этом месте, ни на каких условиях. Потому я показываю тебе это. Любимое здание нашего Главы, а ещё — перевалочный пункт для самых ценных, опасных и необычных товаров. Сюда ты однажды можешь прийти, если всё же решишь присоединиться к Гильдии. И не должна подходить близко ни в каком ином случае. Это понятно?

Понятно...

Неужели для них мой ребёнок оказался всего лишь товаром? Что они теперь сделают с ним? Я позволила отчаянию приливной волной захлестнуть с головой.

Сконцентрируйся на этих воспоминаниях так, как будто от них зависит твоя жизнь...

Она зависит.

Я не переживу, если с ним что-то случится.

— Хорошо, — Или наклонился и быстро поцеловал меня в лоб. — Ты просто умница... Дин! У меня есть визуальное подтверждение!

— Отлично. А теперь последнее... Алиссия, сделай со мной, пожалуйста, то же самое, что ты проделала с Дайяной Гохорд.

— Что?!

— Поделись частью своей сущности, пожалуйста.

— Это не очень полезно...

— Я совершенно точно переживу. Время, Алиссия. Давай не будем его тратить.

— Мы не потратим его, если пойду я! — как они не понимают очевидного?!

— Ты не пойдёшь. Это исключено по целому ряду причин. Потому...

— Хорошо, — выдохнула я, сдаваясь. — Хорошо.

— Джана, позаботься о том, чтобы на ментальном уровне маскировка смотрелась максимально достоверно. Пятиминутная готовность!..

Тиса из гильдии Змей

*

— Слишком долго она копается, — сказал Глава. — Мне это не нравится. У нас один-единственный шанс: положиться на материнский инстинкт. Если они не позволят ей прийти, мы мертвы... А всё ты, Тиса! Как могла настолько всё испортить?!

Я?! Ну разумеется, я. Кто же ещё? Это ведь я своими идиотскими амбициями и неспособностью видеть истину загнала всё наше Гнездо в совершенно безвыходную ситуацию, не так ли?!

— Я сожалею, Глава, что похищение наследника трона самой богатой и могущественной страны на планете прошло не так гладко, как вы хотели бы.

— Хватит ёрничать! Они не у себя дома. Этот город — наша территория!

Я мысленно выругалась. Когда же, интересно, до старого дурака наконец дойдёт, что ветер переменился? Этот город больше не наш, и вряд ли таковым будет. Мы сняли свои сливки, и теперь самое время перестраиваться... Было бы.

Но теперь наш единственный шанс — заполучить клятвы моей внучки. Мне не нравится происходящее, но всё гнездо лежит на другой чаше весов.

Только вот нужно продумать и другой путь. На случай, если драконы окажутся умнее и всё же не позволят ей прийти.

— Что мы будем делать, если придёт не она? Нужно решить, каков в данном случае будет план.

— Для начала разобьём яйцо, конечно.

Глава сказал это спокойно, будто между делом, и у меня всё заledenело внутри. Я и сама угрожала сделать это, верно. Но одно дело угрозы, а другое...

— Глава, при всём моём уважении, это безумие. Я даже не буду касаться того момента, что в яйце детёныш нашей с вами крови. Но, уничтожив его, вы подпишете всем нам приговор.

— Если план не удастся, мы мертвы в любом случае, — фыркнул он, склонившись над яйцом. — Мы должны выманить сюда мать, во что бы то ни стало... Почему она так долго копается?

— Я выиграла нам немного времени, взяв с драконов клятвы. Возможно, дело в этом...

— Мы видим её, Глава! — молодой змей. ворвавшийся в комнату, был полон энтузиазма. — Она идёт! Одна! Её дракон сопровождает её, но держится на большом расстоянии!

— Наконец! Девчонка далеко?

— Только заходит в портовый город.

— В человеческом обличье?

— Да.

— Так, — протянул Глава. — Так... Вот ты, Тиса. Если бы у тебя украли яйцо, ты бы пошла на встречу в человеческом облике? Или, может, змеей бы рванулась покарать обидчиков?

— Скорее второе, Глава. Но в девочке больше человеческой крови, да и жила она среди людей. Так что, думаю, это объяснимо...

— Ритм совпадает?

— Да, Глава, — ответил посыльный. — Похоже, это действительно она.

— Хм-м. Свободен!

Змеёныш вымелся вон. Молоденький совсем, недавний выводок... Ещё ничего не понимает, не осознаёт, в какой ситуации мы тут все

оказались. В нём нет драконьей крови, потому изо всех сил старается выслужиться...

Лучше бы бежал, дурачок. Иначе наверняка ведь повторит судьбу моего несчастного сына. Он тоже был преданным слугой Гильдии — а теперь лежит в подвале, скованный выпивающими магию цепями, и медленно гибнет...

— И всё же, я считаю, мы должны её проверить, — пробормотал Глава. — И поторопить, заодно убедив в серьёзности наших намерений.

Дурное предчувствие охватило меня.

— Что вы имеете в виду?

— Она почувствует, если мы повредим внешнюю оболочку, не так ли?

— Вы с ума сошли, — выдохнула я. — Это может навредить детёнышу!

— Не сдохнет, — отрезал Глава. — Мы живучие. Зато драконы дважды подумают, прежде чем делать глупости, а его мать пошевелится. И на реакцию её полюбуемся... Убедимся заодно, нет ли тут какого-то подлога.

— Нет!

Это было слишком. Правда, слишком. И дело даже не только в том, что это беззащитный детёныш (хотя для меня, матери и бабки, этот момент тоже что-то значил). Но даже если отбросить моральную сторону и действовать в интересах всего гнезда... Он что, всерьёз не понимает, что на кону?! Неужели в конечном итоге Йель был прав, и Глава на фоне проведённых на этой земле столетий и съеденных жертв просто и банально сошёл с ума, утратил возможность видеть этот мир ясно?

— Ты не смеешь возражать мне, Тиса! — Глава ощерился и примерился хвостом, намереваясь ударить по яйцу.

— Нет! — рыкнула я в бешенстве и, преодолевая пока ещё слабое сопротивление клятвы, изо всех сил толкнула Главу в сторону.

— Как ты смеешь?! — в его взгляде запылал жаркий огонь безумной, слепой ярости.

Из глотки Главы вырвалось свистящее шипение, пламя взметнулось вокруг его тела. Я кинулась в сторону, но он настиг меня, вцепившись пылающими клыками в глотку. Мы покатались по полу,

сметая мебель, сломав колонну, и я слишком поздно поняла, что только что произошло...

Лишь тогда, когда яйцо, сброшенное нашими хвостами, медленно покатилося по полу и ударилося об обломки.

Мы застыли, наблюдая за ним. И я мысленно прокляла всё на свете, когда по светящейся скорлупе одна за другой поползли трещины.

Или, дракон Льда

*

Никогда себе не прощу.

Понятно, что, когда эта история кончится, то головы во всех ведомствах полетят. Куда без этого. Сам я, тем не менее, всегда буду знать, что всё происходящее — только моя вина, последствия моих же глупостей.

Надо было слушать мать. Забрать Алиссию и ребёнка, поселить в надёжно защищённом крыле и там уже, на своей территории, разбираться, кто кого и как сильно любит... Или, на худой конец, не устраивать весь этот показательный цирк репортёрам на радость. Пусть бы что хотели, то и говорили, и плевать на международный имидж и тому подобный бред.

Нельзя было самоуверенно думать, что здесь, в чужой стране, у нас всё под контролем.

Но теперь случилось то, что случилось. И я вынужден, успокаивая сходящую с ума от страха пару, гадать, удастся ли спасти нашего первенца или нет.

По правде, я не пожелал бы пережить подобное вообще никому.

Все, кто сейчас со мной, всё понимают. И не зря пострадавших погрузили в сон, а остальных членов семьи Лисси насильно отвели в посольский особняк прямо из дома, в котором они гостили: нам нужно как можно меньше эмоций здесь, на месте. Потому что ситуация до боли очевидна.

Похитители хотят выманить Лисси. И не надо быть великим пророком, чтобы понять, для чего. Мать, видя угрозу своему ребёнку, даст любые клятвы, сделает всё, что угодно. Это нормально. Проблема только в том, что для данной ситуации (и для подобных переговоров) нужна холодная голова.

Именно потому я тоже не совсем подхожу.

План составлен практически на коленке, но может — *должен* — сработать. Часть сущности Лисси в сочетании с ментальными приёмами Марджаны сделали ауру Дина идентичной ауре моей пары.

Мне, честно говоря, от этого стало бы не по себе — в любой другой момент.

Сейчас меня больше занимали другие вещи.

— Всё, что тебе нужно — схватить яйцо и подать сигнал, — инструктировала Иэ Дина. — Как только мой племянник окажется в твоих руках, большая часть проблем будет решена. Тебе, разумеется, потребуется ещё продержаться до нашего прихода, но в этом тебе поможет Деррен... точнее, его тень.

— Прошу прощения, — вмешалась Марджана, — но это рискованно. Селенити всё же фоморы, магия тени является частью их природного колдовства. Как бы тонко лорд Деррен ни владел этим искусством, они почуют его присутствие...

— Правда? — вкрадчиво поинтересовался сестрёнкин фей. — Значит, вы чувствуете меня за своей спиной?

Марджана подняла брови, оглянулась и изумлённо посмотрела, как её тень приветливо ей машет.

Определённо, нужно будет покопаться в биографии “фея” подробнее.

— Хорошо, — сказала Марджана. — Может, нам следует в таком случае отправить только Деррена?

— Не уверен, что путешествие по теням пойдёт нерождённому существу на пользу, — пожал плечами фей. — Скорее уверен даже, что наоборот.

— Поняла, — кивнула Иэ, — значит, действуем по первоначальному плану. Дин, скорее всего с тебя потребуют клятвы. И поклясться, вполне вероятно, придётся, чтобы безопасно забрать наследника.

— Я понимаю, принцесса. Я готов.

Я покосился на побратима. Надеюсь, они попросят его поклясться Морой, а не стихиями... и его пара тоже это понимала.

— В лучшем случае тебе придётся поклясться Морой и навлечь на себя гнев моей Богини, — сказала она печально. — В худшем...

Он посмотрел ей в глаза. Не знаю, что сказал мысленно, но Марджана поджала губы и медленно кивнула.

— Иногда мы просто делаем, что должны, милая, — добавил Дин вслух. — Только и всего.

Я ощутил приступ ярости и бессильного раздражения.

Я хотел бы быть на месте друга, но не мог. Как в силу моей природы, так и в силу статуса.

— Выдвигайтесь, — бросила Иэ, — время не терпит.

Дин ободряюще подмигнул своей паре и медленно преобразился, натянув на себя личину моей Лисси.

— Начинаем, — сказал он.

Мы с ним обменялись быстрыми взглядами.

Я сказал бы: “Прости, я ненавижу необходимость прикрываться тобой в этой ситуации. Но такова судьба принцев.”

Он ответил бы: “Ты принц, конечно. И это важно. Но ещё — мой друг. Который рискнул многим ради моей пары. И некоторые долги надо возвращать, не так ли?”

Может, даже хорошо, что мы знаем друг друга слишком долго. И у нас нет необходимости говорить вслух.

*

Изначально всё шло по плану. Я следовал за Дином, удерживая достаточную дистанцию. Несколько раз заметил селенити краем глаза, но виду не подал: пусть ребята верят, что невидимы.

До поры.

О том, что с ними делать потом, я решил пока не думать. Слишком сложный, скользкий, опасный вопрос. Который наверняка погрузит драконье общество в шок на долгие годы.

Но это будет потом.

Сначала надо спасти моего ребёнка.

Я знал, что Дин поддерживает мысленную связь с Джаной, а Деррен координирует группы. И всё вроде бы было спокойно, но, стоило Дину войти в портовый город, как тревога моя стала стремительно нарастать. Она зудела под кожей, колола иглами в сердце, не давала сосредоточиться. Она звала меня, и я, плюнув на всё и даже на план, рванул вперёд...

И в этот момент волна могущественной, незнакомой, но чрезвычайно опасной магии пронеслась над портовым городом.

Я видел, как упали (надеюсь, не замертво) несколько припозднившихся прохожих; Дин рухнул на колени, хватаясь за сердце; селенити, парившие над городом, падали на крыши вместе с птицами. Я сам почувствовал, как из меня тянут магию. Более того, я

узнал это прикосновение, раскрылся ему навстречу и, уже не скрываясь, взмыл в воздух.

Бери, сколько нужно, малыш. Только продержись.

Алиссия Майлифф

*

“Пожалуйста, дождись нас, — сказал мне Или. — Это самое правильное, что ты можешь сделать в такой ситуации. Поверь мне.”

Я ему верила.

Доверие это было обусловлено и инстинктами, и опытом. Всё же, каким бы ни казался порой Или колючим, вредным типом, в конечном итоге он был существом благородным. И поступал правильно. Я знала, что он сделает всё, что сможет, и даже больше... Больше, чем смогла бы я... Но всё равно не была уверена, что этого будет достаточно.

А ведь случившееся — только моя вина.

Я прекрасно знала, чем занимается мой биологический отец, но закрывала на это глаза. Он предупреждал меня, что будет, если правда всплывёт; я же просто жила, не слишком оглядываясь по сторонам. В слепой уверенности, что это меня не коснётся. Как могла я быть такой беспечной?!

И, может, в этом есть справедливость. Я забыла обо всех тех существах, которых змеи поработили и похитили. Пусть клятвы не позволили бы мне сделать многое, но всё же что-то, возможно, я придумать-таки могла... Но не стала. Сбежала из этого мира и сделала всё, чтобы отгородиться, забыть о нём. Жить себе в сиреневом особняке, пить по утрам жасминовый чай и есть хрустящие круассаны... Но шутка в том, что, видимо, такие вещи рано или поздно закольцовываются.

И вот теперь они похитили моего ребёнка.

— Лисси, выпей, — Марджана подсунула мне под нос чашку с чем-то зелёным и болотным. Я только отрицательно покачала головой.

— Ну пожалуйста, — принялась уговаривать она мягко, — это из запасов моей бабушки, подействует даже на воплощённое сновидение вроде тебя.

— Я ничего не хочу, извини.

— Лисси...

— Не стоит. Лучше скажите: вы знаете, зачем он им?

Марджана с принцессой переглянулись.

— Скорее всего, для шантажа, — сказала сестра Или. — Это объяснение на данный момент представляется самым логичным.

— И это значит, что ему не станут причинять вреда, — добавила Марджана. — По крайней мере, без очень серьёзных причин.

Я спрятала лицо в ладонях.

Пусть окажется, что я сплю и вижу кошмар. Пусть окажется...

— Что значит — я не могу пройти?! — знакомый громогласный голос зазвучал из коридора, внезапный, как падающий шкаф. — Я могу! Я тут живу, вообще-то! Вы вообще обнаглели, ящерицы крылатые! Убежали все, оставили меня одного, мою косатку закрыли, кота своего забыли... Как не стыдно, а?

— Я подам в суд на произвол! — встряла Лирана. — Вы действительно думаете, что имеете право распоряжаться гражданами другой страны?

— Все убежали! А как же я?! — этот голос был мне незнаком, но, судя по тому, как встрепенулась Марджана Лофф, был это кто-то из драконьей братии.

Принцесса поморщилась и повернулась к одному из стоящих тут же офицеров.

— Какой Бездны?! — уй. Умеет прекрасная принцесса внушать, однако: даже я вздрогнула от этого тона. — Вышвырните их отсюда!

— Боюсь, нам просто не по силам это сделать.

Она выгнула бровь и повернулась к парню в чёрном, тенью следующему за ней.

— Деррен, у тебя, надеюсь, таких проблем нет?

Он склонил голову набок.

— Я мог бы прогнать его, госпожа, — протянул он, проигнорировав скептическое хмыканье офицера. — Но боюсь, это неизбежно приведёт к некоторым... разрушениям.

— Во имя неба, это просто Жрец, служитель кого-то из Древних!.. Ладно, займусь этим сама.

Вокруг принцессы сгустилась колючая, угрожающая сила.

— Прекратите! — выкрикнула я. — Это всего лишь Морий. Он правда тут живёт.

— И вы уверены, что он непричастен к похищению? Я — нет, — отрезала принцесса.

— А что украли? — спросил Морий, возникая на пороге. — И вообще, драконы обнаглели! Они присвоили мои острова, забрали мою рыбу-луну, пытаются заколдовать, морочат голову и ещё в чём-то меня обвиняют... Эй, Лисси. Что тут случилось вообще?

Я собралась было ответить, но принцесса меня опередила.

— Господин Морий, — проговорила она мягко, — при всей моей радости от встречи, здесь работает служба безопасности Империи, и ваше вторжение не вполне уместно. Пожалуйста, давайте отложим все разбирательства на потом. Почему бы вам не переночевать в посольском особняке? Уверена, вам там будет вполне комфортно.

— Вы уверены? — возмутилась Лирана. — Правда? Вы закрыли в посольском особняке сходящих с ума от тревоги за домочадцев людей! Вы их фактически похитили! И это на территории чужого государства! Я этого так не оставлю!..

— Хозяйка! — завопил между тем тот самый незнакомый голос, принадлежащий... коту? — Хозяйка, они меня обижают!!

Огромная серая туша запрыгнула на руки Марджане Лофф.

Я схватилась за голову, чувствуя, что не смогу выносить этот балаган ни единой секундой дольше.

— Хватит! — закричала я. — Заткнитесь все! Немедленно! Прекратите!

Все застыли, изумлённо глядя на меня. Я поняла, что по щекам моим текут слёзы, и не могла перестать плакать.

Принцесса тихо зашипела сквозь зубы и стремительно обернулась к гостям.

— Послушайте, — сказала она, явно сдерживаясь. — Ситуация очень серьёзная и напряжённая, и вы едва ли можете чем-то помочь. Потому, пожалуйста, не усложняйте...

— Да что случилось, в конце концов?!

Я знала, что надо что-то сказать, объяснить, но слёзы душили меня, а тревога застила глаза. Так что отдуваться снова пришлось принцессе.

— Похищено яйцо с моим племянником.

В комнате стало очень тихо.

— Подождите, — на стене за спиной Мория заплясали угрожающие тени. — Кто-то украл малька?!

— Яйцо? — повторила Лирана, которая явно не была вполне готова к некоторым вывертам драконо-фоморьей физиологии. — В смысле, ребёнок? Киднеппинг?

— Нет, ну это издевательство! — сказал говорящий кот. — Почему эта работа досталась именно мне?!

— Да, — устало согласилась принцесса, — всё так. И поймите теперь...

— Я пойду и съем их! — заявил Морий. — Прямо сейчас! Или малышку скормлю. Постепенно!

Принцесса раздражённо вздохнула.

— Господин Морий, послушайте... Я понимаю, что кто-то из Древних избрал вас своим представителем. Но вы всё ещё остаётесь человеком. Вряд ли вы сможете помочь в этой ситуации.

Брови Мория поползли вверх.

— А с чего ты, милая гипно-ящерка, решила, что я — человек? Из-за человеческого тела, что ли?

— Разумеется, — передёрнула плечами принцесса. — Вы можете сколько угодно называть себя фомором, но факты говорят сами за себя.

— Ну-ну, — хмыкнул Морий, — ох уж мне эти маленькие высокомерные дракоши! Без году неделька, а всё туда же. Сама не знаешь, так уже бы у хозяина своего спросила, что ли! Уж он-то...

— Господин Морий, — встрял вдруг принцессин помощник, — *довольно*. Не место и не время.

И Глубоководный просто... замолчал.

— Ладно, — сказал он чуть позже и на полтона ниже, — не важно, кто тут человек, а кто нет. Вопрос простой: давайте я пойду и съем их?

— И вы уверены, что яйцо не пострадает, пока вы будете их есть? — уточнил этот Деррен насмешливо. — Похитители ведь фоморы, а вы не под водой. И в довольно слабом, по сравнению с вашим истинным я, теле.

Морий нахмурился.

— Да... Но всё не так плохо, Темнейший! У меня есть идея. Я мог бы затопить этот город! И приплыть в своём теле. В одном из своих тел.

Снова стало тихо.

— Это такая шутка? — уточнила принцесса осторожно.

— Мне надо выпить, — сказала Лирана. — Кому-то ещё?

— Мне, пожалуй, — пробормотала Марджана Лофф. — И пожалуйста, давайте не будем затапливать город?

— Жаль, — сказал Морий. — Мне хотелось бы побывать тут в своём настоящем облике...

Я закрыла глаза, отрешившись от их голосов.

Тревога нарастала во мне, ширилась. Я не могла усидеть на месте, и все инстинкты как будто сошли с ума.

Бежать... Лететь... Там мой ребёнок...

— Одно хорошо, — донёсся, как сквозь вату, весёлый голос Мория. — Даже если найдётся смертник, который разобьёт яйцо, я ему не завидую. Совсем...

В этот момент я почувствовала сильный отток энергии. И поняла — ни секундой больше.

Обернувшись змеей, я вылетела в окно.

Или, дракон Льда

*

Момент, когда я прорывался в Лунное Логово сквозь щиты, навсегда останется одним из самых ужасных в моей жизни.

Пусть сами змеи и не могли мне сопротивляться (я даже не был уверен, что все они выжили), но охранные чары ещё стояли, как и всякие преграды, не позволяющие мне добраться до ребёнка.

Особенно страшно стало, когда он перестал тянуть из меня энергию.

Не знаю, как это происходит у селенити, но у драконов разбитое яйцо ни к чему хорошему не приводит. Степень последствий напрямую зависит от срока, который дракончик успел провести в яйце, и количества энергии, которое он смог поглотить. И если в некоторых случаях дело обходится парой часов у целителя, то в других...

Последнюю стену, которая отделяла меня от ребёнка, я просто снёс. Параллельно почувствовал краем сознания, что Лисси неподалёку.

Ничего удивительного. Обещания там или нет, но она мать. И не могла не почувствовать... *это*.

А значит, я должен попасть к нему первым. И не позволить Лисси наделать глупостей, если...

Если уже ничего не исправить.

Утробно взревев, я ворвался в большой и некогда роскошный зал...

И застыл. Моё сознание как будто расщепилось, выхватывая фрагменты из открывшейся мне картины.

Комната была разворочена и разбита.

Ближе ко входу на полу лежала ртутная змея. Я впервые видел драконов-полукровок, рождённых от селенити, потому едва не вздрогнул: несмотря на перья и отсутствие крыльев, принадлежность этого существа ко Ртутному роду была неоспорима. Именно потому, несмотря ни на что, я почувствовал облегчение, когда это

окровавленное, измождённое существо посмотрело на меня мутными глазами.

Учитывая то, как мало Ртутных, смерть каждого становится трагедией. Если понадобится, лучше её казним потом... Если степень участия критична, и не будет совсем никаких других вариантов.

Дальше я увидел осколки сияющей скорлупы, и сердце моё почти остановилось...

И потом мой взгляд упал на полупрозрачного пернатого дракончика, который деловито перегрызал ещё одному змею горло. Змей изредка вспыхивал искрами, но уже не сопротивлялся.

“Малыш?” — позвал я мысленно.

Мой сын повернулся ко мне и издал радостную трель. Как и любой маленький дракончик, он не умел ещё говорить, но отлично чувствовал своих родителей.

И да, несмотря на перья, он определённо был драконом. Вот только не Ледяным; правда в том, что раньше таких драконов не рождалось.

“Брось гадость, — сказал я мысленно, — он же наверняка невкусный! Разреши папочке с ним разобраться, а?”

Малыш фыркнул и недовольно встряхнулся. До меня долетела мешанина из образов и эмоций, которая сводилась к тезису: этот змей — враг, он хотел навредить, обидел ту-которая-защищала и в целом его надо обидеть в ответ.

“Хорошо, — сказал я. — Доверишь мне с этим разобраться?”

Мой сын забавно фыркнул, посмотрел на меня оценивающе — мол, что это такое тут ходит? — но потом, слегка путаясь в лапах, отошёл в сторонку.

На, мол, доедай.

Тихо фыркнув (и изо всех сил стараясь не упасть на месте от нежности и умиления), я заковал змея в толстенную глыбу льда.

Потом будем разбираться, что там и как. Но что-то мне подсказывает, что из сознания этого существа можно много интересного вытянуть... Но это потом.

Я медленно, чтобы не испугать, обнял сына крылом.

Вот что главное сейчас... Я мысленно потянулся к Лисси, чтобы сообщить радостную новость, но в тот же момент она сама влетела в

окно, распушив перья и гребни. И я в который раз за этот день восхищённо застыл.

Раньше я не видел её в змеином обличье. И не знал, какая она красивая. Эти радужные гребни, и перья цвета ртути и киновари, и длинное гибкое тело, и радужные глаза, и совершенно умильная кисточка на хвосте...

Прекрасна.

И, кем бы она сама себя ни считала, на деле моя малышка всё же скорее дракон, чем нет. По крайней мере сейчас, когда мы оба в своих подлинных обличьях, я ощущаю в ней сородича, а не фомора.

Я наблюдал, как Лисси свернулась вокруг нашего малыша, как он поприветствовал её радостным свистом. Интересно, когда она осознает? Три... Два...

“Или! У него крылья! И... лапки!”

“Как у большинства драконов, — ответил я. — Так что всё в порядке.”

“Но... это из-за того, что мы с тобой пара, да?”

“Не знаю, — хмыкнул я, осторожно приобнимая её крылом, — и не хочу сейчас об этом думать. Он прекрасен, да?”

“Безумно!”

Я хотел сказать что-то ещё, но чувство опасности ударило по моим нервам. Я стремительно обернулся, смыкая крылья над моей семьёй, и с ужасом уставился на фонящий непонятной магией комок щупальцев. Что это ещё такое?! И ведь у меня явно не хватит сил с ним справиться. Так что...

— О, я вас нашёл, — прозвучал откуда-то из сердцевины этой ужасной силы голос Мория Бакарийского. — Эй, чего это ты их спрятал? Ну малька хоть покажи, а?..

Моя пара завозилась, явно собираясь пообщаться с этой тварью; сын не отставал. Но я только сомкнул крылья сильнее, сцепив клыки.

Что, Бездна возьми, он такое?!

— Ну нет, так нет, — сказал комок щупалец, — я бы тоже нервный был, наверное, если бы у меня малька своровали. Я, кстати, подумываю попробовать и себе завести... но это потом. Что, если у вас всё хорошо, то всех этих воров уже можно есть, да?

— Нет, — я прикрыл глаза от облегчения, когда в зал вошли сестра, Дин и Деррен.

Вместе мы точно сумеем защитить Лисси и ребёнка, если он... оно... *это*... решит напасть.

— Почему нельзя их съесть?! — возмутилась тварь.

— Потому что нам нужны их показания, — сказала сестра, хотя и выглядела совершенно шокированной, но держалась относительно спокойно. — Расследование обещает быть громким, сложным и неоднозначным. Потому, к сожалению, мы не можем просто взять и съесть их.

— Н-да? Ладно... Ну, может, хотя бы некоторых? Моя косатка потом придумает, как быть с расследованием.

— Госпожа Жифф талантлива, несомненно, — сказала сестра терпеливо, — но всё же не до такой степени, чтобы уладить настолько серьёзный скандал. Потому извините, но есть их нельзя.

Помолчав, она почти через силу добавила:

— Если вам... если вы голодны, о Древний, то драконья сторона обязуется предложить другой вариант.

Древний... Ну да, они, судя по легендам, любят, когда им приносят жертвы.

— Эй! Вы чего, с ума посходили? — спросила тварь изумлённо. — Это ж я! Ну нельзя этих глистов-переростков есть — и нельзя. Я ж просто так спросил!

— Господин Морий, — встрял Деррен, — я ни на что не намекаю, но, возможно, вам стоит вернуть себе первоначальный облик?

— Ах это? — щупальца дрогнули и начали стремительно втягиваться внутрь. Пару мгновений спустя передо мной снова стоял Морий Бакарийский и как-то смущённо улыбался. — Вы что, испугались, глупые ящерки? Это ж я просто раздулся! Ну знаете, как рыба фугу делает!

Я нервно дёрнул крылом. Лисси тут же высунула свой нос и что-то весело засвистела Морию. Внизу зазвучали человеческие голоса.

— Всё закончилось, брат, — сказала Иэ, улыбнувшись мне тепло и чуть устало. — Уводи свою семью отсюда. Я позже приду посмотреть на племянника. Пока что... сам понимаешь.

О да.

“Спасибо”, — сказал я мысленно ей. И всему мирозданию в целом.

Потому что этот день, несмотря на все возможные сложности и последствия, всё же стал самым шокирующим — и самым счастливым — в моей жизни.

Алиссия Майлифф

*

— Ему идёт, — сказал Или.

Я счастливо рассмеялась, наблюдая, как наш сын озадаченно рассматривает свой упакованный в вязаный чехольчик хвост.

— Тётя Ленна пообещала связать ему носочки, — сказала я. — И чехлы для крыльев... Но я всё ещё волнуюсь о том, что он пока не может превращаться в человека. Ты уверен, что это нормально? Либо это может быть... ещё одним побочным эффектом?

Или вздохнул и ласково погладил меня по спине.

Тема была тяжёлая.

Та волшеббно-жуткая ночь, когда родился Лис, всё ещё давала о себе знать. Она принесла с собой много разного. И некоторые последствия, увы, были не совсем радостными.

Сначала мы ничего не замечали: слишком много было вокруг суеты, тревог и беготни. Но потом моя семья захотела посмотреть на Лиса (Или сразу сказал, что мы, по примеру Ртутных, назовём первенца в честь матери). И всё вроде бы шло нормально... но на подходах к комнате, где мы с сыном жили, всем моим домочадцам стало плохо. Всё прошло, когда открылась дверь, но нас это явление насторожило.

И не зря: последующие тесты показали, что присутствие Лиса губительно для окружающих людей. И даже некоторых нелюдей послабее. По крайней мере, незнакомых ему. Очевидно, сдерживать свои силы малыш может, но делает это только в отношении “своих”. Такое вот последствие преждевременного рождения. По словам Мория — не худшее из того, что могло быть. И, возможно, пройдёт с возрастом. Но всё же...

— Не думаю, что в этом есть что-то серьёзное, — сказал Или куда-то мне в волосы. — Я уже говорил тебе: драконы, вылупившиеся из яйца, не так быстро учатся превращаться в людей. Конечно, наш Лис уникален... но я не думаю, что в этом конкретном факте есть повод для волнения.

Сказав это, он легко поцеловал меня в шею. Я вздохнула и спрятала лицо у Или на груди.

— Прости.

— А есть за что?

— Мы так и не оставались наедине. Я хотела бы... И тётя Ленна предложила посидеть с Лисом, но я... я пока просто не могу оставлять его одного.

— Пф, — Или взъерошил мои волосы, — как будто я могу. Я не выпущу вас из поля зрения до тех пор, пока мы не окажемся на территории Драконьей Империи, в одном из фамильных особняков. И так, просто для справки: во-первых, я не настолько озабочен, во-вторых, у нас вся вечность впереди. Так что успокойся и позволь просто обнимать тебя. И говорить с тобой. Идёт?

— Идёт, — я вздохнула и прижалась к нему крепче.

По правде, мне это действительно было необходимо.

Я знала, что там, в большом мире, происходит много чего интересного и разного. Плетутся интриги, ведётся расследование, в самом разгаре весьма жаркие политические переговоры... Но нас целую неделю старались дёргать как можно меньше, полностью предоставив друг другу.

Первые три-четыре дня были очень нервными.

Мы практически не разговаривали. Не потому что не о чем, а потому что попросту не успевали: различные лекари осматривали Лиса, то и дело прибегали курьеры с новостями про обыск особняка Змей и состояние моего биологического отца (его нашли в подвале практически мёртвым), здание посольства, где нас поселили в целях безопасности, осаждали репортёры (потому что кто-то из городской стражи ухитрился сделать виз-снимок того, как Или обнимает нас с Лисом, и снимок этот украшал на следующее утро все передние полосы газет), сновали туда-сюда вестники из Драконьей Империи...

Весело, в общем, пришлось. И из-за этого веселья мы, оставшись вдвоём, больше просто молчали, прижавшись друг к другу, или игрались с Лисом.

Потом, впрочем, всё начало понемногу приходить в норму. И мы начали общаться, узнавая друг друга заново.

Тяжёлых тем избегали — это была негласная договорённость. Оба понимали прекрасно, что для них ещё придёт время. Но, учитывая всё

пережитое, мы нуждались в милых разговорах, ласковых подшучиваниях... и друг в друге.

Впрочем, я понимала, что это не может продолжаться вечно. Потому к новости, что нам предстоит совместный ужин и серьёзный разговор с принцессой Изэ, отнеслась спокойно.

Почти.

— Волнуешься? — спросил Или.

— Сам же знаешь, — вздохнула я.

— А ты знаешь, что я рядом, — я почувствовала, как его улыбка согревает меня, будто солнечный луч.

— Знаю, — я легко прикоснулась губами к его губам. — Просто грустно, что время покоя заканчивается.

Его тревога ударила по моим нервам.

— Если ты ещё не готова, мы можем отложить этот разговор...

— Нет смысла откладывать. Да и некуда. Мечтала я когда-то о жизни принцессы? Что же, похоже, пришло время пробовать свои мечты на вкус.

*

Иэ явилась точно к назначенному времени.

Её сопровождало двое неприметных оборотней из службы безопасности Империи, Деррен, глава дипслужбы и примитивная магиня, как объяснил мне Или мысленно, одна из приближенных к Трону ведьм.

Вся эта чудная компания выказала нам всевозможные знаки почтения, после чего слово взял старший дипломат.

— Мой принц, высокая госпожа, позвольте поделиться с вами приятной во всех отношениях новостью: мы с правительством Тавельни согласовали экстрадицию всех селенити Гильдии в Драконью Империю. Уже там они предстанут перед судом.

— Всех? — удивилась я. — Не только тех, в ком есть драконья кровь?

Дипломат позволил себе лёгкую улыбку.

— Высокая госпожа, вы являетесь подтверждением того факта, что природа полукровок-селенити не так уж далека от природы драконов. И что пернатые змеи могут иметь от драконов детей, невзирая на парность. И уже третье-четвёртое поколение таких детей становится полноценными, пусть и нестандартными, драконами... В свете этих фактов, Империя не могла упустить ни одного.

Я даже не подумала об этом! У меня в животе стало холодно.

— Вы хотите использовать их для селекции, да?

— Не в той ужасной и циничной манере, что позволял себе Глава, — покачала головой Иэ. — Мы уже имеем представление о его поступках, и можешь поверить мне: в Империи их подобное не ждёт. Никто не станет принуждать или связывать клятвами. Но варианты им предложат, это без сомнений.

— Или тюрьма, или размножение?

— Не думаю, что так радикально. Подобное тоже возможно, не скрою. Но при любом раскладе у селенити останется выбор. И защита нашей семьи. Да, в какой-то степени они станут товаром...

— Но это даже справедливо, учитывая, что они превращали других в товар. Понимаю, — я отвернулась.

— Всё не так плохо, — сказала принцесса мягко. — Поверь, им придётся в Империи намного проще, чем было бы в Тавельни.

Я тряхнула головой.

Нельзя не признать, что Иэ права. Змеев в данном случае едва ли можно считать невинными жертвами. Это — факт.

— К тому же, по самым молодым змеям и носителям драконьей крови решения будут выносить дополнительно, — добавила Иэ. — Пока ещё дискуссии идут, но для молодёжи, скорее всего, создадут отдельный факультет в Университете Крыльев. Вопрос с их кормлением сложнее, но мы думаем над вариантами. Драконы Дома готовы проспонсировать решение этой проблемы. Говоря же о полукровках с нашей кровью... Скорее всего, большинство из них вместо тюрьмы окажется под домашним арестом в семьях своих драконьих родственников. По крайней мере, господин Кид Ртутный уже подал соответствующее ходатайство по поводу госпожи Тисы, его дочери. И всех её потомков. Этим он создал прецедент, и другие семьи спешат последовать его примеру. Так, госпожа Йиа Радужная уже подала и подобное ходатайство по отношению к некоему Биники, так и претензию о том, что Линки, твой отец, его пара и их будущий ребёнок должны принадлежать к Радужному Дому. Похоже, нам в итоге предстоит суд по этому поводу. И да, я ото всей души сочувствую судьбе.

Я изумлённо заморгала.

— Так у меня будет брат или сестра?

— Да, всё так. Правда, кто бы в итоге ни выиграл суд, родится этот ребёнок уже на территории Империи.

Я прикусила губу. Никогда не была близка со своим биологическим родителем, но...

— А что будет с Линки?

— Ему предстоит долгое восстановление, суд и домашний арест. Возможно, учитывая его степень участия в гильдейских делах, на него будут наложены магические ограничения. Но в целом лекари уже с уверенностью говорят, что он будет жить.

Я медленно кивнула. В этом во всём остался только один момент, который был мне не вполне понятен.

— Одного не пойму: почему власти Тавельни согласились на подобное? Так легко отдать своих преступников...

— О, тут было несколько причин, — скупой улыбнулся глава дипмиссии. — Во-первых, наша сторона пошла на значительные уступки. Во-вторых, у Тавельни просто нет тюрем для такого количества фоморов, а сжечь их по старой доброй местной традиции едва ли получилось бы. Учитывая то, что эти фоморы являются родственниками пары принца и нескольких знатных Домов... В общем, вы понимаете всю неоднозначность ситуации.

— О да.

— Есть ещё третья причина, возможно, самая главная. Видите ли, Гильдия работала очень со многими сферами. И, соответственно, имела связи со множеством политиков, причём как либеральных, так и консервативных. Если бы процесс состоялся в Тавельни и стал публичным, он наверняка привёл бы к, скажем так, значительному политическому кризису. Это не было выгодно никому. Потому, стоило нам заикнуться о закрытом процессе (а покушение на члена правящей семьи в Империи предполагает исключительно закрытый процесс), как человеческая сторона тут же пошла на уступки.

— Требования с их стороны? — уточнил Или.

— Наблюдатели на протяжении всего процесса, ряд клятв о секретности, уничтожение протоколов заседаний, сотрудничество при работе с уликами и несколько сложных межведомственных договорённостей, — подал голос безопасник. — Не совсем удобно для нас, не скрою. Но, учитывая деликатность ситуации, это лучшее, что мы могли получить...

— ... И получили мы это во многом потому, что имело место покушение на принца Лиса, — добавила Иэ. — Плюс личное участие леди Элизавет Биолифф в покушении на Алиссию.

— Что с Элизавет, кстати? — спросила я. — Она попадёт под суд? Иэ покачала головой.

— Нет, мы имеем право забрать только змей. И не можем упоминать ни её, ни дочь премьер-министра в своём отчёте...

— А что, дочь тоже была связана с гильдией?

— Не в той же мере, что и её мать. Да, определённая степень участия там была. Но не такая, чтобы всерьёз ворошить этот вопрос. Говоря же об Элизавет... Да, по уму следовало поднять тему с

покушением. Но для этого нужно бы было пойти на прямой конфликт с премьером, что, прямо скажем, идиотизм. К тому же, ситуация неоднозначная для всех сторон, а леди Элизавет и так наказана за своё преступление. Как я понимаю, господин Линки был весьма... зол на неё. И лишил некоторых бонусов, которыми сам же некогда наградил. Причём забрал он долг с очень большими процентами.

— В каком смысле? — уточнила я настороженно.

Иэ холодно улыбнулась.

— Сейчас леди Биолифф выглядит примерно на сто пятьдесят - сто восемьдесят человеческих лет. Не слишком удобно для фаворитки, как ни крути. Сомневаюсь, что она когда-нибудь сможет вернуться в столицу... и к своей прежней жизни.

Я склонила голову.

Слишком многое нам с семьёй пришлось пережить, чтобы я жалела эту женщину. Но и злорадства в своей душе не могла найти, как ни искала.

— Высокая госпожа, — подал голос безопасник, — мне не хотелось бы доставлять вам неудобства, учитывая недавно пережитые потрясения. Но осмелюсь уточнить: клятвы, опутывавшие вас, не касались тех, кто уже посвящён в секрет. Я верно понимаю?

— Да, всё так...

— В таком случае я попрошу вас один-единственный раз рассказать нам историю ваших взаимоотношений с Гильдией, отцом, леди Элизавет, а также все обстоятельства встречи с наследным принцем и последующей жизни. Эта информация не выйдет никуда за пределы круга присутствующих тут лиц; у вас не попросят повторить сказанное публично либо в суде. Тем не менее, для полной и цельной картины нам жизненно необходимы ваши показания.

Я вздохнула, почувствовав, как Или одобряюще сжимает под столом мою руку. Маски долой, верно? Не думала, что когда-нибудь мне придётся рассказывать это всё посторонним, да ещё и в таких обстоятельствах. Но жизнь порой вносит свои коррективы...

Коротко выдохнув, я начала говорить.

Прерывали меня нечасто, преимущественно задавая уточняющие вопросы. Больше всего общественность хотела узнать обстоятельства нашей встречи с Морием (тут понятно, почему). И если Иэ больше

интересовал точный пересказ диалога с Глубоководным, то Или зацепился за другое.

— Погоди, — сказал он, — так Бэннард Финн жив?

— А ты думал — нет? — удивилась я. — Разве вы не связали между собой Бэннарда Финна и Бэно?

— Мы не тревожили его высочество деталями, — склонил голову безопасник. — На основании же последнего допроса, протокол которого был в его руках — допроса Джеббет Гохорд и её подручных — логично сделать вывод о гибели Бэннарда. Они были твёрдо уверены, что оставили его в состоянии, не вполне совместимом с жизнью. Остальное должна была закончить ваша... специфическая аура.

Я пожала плечами:

— Ну, тут они просчитались. Бэн не только жив, но ещё и считается одним из самых перспективных музыкальных артефакторов города...

— И счастливо женат, смею добавить, — встрял безопасник.

— Как? Уже?!

— Верно. Ваши родители спешат уладить все юридические проволочки перед переездом в Драконью Империю. Поскольку Бэннард остаётся их официальным представителем по эту сторону океана, они при участии наших стряпчих и конторы Даджиффов составили все необходимые бумаги, в том числе брачный контракт.

Я растерянно заморгала.

— Родителям придётся переехать?..

— Разумеется. Учитывая степень вашей привязанности к ним, мы не можем оставить их здесь.

— Волноваться не о чем, — добавила Иэ. — Смею заверить, что в Империи их ждут все условия, включая жильё и капитал для развития.

Я кивнула. А что я могла возразить? Но чувство, что жизнь поворачивает на совершенно незнакомые, пугающие рельсы, не покидало меня.

Но тётя Ленна была права тогда, говоря о цене и ответственности. Я теперь принцесса, и очевидно, что это ведёт за собой многое.

Перемены. Обязанности. Ограничения.

И я должна буду сжиться с этой ролью, как с самым важным спектаклем в своей жизни.

Одна радость: сейчас, после всего случившегося, я готова к нему куда больше, чем та глупая змейка, что решила заменить Дайяну Гохорд на отборе для принца. С этой точки зрения, пожалуй, все те недоразумения и преграды между нами были необходимы.

Хотя бы для того, чтобы вырасти.

*

Говорила я долго.

Мне задавали один уточняющий вопрос за другим, просили вспоминать разные детали. Несколько раз Или мысленно спрашивал, не хочу ли я взять перерыв, но это было ни к чему: чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше. Но я довольно сильно устала и очень скоро впала в какое-то полусонное состояние, автоматически отвечая на вопросы.

Потому я даже не сразу осознала, что всё кончилось. Только моргнула удивлённо, когда дипломат, безопасник и ведьма встали, поклонились, поблагодарили и направились к выходу.

— Господа, — позвал их Или, — пожалуйста, убедитесь, что Бэннardu Финну станут известны все материалы по делу Гохордов, имеющие к нему отношение.

— Ведётся расследование, мой принц. И на этой стадии...

— Моё распоряжение. И уточните у него, не захочет ли он дать показания.

— Слушаюсь, мой принц. Что-нибудь ещё?

— Идите.

Дверь за ними негромко закрылась.

— Уже всё? — спросила я.

— Преимущественно, — Или нежно погладил мои пальцы. — Осталось самое интересное — и самое неприятное... Говори, Иэ. До чего договорились на Совете?

Принцесса поморщилась.

— Многие требуют, чтобы принц Лис был признан представителем младшей, а не старшей ветви.

— Этого не будет, мы оба знаем. Лис — первенец моей пары, дракон. Он получит все приличествующие ему почести.

— Да, — Иэ устало откинулась на спинку кресла, — тут наши взгляды совпадают. Но в этом случае они будут настаивать на том, чтобы лишить тебя титула наследного принца — по крайней мере, до

тех пор, пока у вас с Алиссией не появится Ледяной наследник. Такие разговоры уже ведутся, и некоторые члены Совета очень активно их подогревают. Ваши... семейные фото в газетах, которые вызвали волну умиления среди жителей Тавельни, драконами старой закалки не были восприняты так однозначно. Наследник неведомой драконьей породы, чьи свойства непонятны никому... Пожар разгорается. И в этих обстоятельствах мы с дядей Кио видим только один выход из ситуации.

— И это...

— Ты догадываешься и сам, я думаю. Но хочешь, чтобы я озвучила, так изволь: до рождения у вас второго ребёнка мы официально объявим наследником Лира Ледяного.

Я застыла.

— Но как?.. Может, лучше признать Лиса — как там — младшей ветвью?!

— Ты так хочешь стать Императрицей, милая? — фыркнул Или.

Как ни странно, но его, похоже, ситуация больше забавляла, чем огорчала.

— Ты в моей голове! И сам прекрасно знаешь, что я не хочу! Но в чём-то они правы, ведь так? Чтобы получить ребёнка-дракона, мы должны пройти обряд у Лесного Царя. А Лис всё же фомор, и...

Малыш, почувствовав, что говорят о нём, тут же подбежал ко мне и вопросительно-ободряюще засвистел. Я зарылась ладонью в его пёрышки.

— ... и у него есть особенности...

— Его так называемые “особенности” — банальная реакция на перенесённую в яйце травму, — отрезал Или. — Наш сын — нормальный дракон, пусть и другого вида. И я ни при каких обстоятельствах не лишу его прав старшей крови.

— Но дело не только в этом, — добавила Иэ мягко. — Пойми, Алиссия: если мы сейчас пойдём у них на поводу, то тем самым создадим прецедент. И тогда все драконьи дома будут в будущем поступать точно так же. Подобное неприемлемо... И тот, кто загнал нас в ловушку с таким выбором, это прекрасно понимал.

Я призадумалась.

— То есть, этот Лир, он... хороший? И нет проблемы в том, чтобы уступить ему титул?

— О, он идиот... — выдал Или. — Кстати, об этом. А почему не братец Рил? Я ни на что не намекаю, но у него хотя бы есть, ну например, мозг. С ним играть интересно. Да и отцу он скорее нравится...

— Будто сам не понимаешь, — улыбнулась Иэ, показав клычки. — По официальной версии мы, разумеется, идём навстречу мнению Совета... Пусть в это верят. По неофициальной... Рила мы подумываем в итоге завербовать. Конечно, посмотрим по обстоятельствам и материалам расследования, но допускаем такую вероятность. А у того, кто сейчас займёт место наследника, будущего нет. Сам понимаешь. Так что Лир — идеальный вариант...

Я поняла, что ничего не понимаю.

— Подождите. То есть, это всё — просто очередная интрига? Вы планируете сменить наследника, чтобы...

— Подтолкнуть заговорщиков к активным действиям? Да, конечно. Мы довольно давно сделали Или приманкой, но они осторожничали... теперь наверняка перестанут.

— Но они попытаются убить Императора?!

— Почти наверняка, — ехидно улыбнулся Или. — В этом вся суть.

Я поискала слова, подходящие к случаю, но они как будто все кончились.

— Но это... я даже не знаю, что сказать!

— О, не переживай, — улыбнулась Иэ ласково. — Это обычная рутина для Дворца. Ты привыкнешь.

— Так и есть, — добил мой добрый принц, — таков уж недостаток жизни на самом верху. Но одна радость: главные роли в последующем действе принадлежат не нам. Я ведь прав?

— Более чем, — прищурилась Иэ. — Более того, вам на ближайшие полгода предстоит отбыть в Долину Водопадов. И работать там над следующим наследником. Денно и ночью! Ещё можно ходить на пикники, загорать, плавать и наслаждаться жизнью... И да, я запомнила твой запрос. Относительно недалеко проходит железная дорога, так что...

Я бросила на Или изумлённый взгляд.

“Ты...”

“Мы должны полетать за поездами, не так ли? Вдвоём. Считаю это важной частью медового месяца.”

Я потрясённо покачала головой. Или... могу ли я влюбиться в тебя ещё сильнее?

— В общем так, — сказала Иэ, вставая, — не буду мешать. Скажу только, что ваш корабль отплывает завтра. Нужно будет пережить несколько официальных мероприятий, но потом — свобода. Временная — тебе в итоге придётся стать наследником, братик, — но всё же... В Долине к вам планирует присоединиться Биланна; как ни крути, это её любимая резиденция. Она присмотрит за Лисом... сколько сможет. Сам понимаешь. В остальном же у вас будет первоклассная охрана, лучшие воспитатели и прочее. И время только на двоих. Используйте его с толком, хорошо?

— Договорились. Сестра! Спасибо. И...

— И? — она повернулась, заинтересованно выгнув бровь.

— И удачной охоты.

Тихо фыркнув, Иэ вышла. Деррен тенью скользнул за ней, и мы остались втроём.

Я повернулась к Или и положила руку ему на щеку. Он потёрся о мою ладонь, глядя с потрясающей нежностью.

— Быть парой принца не так уж просто, верно? — спросила я тихо.

— Определённо. Но я того стою, знаешь ли! — подмигнул он.

— Это ещё почему?

— Да потому что я — прекрасен! — дурашливо выдал Или.

— Хм, — я окинула его демонстративно-оценивающим взглядом.

— Думаешь, *настолько* прекрасен?

— Ладно, может, и не настолько, — закатил он глаза, а после добавил серьёзно: — А ещё я не могу без тебя. И умру за вас двоих, если надо. И сделаю всё, чтобы вы были счастливы. Сойдёт за причину?

Моё сердце затопило нежностью.

— Да, — шепнула я. — Ради такого можно даже стать принцессой. Оно того стоит.

"Ты того стоишь," — добавила мысленно.

Он тепло улыбнулся. И поцеловал меня.

Дальнейшие слова были нам обоим ни к чему.

Интерлюдия 1. О разновидностях рыб

Лирана Жифф, стряпчая

*

Пора признать, что этот случай — самый тяжёлый в моей практике.

И, пожалуй, самый волшебный.

Я до сих пор не могу поверить — хотя, казалось бы, пора уже. И ведь стою в малом зале Посольского дворца, на возвышении. По правую руку от меня — мой сумасшедший и самый странный в мире клиент, по левую — её высочество принцесса Иэ из дома Льда, которая позволила обращаться к ней на “ты”. Тут же присутствует премьер-министр Тавельни, несколько лорд-министров из парламента и драконьи дипломаты.

И я не знаю, когда это всё стало моей жизнью.

— А это — моя косатка! — сказал Морий Бакарийский гордо. — Без неё этого договора не было бы, так что мы объявляем её управляющей Бакарии. Прошу любить и жаловать!

Я скупно улыбнулась, поднимая бокал. Взгляды братишек прожигали в спине дыру, и от этого хотелось плясать. Завидуйте молча, мальчишки!..

И да, у меня есть свой остров. И титул в новом фоморьем государстве.

Правда, мой официальный титул записан как “косатка”, но всё же.
С ума сойти.

Могла ли я предположить нечто подобное, когда “любимые” братья с мерзкими улыбочками перенаправили ко мне очередного “психа”? Куда там! Да у меня бы просто фантазии не хватило, чтобы предсказать такой поворот событий!

И вот я здесь. На роскошном приёме, в самом центре политических интриг. Представляю интересы огромных хтонических существ. Заведую делом Майлиффов, которые официально были провозглашены младшими почётными членами драконьей императорской семьи.

Жизнь, порой ты бываешь просто сногшибательной.

— Эй, косатка, — Морий подёргал меня за рукав, — ты чего задумалась? Мы ж уже всё подписали, так?

— Да, — ответила я меланхолично. — И договор о сотрудничестве, и пакт о передаче Бакарийских островов, и пакт о судоходстве и внешней торговле... Всё подписано и заверено.

— Вот и хорошо, — кивнул он важно. — Конечно, надо бы ещё скрепить это подписью у *того камня*... Но это терпит. Пока ещё малёк подрастёт... И у власти в Тавельни появится хоть кто-то, кто может поставить подпись... Да и у фей сейчас нет истинной Королевы... Эх. Выродился магический род, пока я на Дне спал! А всё эти, драконы. Ну, точнее, не совсем *эти*. Их родители скорее. Это поколение, должен признать, не такое уж и ужасное. Их можно терпеть, вот... Кстати, про мальков. Я тут подумал, что неплохо было бы моему аватару тоже размножиться. И мне нужна твоя помощь.

Я задумчиво покосилась на Мория.

Не то чтобы я была совсем неразумной, вчера рождённой девочкой. Не то чтобы он когда-либо скрывал свою симпатию. Я вас прошу, это же Морий! Он может прятать что-то от окружающих только в том случае, если искренне верит: все и так всё знают. Так что его заигрывания были прямыми и сногсшибательными, как падающий с неба кит.

Хотя не могу не признать: при всей своей прямооте, Морий никогда не переступал черту, за которой настойчивость превращается в давление, а флирт — в попрание личных границ. И в этом смысле он превосходил девяносто девять процентов всех знакомых мне мужчин.

Во всех смыслах превосходил, если разобраться.

Сногсшибательно красивый, широкоплечий, высоченный мужик с кожей цвета бронзы и белоснежными волосами. Богатый, могущественный, по-своему умный... Эдакая огромная бочка мёда. И понятное дело, что ложки дёгтя тут тоже не могло не быть.

Этой самой ложкой была подлинная сущность Мория.

Вежливо отклоняя его ухаживания, я много думала об этом. И даже консультировалась со специалистами по поводу этих “человеческих аватаров”. Марджана Лофф, которую я выбрала в качестве консультанта, объяснила мне всё очень подробно. Настолько, что я подумала: а может, и впрямь попробовать? Всё же, это его тело полностью человеческое. Даже в большей степени, чем

антропоморфный облик драконов. А другое его обличье... Ну так магическое существо, чего уж там. И, если так рассуждать, драконы и оборотни во вторых своих ипостасях тоже красавчики очень на любителя; и ничего, люди чуть ли не в очереди становятся, чтобы к ним в спальни попасть. Чем Морий-то хуже? Тем, что у него два тела, а не две ипостаси? Но тут, как говорится, у каждого есть недостатки.

Так что в целом ничего предосудительного не было бы, реши я поддаться искушению. Да, про мальков он определённо рано заговорил, но общее направление его мыслей мне скорее нравится.

Я этого ждала.

— Предлагаю выйти на террасу, — сказала я, — освежиться. И обсудить вопросы размножения в приватной обстановке. Что скажете?

— Согласен! — он весьма довольно подхватил меня под руку и потащил сквозь толпу.

Отдельное удовольствие для дамы моих размеров, кстати: для Мория я всегда остаюсь эдакой пушинкой, которую при желании можно не то что носить на руках, но даже забросить на одну из лун (и да, я не уверена, что это метафора).

— Госпожа Жифф, — от этого слащавого голоса у меня разом заныли зубы.

Если бы мне пришлось составить рейтинг самых ненавидимых мной людей, то Майя Кифф, экстравагантная богачка и редкостно стервозная подруга моей мачехи, определённо заняла бы одну из верхних строчек.

И принесла же нелёгкая...

— Говорят, вас можно поздравить? — сказала она, бросая на Мория странные взгляды. — Вы поднялись так высоко... не представите мне звезду нашего вечера?

Я повернулась, готовая быстро пройти по формальностям, и замерла.

Впервые в жизни, наверное, мне довелось видеть на красивом лице Мория такое выражение.

— Рыба-Луна? — спросил он тихо.

И я поняла, что у нас всех большие неприятности.

Интерлюдия 2. Две правды

Акива Финн

*

— Бахи, я слышала, твой муж хочет взять вторую жену. Неужели правда?

— Окончательного решения ещё нет...

— Ах, как я тебе сочувствую! Это из-за того, что ты пополнела?

— Ах, точно! Вот что бывает, когда забываешь о том, что фигура должна улаживать мужчине глаз!

— Уж молчала бы, Филя. Просто говорить о фигуре, ни разу не родив! Три года, а наследника всё нет. Сама-то не боишься, что твой муж выбросит тебя за дверь?

— Ох, спасибо за заботу, дорогая, не боюсь! Разве что за тебя. Слышала я, муж твой серьёзно проигрался...

Я сидела, прихлёбывая чай, поела пряные сладости и всё ждала, когда же они вспомнят обо мне. Что вспомнят, тут сомнений быть не может: мои сёстры на женской половине — чисто клубок змей.

— А что же ты молчишь, Акива?

Ну вот, началось.

— А что ей сказать? Она же мужу навязалась.

— И себя опозорила...

— Так что замуж взял, жива-здоровая — вот и вся радость!

Я подняла взгляд, и улыбка моя была слаще мёда. Они примолкли, глядя жадно, как стервятники.

Им очень хочется, конечно, чтобы я, отцовская любимица, оплошала.

Но нет. Не в этот раз.

— Мой муж — дар Истинного, за который я не устану благодарить, — сказала я радостно. — Он добр ко мне и ласков. Во всём. Работа у него спорится, и среди его друзей полно очень важных людей. Он одаривает меня и лелеет.

Я поправила серьги, показав мимолётом браслет и проследив, чтобы кольцо показалось из-под платья. Ну? Которая из вас спросит?

— Ладные украшения, — глупая нашлась.

— О, это подарок Бэна. Разве не красиво? Они одни такие во всей Тавельни. Мой Бэн попросил у самого Мория Бакарийского, чтобы тот достал эти камни со дна морского. Разве это не потрясающе?

Я улыбнулась, вспомнив этот момент. И ведь мне не пришлось идти на какие-то хитрости! Я просто сказала Бэну: “Ах, мне нужно будет чем-то удивить сестриц, чтобы не говорили гадости”. Он задумался, покивал, а потом принёс мне украшения прямиком с морского дна, из кладов какой-то забытой царицы.

Не зря, ой не зря я выбрала именно его...

— И что же он уехал, раз так тебя любит? — некоторым языкам яд на месте остаться не даёт.

— Ему нужно встретиться с парой драконьего принца и её семьёй, — улыбнулась я ласково. — И уладить какие-то формальности с законом.

Они замолчали. Я едва удержалась от торжествующей улыбки. Что, ехидны, обломали зубы?

Калая, бросив на меня быстрый одобрительный взгляд, спросила:

— Кто будет ещё чаю?

На этом разговор обо мне увял.

Но продолжился позже, когда мы остались со старшей сестрой вдвоём. И стал он намного откровенней.

— Всё действительно хорошо? — спросила Калая. — Он не обижает тебя?

Я ласково сжала её руку в своей.

— Поверь, милая, клянусь тебе Подлинным и Единым: он действительно ласков со мной.

Калая поджала губы. Муж был с ней груб, особенно в последнее время; от этого её былая красота увяла, на что было очень грустно смотреть. Но, даже спустя время, она всё ещё волновалась обо мне.

— Я волнуюсь, Акива, — сказала она. — Твой муж уехал в Империю. Он встретит там *ту женщину*, верно?

Я вздохнула.

— Да, встретит непременно. Они столкнутся на суде. Но... ей не получить его обратно.

— Ты так уверена?.. Не сверкай так глазами. Знаю, ты хотела именно его в мужья, хотя и не понимаю, почему...

Я с печальной улыбкой посмотрела на сестру.

Почему? Да потому что у меня был твой пример перед глазами, моя милая.

Я сделала всё, чтобы не повторить твою судьбу. Стала любимицей отца, обрела влияние на него, слыла самой красивой из его дочерей, получала дары. Услышав, что меня планируют выдать за Рейдара, я поняла, что пора действовать. И брать судьбу в свои руки.

И тут в наш квартал переехал Бэн. Тогда его называли Бэно, но не суть...

То, что он не похож на окружающих меня мужчин, я поняла практически сразу. А собрав сведения, послушав рассказы служанок, подосланных его испытать, и скупив его музыкальные шкатулки, я поняла: Бэно — мой шанс. Возможность получить спокойную жизнь, иметь под боком человека талантливого, доброго и чуткого, войти в добрую семью.

И, не вдаваясь в детали, я сделала всё, чтобы стать женой Бэна.

Пришлось упрашивать отца; впрочем, узнав о тайных связях семьи Майлики, отец и сам ухватился за эту идею. Ещё и меня похвалил за ум и прозорливость.

Повезло.

Конечно, пришлось многим рискнуть. И позаботиться о том, чтобы Рейдар точно-точно меня не украл. Я знала, что он может на такое пойти, так что наняла мужчин, которые в день моей свадьбы вывезли его из столицы и бросили за дорогой.

Думаю, он выжил. Но дело всяко не моё.

И теперь эта Дайяна... Она не получит Бэна.

Никогда.

— Сестра, — сказала я мягко, — поверь мне на слово: он вернётся ко мне.

— Как ты можешь быть так уверена?

Это очевидно.

— Любовь к ней была детским увлечением, тягой к запретному плоду. Слуга и хозяйская дочь, что может быть банальней. Но кто она сейчас? Опозоренная на всю Империю, побывавшая в постели другого мужчины, погружённая в дразги, причиняющая боль одним своим видом, вызывающая стыд с сожалениями. И кто я? Я — его жена перед всеми богами, местными и нашими; я встречаю его вечерами и

провожаю утром. Я всегда ласкова, готова помочь советом, мила и красива. И что же ты думаешь? Она — его прошлое, будущее — за мной.

— Надеюсь, ты права.

— Брось! Она потеряла его первенца, а я ношу ребёнка под сердцем. Кого выберет мужчина в такой ситуации?

Калая вздрогнула и прикусила губу. Тема была болезненной для неё: муж толкнул её, когда она ждала ребёнка, и тот родился неживым. Больше, увы, Калая понести не смогла, за что была всячески ненавидима мужем и его семьёй.

— Ты права, — сказала она, — ей не выиграть.

— Ну вот. Но знаешь что? Если твой муж всё же выгонит тебя, теперь я смогу тебя забрать.

— Ты думаешь, что сможешь меня приютить? — спросила Калая.
— Твой муж не согласится!

Я улыбнулась.

— Милый, милый Бэн... поверь, я позабочусь, чтобы он согласился. Выбор мужчины определяет жизнь женщины. Я верно выбрала мужа.

И никогда, никому его не отдам.

Дайяна, леди Гохорд, лекарь

*

— Вы только посмотрите на неё...

— Ей должно быть стыдно!..

— Как только посмела выносить из семьи сор...

— Молодое поколение...

Последние несколько недель этот шёпот звучал за моей спиной. Он не смолкал нигде.

И сюда, в зал суда, он тоже последовал за мной. Я слышала его краем уха, стоя в ожидании, пока судьи и совет достойных примут решение по моему делу.

На самом деле, если бы всё ограничивалось одним только шёпотом! Меня уговаривали отозвать заявление; мне присылали угрозы пачками (леди Каталина забирала эти письма, чтобы растапливать свой декоративный камин); мне кричали обидные слова

на улице; меня забросали яйцами и тухлыми овощами, называя ужасными оскорбительными словами.

“Сама гуляла, как продажная девка, а теперь ещё и родителей обвиняет. Денег хочет!”

“Она пятнает честь старой тавельнской аристократии!”

“Она лгунья, которая просто хочет внимания!”

“Она...” — и ещё сотня эпитетов и оскорбительных слов, которые сыпались на мою голову. И я совру, если скажу, что вынести это было просто. По правде, я не знаю, как бы справилась без помощи леди Каталины и негласной поддержки правящей драконьей семьи.

Однако, находились и другие слова.

Слова поддержки.

Некоторые из них больше напоминали крикливые политические лозунги в духе: “Долой аристократию! Долой традиционализм! Долой мужской шовинизм...” Много кого долой, в общем-то. Но эти письма, сколь бы эмоциональны они ни были, тоже не радовали меня. Виделось мне, что их авторы едва ли понимают, о чём пишут, и слишком категоричны в своих суждениях. Леди Каталина, кстати, была со мной в этом согласна. “Такие процессы неизбежно приобретают политический окрас, — сказала она, — многие хотят под шумок повернуть свои дела. Но мы, сколько можем и как можем, не должны допускать, чтобы борьба за права превратилась в идеологию. Гуманизм зряч, а идеология всегда слепа. Ей всё равно, кого карать.”

Я не понимала многое из того, что она сказала — просто была для этого недостаточно образована. Но на те крикливые письма не отвечала. И не слишком радовалась им.

Только вот были и другие.

Они чаще приходили в конвертах без подписи, скромных и неприязательных. Но в этих письмах были целые миры. Там прятались истории, которые не были рассказаны в зале суда. Это были голоса, которые никогда уже не будут услышаны.

“Мой начальник взял меня насильно и сказал, что я ничего не докажу, потому что он — оборотень...”

“Лорд, который купил меня на островах, заставил меня избавиться от ребёнка...”

“Я работал на аристократов и их дочь влюбилась в меня. Я не стал связываться, и тогда она обвинила меня в насилии. Её родители наняли

людей, чтобы со мной разобраться. Теперь я калека...”

“Моя мать поступила так же, как ваша...”

Я долго плакала над этими письмами, правда. Но ещё они давали мне силу.

Силу терпеть и вонючие яйца, и насмешки, и презрение. Я сжимала в кармане скальпель, с которым теперь не расставалась, и всякий раз вспоминала об этих письмах, когда хотела повернуть вспять.

Я много раз предавала себя. Но теперь это нечто большее. Теперь за моей спиной стоят они, и я не могу их предать. Ни одного из них, каков бы ни был их пол, возраст и социальный статус, какова бы ни была их история.

Потому что у меня лучше получается драться за других. Это очевидная истина.

— Суд готов принять решение!

Я поймала взгляд Бэна. Он дождался, пока я посмотрю на него, и выдал ободряющую улыбку.

У меня она вызвала смешанные переживания.

С одной стороны, я была счастлива несказанно, увидев его. Он жив, змея... её высочество принцесса Алиссия сумела спасти его тогда.

От понимания этого с моей души падал огромный камень непереносимой вины. И сердце всё ещё замирало при виде этих глаз... Вот только теперь любовь к нему была отравлена болью, горечью, ложью. И от этого я просто не знала, как себя с ним вести.

Он искал встречи. Я её откладывала; сначала суд, а потом — всё остальное.

Не могу себе позволить расклеиться здесь и сейчас.

— Имперский суд признаёт вину подсудимых в полном объёме...

Дальше зазвучали условия приговоров, наказания, которые кузен, мои родители и их подручные должны были понести. Но я уже не слушала; прикрыв глаза, я ощутила волну облегчения и внезапной свободы, которая накрыла с головой.

Я сделала это.

*

— Дайяна...

Этот тихий голос когда-то заставлял моё сердце биться в разы чаще. Я готова была пойти за ним куда угодно, обожала его...

Он всё ещё любим сейчас. Наверное, это чувство никогда не покинет меня полностью. Или это только кажется сейчас? Но, так или иначе, я люблю его.

Но любовь — это не вся жизнь.

— Ты избегаешь меня? Ненавидишь? Я заслужил, просто...

— Бэн, — я взяла его за руку, и это было как удар. Для нас обоих.

— Думаю, нам давно пора поговорить. Но не на улице, тут могут быть... всякие. Как насчёт вон той кофейни?

— Давай!

Я повела его за собой в уютное нутро “Алиды”. Вообще-то в последнее время мне нежелательно заходить в такие заведения, но это принадлежало благодарной пациентке. Тут мне всегда были рады... и готовы предоставить отдельный столик за ширмой.

*

Мы сидели втроём — он, я и тишина.

Ни один не решался встать и уйти.

В итоге я поняла, что надо что-то делать с этим, и начала с главного:

— Прости.

Он сказал то же самое. Вышло одновременно.

И на миг мне показалось, что я снова лежу на крыше поместья, глядя с ним на звёзды и декламируя хором стихи.

Это было словно бы в прошлой жизни.

— Дайяна, здесь я должен просить прощения. Я не знал, что ты... мы... что у нас должен был быть ребёнок. Я поверил им. Я позволил им сделать это с тобой. Мне так жаль... — мой добрый Бэн выглядел, как побитая собака. Хотя...

Уже не *мой*.

Браслет на его руке говорил лучше всяких слов.

— Это всё моя вина, — сделал вывод Бэн.

И я сказала себе: представь, что напротив не *он*. Просто один из пациентов. Что бы ты сказала ему?

— Нет, — ответила я твёрдо. — Это не твоя вина. Те, чья вина, сидели сегодня на скамье подсудимых. Тебе незачем просить у меня прощения. Тем более что, если так смотреть... Я тоже поверила им. Я

слушалась их. Я пошла к принцу. Я долгое время не осознавала всю чудовищность того, что случилось. Так что, если разбираться, мы оба с тобой виновны. И я... просто рада, что ты жив. И нашёл своё счастье.

Он вздрогнул и прикрыл браслет рукавом.

— Я женился на ней, чтобы спасти её от отца, — сказал он. — Я не могу развестись прямо сейчас, потому что Акива ждёт ребёнка. Но...

Я подняла руку. Боль резанула по сердцу, но я постаралась не показать этого.

Не будь завистливой дрянью, Дайяна Гохорд. Не возвращайся к этой стадии.

— Бэн, — позвала я тихо, — никому ни с кем не надо разводиться. Я рада за вас с Акивой, правда. Я поздравляю тебя и счастлива, что ты идёшь дальше. И это правильно. Знаешь, после всего, что было между нами, после всех потерь я всё равно не смогу быть с тобой.

— Дайяна...

— Нет. Прости. И пожалуйста, вернись к своей жене. Уверена, она достойная женщина. Позаботься о ней. И прощай.

Я встала и пошла к выходу, чувствуя, как эта дверь в моей жизни навсегда закрывается.

И, наверное, так должно было быть.

В кармане лежал скальпель. На столе в рабочем кабинете ожидали разрозненные показания, которые мне надо было собрать в дело. Суд по моему вопросу закончен, и теперь...

Меня толкнули в переулок и прижали к стене.

Кажется, кто-то из недоброжелателей меня всё же достал.

Я сжала в кармане скальпель и заглянула в светлые, как стывшая вода, глаза незнакомого юноши.

Помнится, я видела его в зале суда. Мститель? Что же, я не дамся без боя.

— Дайяна Гохорд, — сказал он. — Я слышал, вы интересуетесь делом ректора Далайса.

Я сжала руки в кулаки. Вон оно что... Этот ублюдок нанял кого-то, чтобы остановить меня?

— Я всего лишь интересовалась некоторыми странностями, которые происходят со студентками его академии.

— И что вы собираетесь делать с этими *странностями*, леди Гохорд?

Я прищурилась. Было в его тоне нечто странное...

— То же самое, что сделала со странностями моей семьи. Предать огласке — если, конечно, мои предположения подтвердятся.

Он отпустил меня и сделал шаг назад.

— Отлично. Значит, я — к вашим услугам.

— Простите?..

— Моя сестра погибла в академии. Якобы несчастный случай. Но я думаю...

— А ваше имя?

— Дорд. Максимилиан Дорд, к вашим услугам. Простите мою невежливость.

Нэлли, моя пациентка... Урод всё же добрался до неё.

Я сжала зубы.

— Понимаю, милорд. Думаю, мы с вами сможем поработать вместе.

Интерлюдия 3, краткая. Зерно граната

Тот, кого называют Дерреном

*

Она прекрасна всегда.

Но особенно мила моя принцесса сейчас, когда, сбросив туфли и распустив волосы, сидит на подоконнике, задумчиво играя с тонкой ножкой бокала. Её лицо покинула маска светской весёлости, она задумчива, немного устала и немного печальна. В каждой её черте — поэзия холмов, застывшее безмолвие зимнего леса, синева цветов аконита, сияние луны.

В этом она вся. Даже теперь — моя вечная противоположность.

Мне хотелось бы стереть тревогу с её лица, но не всё так просто для нас двоих. Есть правила, которые мне не обойти. Законы, перед которыми я бессилен, как малое дитя. Цепи старых клятв и обязательств, которые связывают и тянут назад.

Но это не страшно. У меня есть всё время мира, чтобы их разорвать.

— Говори уж, — сказала она, бросив на меня насмешливый взгляд.

Я улыбнулся. Мне нравится видеть её такой — язвительной и хищной. Её маска прекрасной принцессы мила, но как же она меня раздражает! Я ведь знаю, что суть ей — сладкий яд. И всегда рад, когда она эту суть показывает.

— Вы встревожены, госпожа.

— Не без того, — она посмотрела в окно, и огни ночной Вел-Лерии бросили на её лицо причудливые тени. — Эта игра может быть опасна. Я понимаю, что дядя Кио и отец хотят разом разрешить вопрос, который тянется уже полтысячелетия, и выманить заговорщиков. Но мы ходим по краю. Да, Или с Алиссией и Лисом вывели из-под удара; слух о том, что Императрица ждёт ребёнка, уже скоро поползёт по Дворцу. Но всё же...

— Вы боитесь не выиграть?

— Ставки слишком высоки. Это уже стоило здоровья моему племяннику...

— Уверяю вас, малыш Лис будет в порядке.

— И всё же... Мне понадобится твоя помощь, Деррен. Я не знаю, кто ты, но... предположим, я хочу загадать желание.

Я ждал. Ох, как же я ждал этого момента! Хорошо, что она не смотрела на меня: уверен, в глазах моих загорелся хищный огонь.

— Вы хотите загадать желание, госпожа?

Она повернулась ко мне и насмешливо улыбнулась.

— Разве не в этом ваша суть... *господин фей?*

Я хмыкнул.

Она умна. Всегда была, что уж там.

Я шагнул вперёд, сокращая расстояние между нами, но не касаясь. Изысканная пытка — и сладкий соблазн.

— Все желания имеют цену, моя госпожа.

— Мне это известно, — её дыхание ласкало мою кожу, но она не отодвинулась.

— Значит, вы хотите, чтобы я помог разобраться с этим заговором и сохранить власть в руках вашей ветви?

— Не играй со мной в формулировки, Деррен. Просто будь на моей стороне.

Я рассмеялся.

— Вы умеете загадывать желания... Да будет так. Я всегда буду на вашей стороне. Но попрошу за это плату.

— Которая будет?..

Я протянул руку, не глядя, во тьму. Миг — и на ладони моей лежал алый фрукт, соблазнительный и прекрасный.

— Попробуйте, моя госпожа, — сказал я. — Одного зерна будет достаточно.

** историю Иэ и Деррена вы можете прочесть в книге "Очень эльфийский подарок"*

Интерлюдия 4. Лепестки, поезда и зеркала

Алиссия Майлифф

*

“А я быстрее, а я тебя обогнала!”

“Я поддавался”

“Ха! Шкодник! Врёшь ведь и не краснеешь!”

“Драконы не краснеют. И принцы тоже!”

“М-м. То есть вчера ночью это мне привиделось?..”

“Я намерен всё отрицать”

“Твоя любимая фраза”

“Одна из”

Мы переглянулись и зафыркали, привычно переплетаясь хвостами. Поезд, радостно сияя огнями, мчался прочь. Из окон нам махали люди, и я приветливо посверкала им своими радужными гребнями.

Это была одна из многих вещей, к которой я никак не могла привыкнуть: меня считали красивой. Люди любили меня...

То есть, *настоящую* меня.

Причём, как бы дико это ни прозвучало, сотрудникам отдела по связям с общественностью даже не пришлось прилагать к этому особенных усилий.

Всё началось с той страшно-радостной ночи, когда родился Лис. Тогда человеческая стража, прибывшая на место, под шумок успела сделать снимки того, как Или прикрывает нас с Лисом крыльями, как мы трёмся мордами друг о друга... Можно догадаться, что снимки эти на следующий день были проданы в газеты. Конечно, незадачливого продавца потом уволили из стражи, но он не сильно страдал: на ту сумму, которую ему заплатили журналисты, можно было обеспечить даже внуков.

Когда изображения оказались на первых полосах, мы ожидали худшего. А уж учитывая тот факт, что журналисты докопались до моей песни о “прекрасном принце” и биографии певицы...

Мне казалось, это катастрофа. Но порой общественное мнение бывает непредсказуемым.

Нашу “драконью семью” сочли очень красивой. Ранее изображения драконов (и тем более драконят) никогда не публиковались в прессе, да и селенити тоже таким вниманием не баловали. И тут люди увидели нас с совершенно другой стороны: влюблёнными, уязвимыми, испуганными, готовыми защищать...

И им это очень понравилось.

Шкатулки с моими песнями раскупали у Бэна, как горячие пирожки. Изображением моего змеино-го облика украшали всякую утварь. На улицах говорили, что новая принцесса, цитирую: “... наша, простая девчонка. Немного змея, но с кем не бывает. В наши дни это не такая проблема! Видали зато, какой дитёнок красивый получился?”

Или ещё вариант, для иных кругов: “Какое милое семейство! Как приятно и необычно видеть драконов с такой стороны!”

И всё в таком роде. Да, были и негативные мнения, причём как в Тавельни, так и в Империи. Но в целом, совершенно внезапно для себя, я стала одной из самых популярных принцесс.

Как минимум, среди простых людей.

Странно вышло и с поездами.

Когда наш с Или медовый месяц (плавно переросший в не менее медовый год) только начался, у нас было мало времени на полёты. И не только из-за тех приятных занятий, о которых можно было бы подумать. Хотя это, конечно, тоже: мы дорвались друг до друга и были весьма... хм... увлечены.

Но ещё нам нужно было обустроить новую жизнь. И быть молодыми родителями. И да, решать вопросы с нашими собственными родителями. И с моим обучением (потому что, разумеется, принцесса обязана быть образованной). И ещё много, много чего ещё...

К поездам мы вернулись после того, как ушла госпожа Биланна.

Это был странный день, сложный и красивый одновременно. Старшая фаворитка сказала, что не потерпит слёз и грустных лиц; мол, она прожила отличную жизнь, до самой последней секунды оставалась собой. Её время пришло. Так бывает, и грустить тут не о чем.

А вот семейный праздник закатить стоит.

Такая уж личность.

Император с Императрицей, а также Иэ прибыли в имение за неделю до того, бросив все дела в столице (в том числе заговорщиков) на господина Кио. Так что Биланна провела с ними ночь, потом поиграла с Лисом, посплетничала с тётёй Ленной (вот уж у кого сложились отличные отношения), позаботилась об организационных моментах. Когда настал вечер, она устроила замечательный банкет только для своих. И предупредила, что не потерпит грусти.

Сначала мы думали, что ничего из этого не выйдет. Но потом Лис разломал праздничный торт, и мы ловили его, перепачканного в креме, и мы с Или пели дуэтом, и потом мы все пели, даже Император... Но всё равно мы ревели, как белуги, когда пришло время запускать фонари в честь госпожи Биланны.

По крайней мере, я рыдала, наблюдая, как бумажный фонарь уносит вдаль ветром.

И Или тоже.

Сколько бы он ни притворялся холодным и насмешливым, я лучше прочих знаю, как много в его сердце чувств.

Той ночью к госпоже Биланне пришла Мора и увела с собой. Всё, что осталось нам — лепестки цветов.

И память о женщине, прожившей неоднозначную, но достойную жизнь.

*

Так или иначе, но после того случая Или долго не мог отойти. Он отдалился даже от меня. И даже попытался снова спрятаться за маской “очень прекрасного принца”. Как будто я не вижу, что под ней!

Это была неоднозначная ситуация, так что мне пришлось пойти на крайние меры. В общем...

Я его укусила.

Не сильно, не думайте! Так, за кончик хвоста. И опять же, он сам обещал меня покусать, помнится. Так почему же мне нельзя?..

Тогда мы устроили первую игру в догонялки. Летели в ночном небе, он за мной (с “ужасной” угрозой укусить в ответ), ну а я от него, по мере актёрских способностей изображая испуг.

И там, в синей, полной звёзд и облаков высоте, его немного отпустило. Он ничего не сказал, но я почувствовала, что Или будет в порядке. Если не сейчас, то потом точно.

Со временем полёты стали семейной традицией... А ещё чуть позже мы обнаружили, что эта конкретная железнодорожная ветка, ведущая к не особенно популярному ранее курортному городу, стала одной из самых дорогих и востребованных... Потому что над ней можно увидеть нас с Или.

Сначала служба безопасности, узрев такое дело, сказала свое веское “запретить”. Но потом, обдумав ещё раз детали (в частности, положительный резонанс в прессе и тот факт, что я, поглощая энергию этих людей, чувствовала себя ещё лучше), они всё же решили оставить всё, как есть.

Хорошо. Для меня теперь стали запретны многие вещи (вроде публичного пения, выступлений на сцене и ещё огромного количества вещей, которые не положены прекрасной принцессе). Так что поезда стали приятной отдушиной.

“Домой?”

“Полетели! А то, боюсь, Лис там уже замучил бедную бабушку”

“Не надо! Тётя Ленна любит его!”

“Она за ним не успевает. И он научился от неё прятаться, сливаясь со стенами. И залазить в зеркала”

“Шкодник, что уж там. И в кого бы...”

“Понятия не имею!”

*

До спальни мы добрались намного позже.

Или нужно было заняться перепиской, связаться с родственниками и побратимами. Учитывая политические обстоятельства, это занимало много времени.

Меня же ждала учёба.

Я уже успела этим утром встретиться с преподавателями истории, политологии, интриг, философии, риторики и этикета. Но теперь мне предстоял удалённый урок с профессором Марджаной Лофф, которая, как и обещала, обучала меня примитивной магии.

Я сделала упор на зеркальное искусство. Не только из-за того, что так посоветовала Марджана, но и ради Лиса.

Когда мой сын впервые провалился в зеркало, я чуть с ума не сошла от страха. Когда он впервые скопировал чужое обличье, его искали всем особняком (и Лис в облике слуги весело присоединился к поискам). Когда он начал отражать магию, нам пришлось признать:

наш сын, к добру или к худу, — первый зеркальный дракон этого мира. И я, как мать, стала учиться зеркальному искусству не только для себя, но и для него. Шутки шутками, а зазеркалье — крайне опасное место...

Если его можно назвать “местом”, конечно.

Таким образом, мы с Или были загружены по самую макушку. Но всё же, закончив дела, оба спешно отправились к Лису. Конечно, с ним были тётя Ленна и несколько нянек, но уложить его спать (как и уговорить принять человеческий облик перед сном) — это была исключительно наша обязанность.

И Лис, лишённый родительского внимания днём, развлекался, как мог.

Но полтора часа прыжков, песен, уговоров и капризов спустя Шкодник-номер-два всё же принял человеческий облик и уснул в своей окружённой защитными чарами кроватке. Так что у нас наконец-то осталось немного времени для нас двоих.

И это было к лучшему, потому что друг друга нам всегда мало.

Мало поцелуев, объятий, прикосновений, дыхания, лаской оседающего на коже, энергии, циркулирующей между нами в гармоничном потоке... Всего мало.

Слишком долго мы тосковали друг без друга...

— Завтра большой день, — шепнул Или, когда мы лежали, обнявшись, под музыку ветра, водопадов и цикад. — Волнуешься?

— Немного, — вздохнула я. — Возвращение в столицу, открытие нового Храма Лесного Царя, торжественная церемония, возвращение тебе титула... Это как экзамен, знаешь? Или выступление перед очень притязательной, проблемной аудиторией, от которой зависит всё.

— Ты справишься, — он чуть грустно улыбнулся и прикоснулся губами к моим пальцам. — Ты — идеальная принцесса. И делаешь очень много. Учителя довольны твоими успехами, люди любят тебя, но я всё равно сожалею.

Не поняла.

— Сожалеешь? Знаешь, если бы не ментальная связь, то я бы, пожалуй, обиделась.

Или тихо фыркнул.

— Да брось, ты ведь прекрасно знаешь, что я обожаю тебя. Но могу сказать ещё раз, если надо! И на практике доказать тоже... Правда, я другое имел в виду. Просто знаешь, я сожалею, что тебе приходится работать так много. Вместо того, чтобы отдыхать, как нормальная драконья пара.

— Или, — я с улыбкой взяла его лицо в ладони, — невозможно всю жизнь отдыхать. Помнишь, твоя мать позвала меня на совместное чаепитие? Ты ещё порывался пойти со мной и мужественно меня от неё спасти?

— Да, потому что моя мама порой бывает...

— Кем? Женщиной, несущей на себе тяжёлую ношу? Громоотводом вашей семьи? Злым следователем? Да, всё так. Но на самом деле мы с ней, как ты знаешь, разошлись если не друзьями, то союзницами. И она много чего мне рассказала, в том числе о прошлом Империи. И пути, который ей довелось пройти. Она сделала это не для того, чтобы меня напугать, хотя так и могло показаться. На самом деле, она просто хотела объяснить мне, что значит быть парой драконьего Императора. И как много судеб зависит от этого.

— То есть, надавить долгом. Как будто тебе и так мало давления.

— Или... Давай честно. Я живу рядом с любимым мужчиной, своей парой. У меня есть всё самое лучшее, всегда. Люди любят меня. Мою семью фактически заставили переехать в Империю, да. Но тут у них есть несколько особняков, охрана, водители, лучшие лекари. Вилни работает в личной гвардии Императора, нашёл себе замечательную девушку, дочь местного промышленника. Дело идёт к помолвке. Мой папа счастлив, потому что его нижайше попросили организовать факультет музыкальной магии. И всё это дело профинансировали. У моего дяди процветает дело. Тётю называют “госпожой” и уважают и люди, и оборотни. Так скажи мне: разве может такое прийти без платы?

— Лисси, это всего лишь нормальное положение вещей...

— Для тебя. Но для меня — нет. И я советую тебе всегда помнить, Или: то, что для тебя — дело обычное, может в итоге оказаться целым миром для другого.

— Особняк, да... Ты послана мне, чтобы сбивать с меня спесь?

— И это тоже. Но, возвращаясь ко всему, сказанному выше: я рада учиться, милый. Рада трудиться, чтобы приносить счастье себе и

близким. Потому что то, что достаётся даром... в общем, я предпочту всего в своей жизни добиться. Не просто играть роль, но и соответствовать ей. Так что я ни о чём не жалею. И тебе не советую. Лучше поцелуй меня, хорошо?

— Эту просьбу я всегда выполняю с удовольствием!..

Интерлюдия 5, очень краткая. Разговор на крыше

Бонифаций, пока-ещё-просто-кот

*

— Отлично смотрятся, — сказал я. — Даже горжусь.

— Да, — вздохнул Олуш. — Аж на слёзы пробивает. Я ведь этого паршивца совсем махоньким помню! А теперь смотри, у него есть свой паршивец. Ох уж эта жизнь...

— Да, — протянул я, — это точно...

Кортеж принца и принцессы медленно полз по улицам. Я наблюдал, как они машут руками и улыбаются толпе. Ну разве я не молодец, разве не умница?

А ведь это только начало. Одна работа, одна работа! Некогда даже молочка попить. Интересно, хоть одному перевёртышу за всю историю мира перепала настолько же трудная задачка? Эх, лапки вы мои, лапки...

— О, глянь: змеи за ними летят! — заметил Олуш. — Вот ведь...

— Да, их пригласили поучаствовать, — зевнул я. — Полёт змей, как ни крути — зрелище красивое.

— Я помню времена, когда этих вампиров жгли на площадях, — буркнул Олуш.

Пф.

— А я помню времена, когда драконы были жестокими психами. И не только они, кстати. Мне напомнить некоторые фоморьи культы? И человеческие традиции?.. Времена меняются, и это к лучшему. Правда, я бы предпочёл, чтобы менялись они сами по себе, без моей помощи. А я сидел бы в сторонке, как типичный маленький кот, и снимал сливки... Но нетушки мне. Пахать надо. Пахать! Жизнь такая.

Олуш недовольно покосился на меня сразу тремя глазами.

— Ты мне ещё напомни про сливки, вор пушистый.

Я надулся.

— Вот можно подумать, тебе жалко.

— Из-за тебя, придурка, мне нечего было добавить Императрице в утренний кофе!

— Ну подумаешь...

— В следующий раз будешь сам ей всё объяснять. Вот тогда я на тебя посмотрю, умник!

Уй, вот этого не надо. Императрица у нас — кошка большая. Её милыми глазками не возьмёшь...

— Ну ладно тебе, Олуш, — замурлыкал я. — Больше не буду!

— То-то.

— Не будь злопамятным! Расскажи лучше, чем дело с судом между Ртутными и Радужными кончилось. А то как-то затихло всё, в газетках ничего не пишут... а ты у нас дух очага, наверняка ведь слышал.

— Да чем кончилось, — вздохнул Олуш, — мировую подписали. Спорные наследники отошли Ртутным, а спорные острова — Радужным.

— Ничего себе! Те самые острова, из-за которых кланы уже тысячелетие грызутся? — поразился я. — Слышал такое, но не думал, что Ртутные их отдадут.

— Ага, никто не думал. Но господину Киду, видать, родные наследники желаннее островов. И его, зная обстоятельства, понять можно. Всего богатства не заработаешь, всех островов не завоюешь. Надо уметь расставлять приоритеты.

— И то верно...

Я обернул хвост вокруг лап и снова посмотрел на принца с принцессой. А ещё — на первого дракона этого мира, Лиса, который однажды сможет подписать договор за *тем самым* столом.

Первый есть. Осталось собрать ещё троих. И все на мне!

Эх, лапки мои лапки... ну до чего же сложная работа!

Конец